

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1959

Редакционная коллегия:

{ проф. *В. И. Авдеев*
чл.-корр. АН СССР *С. В. Киселев* (глав-
ный редактор)
к. и. н. *Н. М. Постовская*
к. и. н. *О. И. Савостьянова*
акад. *В. В. Струве*
к. и. н. *З. В. Удальцова*
проф. *С. Л. Утченко* (зам. гл. редактора)
к. и. н. *Г. Г. Дилигенский* (отв. секретарь)

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, Институт истории АН СССР
Телефон Б 8-81-42

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Т- 04872 Подписано к печ. 29.V-1959 г. Формат бумаги 70×108^{1/16} Бум. л. 7^{3/4}
Печ. л. 21,2 Уч.-изд. листов 23,8 Заказ 1466 Тираж 2450 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ**



2 (68)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1959



Акад. В. В. Струве

ТЕРМИН GÁNA-GA И ПРОБЛЕМА ЗАРОЖДЕНИЯ ЧАСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ШУМЕРЕ

Основным условием, содействующим удалению препятствий, стоящих перед исследователем на тернистом пути изучения шумерийских исторических текстов, является отказ от одностороннего их изучения и четкое осознание необходимости многогранного, т. е. историко-филологического, их изучения в самом подлинном смысле этого слова. Убедительнейшим аргументом в пользу необходимости применения подлинной историко-филологической методики при интерпретации шумерийского текста являются три ошибочных толкования, предложенные в нашей советской специальной литературе по отношению к одному и тому же шумерийскому термину, от правильного понимания которого зависит до некоторой степени решение одной из центральных проблем истории развития шумерийского общества.

Я имею в виду термин *gána-ga*, встречающийся в тождественных надписях конусов В (VII, 18 и 23) и С (VII, 6) Урукагины, а также восстанавливаемый некоторыми исследователями в разрушенном начале второго столбца так называемой Овальной пластинки¹, приписываемой Урукагине², хотя имени последнего на ней не сохранилось. Выражение *gána-ga* упоминает и надпись на статуе I Гудеи и тождественная с ней надпись на статуе Р названного правителя Лагаша³. Кроме того, мы находим термин *gána-ga* в ряде документов хозяйственной отчетности архива храма богини Баба времени Лугаланды и Урукагины, а также в документах хозяйственной отчетности, открытых в Уре. Последняя группа памятников еще не была во всей своей совокупности предметом исследования в связи с термином *gána-ga* (см. ниже).

¹ E. Sollberger, *Le système verbal dans les inscriptions «royales» présargoniques de Lagaš*, Genève, 1952, стр. 73, прим. 4. Швейцарский шумеролог ввел в восстановление указанной лакуны надписи Овальной пластинки весь контекст, упоминающий два раза термин *gán(a)-ga* в надписи конуса В (VII, 17—25) resp. конуса С (VI, 37—VII, 8). M. Lambert, *Les «réformes d'Urukagina»*, RAss, L, 1956, стр. 174, включает в свое восстановление лакуны лишь вторую часть контекста надписи конусов В и С.

² Этот факт подчеркнул S. N. Kramer, *Sumerian Historiography*, «Israel Exploration Journal», III, 1953, стр. 217 сл., прим. 28. Таким образом, все исследователи исторических надписей Урукагины обязаны аргументировать включение в их число и текста Овальной пластинки.

³ Статуя Р Гудеи и ее надпись были изданы V. Scheil, RAss, XXVII (1930), стр. 163—164, табл. 3—4. Издатель не дал перевода надписи, вполне тождественной, как я уже сказал, с надписью статуи I, очевидно, до конца соглашаясь с переводом, данным Тьюр-Данженом.

Для решения данной задачи свидетельства указанных строк надписи на конусах В и С Урукагины были впервые использованы великим французским шумерологом Ф. Тюро-Данженом. Уже в 1905 г. он дал интерпретацию соответствующих строк надписи Урукагины в своем французском издании транскрипций и переводов шумерийских и аккадских царских надписей⁴ и снова повторил ее в 1907 г. в немецком издании, в котором число транскрибированных и переведенных надписей было несколько пополнено⁵. В 1906 г. он издал надпись на указанной выше статуе I Гудеи⁶, которая, единственная из всех известных тогда статуй этого правителя, могла быть восстановлена полностью⁷. В следующем году он повторил транскрипцию и перевод этой надписи в SAKI (стр. 86—87).

Указанные строки надписи конусов В и С Урукагины и надписи статуи I Гудеи Тюро-Данжен транскрибировал и перевел следующим образом: ¹⁷šub lugal-ge ¹⁸sag gan-ga-na-ka ¹⁹pú-ni ni-dū ²⁰igi-nu-du ²¹ba-KU ^{22a}-MUS-DU ²³gan-ga gál-la-a ²⁴igi-nu-du ²⁵ba-KU (SAKI, VII, 17—25) «¹⁷Если подданный царя¹⁸ на вершине своего высоколежащего поля ¹⁹строил свой колодец, ^{20, 21} то жил *иги-ну-ду* (при нем); ²² (у)... . . . воды, ²³которая на высоком поле была, ^{24, 25} жил *иги-ну-ду*».

Свою интерпретацию термина gan-ga в качестве «высоколежащего поля» Тюро-Данжен аргументировал путем сопоставления слова га не с «молоком», а в переносном смысле с melon, гесп. с татма, переводя буквально в примечаниях к своему тексту gan-ga в качестве «поля-mamelon» (ISA, стр. 80, прим. 6), гесп. «татма-поля» (SAKI, стр. 50, прим. а). Кроме того, Тюро-Данжен подкреплял свою интерпретацию выражения gan-ga еще и ссылкой на начало надписи на статуе I Гудеи (там же), полагая, что gan-ga и в надписи Урукагины, и в надписи Гудеи имеет тот же самый смысл⁸. В самом деле, интерпретация последней, предложенная Тюро-Данженом, подтверждает данные его предположения: I. ¹ud ²dingir-nin-gir-su ³ur-sag kal-ga⁹ ⁴dingiren-lil-lá-ge ⁵dingir-nin-giš-zi-da-⁶dumu ⁷dingir-nin-a-zu ⁸ki-ág dingir-ri-ne-ra ⁹uru-a ki-úr ¹⁰mu-na-ni-gar-a II. ¹gan-ga gan-id ²mu-na-ni-gar-a «I. ¹Когда Нин-гир-су, ²сильный воин ³Энлила, ⁴Нингитшида, ⁵сыну Ниназу, ⁶любимому богами, ⁷в городе основание ¹⁰ передал, II. ¹холмы ¹¹ и долины ¹² передал».

Перевод, предложенный Тюро-Данженом для строк 17—25 VII столбца конуса В, был в 1920 г. несколько пополнен А. Деймелем в его исследовании, посвященном надписям, излагавшим реформы Урукагины¹³: «¹⁷Если „шублугал“ (земледелец) ¹⁸себе наверху у (своего подлежащего орошению) поля (?), ¹⁹свой колодец сооружал, ^{20, 21} отбирал *иги-ну-ду* (-садовник для садов чатеси воду); ²²если он себе змеино-извилистый (ров) воды ²³на (подлежащем орошению) поле (?) сооружал, ²⁵ отбирал ²⁴ *иги-ну-ду* (и там воду)».

⁴ F. Thureau-Dangin, Les inscriptions de Sumer et d'Akkad, P., 1905 (далее: ISA), стр. 80 и 81, VII, 17—25.

⁵ F. Thureau-Dangin, Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, Lpz, 1907 (далее: SAKI), стр. 48—50 и 49—51, VII, 17—25.

⁶ RAss, VI (1907), стр. 23—25.

⁷ L. Heuzey, Une statue complète de Goudea, RAss, VI (1907), стр. 18 сл. и табл. 1.

⁸ RAss, VI, стр. 25, прим. 4.

⁹ Там же, стр. 24, прим. 1. Тюро-Данжен указывает, что для этого знака «чтение kalag засвидетельствовано в IV R, 13, 36b, (kal-la-gi)». Это свидетельство, как будет показано ниже, имеет большое значение для моего исследования.

¹⁰ Т. е. основу, фундамент для построенной (RAss, VI, стр. 25, прим. 3).

¹¹ «Mamelon» (RAss, VI, стр. 25) и «Hügel» (SAKI, стр. 87).

¹² См. RAss, VI, стр. 25, прим. 5: «„Поля id“; id обозначает „реку“, „канал“; речь идет о полях орошаемых (в противоположность полям „ga“, „mamelons“»).

¹³ A. Deimel, Die Reformtexte Urukagina's, Or. (I ser.), 2, стр. 8.

Мы видим, что Деймель по существу принял интерпретацию Тьюро-Данжена, включив в нее попытку истолкования выражения a-MUS-DU как «змеино-извилистый (ров) воды». Правда, в одном пункте он не соглашался тогда с интерпретацией Тьюро-Данжена, а именно с истолкованием термина gán-ga как «тапта-поля», resp. «холма-поля». Дело в том, что в таком случае, как он указывал в своем комментарии к цитированному выше переводу, «нельзя было бы объяснить на подобном поле наличие змеино-извилистого (рва) воды» (там же, стр. 28). Кроме этого, он указывал, что выражение sag-gán-ga-na-ka не означает «на вершине своего высоколежащего поля». Согласно его утверждению, и в данном контексте слово sag соответствует «широкой стороне, головному концу поля» в противоположность uš «длинной стороне» его¹⁴. Он предлагает определить gán-ga в противоположность gán-id в качестве поля, которое не расположено у канала и должно быть поэтому орошенным, ради чего земледелец соорудил или колодец или «змеино-извилистый» (ров) воды¹⁵. Для своего определения gán-ga Деймель находил подкрепление в свидетельстве надписи статуи I Гудеи. Что же касается филологического объяснения термина gán-ga, то Деймель затруднялся его давать, предполагая лишь, что га является какой-то сокращенной и фонетически читаемой формой¹⁶.

Таковы те материалы о термине gán(a)-ga, которые были в моем распоряжении, когда я в 1933 г., еще специально не занимаясь этими источниками, использовал их в моих работах по общим проблемам истории древневосточных обществ. Основываясь тогда на интерпретации термина gán(a)-ga, предложенной Тьюро-Данженом и Деймелем, я полагал, что частное землевладение в обществах с экономикой, покоящейся на ирригационной системе, стало развиваться на территории, которая была недоступна естественному орошению водами реки и каналов. Поскольку «шублугал», наверху, на своем искусственно орошаемом поле соорудил для орошения колодезь или же «соорудил змеинообразный ров на своем искусственно орошаемом поле»¹⁷, то характер владения «шублугалом» этим полем был, конечно, иным, нежели владения естественно орошаемым полем. Труд, затраченный «шублугалом» на сооружение колодца и «змеинообразного» рва на gán(a)-ga, превращал владение последнего в нечто близкое частному землевладению.

Подобную точку зрения на возникновение частного землевладения в Шумере, экономика которого покоилась на ирригационном земледелии, я проводил и в моих последующих работах, будучи уверен в закономерности интерпретации, данной Тьюро-Данженом и Деймелем соответствующим строкам указанных выше надписей Урукагины и Гудеи¹⁸. Об иной

¹⁴ Там же и Ог. (I сер.), 4, стр. 37 сл.

¹⁵ Ог. (I сер.), 2, стр. 28, и Ог. (I сер.), 7, стр. 26.

¹⁶ Ог. (I сер.), 2, стр. 28^b, конец раздела, посвященного определению содержания термина gán-ga. Может быть, Деймель предполагал, что га являлось сокращением слова ga-ka + GA, означавшего «кормить грудью» (SL, 319, 26). В таком случае можно было рассматривать gán-ga как поле, кормящее посеянное зерно своим молоком-водой, исходящей из вырытого на нем колодца.

¹⁷ См. В. В. Струве, Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока, ИГАИМК, № 77, 1934, стр. 49.

¹⁸ Лишь тогда, когда я стал работать над разделом по истории Шумера для первого тома Всемирной Истории Изд. АН СССР, опубликованном в 1955 г., я уже был в состоянии самостоятельно приступить к интерпретации привлекаемых мной исторических шумерийских текстов, не подчиняясь авторитету крупных шумерологов, изучавших данные источники. До этого я мог самостоятельно переводить лишь документы хозяйственной отчетности архивов шумерийских храмов и государственных учреждений, поскольку словарный запас подобных документов небогат и построение их несложно. Невозможность создания на основании документов хозяйственной отчетности истории шумерийского общества и заставила меня расширить и углубить свои знания в области шумерологии. Конечно, в тексте Всемирной Истории, лишенном аппарата,

интерпретации надписи на статуе I Гудеи я узнал лишь тогда, когда стал специально заниматься не только шумерийскими документами хозяйственной отчетности¹⁹, но также и другими шумерийскими текстами. Проработавшая с этой целью грамматику А. Пибеля, опубликованную в 1923 г., я установил, что автор предложил в ней интерпретацию начала надписи на статуе I Гудеи, весьма значительно отличавшуюся от интерпретации, предложенной Ф. Тюр-Данженом в 1906 г. Пибель привел указанный текст в качестве иллюстрации для обычного порядка следования частей шумерийского распространенного предложения. Существенные для настоящего исследования строки указанной надписи (I, 7—II, 2) он перевел следующим образом: «В городе землю и основу он передал, вне города (gáng-a)²⁰ поля и каналы он ему передал»²¹. К такому пониманию текста, столь резко отличавшемуся от интерпретации Тюр-Данжена, А. Пибель пришел, надо полагать, в результате определения конечного *n* в слове *gan* в качестве нунированного *g* — звука *ng*. Такое предположение подтверждает разделение Пибелем термина *gán-ga* в надписи Гудеи на *gang-a*. Тем самым он мог осознать термин *gan-ga* как выражение «в поле» и перевести «*draussen*», т. е. «вне (города)». Тогда, в 1923 г., отождествление конечного *n* в слове *gan* «поле» с нунированным *g* было возможно; оно было тем более возможно для А. Пибеля, которому принадлежит заслуга указания на наличие нунированного *g* в шумерийском языке²².

Но уже в начале пятидесятых годов от этого предположения следовало бы, пожалуй, отказаться²³. Тем не менее И. М. Дьяконов в 1951 г. вернулся к чтению слова *gán*, предложенному А. Пибелем в 1923 г., превратив тем самым *ga* в *gán-ga* из самостоятельного слова, обозначавшего категорию полей, в грамматический формант. И. М. Дьяконов, отрицающий возможность зарождения частного землевладения в определенных топографических условиях, должен был со всей настойчивостью оспаривать допустимость интерпретации термина *gán-ga* Тюр-Данженом и Деймелем, согласно которой *ga*, как мы выше видели, являлось самостоятельным словом, обозначавшим особую категорию полей. История упорной и ожесточенной борьбы И. М. Дьяконова с «самостоятельностью» *ga* может быть разделена на три стадии. Первая стадия начиналась в 1951 г., когда он в своей работе «Реформы Урукагины в Лагаше» вернулся при интерпретации термина *gán-ga*, как я уже выше сказал, к чтению слова *gán*, предложенному в 1923 г. Пибелем²⁴. И. М. Дьяконов тогда в своем комментарии к интерпретации 17—19 строк VII столбца надписи конусов В, С Урукагины категорически заявил, что «объяснение *gán-ga* как „поля (*gán*) женской груди“ (? -*ga*, собственно, „молоко“, а не „грудь“), т. е. „холмистого поля“, принадлежащее Тюр-Данжену и принятое Деймелем и акад. В. В. Струве, неверно» (ДРУЛ, стр. 23, прим. 7). Он определил *gán-ga*, опираясь, очевидно, на указанное предположение Пибеля, в качестве местного падежа от *gán(g)* (там же).

Борьба И. М. Дьяконова с «самостоятельностью» *ga* в сложном слове

я мог дать результаты моих исследований над шумерийскими историческими надписями лишь догматически, без обоснования их обстоятельной аргументацией.

¹⁹ Я считаю своим долгом указать на большую помощь, которую оказало мне тогда при чтении шумерийских документов хозяйственной отчетности первое издание «Sumerische Grammatik der archaischen Texte» (Roma, 1924) А. Деймеля.

²⁰ Пибель перевел *gáng-a*, т. е. «в поле» словом «*draussen*», т. е. «вне (города)».

²¹ A. P o e b e l, Grundzüge der Sumerischen Grammatik (далее: PGSG), Rostock, 1923, § 107 (стр. 39—40).

²² PGSG, 32 (стр. 17). Увлечшись этим вполне правильным наблюдением, Пибель мог найти это явление и там, где оно не имеет места.

²³ Ниже я остановлюсь на тех моментах, которые препятствуют отождествлению конечного *n* слова *gán* с нунированным *g*.

²⁴ ВДИ, 1951, № 1, стр. 15 сл. (далее: ДРУЛ).

gán-ga вступила в свою вторую стадию после того, как он познакомился с исследованием Р. Жестена (1949 г.), посвященным специально изучению нунированного g (RAss, XLIII, стр. 40 сл.), и с дополнениями к нему, опубликованными в 1950 г. (RAss, XLIV, стр. 73). Установив, что в тщательном исследовании французского шумеролога слово gán «поле» не устанавливается среди слов с конечным нунированным g, и заметив также, что ga не может, казалось бы, выступать формантом слова с конечным нунированным g²⁵, И. М. Дьяконов вынужден был искать новый путь для эффективного наступления на самостоятельность ga. Новый путь для интерпретации gán-ga он нашел в предположении, что знак gán, которым писалось в шумерийской клинописи слово «поле», надлежит читать ganag, ибо при таком предположении следующее за ним ga могло быть без затруднения объявлено грамматическим формантом. На этот путь интерпретации gán-ga И. М. Дьяконов вступил в своей работе, опубликованной в «Revue d'assyriologie» (LII, 1958, стр. 1 сл.; далее: DSR), «Some Remarks on the „Reforms“ of Urukagina». В этой работе автор, останавливаясь на интерпретации gán-ga в 18 и 22 строках VII столбца конуса В Урукагины, высказывает предположение, ничем здесь не подкрепленное, что «более древняя форма слова gán „поле“ было, вероятно, gánag» (DSR, стр. 8). Очевидно, автор сознавал, что такое необоснованное предположение не может служить убедительной интерпретацией столь важного термина, и поэтому он не был в состоянии еще отказаться от привлечения интерпретации, предложенной А. Пибелем, несмотря на исследование Р. Жестена. Пренебрегая результатами работы последнего, И. М. Дьяконов решается высказать в связи с допущением наличия более древней формы для слова gán в виде gánag и предположение, что «чтение gág является также возможным; передача силлаба gá через знак ga вместо gá не совсем лишена параллелей»²⁶.

Надо полагать, что новое изучение материалов, собранных Р. Жестеном по вопросу о нунированном g в шумерийском языке, обусловило для И. М. Дьяконова вступление в новую, третью, стадию борьбы против самостоятельности ga. Эта третья стадия нашла свое отражение в статье с несколько претенциозным названием «О работе с шумерскими историческими источниками» (ВДИ, 1958, № 2, стр. 48 сл. Далее: ДРШИ). В данной работе И. М. Дьяконов отказался от «дуалистической» интерпретации термина gán-ga, окончательно отвергнув свое предположение 1951 года, что конечное n в слове gán «поле» является нунированным g: «Нами высказывалось предположение, что знак gán, подобно знакам un, kin, ĥun и т. д., имел на конце звук ġ. Отдельные случаи написания слога gá знаком ga (вместо обычного gá) известны: однако gána-ga никогда не пишется со знаком gá, поэтому такое объяснение маловероятно» (ДРШИ, стр. 56, прим. 40). В самом деле, во всех без исключения известных нам довольно многочисленных случаях упоминания термина gán-ga в шумерийских текстах как в исторических надписях, так и в документах хозяйственной отчетности, вторая часть этого сложного слова обозначается через ga₁, а не через ga₂, как это требовалось бы, если бы конечное n в слове gán соответствовало ġ. Поэтому приходится весьма сожалеть, что автор данной статьи, опубликованной у нас в середине 1958 г., высказал в другой статье, напечатанной в начале

²⁵ Если бы ga являлось действительно формантом в сложном слове gán-ga, в котором gán заканчивалось бы на нунированное g, то оно должно бы было обычно писаться не знаком ga₁, а знаком ga₂.

²⁶ DSR, стр. 8, прим. 7. Это примечание связано с высказанным в тексте статьи и приведенным выше предположением о более древней форме слова gán — gánag. Очевидно, автор надеялся укрепить свою интерпретацию путем сопоставления двух несубъективных аргументов, но я боюсь, что подобный утракизм лишь ослабляет позицию автора в качестве интерпретатора термина gán(a)-ga.

того же года, суждение о возможности отождествления конечного *n* в слове *gán* с \tilde{g}^{27} , суждение, которое им же самим уже через полгода было признано ошибочным.

В самом деле, и вторая попытка И. М. Дьяконова объяснить *ga* в *gán-ga* в качестве форманта покоится на ничем не доказанном утверждении, а именно на утверждении, что слово *gán* входит в число тех двух сложных слов с конечным *g*, в которых при отсутствии суффиксов может отпадать не только конечный согласный, но и предшествующий ему гласный. Приводя пример подобных слов, И. М. Дьяконов пишет: «*kal(ag)* „быть сильным“, причастная форма *kalag-a-* пишется *kal*, *kal-ga*; *uz(ug)* „гусь“, родительный падеж *uzug-a-* пишется *uz*, *uz-ga*» (ДРШИ, стр. 56, прим. 39). Он сам, очевидно, чувствует, что включение *gán* в число подобных слов не сможет быть доказано, и поэтому он, указав на существование в шумерийском языке подобных слов, говорит лишь о возможности соответствующего предположения: «Подобный же случай можно предположить и здесь, принимая, что форма *gán* < *gán(a)* < *gá-na(g)*, родительный падеж *gánag-a(k)*, локативный падеж *gánag-a*; обе последние формы должны в этом случае в обычной транскрипции выглядеть как *gán-ga* или *gána-ga*» (ДРШИ, стр. 56).

Правда, высказывая данное предположение, автор тем не менее считал, что использование его при интерпретации *gán-ga* может служить поправкой к той интерпретации *gán-ga*, которую предложил в свое время Тюр-Данжен²⁸. Я должен высказать сильное сомнение в том, чтобы допустимо было при помощи предположения внести поправку в какое-либо научное построение; ведь предположение — это лишь «предварительное суждение, догадка о чем-нибудь, не подтвержденная прочными доказательствами мысль о чем-нибудь»²⁹.

Вместе с тем я имею основание сомневаться в допустимости даже предположения о возможном включении слова *gán* в число двухсложных слов с конечной фонемой *g*, как, например, *kal(ag)* и *uz(ug)*, приведенных, как я указал, И. М. Дьяконовым в качестве образцов подобных слов. Дело в том, что мы не имеем никаких объективных указаний на то, что слово *gán(a)* читалось бы как *gánag*. Ссылка же на *ga* в сложном слове *gán(a)-ga* не может быть в данном случае признана действенным аргументом, поскольку это *ga* и является предметом спора между двумя различными толкованиями, из которых одно определяет его как самостоятельное слово, а второе как формант. Поэтому привлечение его для аргументации в пользу включения *gán* в число слов, подобных *kal(ag)* и *uz(ug)*, соответствовало бы логической ошибке, называемой *petitio principii*³⁰. Как я уже сказал, мы не располагаем какими-либо убедительными аргументами в пользу того, чтобы слово *gán* следовало читать *gánag*, используя постулируемую аналогию со словами *uz(ug)* или *kal(ag)*. Дело в том, что подобной аналогии между последними и словом *gán* установить нельзя, поскольку и для *uz* и для *ka* имеются написания, включающие слог *ga*, который никоим образом не может быть истолкован в качестве самостоятельного слова.

²⁷ Оно покоится на его предположении, высказанном в ДРУЛ, стр. 23, прим. 7.

²⁸ См. сказанное по этому поводу в ДРШИ, стр. 56: «Со внесением в перевод указанной поправки мы можем проанализировать выражение *gána-ga* во втором случае у Урукагины и в надписи Гудеи как локативный падеж на *-a* от слова *gána(g)* „поле“, а выражение *sag-gána-ga-na-ka* как *sag-gána(g-an(i)-ak-a*, дословно „в голове его поля“, причем слово „поле“ в данных случаях не имеет никакого определения».

²⁹ См. Д. Н. Ушаков, Толковый словарь, т. III, стр. 731, с. в. «предположение».

³⁰ Ниже я надеюсь при анализе документов хозяйственной отчетности, упоминающих термин *gána-ga*, привести убедительные аргументы в пользу определения *ga* как самостоятельного слова.

Так, слово *uz* «гусь», означавшее в идеографическом написании «зерно-птица»³¹, встречается в связи со слогом *ga* в следующем контексте в одной из надписей Гудеи: *uz-ga-ku₃-gi eš₃ nu-gá-gá* «гуси священны³² святилища³³ воздвигли»³⁴.

Очевидно, *ga* в данном случае не может быть самостоятельным словом и входит в состав расширенного написания слова *uz*, читаемого в данном контексте *uz(ug)-ga*. Не может оно быть самостоятельным словом и в связи с другим упоминанием *uz* в той же самой надписи Гудеи: *é-ki-šuku-bé uz-ga eš₃ gá-gá* «У дома места кормления его (стояли) гуси (божества-хранители), святилища воздвигшие»³⁵. Мы встречаем слово *uz-ga* в многочисленных документах хозяйственной отчетности времени III династии Ура в связи со словом *é* «дом»: *é-uz-ga*. Несомненно, что в таком контексте *ga* не является самостоятельным словом, а может быть только формантом для указания на взаимосвязь родительного падежа между словами *é* «дом» и *uz(ug)*, т. е. *é-uz-ga* «дом гуся», «дом гусей». В это учреждение отдавался скот, например бараны³⁶, как и в другие учреждения³⁷.

Столь же многочисленны засвидетельствованные нами написания слова *kal(ag)* с последующим *ga*. *Kal(ag)-ga* в качестве причастия от глагола *kal(ag)* «быть сильным»³⁸ определяет имена существительные *agrig* «сановник»³⁹, *dingir* «бог»⁴⁰, *engar* «обрабатывающий землю»⁴¹, *ur-sag*⁴², *nitañ* «мужчина»⁴³ и др. Написание *kal(ag)* с конечным *g* засвидетельствовано столь же бесспорно в силлабариях в виде *kal-(ag)-ga*⁴⁴, *kal-la-gi*⁴⁵. О написании с конечным *g* других слов подобной категории, как, например, *bal(ag)* (ŠL, № 352, 3), *bar(ag)* (ŠL, № 344, 8) и т. д., свидетельствуют также силлабарии⁴⁶.

³¹ R. Labat, Manuel d'épigraphie akkadienne, P., 1952, № 372. См. также ŠL, № 372, 1.

³² Деймель (ŠL, № 372, 12) полагает, что это были божества-покровители, которые в Лагаше почитались в образе гусей.

³³ Согласно ŠL, № 128, 2с, «часть храма». Я полагаю, что мы имеем здесь множественное число, так же как и в отношении *uz-ga*, и этим я объясню наличие в предложении удвоенной глагольной формы множественностью подлежащего и дополнения. A. Falkenstein, Grammatik der Sprache Gudeas von Lagas (далее: FGSSL), II, 1950, § 98, 4 (стр. 69), объясняет наличие здесь удвоенной глагольной формы тем, что глагол отмечает действие, происходящее в настоящее время.

³⁴ Цилиндр А Гудеи, XX, 14. Затем перечисляются и другие боги, которые воздвигают различные части большого храма Нингирсу.

³⁵ Цилиндр А Гудеи, XXVIII, 9. В контексте восхваляется изобилие, царящее в различных частях большого храма Нингирсу.

³⁶ L. Legrain, Le temps des rois d'Ur, P., 1912, № 268 (стр. 70). Если в это учреждение отдавался скот, то и в этих текстах надлежит видеть в упоминаемых «гусях» какие-то божества.

³⁷ Кроме изданий, перечисляемых А. Деймелем, ŠL, № 372, 13, в связи с «домом гусей», см. еще издания N. Schneidder, Or. (I ser.) (1930), 47—48; он же, «Analecta Orientalia», 1 (1931) и 7 (1932), в которых в соответствующем указателе (указатель «домов», *é*) названы документы, упоминающие «дом гусей».

³⁸ См. ŠL, № 322, 15, где засвидетельствовано равенство *kal(ag)-ga* с аккадским *gašru* «мощный», «сильный».

³⁹ См. надпись на статуе D Гудеи, I, 13.

⁴⁰ См. Ник. 16, I, 7, где соединение двух указанных слов соответствует лично-му имени.

⁴¹ SAKI, 204, 2а, 3.

⁴² Статуя из известняка Гудеи, восстановленная из фрагментов, хранящихся в Париже и в Стамбуле, стб. 1, 2 (RAss, LI, 1957, стр. 174).

⁴³ SAKI, 196, I, 2.

⁴⁴ II R. 36, 57 с и V R. 62, 57 а. См. ŠL, № 322, 18.

⁴⁵ IV R. 13, 36^b. См. сказанное мной в примечании 9.

⁴⁶ Силлабариями же засвидетельствовано и написание конечного *g* в *šà(g)₄* «сердце», также приведенного И. М. Дьяконовым (ПШИ, стр. 56, прим. 38) в качестве слова, в котором конечный согласный не провозносится и восстанавливается при присоединении суффикса (см. ŠL, № 384, 8).

Возвращаясь снова к слову *gán*, следует указать, что оно, так же как и перечисленные выше шумерийские слова, упоминается в силлабариях и учебниках вавилонских и ассирийских писцовых школ, но постулируемое И. М. Дьяконовым написание *gánaḡ* нигде не встречается⁴⁷.

Вместе с тем следует отметить, что в силлабариях мы находим два фонетических эквивалента для клинописной графемы *gán*, означавшей «поле», один из которых соответствует *ga-an* (SL, № 165, 3), а второй *ga-na*⁴⁸. Данный эквивалент использовал Тюр-Данжен уже в 1920 г. (RAss, XX, стр. 31), а Пибель в 1923 г. для транскрипции указанного клинописного знака⁴⁹. Поскольку в силлабариях со всей бесспорностью засвидетельствован, наряду с односложным *gán*, и двухсложный вариант *gána*, то остается не совсем понятной ссылка И. М. Дьяконова в связи с предложенной им транскрипцией *gána-ga* на то, что «двухсложный вариант засвидетельствован для омонима *gan*, см. Falkenstein, GSGL, § 3, 2»⁵⁰. Действительно, излишним было ссылаться на наличие двухсложного варианта для омонима *gan*, коль скоро двухсложный вариант самого *gán* засвидетельствован таким общеизвестным источником, как силлабарий *a*⁵¹.

Тем не менее использование И. М. Дьяконовым указания немецкого шумеролога на двухсложный вариант слова *gán(a)*, омонима слова *gán(a)*, могло бы иметь для его исследования несомненную пользу, если бы он в связи с этим обратил должное внимание и на весь указанный параграф труда Фалькенштейна, посвященный перечислению тех слов, для которых засвидетельствован, наряду с односложным, и двухсложный вариант. На подобные слова с односложными и двухсложными вариантами написания первым обратил внимание Р. Шольц при изучении грамматики текстов хозяйственной отчетности архива храма богини Баба времени Урук-агины⁵². По его мнению, двухсложные варианты некоторых шумерийских слов создаются прибавлением «вторичного» гласного звука к конечному согласному первоначального состава слова. В своей работе Шольц выделяет устанавливаемые им «вторичные» гласные особым шрифтом и во всех случаях упоминания слова *gán(a)* «поля» отмечает этим способом гласный *a* после конечного *n*⁵³, т. е. причисляет *gán(a)* к словам со «вторичным гласным».

Фалькенштейн в своей грамматике языка надписей Гудеи изучил слова данной категории, встречающиеся в указанных надписях, в первом разделе своего труда, посвященном письму, в § 3, названном «Перевисающие (*überhängende*) гласные». Учитывая результаты изучения Шольцем древнешумерийских текстов, Фалькенштейн устанавливает и в надписях Гудеи некоторые неравномерности, обусловленные тем,

⁴⁷ В DSR, стр. 8, мы находим утверждение, что «более древняя форма слова *gán* „поле“ было, вероятно, *gánaḡ*», но и это утверждение не соответствует истине (см. ниже).

⁴⁸ См. силлабарий *a*, I, 67 и 68, Чикагский силлабарий (R. H a l l o s k, The Chicago Syllabary a. the Louvre Syllabary AO 7661), №№ 277 и 281 и др.

⁴⁹ PGSG, № 389, стр. 142, при транскрипции строки 15 столбца VI надписи на конусе Энтемны. Надо полагать, что Пибель, придерживаясь подобной транскрипции, отказался от того, чтобы видеть в конечном согласном слова *gán* «поле» нунированное *g*. В дальнейшем Пибель продолжал транскрибировать знак *gán* «поле» через *gána*.

⁵⁰ ДРШИ, стр. 56, прим. 40. Для удобства читателя следовало бы указать и на страницу первого тома труда Фалькенштейна, а именно на стр. 15, на которой он отмечает двухсложный вариант знака *gan*.

⁵¹ См. хотя бы в издании F. D e l i t z s c h, Assyrische Lesestücke, 5-е изд., 1912, стр. 43—49.

⁵² R. S c h o l t z, Die Struktur der sumerischen engeren Verbalpräfixe (далее: SSV) (MVAG, 39, вып. 2), 1934.

⁵³ См. транскрипцию *gán(a)* в Ник. 39 на стр. 39; DP, 566 и 558 на стр. 40; DP, 561 на стр. 41 и т. д.

что знаки, заканчивающиеся на согласные, могут служить отображением фонетического комплекса, который, в противоположность обычному значению, заканчивается на гласный; так, знак $\dot{A}G$ может обозначать и $\acute{a}g$, и $\acute{a}ga$ (FGSGL, I, § 3, стр. 12). Стало быть, Фалькенштейн делает на своем материале то же наблюдение, что и Шольц в результате изучения документов хозяйственной отчетности эпохи Урукагины. Свое исследование он завершает приведением внушительного списка, состоящего более чем из 80 слов (FGSGL, I, стр. 13—20), в которых он может установить гласные, названные Шольцем «вторичными», а им — «перевисающими»⁵⁴.

В указанный выше список слов Фалькенштейн включает, как уже было отмечено, и омоним слова $g\acute{a}n$ «поле» — gan ⁵⁵, но само слово $g\acute{a}n$ он не включил в этот список, хотя и читает его, подобно Шольцу, $gána$ ⁵⁶, утверждая, что ga в $gán(a)$ - ga и в упомянутой выше надписи на статуе I Гудеи является самостоятельным словом, а не формантом⁵⁷. Поэтому следует полагать, что Фалькенштейн не включил слово $gána$ в список лишь вследствие того, что в немногих сравнительно случаях упоминания $gán$ в надписях Гудеи он не мог установить наличия односложной формы. Таким образом, не следует противопоставлять в вопросе о фонетическом составе слова $gán$ результат исследования Фалькенштейна результату исследования Шольца.

Если же действительно надлежит включить слово $gán(a)$ в число слов со «вторичным», *resp.*, «перевисающим» гласным⁵⁸, то из этого следует, что включение его в число слов категории *kalag, uzug, dirig, nisig* и т. д. становится весьма и весьма невероятным. Действительно, исследователь, выдвигающий предположение, что слово $gán$ имеет не только «вторичный», *resp.*, «перевисающий» гласный звук, но и конечное g , обязан найти бесспорные примеры подобного окончания у слов со «вторичными», *resp.*, «перевисающими» гласными. Но уже а priori можно сказать, что такие поиски вряд ли могут увенчаться успехом, коль скоро среди восьмидесяти с лишним слов с «перевисающими» гласными, собранных Фалькенштейном, нет ни одного с конечным g ⁵⁹. Таким образом, подводя итог всему сказанному о предположении И. М. Дьяконова, что слово $gána$ «поле» восходит к форме $gána-g$, надлежит подчеркнуть, что это предположение является весьма

⁵⁴ Такое изменение Фалькенштейном терминологии, предложенной его предшественником, было обусловлено различием взглядов обоих исследователей на время возникновения этих гласных. Дело в том, что Фалькенштейн, в противоположность Шольцу, видел в них не «вторичные», а, наоборот, «первичные» явления. Он объясняет наличие односложных и двухсложных форм одного и того же слова тем обстоятельством, что «корни слов, оканчивавшиеся первоначально на гласные, затем их часто теряли, но сохраняли, наряду с усеченными формами, и формы с конечными гласными, которые могли быть выявлены в случае приставки к ним суффиксов» (FGSGL, I, 53, стр. 12). В качестве иллюстрации автор приводит написание $ki-\acute{a}g-a-ni$ «его любимец» и как $ki-\acute{a}g-a-ni$, и как $ki-\acute{a}g-gá-ni$, и как $ki-\acute{a}g-a-ni$.

⁵⁵ Оно имеет многообразное значение, см. *SL*, № 143.

⁵⁶ См. $gána-zí-bé$ «его истинное поле» (Цилиндр В Гудеи, XI, 24) в FGSGL, § 28, стр. 83, и $gána-gal-gal-e$ «большие поля» (Цилиндр В, XI, 15) в FGSGL, II, § 94, стр. 55.

⁵⁷ См. перевод надписи на статуе I, I, I—II, 3 в FGSGL, II, № 84 (стр. 9—10) и § 104 (стр. 96). Забегая вперед, указываю уже здесь на перевод Фалькенштейна, на котором я подробно остановлюсь ниже.

⁵⁸ Очевидно, И. М. Дьяконов также включает слово $gán$ в одну категорию с его омонимом gan , коль скоро он, отмечая форму $gána-ga$, указывает в прим. 40 на стр. 56 своей работы (РШИ), как уже говорилось, что «двухсложный вариант засвидетельствован для омонима gan » со ссылкой на FGSGL, § 3. Если это так, то он сам лишил какой-либо вероятности свое предположение о возможности сопоставления слова $gán$ «поля» со словами группы *kalag, uzug, nisig, dirig, usig* и т. д.

⁵⁹ Следует предупредить читателя этого списка (FGSGL, § 3, стр. 13 сл.), что упомянутое здесь слово *BAL* = *bala* ничего общего не имеет со словом *balag*, ибо первое соответствует написанию, отмеченному в *SL*, № 9, а второе — написанию знака, анализированного в *SL*, № 352.

и весьма невероятным и мы не располагаем для его подтверждения никакими прочными доказательствами.

Я полагаю, что и автор предположения о наличии варианта *gánap* для слова *gán* сам чувствовал всю шаткость его и поэтому попытался всеми доступными ему средствами скомпрометировать интерпретацию Тюрю-Данженом и термина *gán-ga* и всего отрывка надписи Урукагины на конусе В VII, 17—25. Первая попытка поколебать доверие к интерпретации Тюрю-Данжена, в котором сам И. М. Дьяконов видит «одного из величайших ученых в области изучения клинописи» (ДРШИ, стр. 54), сводилась к указанию, что интерпретация Тюрю-Данжена, признанная И. М. Дьяконовым ошибочной, была сделана «задолго до создания первой научной грамматики шумерского языка» (там же). Я полагаю, что подобное указание в статье, обращенной к широкому кругу историков древнего мира, не располагающим, за немногими исключениями, знаниями и методикой шумерийской филологии, является неудачным. Дело в том, что у историка-нешумеролога может создаться впечатление, что переводы Тюрю-Данжена 1905 и 1907 годов безнадежно устарели и должны быть полностью заменены новой интерпретацией, покоящейся на шумерийской грамматике Пибеля. В действительности же Тюрю-Данжен в своей книге 1905 года «*Les inscriptions de Sumer et d'Akkad*», названной «гениальной» нашим выдающимся ассирологом В. К. Шилейкой⁶⁰, дал переводы всех известных тогда надписей шумерийских правителей, осознавая в них многие из тех грамматических закономерностей, которые были включены в 1923 г. Пибелем в его прекрасный труд по шумерийской грамматике⁶¹. Тюрю-Данжен был сам одним из тех крупнейших исследователей в области шумерологии, которые в значительной степени обогатили науку о шумерийском языке⁶². Что же касается интерпретации Тюрю-Данженом указанных строк 17 сл. VII столбца конуса В Урукагины, а также надписи на статуе I Гудеи, то следует уже здесь указать, что интерпретация, предложенная Тюрю-Данженом в 1905 и 1906 гг., была по существу принята крупными специалистами в 1930, 1934, 1935, 1943, 1947, 1950 и 1952 гг., т. е. ряд лет спустя после 1923 г., когда была опубликована грамматика Пибеля⁶³.

Следующий момент в интерпретации Тюрю-Данжена, который, по мнению И. М. Дьяконова, опровергнут прогрессом шумерологии, это перевод термина *šub-lugal* «подданный царя»⁶⁴. В своей работе «*Some Remarks...*» он заявляет, что «*lugal* здесь, вероятно, просто „хозяин“, а не „царь“: царя в Лагаше во время Лугаланды не было» (DSR, стр. 8). Однако нельзя себе представить, чтобы Ф. Тюрю-Данжен в 1905 г. не знал, что в Лагаше во время правления патеси Лугаланды не было царя. Он, действительно, этот факт знал и поэтому снабжает в своей транскрипции указанного шумерийского текста социальный термин *šub-lugal* следующим примечанием: «Т. е. бог *Nin-gir-su*» (SAKI, стр. 49, прим. q). Следовательно, Тюрю-Данжен не имел в виду «земного царя», когда переводил термин «шублугал» как «подданный царя», а царя-бога, каковым был Нингирсу — главный

⁶⁰ См. В. К. Ш и л е й к о, Вотивные надписи шумерийских правителей (далее): (ШВНШП), Пг., 1915, стр. II.

⁶¹ А. Р о с с е л, Grundzüge der Sumerischen Grammatik, Rostock.

⁶² Ср. отзыв В. К. Шилейки о «глубоком исследовании о синтаксисе именных частей», которое опубликовал Тюрю-Данжен в RAss, VIII (ШВНШП, стр. II, прим. 2).

⁶³ Ниже я подробно останавлиюсь на переводах, предложенных шумерологами, интерпретирующими указанные надписи Урукагины и Гудеи, и докажу, что интерпретацию Тюрю-Данжена приняло по существу значительно большее количество исследователей, нежели то, которое устанавливает И. М. Дьяконов.

⁶⁴ «С тех пор было установлено, что *šub-lugala* — не „подданный царя“, а „работник храма“» (ДРШИ, стр. 54).

бог пантеона Лагаша. Патеси Лагаша называли его «свским царем»⁶⁵. Нингирсу, являвшемуся «витязем», «воином» бога Энлиля, главы шумерийского пантеона⁶⁶, и «царем оружия» (SAKI, 86 k, II, 12), были особенно близки «шублугалы», которые в случае войны в первую очередь включались в вооруженные силы Лагаша⁶⁷. Если «шублугалы», входившие в состав работников храма богини Баба, были объявлены вместе с другими представителями персонала храма Баба при Урукагине ú-*gish*, т. е. владением богини Баба, то это отнюдь не противоречит тому, что они вместе с тем являлись «подданными царя» Нингирсу, супруга богини Баба и верховного бога Лагаша. Нингирсу же мог предоставить часть своей собственности во владение своей божественной супруги Баба, в том числе и некоторое количество своих «подданных»⁶⁸. Я полагаю на основании сказанного, что И. М. Дьяконову следовало бы в своей полемике с интерпретацией Тюрю-Данженем термина «шублугал» указать и на то, что французский шумеролог видел здесь в «царе» бога Нингирсу, а не земного царя.

В связи с вопросом о термине *šub-lugal*, resp. *šub-lugala*⁶⁹ я остановлюсь еще на одном весьма нежелательном моменте, который имеет место в уже неоднократно упомянутой статье И. М. Дьяконова, напечатанной в «Revue d'Assyriologie». Здесь автор сопоставляет *šub* термина *šub-lugal* со словом *sub*⁷⁰ (DSR, стр. 8), но без указания, что данное сопоставление сделал более чем полстолетия назад Ф. Тюрю-Данжен в своем комментарии к столь раскритикованному И. М. Дьяконовым переводу строк 17—19 столбца VII конуса В Урукагины⁷¹. Очевидно, И. М. Дьяконов не обратил внимания на указанное сопоставление Тюрю-Данжена⁷².

В конце концов И. М. Дьяконов приходит к выводу, что «*šub-lugala* является тем, который унижает себя или падает ниц перед своим хозяином» (DSR, стр. 8). Может быть, подобное истолкование термина «шублугал» до некоторой степени и приемлемо, но с чем трудно согласить-

⁶⁵ Например, Энтемеа (SAKI, стр. 40, V, 14) или Гудеа (SAKI, стр. 66^b, I, 2).

⁶⁶ *Ur-sag*. Упоминается во многих надписях лагашских правителей.

⁶⁷ См. хотя бы A. Deimel, *Op.* (I ser.), 6, стр. 28.

⁶⁸ Надо полагать, что «шублугалы» входили в состав храмового персонала и других богов Лагаша, которые являлись или членами семьи, или слугами бога Нингирсу. Я, конечно, здесь не могу поставить вопрос о положении «шублугалов» во всем его объеме. Я поставлю его в исследовании, посвященном всей совокупности исторических надписей Урукагины.

⁶⁹ См. указание на фонетический состав знака LUGAL и чтение в древнешумерийских текстах выражения *me-nam-LUGAL* в FGSL, § 3, стр. 12.

⁷⁰ Пишется составным знаком KA + SU.

⁷¹ SAKI, стр. 49, в том же примечании q, на которое я уже указывал в связи с интерпретацией термина «шублугал».

⁷² К сожалению, приходится констатировать, что И. М. Дьяконов не всегда в достаточной мере знаком с работами своих предшественников. Так, в DSR, стр. 5, прим. 1, он отмечает при интерпретации строки первой и тождественной с ней строки восьмой столбца IV конуса В Урукагины, что он читал *bé-gar-ré-èš* в 1951 г. и что таково было мнение и E. Sollberger, *Le système verbal*, пример 329. Ему следовало бы знать, что еще в 1934 г. А. Пибель предложил читать указанные строки IV столбца конуса В, читаемого до того *ku(g)-bi gar-ri-šú ku(g)-bi gar-ré-èš* (см. A. Pebele, *The Tenses of the Intransitive Verb in Sumerian*, *AJSL*, L, 1934, стр. 156—157 з прим. 8 на стр. 157). Здесь же он дает интересное истолкование этой глагольной формы, которое должно быть учтено каждым интерпретатором раздела III, 18—IV, 8 указанной надписи Урукагины. К этой глагольной форме см. еще RAss, XXXII, 1935, стр. 94 и III, 7 и в особенности S. N. Kramer, *The Sumerian Prefix Forms BE- and BI- in the Time of the Earlier Princes of Lagas*, «*Assyriological Studies*», № 8, 1936, стр. 12, который уже читал здесь данную глагольную форму *bé-gar-ré-èš*, опираясь на результат своего предшествующего исследования. Вследствие незнания этими работами своих предшественников И. М. Дьяконов не возвел свое изучение указанного раздела надписи конуса В Урукагины на должную высоту.

ся, так это с попыткой И. М. Дьяконова сравнить «шублугала», осознанного в качестве человека, унижающегося или падающего ниц перед своим хозяином, с римским *cliens* (там же). Дело в том, что в римском термине *cliens* нет оттенка «унижения, падения ниц», а лишь оттенок «слушания», «послушания»⁷³.

Некоторую погрешность против закономерностей словоупотребления в русском языке допустил И. М. Дьяконов, когда объявил, что «голова» поля — это его «широкая, продольная сторона»⁷⁴. Это утверждение И. М. Дьяконова содержит в себе логическую несуразность, подобно выражению «пятиугольный треугольник», поскольку значение слова «продольный» определяется следующим образом: «Проходящий по направлению длины или расположенный по длине чего-нибудь, противоп. поперечный»⁷⁵.

Кроме того, мне кажется, что И. М. Дьяконов не только погрешил против русского языка, но неправ и по существу⁷⁶. Дело в том, что четырехугольное поле имело, конечно, две широкие стороны: одну, примыкающую к реке или каналу, и вторую, удаленную от естественного источника воды. Первая называлась в шумерийских документах хозяйственной отчетности *sag-a-ki-ta-ka* «широкая сторона воды внизу», а вторая *sag-an-na* «широкая сторона верха»⁷⁷. Правда, не всегда в текстах, связанных с измерением полей, обе указанные широкие стороны поля отмечались, поскольку они часто были равны между собой. В таком случае писец отмечал, что «*sag sa* широкие стороны равны»⁷⁸. В тех случаях, когда широкие стороны были неравными, то они писцом документа измерения поля отмечались. Они назывались, как я уже сказал, *sag-an-na* «широкая сторона верха» и *sag-a-ki-ta-ka* «широкая сторона воды внизу»⁷⁹, а иной раз *sag* «широкая сторона» и *sag-min-ka* «широкая сторона вторая»⁸⁰. Поскольку в документах измерения площади полей обе широкие стороны назывались непосредственно друг за другом, то читателю документа было понятно, что слово *sag* в данном контексте обозначало «широкую сторону» поля, и так как оно стояло перед «*sag* вторым», то соответствовало «широкой стороне верха».

В тех же случаях, когда обе «широкие стороны» назывались не в едином контексте, как, например, в документах, определявших местоположе-

⁷³ См. хотя бы К. Е. Georges, *Lateinisch-Deutsches Handwörterbuch*, s. v. «*cliens*». В отношениях между патроном и клиентом не признавался момент унижения и падения ниц, как об этом свидетельствуют и другие предложенные этимологии слова «*cliens*», с которыми меня познакомил А. И. Доватур, за что приношу ему мою глубокую благодарность.

⁷⁴ ДРШИ, стр. 56. И. М. Дьяконов развивает здесь ту ошибку, которую он сделал в ДРУЛ, стр. 23, прим. 7, когда выступил с утверждением, что «головой» поля называлась его продольная сторона, со ссылкой на Деймеля (Or., I сер., 2, стр. 28), хотя последний говорит здесь о «широкой стороне» («*Breitseite*»), а не о «длинной стороне».

⁷⁵ Д. Н. Ушаков, *Толковый словарь русского языка*, III, стр. 923.

⁷⁶ ДРШИ, стр. 56. В следующей строке своего изложения И. М. Дьяконов дает подобное же определение выражению «голова поля»: «Широкая, дальняя от реки, сторона поля».

⁷⁷ A. Deimel, Or. (I сер.), 4, стр. 37—39, и Scholtz, SV, стр. 158 сл. Последний из названных авторов дает исчерпывающий анализ терминологии, встречающейся в документах, связанных с описанием местоположения полей. Надлежит еще отметить, что *sag* — «широкая сторона» поля противопоставляется *uš* — «длинной стороне» поля.

⁷⁸ См., например, W. Förlsch, *Altbabylonische Wirtschaftstexte aus der Zeit Lugalanda's und Urukagina's*, Lpz, 1916 (далее Fö), № 40, I, 1—2. Здесь же отмечается: *uš-sá* «длинные стороны равны» (ср. A. Deimel, Or., I сер., 4, стр. 37).

⁷⁹ В Or. (I сер.), 17, стр. 27, 4а А. Деймель добавляет к тому, что он сказал в Or. (I сер.), 4, стр. 38, еще следующее: «*sag-an-na* = верхняя, северная головная (широкая) сторона; *sag-a-ki-ta-ka* = нижняя, южная головная (широкая) сторона».

⁸⁰ DP, 604, III, 7—IV, 2. Здесь же в первом столбце оборотной стороны, в строках 2 и 3 мы находим и наименование «широкая сторона верха» и «широкая сторона внизу».

вне полей, то тогда они назывались своими полными именами — «широкой стороной верха» и «широкой стороной воды внизу»⁸¹. Тем более следовало бы точно определить слово *sag* в качестве «широкой стороны» поля, если бы это слово упоминалось изолированно, вне какой-либо связи со своим напарником, как это имеет место в строках 17—25 столбца VII конуса В Урукагины. Поэтому я готов интерпретировать здесь слово *sag* не в качестве «широкой стороны поля, дальнего от реки», а в качестве «вершины», как это предложил Ф. Тюр-Данжен и некоторые другие шумерологи (см. ниже)⁸².

В своем стремлении до конца опорочить интерпретацию, предложенную Тюр-Данженом для указанного отрывка надписи на конусе В Урукагины, И. М. Дьяконов, к сожалению, не останавливается перед приведением аргументов, которые или не отражают действительности, или же явно лишены какой-либо убедительности. На самом деле, пытаясь опровергнуть утверждение об использовании в шумерийском языке выражения *gán-ga* как особого сельскохозяйственного термина, И. М. Дьяконов категорически заявляет, что «именно как термин, качественно характеризующий землю, слово *gán-ga* не засвидетельствовано», и ссылается в соответствующем примечании на то, что А. Деймель в своем шумерийском словаре под № 105, 1, «собрал все определения к слову *gán* из хозяйственных текстов, какие только он мог собрать, но для *gán-ga* он ссылается только на приведенное выше место» (ДРШИ, стр. 55, прим. 33). Однако последнее утверждение неверно. Дело в том, что Деймель ссылается в своем шумерийском словаре под № 105, 1, не только на неоднократно названные строки надписи Урукагины, но также еще и на *Or. (I ser.)*, 2, стр. 28b, а здесь он приводит еще свидетельство надписи на статуе I Гудеи. Вместе с тем следует еще отметить, что Деймель в списке различных определений слова *gán* в своем словаре отнюдь не стремился собрать свидетельства всех текстов, упоминавших их, а ограничивался в большинстве случаев указанием на один-два текста, хотя он мог бы привести и большее число подобных свидетельств⁸³. Он и для *gán-ga* мог привести еще ряд свидетельств, как это я покажу в дальнейшем. Таким образом, ссылка И. М. Дьяконова на наличие лишь одного свидетельства для *gán-ga* в списке определений слова *gán* в *ŠL*, № 105, 1, не может служить убедительным аргументом против интерпретации термина *gán-ga* Тюр-Данженом.

Не более убедительным аргументом против данной интерпретации является и указание И. М. Дьяконова, что «Ф. Тюр-Данжен, создавший своим переводом понятие „высоких полей“ (применительно к Шумеру), сам на месте расположения древнего Лагаша не был» (ДРШИ, стр. 57, прим. 49). Подобный аргумент имел бы некоторую силу, если бы основоположник французской шумерологии работал в полном отрыве от лиц, посещавших место древнего Лагаша, и был тем самым лишен возможности получить совет, который мог бы его удержать от «нелепого» предположе-

⁸¹ Например, DP, 385; 394; 611.

⁸² В дальнейшем в связи с окончательной интерпретацией термина *gán(a)ga* я попытаюсь объяснить цель сооружения колодца на вершине поля *ga*.

⁸³ Так, в списке словаря Деймель для *gán-da-gir* ссылается лишь на RTC, 66, об. стор. III, но в списке, составленном в *Or. (I ser.)*, 4, стр. 39—41, имеются еще ссылки на DP, 596, II и Fb. 72, IV; для *gán-da-tir-am-ma* в словаре дана ссылка на DP 152, XIV, а в *Or. (I ser.)*, 4, на STN, I, 39, II; для *gán-usar* даны в словаре ссылки на RTC, 66, II и 68, III, а в *Or. (I ser.)*, 4, на DP, 604, VIII и F ö r t s ch, II, 72, II. Даже для такого определения слова «*gán* как *ú-gum NN dingir*», которое встречается в ряде документов, А. Деймель не дает указания «*passim*», а дает ссылку лишь на RTC, 71, об. стор. III. Надлежит также указать, что Деймель отнюдь не «собрал все определения к слову *gán* из хозяйственных текстов, какие только он мог собрать», как утверждается в ДРШИ, стр. 55, прим. 33, ибо он заканчивает список в словаре словами: «и многие другие».

ния допустить в районе Лагаша существование каких-то полей, находящихся на более высоком уровне, нежели поля, прилегающие к реке, и нуждающихся поэтому в искусственном орошении⁸⁴. Но Тьюро-Данжен работал в Париже в окружении шумерологов и археологов, бывших руководителями и участниками раскопок Лагаша, являвшихся одним из крупнейших достижений французской востоковедной археологии. Трудно себе представить, чтобы французские шумерологи, ознакомившиеся с «нелепой ошибкой» своего товарища и учителя, не указали ему на нее и, мало того, повторили ее в 1930, 1943 и 1956 гг.⁸⁵

Если данный аргумент И. М. Дьяконова против указанной интерпретации термина *gán-ga* лишен действительной эффективности, то тот его довод, который я сейчас буду рассматривать, лишен реального обоснования, оправдывающего его выдвигание. Я имею в виду его попытку оторвать первую часть изучаемого отрывка надписи Урукагины, отмечающую сооружение колодца на вершине поля *ga* и завладение им *игинуду*, от второй его части, повествующей об *a-tuš-du*⁸⁶ «воде-змею, идущей» на поле *ga* и о завладении ею *игинуду*. И. М. Дьяконов аргументирует разрыв этого, казалось бы единого, контекста указанием на то, что «параллельный (к нему.—В. С.) текст («Овальная пластинка», II, 2—9) не упоминает вовсе ни о колодце, ни об арыке, а говорит лишь: „...имевшуюся (на поле) воду держал *игинуду*“...» (ДРШИ, стр. 57). И. М. Дьяконов, утверждая это столь категорически, к сожалению, не отмечает плачевную сохранность указанного текста. Дело в том, что значительный кусок верхней части Овальной пластинки отбит, и поэтому судить о начале текста столбцов лицевой ее стороны и о конце столбцов ее оборотной стороны нельзя. Швейцарский шумеролог Э. Солльберже в своей неоднократно упоминаемой работе восстанавливает начало II столбца лицевой стороны Овальной пластинки, используя во всем его объеме параллельный текст конуса В VII, 17 сл., получив, таким образом, и для Овальной пластинки текст, который упоминает созданный «шублугалом» «колодец» и «воду-змею, идущую»⁸⁷. Я, конечно, не настаиваю на том, чтобы принять восстановление начала II столбца Овальной пластинки, предложенное Э. Солльберже, но при столь большой разрушенности текста оно возможно, как и любое другое восстановление⁸⁸. Поэтому не следует использовать разрушенный текст в качестве основания для исторически важных выводов⁸⁹. И. М. Дьяконову не следовало также заявлять, что «перевод (Тьюро-Данжена) *sag-gána-ga-na-ka* как „на вершине его высоко расположенного поля” и *gá-na-ga gál-la-a* как „имевшийся на высоком поле”... был переят А. Деймелем, а за ним акад. В. В. Струве и отчасти М. Ламбером» (ДРШИ, стр. 54). Однако имеются еще и другие исследователи, которые

⁸⁴ Вспомним определение *gán-ga*, которое дал Тьюро-Данжен в SAKI, стр. 50, прим. а: «*gán-ga* холм-поле (собственно *тапта*-поле), в противоположность к низколежащим полям не орошаемое».

⁸⁵ Об этих переводах я буду говорить в связи с перечислением той специальной литературы, которую И. М. Дьяконов не счел нужным упомянуть, когда он перечислял переводы, повторяющие «ошибку» Тьюро-Данжена.

⁸⁶ Об этом термине я буду говорить, когда попытаюсь дать окончательную интерпретацию 22—25-й строк VII столбца конуса Урукагины.

⁸⁷ Очевидно, «вода-змея, идущая» соответствует тому, что в ДРШИ, стр. 57, названо «арыком». Э. Солльберже, давая свое восстановление начала II столбца Овальной пластинки в своей книге «Le système verbal», стр. 73, прим. 4, транскрибирует: «*a-tuš-du* „вода-змея, идущая,“ здесь: *a-zég-ga*». Я не уверен в целесообразности подобной транскрипции.

⁸⁸ М. Lambert, RAss, 1956, стр. 175, восстанавливает в лакуне начала II столбца *a-tuš-túm gán-ga*, оставляя открытым вопрос о восстановлении предшествующего текста.

⁸⁹ Я и раньше наблюдал стремление И. М. Дьяконова создавать свои исторические построения на шаткой основе полуразрушенных текстов.

также полагали и полагают, что ga в выражении gán-ga, resp. gán(a)-ga является самостоятельным словом, а не формантом, как это в свое время полагал А. Пибель, а в последнее время И. М. Дьяконов.

В самом деле, в 1925 г., два года спустя после опубликования грамматики Пибеля, в которой ga в gán-ga было истолковано как формант, появилось исследование М. Витцеля, посвященное шумерийским поэтическим текстам, и здесь в комментарии к гимну царя Шульги автор дал перевод названного отрывка надписи Урукагины, полностью совпадающий с переводом Тюрро-Данжена⁹⁰.

В 1934 г. Р. Шольтц, ученик А. Пибеля, перевел gán(a)-ga так же, как и Ф. Тюрро-Данжен, — «высокое поле» и противопоставлял его «месту воды», определяя его как «поле, отдаленное от канала»⁹¹. Стало быть, Р. Шольтц был согласен с интерпретацией Тюрро-Данжена. В 1943 и 1946 гг. Р. Жестен опубликовал два тома большого труда⁹², о котором И. М. Дьяконов говорит как о «фундаментальном исследовании шумерского глагола» (ДРШИ, стр. 52). Р. Жестен касается текста Конуса В, VII, 17—21 в обоих томах своего исследования, и в обоих случаях его перевод совпадает с переводом Тюрро-Данжена: «Если подданный царя на вершине своего поля (в образе) холма соорудил свой колодец⁹³, помощник садовника жил (при нем)»⁹⁴. Таким образом, и перевод Р. Жестена совпадает во всех существенных моментах с переводом Тюрро-Данжена.

В 1952 г. швейцарский шумеролог Э. Соллберже издал свое уже упомянутое исследование, в котором были детально изучены многообразные глагольные формы эпиграфических памятников Лагаша доаккадского периода⁹⁵. Автором были рассмотрены и глагольные формы, засвидетельствованные в строках 17—21 столбца VII конуса В вместе с окружающим их контекстом. Он предложил следующую интерпретацию этого столь интересующего нас отрывка: «предположено, что šub-lugal соорудил свой колодец, на высоте своего поля...: *игинуду* его конфисковал»⁹⁶. Мы видим, что и перевод швейцарского шумеролога в самых существенных пунктах совпадает с интерпретацией, предложенной Тюрро-Данженом. Действительно, Соллберже также видит в слове sag не «широкую, продолжную сторону», а «вершину», и также видит в ga выражения gána-ga самостоятельное слово, а не формант. Он только не решается установить точный эквивалент данному ga и заменяет его поэтому в своем переводе многоточием. Вспомним, однако, что и Деймель, включенный И. М. Дьяконовым безоговорочно в число «перенявших» перевод Тюрро-Данжена, отказался дать четкое филологическое объяснение выражению gán-ga (Op., I ser., 2, стр. 28b).

Так же поступил и М. Ламбер в своем переводе указанного отрывка надписи Урукагины⁹⁷. Описание злоупотребления, имевшего место по отношению к вырывшему колодец «šub-lugal», в надписи на конусах В и С Урукагины М. Ламбер предлагает перевести следующим образом: «Если

⁹⁰ M. W i t z e l, Perlen sumerischer Poesie (в серии «Keilinschriftliche Studien», вып. 5), Fulda, 1925, стр. 62. Перевод гласит: «Если подданный царя на вершине высоко лежащего поля устраивал свой колодец, то при нем сидел *игинуду*».

⁹¹ S c h o l t z, SV, стр. 107 в переводе и комментарии к документу, изданному Фертчем (F ö r t s c h, № 170). См. также стр. 155 книги Шольтца, где дан перевод другого текста, изданного Фертчем под № 35 (об этом тексте см. ниже).

⁹² R. J e s t i n, Le verbe sumérien (далее: JVS), I—II, P., 1943 и 1946.

⁹³ На этом заканчивается перевод, данный Жестеном в первом томе на стр. 154.

⁹⁴ J e s t i n, VS, II, стр. 70.

⁹⁵ E. S o l l b e r g e r, Le système verbal dans les inscriptions «royales» présargoniques de Lagas (далее: SSV), Genève, 1952.

⁹⁶ SSV, № 419 (стр. 171). См. также его перевод строк 22—25 столбца VII конуса В Урукагины в № 230 (стр. 114). Здесь также ga оставлено без перевода.

⁹⁷ M. L a m b e r t, RA, L, 1956, стр. 169—184.

посвященный⁹⁸ царя выроет свой колодец на вершине поля га, „слепой“⁹⁹ имел за ним надзор» (ук. соч., стр. 175).

Таким образом, и перевод М. Ламбера, так же как перевод Э. Солльберже, совпадает по существу с переводом Тьюро-Данжена. Оба они говорят о «вершине» поля, а не о его «широкой, продольной стороне», и оба они видят в га термина gána-ga самостоятельное слово, а не формант. Отличие их перевода от перевода их великого предшественника сводится в основном лишь к тому, что оба они, подобно А. Деймелю, затрудняются дать точное филологическое объяснение слову га в этом контексте. М. Ламбер готов видеть в га, на основании свидетельства некоторых документов хозяйственной отчетности храма богини Баба, термин для необработанной земли¹⁰⁰.

Если переводы Э. Солльберже и М. Ламбер, как мы видели, по существу совпадают, то встает вполне закономерный вопрос: почему же И. М. Дьяконов не упомянул Солльберже наряду с Ламбером в качестве «отчасти» перенявшего перевод Тьюро-Данжена? Столь же сильное недоумение вызывает отсутствие рядом с Деймелем и Струве упоминаний о Витцеле, Шольтце и в особенности Жестене, который, как мы в этом могли убедиться, полностью и безоговорочно перенял интерпретацию Тьюро-Данжена. На эти труды Солльберже, Шольтца и Жестена И. М. Дьяконов неоднократно ссылается, но тем не менее ни Солльберже, ни Шольтц, ни Жестен не попали на «черную доску» в качестве перенявших «ошибку одного из величайших ученых в области изучения клинописи»¹⁰¹.

К сожалению, И. М. Дьяконов не упомянул и тех шумерологов, которые переняли перевод надписи Гудеи на статуе I и после опубликования шумерийской грамматики Пибеля. В самом деле, И. М. Дьяконов, когда он говорит об интерпретации надписи Гудеи, называет лишь одного Тьюро-Данжена и его противника Пибеля, но не упоминает тех специалистов, которые готовы видеть вместе с Тьюро-Данженом в выражении gána-ga, встречающемся и в этом источнике, термин для обозначения особой категории полей¹⁰². Среди шумерологов, перенявших интерпретацию Тьюро-Данжена и после появления перевода Пибеля¹⁰³, имеется несколько крупных ученых. Первым из них был английский шумеролог Гэдд, который в своей шумерийской хрестоматии перевел надпись Гудеи на статуе I и строки I, 1 — II, 2 текста интерпретировал, следуя Тьюро-Данжену, но его И. М. Дьяконов мог, пожалуй, и не упомянуть, так как эта

⁹⁸ М. Ламбер предлагает читать не šub-lugal, a ru-lu-gal «voué-du-roi». Может быть, он готов сооставить названную социальную группу с социальным термином miġtum параграфов 15 и 16 законов Липитишгара. Miġtum мог быть, согласно § 15 названных законов, «дарением царя», а ru, как известно, соответствовало аккадскому šaraku «дарить».

⁹⁹ Так переводит М. Ламбер термин igi-nu-du₃, хотя, казалось бы, более точно переводить «глаз не поднимающий».

¹⁰⁰ Lamberg, ук. соч., стр. 174, примечание к § 11, соответствующему строкам 17—21 столбца VII конуса В.

¹⁰¹ Столь сокращенный список адептов «ошибочного» перевода Тьюро-Данжена должен был произвести на читателя тем большее впечатление, что названный в списке Деймель воспринял еретическую мысль своего французского коллеги еще до появления научной грамматики шумерийского языка, а его товарищ по несчастью Струве не являлся шумерологом. Что же касается Ламбера, которого нельзя было исключить из списка, поскольку он написал специальное исследование о реформах Урукагины, то он был объявлен лишь «отчасти» перенявшим перевод Тьюро-Данжена.

¹⁰² В DSR, стр. 9, прим. 1, упоминается перевод строк I, 1—II, 2 надписи на статуе I Гудеи, который предлагает сам И. М. Дьяконов. В ДРШИ, стр. 55, называется лишь Тьюро-Данжен в связи с интерпретацией указанной надписи, да еще в прим. 41 (стр. 56), и перевод ее, сделанный Пибелем в его шумерийской грамматике.

¹⁰³ Перевод строк I, 1—II, 2 надписи Гудеи на статуе I, сделанный Тьюро-Данженом, я привел выше, на стр. 4, а перевод Пибеля — на стр. 6.

хрестоматия была опубликована еще в 1924 г. и ее автор мог поэтому и не знать о переводе Пибеля¹⁰⁴.

В ином положении находился, несомненно, В. Шейль, издавший в 1930 г. статью Р Гудей¹⁰⁵, надпись которой была вполне тождественна с надписью статуи I, за исключением имени, несколько различного на той и другой статуе¹⁰⁶. Шейль уже, несомненно, был знаком с переводом начала надписи на статуе I, предложенным Пибелем. Тем не менее он оставил без перевода надпись на издаваемой им статуе, ссылаясь на то, что текст на статуе I, идентичный с текстом на вновь открытой скульптурной памятнике, был интерпретирован Тьюро-Данженом. Очевидно, у Шейля не было никакого расхождения с переводом, сделанным Ф. Тьюро-Данженом в 1906 г. Если бы Шейль не был согласен с истолкованием самого начала надписи, которое дал Тьюро-Данжен, то он, несомненно, указал бы на это.

В 1935 г. Э. Барроу издал документы хозяйственной отчетности времени I дин. Ура, раскопанные в самом Уре¹⁰⁷, и среди них оказался ряд документов, в которых встречается термин gán-ga-ki, имеющий несомненную связь с изучаемым нами термином gána-ga текстов эпохи Урукгини и Гудей. В своем комментарии к термину gán-ga-ki архаических табличек из Ура их издатель сопоставляет его с gán-ga надписи I Гудей и указывает, что «gán-ga здесь противопоставляются gán-id „прибрежным полям“»¹⁰⁸. Стало быть, и Э. Барроу принимает интерпретацию надписи Гудей, предложенную Тьюро-Данженом, не принимая во внимание перевод Пибеля, правильность которого признается И. М. Дьяконовым.

В 1950 г. интерпретацию начала надписи на статуе I Гудей, предложенную Тьюро-Данженом, принял и А. Фалькенштейн в своей уже упомянутой грамматике языка надписей Гудей, которая в области шумерологии была объявлена И. М. Дьяконовым «лучшей грамматикой в настоящее время, несмотря на ее формалистичность и неприемлемость некоторых морфолого-этимологических построений»¹⁰⁹. Надо полагать, что Фалькенштейн, работая над интерпретацией начала надписи на статуях I и Р, не мог проявить свою устремленность к «формалистичности» и к «некоторым неприемлемым морфолого-этимологическим построениям». Поэтому следует признать перевод указанного текста Фалькенштейном одним из многочисленных достижений филологической методики, которые дали основание даже для такого сурового критика, как И. М. Дьяконов¹¹⁰, объявить ее лучшей грамматикой шумерийского языка. Перевод же в «лучшей грамма-

¹⁰⁴ С. J. G a d d, A Sumerian Reading-Book, Oxf., 1924, стр. 72—73. Существенные для настоящего исследования строки надписи он переводит: «в городе основание его он даровал, холм и долину он даровал». В приложенном к текстам словаре s. v. gán-ga (стр. 132-b) автор значение слова «холм» снабжает вопросительным знаком.

¹⁰⁵ V. S c h e i l, Nouvelles statues de Goudéa, RAss, XXVII, 1930, стр. 163—164, табл. 3—4.

¹⁰⁶ Имя на статуе I Гудей переводится: «Гудеа, человеку строения храма, жизнь была дана», а имя на статуе Р Гудей: «Жизнь Гудеа, человека, построившего храм, да будет долгой» (S c h e i l, ук. соч., стр. 163).

¹⁰⁷ E. B u r r o w s, Ur Excavations. Texts. II. Archaic Texts. (Publications of the Joint Expeditions of the British Museum and of The University Museum, University of Pennsylvania, Philadelphia, to Mesopotamia) (далее: UET), 1935.

¹⁰⁸ UET, стр. 12. О теориях относительно gán-ga издатель отсылает к SAKI, стр. 50, прим. а, и к A. D e i m e l, Or. (I ser.), 2, стр. 28. Следовательно, он при- мыкает и в отношении интерпретации коуса В, VII, 17—21 к Тьюро-Данжену.

¹⁰⁹ И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии, ВЯ, 1954, № 5, стр. 48, прим. 12.

¹¹⁰ Даже грамматику А. Пибеля И. М. Дьяконов объявляет «в освещении некоторых частных вопросов ныне уже устаревшей», а шумерийская грамматика А. Деймеля, согласно И. М. Дьяконову, «в обоих изданиях не отвечает необходимым требованиям, так как построена почти исключительно на слухом грамматическом материале хозяйственных документов, причем автор в ряде случаев упорно цепляется за устаревшие толкования некоторых форм» (там же, стр. 48).

тике» шумерийского языка начала надписи I и P Гудеи гласит следующим образом: «Когда Нингирсу, мощный герой Энлиля, Нингишзида, сыну Ниназу, любимцу богов в городе основание поставил, ему там высоколежащие поля (и) поля у реки поставил»¹¹¹. Сопоставление данного перевода Фалькенштейна с приведенным выше переводом Тьюро-Данжена доказывает со всей несомненностью, что перевод первого, сделанный в 1950 г., по существу совпадает с переводом второго, сделанным в 1906 г. Фалькенштейн же был, несомненно, знаком с грамматикой Пибеля, но тем не менее не считал нужным учесть приведенный в ней перевод. Очевидно, он не мог согласиться с истолкованием текста, предложенным Пибелем, и И. М. Дьяконову следовало отметить отношение Фалькенштейна к интерпретации Тьюро-Данжена, так же, как и отношение Барроу и Шейля, когда он пытался перевести начало надписи на статуе I Гудеи, опираясь на понимание текста Пибелем.

После устранения ряда методических неполадок, которые являлись препятствием для успешного решения поставленной задачи, надлежит приступить к завершающему изучению всех тех источников, которые дадут возможность вскрыть с предельной точностью содержание термина *gána-ga*. До сих пор, к сожалению, не были до конца интерпретированы даже соответствующие строки указанных надписей Урукагины и Гудеи, а документы хозяйственной отчетности, упоминающие термин *gána-ga*, еще почти совсем не исследованы.

(Продолжение следует)

¹¹¹ FGSGL, § 84, стр. 9—10 и § 104, стр. 96.





ПОСВЯЩАЕТСЯ
АКАДЕМИКУ ВАСИЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ СТРУВЕ
В СВЯЗИ С ЕГО СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕМ

В. О. Тюрин

АНТАКИ

(Из истории народных движений в ахеменидском Иране)

Народных движениях в странах, находившихся под властью Ахеменидов, в источниках имеются лишь очень скудные и неполные данные: некоторые из них, например, известие о смутах после смерти Кира, носят характер глухого намека. Несколько полнее наши известия о восстании в Лидии и Ионии вскоре после завоевания их персами. Совершенно определенно о народных движениях информирует нас только Бехистунская надпись, в которой, однако, отражен лишь сравнительно краткий промежуток времени с 522 по 519 г. до н. э.¹

Геродот, второй наш источник, повествующий о событиях тех же лет, уделяет, однако, больше всего внимания истории Лжесмердиса, хотя попутно дает и такие сведения, по которым можно судить о народных движениях («смута») во время царствования мага, восстание семи — III, 150).

О годах, последовавших за полным восстановлением державы Ахеменидов при Дарии, мы имеем мало сведений и еще меньше или почти ничего о народных движениях, за исключением движения в Ионии, приведшего к восстанию 499—494 гг. Поэтому любые данные, относящиеся ко времени после восстановления державы и могущие хотя бы в качестве намека указать на народное движение, должны быть учтены в исследовании и изложении исторического процесса на Востоке на рубеже VI—V вв.

Автор в ходе своей работы над эламскими текстами персепольского архива пришел к выводу, что группа пяти документов №№ 4—8 из публикации Кэмерона² дает нам довольно явственный намек на движение, происходившее в Персиде в самом начале V в. до н. э.

¹ См. акад. В. В. Струве, Восстание в Маргiane при Дарии I, ВДИ, 1949, № 2.

² G. G. Cameron, Persepolis Treasury Tablets, Chicago, 1948 (далее СРТТ). Здесь опубликованы так называемые «таблички сокровищницы» (в дальнейшем — ТТ); характеристику их см.: В. О. Тюрин, Социальное положение kur-taš..., ВДИ, 1951, № 3, стр. 21 сл. По времени составления (492—459 гг. до н. э.) ТТ следуют за так называемыми «табличками крепостной стены» (в дальнейшем — FT), составленными в промежуток времени 510—494 гг. до н. э. Таблички этой серии, более разнообразные по содержанию, до сих пор не опубликованы, если не считать четырех-пяти (из общего числа 5000—7000 штук) полных текстов и ряда коротких, часто в одну строч-

Упомянутые документы как по форме, так и по содержанию сообщаемых в них сведений, крайне скудных по сравнению с большими суммами серебра, выданного по ним, заметно выделяются среди всей массы текстов ТТ, приближаясь по ряду признаков к табличкам FT.

1) За исключением первого текста, № 4, в котором из 21-й строки 13 представляют поименный список лиц (единственные данные подобного рода в известных нам текстах персепольского архива), остальные короче обычных текстов табличек ТТ (10—12 строк вместо ± 20).

2) Документы не датированы, в остальных ТТ указаны год и месяц. Зато только здесь назван «Дарий царь» или просто «царь», как в FT; в остальных ТТ указаний на царя нет.

3) Т о л ь к о з д е с ь встречаются: а) выдача платы «маниям»-*кур-таш* полностью серебром (№ 7, 8), тогда как повсюду в ТТ плата выдается серебром лишь частично и не во всех случаях, а в табличках FT документируется исключительно выдача в натуре; б) итоговые суммы в круглых каршах и сиклях³; в) вместо обычных: gal. ma — «для (о)платы, для корма», kur-šá-um — «карша», rap-su-kaš — «сикль» — соответственно стоит gal.uk-ki — «сверх платы, сверх корма», kur-šá-am, ki-EL; впрочем, последние два слова встречаются еще дважды, в документах №№ 27 и 83; г) имя писца Дадумани, отсутствующее в дальнейшем (в «соседних» документах — № 1, 2, 3, 3а и 9 писец — Хипирука)⁴; д) тип печати («type 33»), отличный от типа «соседних» документов; е) эламский термин ri-ik-ti (= urastam «помощь» в Бех. надписи); Дарий оказывает «помощь» женщинам, имеющим какое-то отношение к лошадям.

Отметим моменты, сближающие наши документы с текстами FT. Эламский термин kiršim «из рук, руками, в руки...» (в зависимости от контекста, говорящего об обороте материальных ценностей в царском хозяйстве) встречается в текстах ТТ только в связи с именами трех лиц, одно из которых названо в наших документах по должности и, судя по печати на всех этих документах, по имени (*унсак* Артадар) и в дальнейшем не встречается. Зато *курмин* очень часто употребляется в текстах FT, причем число таких текстов составляет 70% всех документов типа памятной записи (Hallock, ук. соч., 245), к каковому типу относятся и наши документы. Далее. Писец «соседних» документов Хипирука выступает в одном из документов FT, 1016 (СРТТ, 96).

Изложенное показывает, что наши документы были составлены, несомненно, раньше прочих «табличек сокровищницы» и лишь позднее были депонированы в архиве персепольской казны вместе с другими документами, фиксировавшими выдачи серебра.

Ключом ко всей этой группе являются первые два текста 4 и 5, выделяющиеся среди всех текстов сокровищницы значительными суммами серебра, выданными «по приказу Дария царя».

Приводим эти тексты в транслитерации Кэмерона и построчном переводе.

ку, выдержек из других. Три полных текста опубликованы Кэмероном: два в указанной выше его работе (стр. 7, прим. 34 и 41), и один в JNES, (I, 1942). Два полных текста приведены у R. T. Hallock, New Light from Persepolis, JNES, IX (1950), 247—248.

³ В ТТ дробные части сикля в большинстве случаев как результат расчета ставок в данаках и ше (см. Т ю р и н, ук. соч., стр. 26 сл.).

⁴ Отождествление Кэмероном имени писца Дадумани с Da-ad-da текста ТТ, 12, убедительно оспаривает J. H a g m a t t a, Elamite II, ALASH, V (1955), 3—4, стр. 282. Гарматта тоже отмечает, хотя и не все, особенности данной группы документов, не останавливаясь, впрочем, на самом содержании последних, поскольку перед ним стояла совершенно другая задача.

ТТ, 4⁵

<1> 5 ME 30 kur-šá-am [KÚ.BABBAR] ^{1dg}	530 каршей ⁶ , серебро
<2> kur-mín ^{λ7} un-sa-ak. na	из рук «унсака»:
<3> 60 (MA) ^λ am-mu-uk-ka	60 — Вахауне,
<4> 60 ^λ ab-bat-ra	60 — Абатре,
<5> 60 ^λ mar-ia-kar-šá	60 — Марьякарше,
<6> 60 ^λ an-nu-gi-ru-iš	60 — Анугиришу,
<7> 50 ^λ a-ša-ak-ka	60 — Аджаке,
<8> 50 ^λ maš-da-ia-áš-na	50 — Маздаясне,
<9> 50 ^λ ba-ka-pi-ik-na	50 — Багабигне,
<10> 30 ^λ mi-ud-ra-an-ka	30 — Видранге,
<11> 30 ^λ da-man-bar-na	30 — Дванпарне,
<12> 20 ^λ bar-na-ak-ka	20 — Фарнаку,
<13> 20 ^λ ba-gi-iš-ša	20 — Багидже,
<14> 20 ^λ ba-ka-gi-ia	20 — Багагии,
<15> 20 ^λ bar-ni-iš-ša	20 — Парнидже,
<16> PAB ħi ^λ RUH ^{1dg} ak-ka-be ^λ	все эти (суммы) — люди, которые
<17> bar-šíp.ħa-tu-ma ^λ an-	...повсюду в Персиде
<18> da-kaš ma-a-ráš šá-ip
<19> ap du-nu-ka ^λ da-ri	— им даны. Да-
<20> -ia-u iš ^λ sunkir ap	рий царь им
<21> še-ra-iš	приказал (дать).

Комментарии и замечания

Строка <3>. Am-mu-uk-ka. Ср. Бех., 68 в трех версиях. Кэмерон ошибочно сопоставляет Vahauka с греч. Ὠχος; последнее передает перс. Vahuš, не Vahauka, патронимическое от Vahuš. В ТТ, 7 выступает Апишпятиш, «сын Вахауки», в ТТ, 1 от 32 г. Дария (490/489) строитель египтянин находится в ведении «шараманы» Ma-u-ka.

<4>. Ab-bat-ra. Ср. инд. abhadra «гибельный, приносящий беду».

<5>. Mar-ia-kar-šá. Это имя встречается и в FT, 6782: Mar-ri-ia-kar-šá (СРТТ, 91). Как любезно сообщил мне В. И. Абаев, он производит *maru-akarša от maruа «молодой воин» и karš- «тащить» осет. хассун, дигор. харсун «нести, везти, уводить», следовательно, «захватывающий воинов», «уводящий воинов».

<6>. An-nu-gi-ru-iš. Сравнение инд. anugiram «на горе, в горах», giriša «обитатель гор, горец» и иран. авест. garaу-, согд. γar^a «гора», заставляет думать, что Анугириш («горец») был, вероятно, индийцем на персидской службе.

<7>. Сходное имя встречается в FT, 7869 (Hallock, ук. соч., 243), где некий Расамада получает для *курташ* зерно kur-mín^λaš-ša-ka-ra.na «из рук Аджакары». В нашем тексте возможно сокращение (в ТТ, 28 и 29 один и тот же писец обозначен и In-da-pi-ša и In-da-pi; сокращенные названия месяцев см. СРТТ, табл. 4). Элам. прилаг. aš-ša-ka «большой»,

⁵ СРТТ, 88—89 и табл. III. Глиняная табличка размером в 51 × 39 × 13 мм хорошей сохранности, хранится в Восточном институте в Чикаго под № 23227.

⁶ Карша, древнеперсидская единица веса, а также денежная единица, равная 10 сиклям. О денежной системе Персиды см. Тюрин, ук. соч., стр. 26 сл. О древнеперсидском термине для сикля см. J. Naghata, *Elamica I*, ALASH, IV (1954), 3—4, стр. 301 сл.

⁷ Знаком λ мы передаем условно знак λ , а знаком μ (в дальнейшем) — знак μ .

«широкий» (о земле) от глагола с базой (h)аṣ- «увеличивать, делать большим» (ср. Бех., 66) позволяет понимать существительное а-ṣа-аḳ-қа-га примерно как «широко(плечий), верзила, детина».

⟨8⟩. Обращает на себя внимание имя Maš-da-ia-āš-na; это обильно засвидетельствованный в Авесте mazdayasna «маздопоклонник». Носитель этого имени в нашем тексте либо был так назван от рождения еще до воцарения Дария, либо в угоду царю, настойчиво выдвигавшему культ Аурамазды, сам присвоил себе это имя; во всяком случае этим подчеркивалась его особая приверженность маздеизму в противоположность daīvayasnā, почитателям дайвов.

⟨9⟩. Ва-қа-рі-ік-па; имя тождественно с именем отца Видарны, одного из сподвижников Дария в событиях 522—521 гг. (Бех., 68).

⟨10⟩. Mi-ud-ra-an-қа. Имя Видранга носил, например, крупный персидский военачальник в Элефантине⁶, замешанный позднее в событиях, развернувшихся в этом городе в 14 г. Дария II⁹. Слово vidranga может значить «раздирающий тела (врагов)».

⟨12⟩. Ваг-па-ак-қа. Кэмерон ограничивается здесь только одним замечанием («хорошо известное имя Фарнак»), не сопоставляя его с Ваг-па-ак-қа FT, 6754. Отцом Фарнабаза, второго по значению персидского полководца в походе Ксеркса на Грецию, был некий Фарнак¹⁰. В FT имя Фарнака встречается не раз. Так, в опубликованном Кэмероном тексте FT, 6754 от 16 г. Дария I (апрель 506 г. до н. э.) некий Ваг-па-ак-қа предлагает Ариене, судя по содержанию текста, ведающему кошарой овец (^h gi-sa-pat-ti-iš = *gaiṣapatiš)¹¹ выдать сто овец царской дочери Артистоне; он ссылается при этом на подлинные, приводимые им в этом же распоряжении слова Дария. Последний, как видно, обращается не прямо к заведующему кошарой, а к Фарнаку, очевидно, начальнику царских стад. Вероятно, этот высокопоставленный слуга Дария, названный в тексте 506 г. и принадлежавший к тому поколению знати, которое действовало с Дарием при его воцарении, и был отцом ксерксова полководца Артабаза, подобно тому как Гобрий, сподвижник Дария, был отцом другого ксерксова полководца Мардония, а наварх Мегабат — отцом наварха Мегабаза (Her., VII, 17). Между 506 (время Фарнака, начальника царских стад) и 480 гг. (время Артабаза, сына Фарнака) проходит время одного поколения: Дарий: Гобрий: Мегабат: Фарнак и Ксеркс: Мардоний: Мегабаз: Артабаз, соответственно сыновья первых четырех.

В FT, 6415 (СРТТ, 140) Ваг-па-ак-қа предлагает некоему Ушайе, «ведающему вином» (GESTIN^{idg}-ku-ti-ra), выдать вино жрецам возлияний (в этой части документ является полной параллелью приведенному выше, где упомянут Ариена, ведающий кошарой). Названный текст датирован 22 г. Дария (500—499).

В FT, 6415 и 7096 Фарнак, сын Аршамы, предлагает (кому — неизвестно: Кэмерон не приводит всего текста) выдать серебро «жрецам, которые в Камаруке, [и которые] пусть совершат (или: совершают) возлияние богам Камаруки» (СРТТ, 199); к сожалению, Кэмерон не приводит даты документа. Последний, кстати, показывает выдачи серебра и в документах FT.

Упомянутое во всех этих текстах лицо, дающее распоряжения о выдаче овец, вина, серебра — распоряжения, направляемые заведующим раз-

⁶ rb hila Сиены в 8 г. Дария II — A. H. Saucе — A. E. Cowley, Achaemic Papyri discovered at Assuan, L., 1906, J 37113, 2.

⁹ См. E. Kraeling, The Brooklyn Museum Papyri, New Haven, 1953, 103 сл.

¹⁰ Ἀρτάβαζος ὁ Φαρνάκης — Her., VII, 66; VIII, 126; IX, 66, 89.

¹¹ W. Hinz в рецензии на R. G. Kent, Old Persian (1950), ZDMG, 102 (NF, 27, 1952), 2, стр. 374, интерпретирует *gaiṣapatiš как Vieh-Oberster, Herdenmeister.

личными складами, кошарами и т. п., — является, очевидно, главным «экономом» царя; это действующий в 506—500 гг. Парнакка. В последнем из приведенных документов говорится о печати «Парнакки, сына Аршамы», а в FT 1018 (СРТТ, 52, 43), видимо, тот же Парнакка получает 150 ка муки¹², т. е. 100-дневный рацион. Фарнак, видимо, не прославил себя военными подвигами, как его сын Артабаз.

<14>. Ва-ка-ги-иа встречается в FT, 2934, где значится какая-то выдача некоему Maṣṣanaṣi (судя по имени, эламиту), согласно приказу за печатью Багагии¹³.

<15>. Ваг-ни-иш-ша встречается в FT, 6663, где значится выдача магу Курке (по предложению Фарнака?) 12 сосудов вина kur-mín¹⁴ ba-ni-iš-ša.na «рукою Парниджи» (Hallowck, ук. соч., 231). К сожалению, и Халлок не приводит дат упомянутых здесь документов.

Таким образом, из 13 имен списка пять¹⁴ — Марьякарша <5>, Аджакка <7>, Багагия <14>, Парниджа <15>, Парнакка <12> — уже встречаются даже в тех немногих отрывочных текстах, которые приведены у Кэмерона и Халлока. Носители этих имен занимают важные посты в царском хозяйстве, их печати помещаются на ответственных хозяйственных документах. Можно думать, что публикация большего числа текстов FT даст нам и некоторые другие имена данного списка. Поскольку же ни одно из 13 имен списка не встречается в других текстах сокровищницы, то это еще больше подтверждает высказанное выше положение, что группа документов TT, 4—8 относится по времени их составления к табличкам крепостной стены.

Отметим здесь заодно еще одно имя. В TT, 8 в качестве начальника одной партии *курташ* назван ba-ka-ba-da¹⁵ MA¹⁶ gi-ul-lij-ra «Багабата, адмирал». Кэмерон отождествил его с Мегабатом, двоюродным братом Дария I и дариева брата Артаферна, сатрапа Сард¹⁶.

Мегабат командовал персидским флотом в походе на о. Наксос в 499 г.¹⁶

В FT, 7393 (Hallowck, ук. соч., 247) некий ba-ka-ba-ud-da, Мегабат, берет зерно для выдачи его наемным людям для посева. Если царский брат, адмирал, ведал партией *курташ* (TT, 8), то он мог заниматься и делами посева. Для нас в данной связи существенно, что активная деятельность Мегабата относится ко времени около 500 г., т. е. к тому же времени, когда действовал и Фарнак.

<16>. PAB — идеограмма итогов. Общая сумма в 530 каршей складывается, таким образом, из отдельных сумм: $60 \times 4 + 50 \times 3 + 30 \times 2 + 20 \times 4$. При расчете одна овца = три сикля выдача 5300 сиклей выглядит так, как если бы 13 мужам было выдано 1766 овец.

<17> ba-šip ha-tu. ma. Второй и третий знаки возможны и в другой транслитерации: pâr-šip (Папер), pâr-sin (Вейсбах), bar-SIN (Халлок). Транслитерация Кэмерона придает слову форму множ. числа, и оборот в целом переводится Кэмероном словами «среди персов».

Как будет показано ниже, данный перевод не согласуется со сказуемым и дополнением строк 17—18, поэтому и «перевод по смыслу» (kata synesis) всего предложения в целом — 13 мужей «держат» или «владеют» известными заслугами среди персов, «примерно как мы говорим о людях,

¹² Лица, называемые по имени, получают, согласно текстам FT, по 1,5 ка в день — Hallowck, ук. соч., стр. 248.

¹³ ba-ka-gi-ia.na — Hallowck, ук. соч., стр. 244.

¹⁴ С учетом адмирала Багабаты (см. ниже) — шесть имен.

¹⁵ Названный сатрап упоминается в FT, 3959 — Hallowck, ук. соч., стр. 247.

¹⁶ Нег., V, 32—33; сын его Мегабаз был одним из навархов в походе Ксеркса на Грецию — Нег., VII, 97 — а сыновья Мегабаза (внуки Мегабата) занимали в это время важные посты; их дед Мегабат был, очевидно, уже при Дарии человеком в годах.]

владельцев Орденом Конгресса или чем-либо подобным (Congressional Medal or the like)» (СРТТ, 91) — не выражает подлинного смысла этого места документа. Обратимся к рассмотрению оборота.

Сложный послелог *ha-tu.ma*, поскольку ему чаще всего соответствует перс. *antar* «в, внутри, среди», до сих пор переводится эламитологами как одно целое, «по-персидски», хотя *antar* одинаково переводит как *ha-tu.ma*, так и *ma*. Необходимо поэтому установить различие между названными частями речи.

1) Послелог *ma* без сочетания с *hatu/ti* употребляется: а) при пространственных обозначениях: **halmariš.ma = antar didam* «в крепости» (Бех., 32), **ba-ir-šá hi.ma* «в этом Персеполе» = *anā pārsā* «в Персеполе» (ХР а 3); б) при временных: **be-ul ki.ma = hamahyāyā šarda* «в одном (и том же) году» (Бех., 52; 56; 57; 59; 62), *pu-in-ki-te.ma = juamnam, patiy* «в последний день (месяца)» (Бех., 30). В обоих видах обозначений послелог *ma* ставится со словами, означающими единичные «предметы»: одна (эта) крепость, одна эта надпись, один год.

2) Послелог *ma* в сочетании с *hatu*: а) при пространственных обозначениях: **da-a-ia-u-iš hi ha-ti.ma = antar imā dahyāvā* «в этих странах» (Бех., 8), имеются в виду перечисленные раньше в § 6; [у] *be-ut hi ha-ti.ma = antar imā hamaganā* «в этих сражениях» (их число, 19, указано в Бех., 52). Здесь *hati.ma* ставится в тех случаях, когда перед нами много предметов, страны, сражения. То же мы видим и б) при временных обозначениях. В ТТ, 69 и 70 большая масса *куртаи* получает «плату» вином за 10 **na-an ha-tu.ma* **dITU^{idg} kar-ma-ba-taš* **be-ul 20-um-me.na* «(за 10) дней месяца гармапада года 20-го»¹⁷. Здесь *hatu* стоит при слове *na-an* «день». Работали 10 дней из 30 дней месяца. Харадкама египтянин, сатапат плотников, работал в Персеполе в «месяце варказана, месяце атриядия...» и т. д.; РАВ 5 **dITU^{idg} ha-tu.ma* **be-ul. 30-na.ma* «всего 5 месяцев *hatu* в 32 году». Здесь при словах «месяц» и «год» стоит *ma*, но только при слове «месяц» — *hatu*. Харадкама работал не весь год, а только названные в документе пять месяцев из 12. Два человека работают в Персеполе РАВ 12 **dITU^{idg} ha-tu.ma* «всего 12 месяцев *hatu*» (6 года Ксеркса — ТТ, 23). Кажется, можно было бы сказать: РАВ **be-ul ki.ma* «всего один год», без употребления *hatu*; к чему оно здесь?

Как видно, работа имеет место в определенном календарном цикле (месяц, год), но заполняет только часть цикла (10 дней месяца, 5 месяцев года, 12 месяцев года!), зато заполняет сплошь, причем «сплошь» заполненная часть, в свою очередь, состоит из определенных единиц времени (день по отношению к месяцу, месяц по отношению к году). Следовательно, употреблением *hatu* при временных определениях подчеркивается тот момент, что каждая единица данной части цикла заполнена известной деятельностью, сам же цикл обозначается посредством *na* или *ma*. Но это же значимо и для пространственных определений. В Бех., 10 говорится, что «ложь в стране (*dahyuvā*) усилилась, и в Персии, и в Мидии, и в других странах (*uta aniyāuvā dahyušuvā*)» = элам. *ti-ut-ki-me* **da-a-ia-u-iš ha-ti.ma ir-še-ik-ki* [*hu-ud-da... ku-ud-da*] **par-sin ik-ki ku-ud-da* **ma-da-be ik-ki ku-ud-da* **da-a-ia-u-iš ar-pa da-a-e ha-ti.ma*. Как видно, эламит переводит калькой. В обоих версиях за общим заявлением об усилении лжи в странах (дословно в обеих версиях стоит «страна» — единственное число!) идет перечисление стран: Персия, Мидия и др., причем как в общем заявлении, так и в заключении в эламской версии, помимо ло-

¹⁷ Род. п. *na* при названии месяца может опускаться; он налицо в следующем тексте FT, 6754: **dITU^{idg} ha-du-kán-nu-iš.na* **be-ul 16-um-me.na* «месяца *адуканиш* года 16-го».

кативного *ma*, стоит *hati*, которое не просто заменяет *ma* (последнее может быть заменено *ik-ki: Pārsaiy (Loc.) = "par-sin ik-ki)"*¹⁸, но подчеркивает: при первом *ha-ti.ma* (к *dahyuvā*, ед. ч.) усиление лжи в каждой стране — перечисление «каждой» последует дальше —, при втором *ha-ti.ma* (к *dahyušva*, мн. ч.) — усиление лжи во всех других, кроме ранее названных Персии и Мидии.

Наконец, последний пример, тождественный с рассматриваемым оборотом *bar-šīr ha-tu.ma*, это Бех., 8, где *antar imā dahyavā* эламит переводит «*da-a-ia-u-iš hi ha-ti.ma*. Здесь (как и в § 7) *hi* указывает на перечисленные уже в § 6 страны. Но он ставит *da-a-ia-u-iš* в единственном числе (в противоположность перс. мн. числу *dahyāva*), хотя в § 6 перечислено 23 страны. Ясно, что здесь *hatu*, хотя и несет на себе функции мн. числа, выражает не простое множество (для чего служат *be, ip: da-a-ia-u-iš-be — passim*), а сплошной охват всех отдельных единиц в части некоего высшего целого (или всего этого целого): вспомним перечисление месяцев в ТТ, 1 — *варказан, атриядия* и т. д. — с «итогом» — «все-го столько-то месяцев такого-то года».

Таким образом, *hatu* означает «все, каждый»¹⁹ и в сочетании с локативом *ma* — заполнение действием или деятельностью в с е х п у н к т о в какой-то части определенного замкнутого пространства или в с е х м о м е н т о в, относящихся к части определенного временного цикла (а иногда и всего цикла). Послелог *ma* локализует действие в определенном замкнутом пространстве как целом, *hatu* же в сочетании с *ma* объединяет и обобщает отдельные пункты, составляющие в совокупности лишь часть указанного локативом определенного пространства; поэтому *ha-tu.ma* при пространственных обозначениях может быть переведено «повсюду, сплошь» (в пределах названной части целого или даже всего этого целого). Рассмотренный здесь сложный послелог в древнеэламском выступает как *ki-it-tim.ma*; ср. *pi-el ki-it-tim.ma* «в продолжении всего года».

Что касается *bar-šīr*, то в самом персидском словом *pārsa* обозначается одинаково: 1) «Персида» = элам. «*pār-sin* (Бех. и NR а 3), 2) «перс» = элам. «*pār-sir-ra* (Бех., 13; 68), 3) «персидский» = элам. «*pār-sin* (Бех., 11; 12; 14) и 4) «Персеполю» = элам. «*ba-ir-šá* (XP а 3, ТТ *passim*, за исключением ТТ, 23, где «Персеполю» имеет личный детерминатив: «*ba-ir-šá*). За исключением «Персеполя», всюду детерминатив лиц. Да и в списках провинций (Бех., NR а) тот же детерминатив стоит перед названиями стран (как и перед самим словом *da-a-ia-u-iš* «страна»). Эламит, таким образом, называет страны по народам (ср. «путь из варяг в греки»). Кроме того, в NRа 3 названия 24 провинций представляют простые кальки персидских, без обычного эламского показателя множественности *be, ar, ip*, и все же перед ними стоит детерминатив лиц. Поэтому наличие детерминатива лиц перед словом *bar-šīr = pār-sin* в нашем случае отнюдь не является обязательным для перевода слова исключительно как «персы». Тождество нашего оборота с оборотом Бех., 10: *da-a-ia-u-iš ha-ti.ma* «повсюду в стране», «во всей стране» заставляет нас переводить *bar-šīr ha-tu.ma* как «повсюду в Персиде», т. е. сплошь, в каждом ее пункте, где проживает *bar-šīr* «персидщина» («персы») ²⁰.

¹⁸ Ср. также Бех., 70: «*tup-pi-me da-a-e ik-ki hu-ud-da har-ri-ia.ma* («эту мою) надпись в другом (= другой) я сделал, на (языке) арья».

¹⁹ В отличие от *un-ra* «каждый в отдельности».

²⁰ Прекрасный пример, иллюстрирующий высказанные выше положения, представляет текст ТТ, 9, сткк. 5—8 (с восстановлениями Кэмерона): «*mu-šir-ri-i[a-ip "ḪAR^{1dg} ʔše-iš-ki-ip ʔm[u-šir-ri-ia]. an.mar "ba-ir-šá-i[š ši-nu-ip] "ḪAR^{1dg} ʔhu-ut-ti-ip "i-ia-an* («*курташ*) ʔегипта[не по камню] ʔумельцы из ʔЕ[гипта] в ʔПарс[у прибывшие].

В контексте целого предложения данный перевод означает не «люди, которые среди персов» чем-то отличились (как у Кэмерона, который затрудняется поэтому перевести дальнейший оборот $\lambda an-da-kaš ma-a-ráš-šá-ip$), или «которые в Персиде», а «люди, которые повсюду в Персиде» имели какое-то дело с какими-то $\lambda an-da-kaš$ (личный детерминатив! — но едва ли перед названием страны).

<17—18>. Обороту $\lambda an-da-kaš ma-a-ráš-šá-ip$ в следующем документе (стк. <8>) соответствует $mar-ri-iš an-da-kaš$.

ТТ,5²¹

<1> 9 ME 4 kur-šá-am KÙ.BABBAR	904 карши, серебро,
<2> ^{idg} kur-mín $\lambda un-sa-$	из рук «унса-
<3> ak.na $\lambda kam-ba-ti-$	ка»
<4> ia-ip ^u bar-mi-iš-ša. (местности) Парми-
<5> an $\lambda sad-du-mi-iš$	джа — Саддумиш (их)
<6> šá-ra-man-na ak-ka-	начальник —, кото-
<7> be ^u mar-sa-iš-kaš	рые (в местности) Марсашка
<8> mar-ri-iš an-da-kaš
<9> ap du-nu-ka $\lambda da-$	им дано. Да-
<10> ri-ia-u-iš ^{še'} ráš-da	рий приказал (дать);
<11> un-ra $\lambda RU\ddot{u}$ ^{idg} ki-ir.	каждому человеку одно-
<12> na 8 kur-šá-am	му 8 каршей

Комментарии и замечания

Строка <1> и <3> — сумму в 904 карши получили (904 : 8) 113 человек, именуемых в строке третьей $\lambda kam-ba-ti-ia-ip$ (мн.ч.). Кэмерон восстанавливает здесь перс. *gaupati со значением «хозяин скота», «пастух (крупного рогатого) скота, коров» (cattle master, cowherdsman). Однако в замечаниях к тексту и в переводе (в последнем, впрочем, под знаком вопроса) он принимает второе значение, «пастух». Индийский язык развил два ряда слов для обозначения двух социальных категорий: с одной стороны, для хозяина скота gópati, gomin, gaviśvara, gavendra . . . , с другой — для пастуха: gorā, gorakṣa, gorala и ряд других²².

В персидском такое разграничение как будто не наблюдается: $\lambda kur-taš$ UDU. NITĀ^{idg} ba-te-ip в ТТ, 50 и 61 (при UDU.NITĀ «овца, баран» = перс. *раду²³) являются *радурати «овчарами», пасущими царских овец, а ru-ḥu ka-ra-bat-ti-iš (ТТ, 47 и 58) — *хагарати «погонщиками ослов», принадлежащих царскому вису. Но это не значит, что в персидском об-

²¹ Камень λ «обделывавшие в «колонном зале». Здесь перед словами «Парса», «колонный зал», «камень» стоит детерминатив мест, но перед названиями профессий и словом «Египет» — детерминатив лиц. Характерно, что и Геродот, и Ктесий при обозначении территории Персии одинаково употребляют слово «перс» во мн. числе: ἐν Πέρσῃ — досл. «в Персах» (подобно тому как у нас в XVI в. говорили «в Грекѣх» = в Греции) (Нег., VI, 24); ἐκ Περσέων «из Персии» (Нег., III, 30), ἐς Πέρσας «в Персию» (там же) = εἰς Πέρσας (Ctes., Persica, 9). Выходит, что названные историки выражаются «по-эламски»: ἐς Πέρσας, напр., есть точный перевод эламского ^u par-sin (bar-šir) ik-ki. Между тем, в ахеменидских надписях pārsa при всех указанных выше значениях всегда стоит в ед. числе. Поэтому для перевода bar-šir здесь употреблено слово в ед. числе, «персидщина».

²² СРТТ, 92 и табл. IV. Глиняная табличка размером в 45 × 36 × 18 мм хорошей сохранности, хранится в Восточном институте в Чикаго под № 23303.

²³ Ср. в параллель к этому инд. gḥāpati «хозяин дома» и gḥarā «сторож дома».

²³ О восстановлении *раду см. Nagmata, Elamica I, стр. 306—307.

шестве не было независимых персов, являвшихся собственниками овец и мулов. Поэтому и *gaurati могли быть не только пастухами крупного рогатого скота, но и хозяевами его. И последнее даже более вероятно. Овцы и козы — достояние бедняка, крупный рогатый скот, лошади, верблюды — имущество богачей, «гоматов», «виштасп», «фрашуштр»²⁴. По Геродоту, богатые персы в день рождения закаривают целиком быка, лошадь, верблюда, осла, бедняки же довольствуются мелким скотом, овцой или козой (I, 133). Поэтому мы должны видеть в *gaurati, особенно в сравнении с инд. gópati, скорее «хозяина скота», чем просто «пастуха».

Однако здесь восстанавливается не просто *gaurati, так как вторая часть слова во мн. ч., -pataya, была бы передана в эламском -ba-da-ia-ip или ba-te-ia-ip с передачей перс. сочетания -aya-. Или это было бы передано -ba-te-ip (как в ТТ, 50 и 61), или -bat-ti-iš-be («дасапаты» — десятичники в ТТ, 15) с элам. показателями множественности ip и be. Уже Р. Лаба²⁵ сделал некоторые верные замечания о передачах персидского rati, но не обратил внимания на наличие в нашем случае суффикса iya, отличающего рассматриваемое слово от всех других составных с rati, в силу чего элам. kam-ba-ti-ia-ip передает *gauratiya. Наличие суффикса принял во внимание Гершевич²⁶, придавший, однако, слову другое значение: это не обычный пастух (cowman), а название (a title) «лица, подчиненного гопату». В связи с этим привлекается «пехл. gōpat, титул главы в Согдиане»²⁷.

Изложив затем собственные соображения относительно основы gaw-, Гершевич связывает, вслед за Марквартом, авест. gava с Γάβα Страбона²⁸, последнее же, в свою очередь, вслед за Шедером, с др.-перс. plur. *gava, как названием округа, «что могло бы дать мн. число от этнического *gava, происшедшего из *gav-»; «... kam-ba-ti-ia-ip = *gauratiya, — говорит он в заключение, — были должностными лицами (officials), подчиненными главе *gav-'ы», а встречающиеся в этой табличке местности следует искать в направлении Исфахана. Основанием всех построений Гершевича является постулируемое им *gawa (в простой форме *gaw с значением «поселение») при отождествлении его с авест. Gava.

Как ни соблазнительна гипотеза персидского двойника согдийского «гопата»²⁹, от нее все же приходится отказаться. Уже В. Хеннинг, замечания которого относительно Γάβα Гершевич приводит в заключение своей рецензии (Addendum, 144), показал, что др.-иранской формой Γάβα было не *gawa, а *Gaba, последнее же не может отождествляться с авест. Gava, если исключить предположение, что Gava написано вместо *Gawa. Что касается kam-ba-ti-ia, то оно, по Хеннингу, может передавать др.-перс. *gaubaḍiya «„speaker“ (ср. xšāyaḍiya „ruler“). «Его должность (office) могла быть сходной с таковою сасанидского yātak gōv». Относительно *gaubaḍiya следует заметить, что эламское ti передает только перс. ti и di (Ir-du-mar-ti-ia — «Артавардия», Ja-ú-ti-ia — «Нутия»). Примеры передачи перс. šī не встречаются. Да и 113 «говорунгов» или «представителей», награжденных царем, не подходят к контексту нашего документа.

²⁴ Ср. инд. *gauratyam «имущество, состоящее из крупного рогатого скота».

²⁵ R. Labat, Rec.: «Bibliotheca Orientalis», VII, 1950, 92.

²⁶ I. Gershevitch, рец. на публикацию Кэмерона, «Asia Maior», N. S., II (1951), 1, стр. 137 сл.

²⁷ По Bailey, на которого ссылается Гершевич, — «lord of the gava(s)» («лорд деревни(ень) или стоянки(ок) скота».

²⁸ Округ ахеменидской Персии, Исфахан.

²⁹ Образы и представления, связанные с последним, рассматриваются в ст. К. В. Тревер, Гопатшах — пастух-царь, ТОВЭ, II (1940), стр. 71—86.

Позднее к термину *kam-ba-ti-ia* обратился Бенвенист³⁰. Перевод Кэмерона «хозяин скота, пастух» он считает маловероятным и пытается привлечь *gw*(?) в одном из папирусов у Крелинга (12, 25), где этим словом обозначена женщина, судя по контексту, служанка. Бенвенист ставит вопрос, не употреблялось ли *gw* и для мужчины. «Если бы так, то в иран. было бы **gav(a)* — почти „слуга, раб“» (309). Данная догадка является слишком слабым основанием для того, чтобы объяснить до конца наш термин, тем более что и Бенвенист отвлекается от суффикса *iya*.

Для уяснения нашего термина существенно распознать роль этого суффикса в образовании подобного рода производных слов. В приложениях к отношениям между людьми слова с *iya* выражают принадлежность индивида или группы их к более высшей общности: племени и народности, роду и общине, большой и малой семье (патронимические слова), варне и касте, какому-либо сообществу, наконец, божеству (как в Индии; реально — храму божества).

В нашем случае **gaupatiya* предполагает общественную группу **gaupata* (по форме прилагательное из **gaupati*³¹), подобно авест. *vəgəzəna* «община»: *vəgəzənya* «общинник» (ведич. *vṛjāna*: *vṛjānia* «община, живущая в определенной местности»), а также *vāstra* «общинное пастбище»: *vāstrya* «пастух (как общинник)», в отличие от «технологического» *vāstara* «пастух». Надо полагать, что и **gaupatiya* есть обозначение принадлежности, если не к общине в целом, подобно *vəgəzənya* (персидский, видимо, имел свои термины для общинника, возможные **viθ* и **vaiθya*, как инд. *viś* и *vaiśya*), то к значительной общественной группе **gaupatiyā* — «скотовладелец», являющихся членами общины и составляющих, быть может, верхушку последних. Они приближаются к тем *εὐδαίμονες* Геродота, которые располагают крупным рогатым скотом в противоположность тем *πένυτες*, у которых имеется только мелкий скот. Таким образом, ^λ*kam-ba-ti-ia-ir* = **gaupatiyā* означает «(людей) из **gaupata*», общественной группы хозяев крупного рогатого скота. Они могут соответствовать тем из *παῖνορατῆ* «домовладык» Авесты, которые упоминаются ею в качестве вторых по рангу, по сравнению с домовладками из аристократии.

По-видимому, один из таких *gaupatiya* выступает перед нами в ТТ, 85, документе, написанном, как полагает Кэмерон, в Вавилонии и относящемся к 20 г. Дария. Значащийся здесь *Pa-at-te(?)mi-du* ^{amēl}*ma-da-a* ^{amēl}*mār gi-²-a-¹a(?)*¹ «Паттемида мидянин, сын пастуха» вносит за 19 и 20 годы податное серебро трех сортов в сумме около ³/₄ таланта. Паттемида определен, видимо, как по племенной, так и по социальной своей принадлежности. *Mār gi-²-a-a* представляется здесь переводом перс. **gaupatiya*³².

Мегасфен, рисуя картину индийского общества своего времени (нач. III в. до н. э.), перечисляет семь «классов населения», из которых соб-

³⁰ E. Benveniste, *Éléments perses en araméen d'Égypte*, JA, CCXLII (1954), 3—4, 308—309.

³¹ Но **gaupatiya* возможно и прямо из **gaupati*, как показывает текст ТТ, 53; здесь *куртац* местности ^λ*ka-bar-ar-iš* = **Xafrari* (нын. Хафр, по Кэмерону) работают под началом Напиджи «сатаната» ^λ*ka-bar-ar-ia-iš* = *xafrariya* «хафровца, из Хафра». Текст 3707 (H al l o c k, ук. соч., 247) дает ^λ*ma-rār-pi-ia-iš*, что следует отождествить с *μαράριοι* (H e r., I, 125; ср. S t e p h. B y z., s. v. *Μαράριοι: ἰπὸ τοῦ Μαράριου βασιλέως*) и что предполагает **ma-rār-pi-iš*, ср. *Μάραρις* Э с х и л а (Persae, 778).

³² В мире древнего Двуречья общественная и профессиональная принадлежность, как и личная зависимость, обозначалась, напр. у вавилонян, постановкой слова *mār* перед названием общественной группы: *mār ummanī* «ремесленник», *mār išragī* «ткач», *mār širgi* «посланец», *mār šarri* «сын (или человек, зависимый от) царя».

ственно производительными являются: 1) земледельцы, как «класс населения наиболее многочисленный и честный», 2) пастухи и охотники («им одним дозволяется охотиться и пасти скот») и 3) ремесленники, в том числе мастера оружия и кораблестроители, работающие только на царя. При этом «никто не может вступать в брак с лицом, принадлежащим к другому классу, никто не может менять своего занятия или ремесла на какое-нибудь другое»³³. Перед нами здесь не простое «технологическое» разделение труда в обществе, но основанные на нем общественные группировки, фиксированные законом. Для нас важно в данном случае то, что «класс» пастухов по сравнению с земледельцами выступает как особая общественная группа³⁴.

В заключение данного изыскания о «гаупатиях» заметим, что в сткк. <4—5> гаупатии обозначены еще и по своей локальной принадлежности к **bag-mi-iš-ša.an*. О локализации этого пункта см. ниже.

<7>. **maḡ-sa-iš-kaš*. Здесь совершаются действия, за которые «гаупатии» получают щедрую награду. Марсашка не раз встречается в хозяйственных текстах Персеполя. ТТ, 81 представляет список лиц из разных пунктов Персиды. Цель составления списка неясна (документ, к сожалению, испорчен). Общее число лиц «200 без 1», т. е. 199. Из этого числа почти половина, 87 чел., приходится на Марсашку. Кэмерон (РТТ, 92) упоминает текст FT, 5466,4, в котором, «оплачиваются» «workmen (очевидно, kurtaš. — В. Т.) царя, добывающие плату в Марсашке». В FT, 6663 (Hallock, ук. соч., 239) упоминается маḡ Курка, получивший из рук Парниджи (ср. ТТ, 4, 15) 120 ка вина для возлияний в Марсашке. Очевидно, это был какой-то значительный населенный пункт, куда были направлены «гаупатии» округа Пармиджи. Кэмерон полагает, что обе местности лежали неподалеку друг от друга. Предлагаемая им локализация Пармиджи представляется ему самому сомнительной. Что касается Марсашки, то ее, по Кэмерону, может представлять «современный Mazijān, араб. Muraizigān, в равнине Беванат, примерно в 140 милях на северо-запад от Pāriz» (возможной Пармиджи), находящегося в 135 км на юго-запад от Кирмана. Mazijān расположен на расстоянии около 40 миль от Пасаргад (СРТТ, 92).

<8>. Действия, совершенные «гаупатиями», обозначены словами *maḡ-ri-iš an-da-kaš*. Этот же оборот, с перестановкой слов и с некоторым отличием глагольной формы сказуемого, уже встречался в первом тексте (17—18).

maḡ-ri-iš. Эламская глагольная база *maḡ-* достаточно засвидетельствована в Бех. с двумя основными значениями. 1) *maḡ-* «держать»: предмет в руках (напр., колчан со стрелами), человека; «занимать» (берег реки); «владеть» (царством, странами, каким-либо искусством — в ТТ в существ. мн. ч. *maḡ-ri-ir* «умельцы, мастера»³⁵). Это значение соответствует перс. *dār-*. 2) *maḡ-* «овладеть, взять силой, захватить»: пленить человека — в Бех. в обстановке военных действий, при преследовании врага с конечным

³³ Strabo, XV, I, 40—51, перев. Ф. Г. Мищенко.

³⁴ Э. А. Грантовский обратил мое внимание на те места в *Arđā Virāf Nāmak* (гл. гл. XIV и XV), где также упоминаются общественные группы *vāstryōšān* «земледельцы», *hutuxšākān* «ремесленники» и *šupānān* «пастухи».

³⁵ Иначе W. H i n z, *The Elamite Version of the Record of Darius's Palace at Susa*, JNES, XI (1950), 1, стр. 6 и И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 324, прим. 3, который полностью следует здесь за Хинцем. Однако ср. эламский оборот *kurta(š) maḡir mišbašana* (ТТ, 79, от 5 г. Артаксеркса I) с тождественным ему арамейским оборотом *grd mnn wsrzn* «*грда* мастера разного рода (разных специальностей)» (G. R. D r i v e r, *Aramaic Documents of the Fifth Century B. C.*, Oxf., 1954, док. № VII, сткк. 2—3. У Драйвера *wsrzn* — «of various races»). Аргументация перевода «разного рода (разных специальностей)» будет изложена в другом месте.

результатом захвата его; «захватить» (город, страну); «овладеть» (властью). Это значение соответствует перс. *garb*.

В рассматриваемых текстах легко выделяются простые предложения («абсолютивы»): ТТ, 4 — 13 ^λRUH ak-ka-be. ^λan-da-kaš ma-a-rāš-šá-ip «люди, которые...»; ТТ, 5 — 113 ^λkam-ba-ti-ia-ip. ak-ka-be. mar-gi-iš an-da-kaš «гаупатии, которые...». Во втором тексте сказуемое *mar-gi-iš* имеет дополнение *an-da-kaš*. Этим определяется конкретное, однозначное для данного контекста значение *mar-gi-iš*. Перед *an-da-kaš* первого текста стоит личный детерминатив. Мы можем поэтому взять пока слово прямого дополнения — в условном переводе «андаки» — во множественном числе, поскольку действие 113 «гаупатиев» направлено, разумеется, не на одного «андака». Так как награда уже получена ими, то их действия, обозначаемые словом с глагольной базой *mar-*, уже завершились; они не «держат» (*mar-* 1) «андаков»³⁶, они, «гаупатии» уже «задержали, овладели, захватили» «андаков» (*mar-* 2). Кэмерон, не проводя различия между двумя значениями *mar-*, принимает фактически только одно (*mar-* 1). Поэтому он вынужден признаться, что «не в состоянии найти удовлетворительное объяснение для *an-da-kaš*, которые (один раз с „личным детерминативом“) могли бы быть „держимы“ или „схвачены“» (РТТ, 90). Гершевич (ук. рец., 137) также останавливается в недоумении: «holding(?) *an-da-kaš*».

Кэмерон, оставляя *an-da-kaš* без перевода, все же пытается представить себе «держание»: «два трудных слова в строке 17—18 текста (стр. 8, № 5) могут...иметь отношение к тому факту, что перечисленные лица „имеют“ или „владеют“ известными достоинствами, заслугами или благодеяниями среди персов, примерно как мы говорим о людях, „имеющих“ или „владеющих“ Орденом Конгресса или чем-либо подобным» (там же). Однако л и ч н ы й детерминатив не позволяет все же «держат» вещь, а действие, направленное на «андаков», обозначается как раз тем самым словом, которое повсюду в Бех. употребляется для обозначения схватывания людей в обстановке военных действий и при преследовании врага.

Различия форм *mar-gi-iš* и *ma-a-rāš-šá-ip* при одинаковой глагольной базе связаны, по-видимому (ср. особенно в Бех., 47; 53), с тем фактом, что, когда речь идет о лицах, совершающих непосредственную операцию пленения, в эламской версии появляется слово, в котором выступает первоначальная глагольная база *mar-*, как во втором документе, где «гаупатии» *mar-gi-iš* «андаков»; когда же перед нами лица, по повелению которых данная акция совершается через посредство других лиц, то появляется слово, в котором глагольная база претерпевает изменения, вместо *mar-* выступает *maug/maag-*, что мы и имеем в *ma-a-rāš-šá-ip*, относящемся к 13 мужам, получившим самые большие награды и игравшим, несомненно, роль, отличную от непосредственного схватывания «андаков». Форма *ma-a-rāš-šá-ip* представляет, по-видимому, «гибридную» форму причастия-существительного в функции глагола со значением примерно «возглавлявшие/возглавители пленения». Если непосредственный пленитель есть *mar-gi-га*, то лицо, велением которого другое становится пленителем, оказывается **ma-a-rāš-šá-га*, «виновник пленения».

an-da-kaš. Перед этим словом, как и перед награжденными, стоит (по крайней мере в ТТ, 4) детерминатив лиц, чем, как было замечено, исключается возможность истолкования слова как вещи. «Андаки» не заслужили показателя множественности *be*, хотя их, несомненно, много. В этом

³⁶ Простое держание, напр. под стражей, едва ли требовало таких расходов, и содержание преступников проводилось обычным, давно уже установившимся в стране порядком.

отношении данное слово как будто сходно с *курташ*, которому всегда предшествует личный детерминатив, но которое не имеет показателя множественности. Впрочем, последняя все же находит себе выражение в определениях к *курташ*, часто отстоящих далеко от самого определяемого. Наши же «андаки» взяты без какого-либо определения и все же выступают без *be*. Перед нами слово как будто собирательного значения.

Является ли термин эламским? Кэмерон приводит элам. *an-du-uk-ni*, дважды встречающееся в надписи одного эламского царя, «но, — говорит он, — оно по форме оптатив с неизвестным значением» (РТТ, 90). Однако если бы значение его и было известно, оно едва ли объяснимо бы *an-da-kaš*. Оставив в стороне оптатив *ni*, получаем *an-du-uk*, вероятно обычную альтернативу в грамматически различающихся формах с одной базой (типа *hu-ut-tuk: hu-ut-tuk-ka* «сделанный»), — словах, стоящих всегда без личного детерминатива. Это позволяет для д в а ж д ы засвидетельствованного элам. *an-du-uk-ni* реконструировать **an-du-uk-ka*, явно отличное от д в а ж д ы засвидетельствованного *an-da-kaš*; поэтому мы можем оставить его в стороне. Ничего не может дать и «*An-da-da-be* в четырех документах из Суз, изданных Шейлем (MDP, IX, № 103; 160; 36; 16) — наименование части округа, находящегося явно за пределами Персиды».

Что касается *an-da-kaš*, то в качестве эламского оно выглядело бы как *an-da-ka* и по своей форме относилось бы к разряду того значительного числа слов, которые обозначают объекты действия, приобретшие в результате воздействия на них известное состояние (условно «причастия: perfecti passivi»); это серия хорошо известных эламских слов с окончанием на *ka*: *du-ka* «взятый, -ое», *du-nu-ka* «(выд)анный», *gab-ba-ka* «связанный, в оковах» и т. д. Перед ними никогда не ставится личного детерминатива, и они не имеют конечного *š*, тогда как наше *an-da-kaš* имеет и то, и другое. Очевидно, что *an-da-kaš* к этой категории не относится.

Остается видеть в нем передачу персидского **andaka*. Это тем более так, что ряд персидских слов с окончанием на *ka* — ряд, правда, ограниченный, — передается с эламским *ka*, без окончания *š*, и часто имеет детерминатив *li*. Сюда относятся именныя слова: *avika* = элам. *ha-gi-ik-ka*..., собственные имена: **Kur-ka* *mag*, **Ma-uk-ka* = Вахаука, названия стран: *Zranka* = **Siranka*.

Однако **andaka* входит в другой более обширный ряд персидских слов, передаваемых в эламском с конечным *š*. Это слова с суффиксом *ka*, засвидетельствованные как в др.-перс. текстах и у античных писателей, так и в текстах Персеполя в эламском обличьи: *arāniyāka*, *arika*, *arštika*, **anguraka*, *karnuvaka*, **danaka* (δανύκη), *niyāka*, **paḍuka*, *bandaka*, *mārika*, *vazarka*, δανύκη (Геродот), ῥανύκη (Геродот), ῥυνδάκη (Ктесий)³⁷.

Так как эламский клинописный слоговой знак *da* передает без различия персидские *da* и *ta* (причем персидское клинописное *da* в свою очередь скрывает различия *da* и *dha*), то мы можем самому эламскому написанию дать и иную транслитерацию, не *an-da-kaš*, а *an-ta-kaš(s)*.

Что может дать этимология слова?

Ввиду того, что на почве индоиранского только др.-индийский дает

³⁷ Вопрос о том, почему тематические на «а» приимают в эламской передаче окончание *š*, которое Кэмерон считает «эламским», не может быть рассмотрен в рамках данной статьи. Автор надеется в другом месте показать, что «эламское *š*» передавало др.-перс. *s* (*š* перед *ša*, *šiy*), как окончание тематических на «а» в имен. падеже (*ās* = инд. *āh*), как фонему, реально существовавшую в эпоху, когда эламиты впервые начали передавать персидскую речь средствами своего письма, сохраняя этот модус и тогда, когда эта фонема в персидском была уже утрачена или в значительной мере редуцирована.

такую лексику, как *antaka*, *andhaka*, мы по необходимости должны обратиться в первую очередь к нему.

А) *ánta* м. 1) «граница, конец, край» (противоположность — *mádhyā* н. «середина»), в частности «край ткани, кайма»; «конец жизни»; «исход, развязка». В готском *and-s* м. «граница» и *andi* н. «Ende»³⁸. Образования с *ka* дают: а) *antaká* м. «кайма, край» и б) *ántaka* прилаг. «готовящий кончину, причиняющий смерть», существ. «*der Endmacher*, смерть»³⁹. Ср. далее прилагательные: *antakara* — «смерть причиняющий» и *antakarana*; 2) «непосредственная близость» (противоположность — *pañāká* «даль»). Сравнительная и превосходная степени прилагательных: *ántara* «более близкий, очень дружественный» и *ántama* «самый близкий, самый дружественный».

Относительно осет. *œndag* В. И. Абаев любезно сообщил автору следующее. «Осет. *œndag*, несомненно, восходит к **antaka*. Из тех значений, которые *anta-* имело в ведийском и санскрите, осетинский удержал только то, которое связано с противопоставлением *anta* — *madya*. *œndag* может применяться и к людям и к вещам в смысле „находящийся снаружи, вне внутреннего круга, образующего *medœg*“. Производное *œndagon* может значить „посторонний“, но не „враг“. Осет. *œndag* близко, таким образом, к санскр. 1 *antaká*.

Следует заметить далее, что, согласно индийским лексикографам и грамматикам, *ánta* значит «часть, доля», «решение, намерение» и как прилаг. «близкий». Соотносительные понятия целого и части более конкретны по отношению к категориям большого и малого; поэтому сюда следует отнести для сравнения ср.-перс. (пехл.) *andk* нар. «мало», н.-перс. *ándāk* «немного, мало», таджик. 1) «немного, мало; чуть-чуть; слегка»; 2) «незначительный, небольшой», курд. *hândk* «немного», все, очевидно, восходящие к значению *anta* «часть, доля». Те же лексикографы дают и *antyaka* прил. «в конце находящийся, последний», «самый низший, самый низкий и презренный», а также и существ. м. и ж. *antyakā* «мужчина (женщина) самой низшей касты».

Перед нами прошел ряд значений, восходящих к *anta* и одинаково приложимых, как кажется, к нашему контексту.

**Antaka-* в др.-перс. могло значить: 1) «(человек) малой доли» (иранские озвонченные *andk* и др. с значением «мало», инд. *ánta* с значением «доля» → с уменьшительным суффиксом *ka* **antaka* «малая доля»). В Шумере во времена Урнамму богатые и бедные обозначались как «люди мины» и «люди сикля» (Кодекс Урнамму, стб. IV). В таком случае «антаки» были малоимущими и не имущими людьми и слово «антак» могло иметь презрительно-уничижающий смысл вроде «голытьба», «голяки». При случае, «антаки» могли и принять для себя это имя, подобно *gēzam* и *санкюлотам*; 2) «близкий» (ведическое и санскр. *ánta* с значением «близкий» → образованное с *ka* существительное **antaka*, почти равное *ántama* «самый близкий, самый дружественный»). Так могли называть себя те, против кого направлялись враждебные действия по «захватыванию» и кто должен был обороняться, очевидно, после неудачного (?) с их стороны наступления. В таком случае наш документ называет их так в иронически-презрительном смысле; 3) «находящийся снаружи, за краем», «посторонний» (осет. *œndag* и *œndagon* — см. выше и *ántaká* 1 «край»). Едва ли это означало, что «антаки» — люди, проживающие на краю или за пределами Персиды: ведь их захватывали «повсюду в Персиде». Скорее они были названы так Дарием как изгой «персидщины», «посторонние» ей, чужаки; 4) «готовящий смерть»

³⁸ Об осет. *œndag* см. ниже замечания В. И. Абаева.

³⁹ *antaka.drúh* «чудовище (демон) смерти».

убийца» (инд. 2 *ántaka* «причиняющий смерть, приканчивающий»), вполне понятное для контекста значение.

Размах значений велик, от близкого до постороннего, от самого дружественного до причиняющего смерть. Это не должно нас удивлять, в индийском, напр., *dvitīya* и «спутник, товарищ, друг» и «враг». Б л и з к и е друг другу «антаки» могли быть причиняющими смерть «антаками». Характерно, что вероятные значения слова имеют свои синонимы в др.-перс., и поэтому возникает вопрос, почему выбрано именно это многозначное слово. Если антаки малоимущие, то почему они не *skauḍaya* или *šakauga* «слабые, бедняки». Если они заговорщики или мятежники, то почему не *hamiθriyā*, как назван и народ, восставший в Маргиане. Если убийцы, то почему не *jatāra*. Вероятно потому, что при необходимости обозначить людей, опасность которых, очевидно, была особенно велика, было избрано такое слово, которое имело много значений. Если «антаки» назвали себя «близкими», «друзьями», то их враги придавали слову другие, проницательные и презрительно-уничижающие значения. Отметим в этой связи и инд. *andhā* прилаг. «слепой», в конце составных «ослепленный, омраченный, опьяненный»⁴⁰. Образованное отсюда *andhaka* прилаг. «слепой» в качестве существительного встречается в виде собственных имен, обозначая во мн. числе род носителей этого имени. Это слово в его прямом значении явно не подходит к контексту наших документов. Возможно только переносное значение, какое мы видим в составных с *-andha*, «омраченный, ослепленный» (каким-либо аффектом), и «андаки» были названы так официально с намерением показать, что они чего-то не видят, «слепы».

Разумеется, впредь до открытия каких-либо новых данных, которые показали бы действительное значение термина, мы вынуждены считаться с приведенными здесь как наиболее вероятными. Решающим же в истолковании наших документов будет «реальный» контекст, т. е. та общественно-политическая обстановка, которую мы сможем воссоздать в сочетании с другими данными.

Приведем теперь остальные три текста из интересующих нас документов.

ТТ, 6

<1> 1 ME MA 5 kur-šá-	165 кар-
<2> am KÜ. BABBAR ^{idg} kur-mín ^λ	шей, серебро из рук
<3> un-sa-ak.na MUNUS ^{idg}	«унсака» — женщины,
<4> ANSU.[KUR.] 'RAI ^{idg?} MUNUS	(занятые уходом за ?) лошадь(ми)
<5> 'ab'-ba-ak-iš.na ^λ	женщины Апакиш,
<6> 'ap'-pi-ši-'ia'-ti iš	Апишиятиш
<7> ší-ra-man-na du-iš-	(их) начальник, — полу-
<8> da pi-ik-ti	чили (как) <i>пикти</i> -помощь;
<9> ^λ sunkir ap ši(!)-ráš-	царь им прика-
<10> da ^λ da-du-man-ia tal-li-iš	зал (дать). Дадумания написал.

Замечания

Получившие «помощь» женщины поставлены здесь в какую-то связь с лошадьми некоей Апакиш. В переводе принято условно, вслед за Кэмероном, что они заняты уходом за лошадьми. Если Апакиш — владелица лошадей (быть может, вдова богатого перса-коневода), почему же «помощь» ее табунщицам оказывает не она, а царь? К тому же над группой табунщиц поставлен некий Апишиятиш, который с определением «сын Вахауки» в той же должности «шараманы» значителен начальником партии *курташ* в следующем документе № 7. Ясно, что он поставлен царем и над *курташ*

⁴⁰ Ср. авест. *andhāšca* — вин. п. мн. ч. «я слепых» — Яшт, V, 93.

и над женщинами Апакиш. Под его командой последние совершили что-то, о чем документ не говорит, и получили не *галь*, обычную «плату»-корм, за обычный «уход за лошадьми», а дар, названный помощью. Какова здесь роль Апакиш, если она не начальник и отнюдь, надо думать, не владелица лошадей? Очевидно, роль какого-то эпонима да н и о г о отряда табуниц, который она обычно возглавляет, но который почему-то теперь перешел под начальство Апишиятиша.

Отряд женщин получил круглую сумму в 165 *ка р ш е й* (не сиклей!) так же как и в док. ТТ, 5, где «каждый» «гаупатия» получил по 8 *ка р ш е й*, что и дало возможность узнать их число. Числа же табуниц мы не знаем. Но сумма в каршах, за какой бы срок она ни выдавалась, может получиться лишь в результате выдачи целых чисел каршей. Выдачи в дробях карши, т. е. в сиклях, опять-таки целых, неизбежно дали бы в итоге сикли, если только не предположить, что число женщин было кратно десяти, что могло быть только делом случая. Числа каршей от единицы и выше, до предела выдачи «гаупатиям» (8 каршей), с интервалами в полкаршу дают т о л ь к о следующие числа женщин:

При 1 карше — 165 чел.	при 3 каршах — 55 чел.
» 1,5 карша — 110 »	» 5 » — 33 »
» 2,5 каршах — 66 »	» 7,5 » — 22 »

Остальные числа карш, целые и с коэффициентом 0,5 дают числа женщин с дробями самых различных видов: 82,5 женщины; 47,142; 25,3, что исключает, например, предположение о наличии здесь малолетних девочек-табуниц, тогда как во всех женских по составу партиях подростки-девушки всегда налицо. При этом наблюдается только один случай числа женщин, кратного десяти (110 чел.), когда выдача по одному сиклю дала бы круглые карши (однако только 11 карш, не 165; то же при некоторых других, редких, впрочем, комбинациях, но с тем же результатом). Но дело даже не в этом, и утверждать, что табуниц было 110, мы не можем. Тем не менее этот случай дает нам прямо то отношение, которое можно косвенно вывести в других, именно: деление всей партии на группы по десять плюс единица— $110 = 100 + 10$; $165 = 150 + 15$; $66 = 60 + 6$. Таким образом, не зная общего числа табуниц, мы знаем теперь, по крайней мере, одно: партия исключительно взрослых женщин нашего документа делилась на десятки с «дасапатни» «десятиницей» во главе.

Если к суммам, полученным 13 «оросангами» и 113 «гаупатиями», прибавим сумму, полученную табуницами, то получим «совершенно» круглую сумму в $(530 + 904 + 165) = 1599$ каршей; для совершенства в 1600 ей не хватает одной карши. Ясно, что прикидки при распределении наград этим трем категориям награждаемых производились в одно и то же время. Должно быть ясно также, что и табуницы отряда Апакиш принимали какое-то участие в событиях, связанных с «захватыванием» «антаков». Если к тому же они не названы *kurtaš*, как во всех остальных текстах ТТ, и среди них нет девушек-подростков, то кто же они и какова их роль в событиях?

Гераклид Куманский (Athen., XII, FHG, 514, B) сообщает: персидского царя охраняют (*φυλάττουσι*) триста женщин; они спят днем, чтобы ночью бодрствовать; ночь же проводят в пении и игре на музыкальных инструментах при горящих свечильниках; царь часто использует их и в качестве мелофоров (копыеносцев) при дворе. О женщинах — телохранителях царей Магадхи сообщает Страбон (XV, I, 55 — по Мегасфену).

Не представляет ли и партия наших табуниц с их делением на десятки как раз тот разряд телохранителей, о которых говорит Гераклид Куманский? И если, согласно последнему, персидский царь часто (*κα: πολλὰκις*) использует их в качестве отряда своей гвардии, то почему и наши табу-

щицы, предводительствуемые обычно Апакиш, не могли быть использованы при случае в качестве конной стражи, выступающей отрядами по десять человек, причем в таком исключительном случае командование могло быть передано царем другому лицу, какому-нибудь Апишиятишу. При награде в полкарши⁴¹ число этих женщин, 300+30 (=330), составило бы число, названное Гераклидом.

В переводе строк 3—5 вместо принятого условно и предварительно — «женщины (занятые уходом за²) лошадь(ми) Апакиш» — следовало бы теперь поставить: «женщины-конники (отряда) Апакиш».

Эти «амазонки», зависимые только от царя, могли быть использованы если не при «захватывании» «антаков», то для замены тех во дворце, кто был направлен против «антаков», или для усиления дворцовой охраны. И все же какую-то серьезную услугу, выходящую за пределы обычной охраны, при какой-то неизвестной нам конкретно ситуации, они оказали Дарию, почему и получили «помощь» и не сиклями, как *курташ* следующих документов 7 и 8, а круглыми каршами как «оросанги» и «гаупатии». При этом Дарий употребил здесь то же слово, которое встречается не раз в контексте стереотипного оборота в Бех.: *auramazdāmaiy upastām abara* «Аурамазда мне помощь послал», оборота, переводимого эламитом: ^{an}u-ra-mas-da pi-ik-ti 'u-da-iš. Как было замечено раньше, pi-ik-ti встречается в ТТ только здесь.

Наконец, приведем последние из серии пяти наших документов, седьмой и восьмой.

ТТ, 7

<1> 4 ME 10 kur-šá-am	410 каршей
<2> 6 ki-EL KÛ.BABBAR ^{idg}	6 сиклей, серебро,
<3> kur-mín ^λ un-sa-ak.-	из рук «унса-
<4> na ^λ kur-taš gal ma-	ка» <i>курташ</i> плату получаю-
<5> ki-ip ^λ ap-pi-ši-	щие — Апиши-
<6> ia-ti-iš DUMU	ятиш, сын
<7> 'ma(?)-ú ¹ -ka ak-ka	Вахауки, который (их)
<8> šá-ra-man-na du-iš-	начальник — полу-
<9> da gal. 'uk ¹ -ku ^λ	чили сверх платы;
<10> sunkir še-ráš-da ^λ	Царь приказал (дать).
<11> da-du-man-ia tal-li-iš	Дадумания написал.

ТТ, 8

<1> 14 kur-šá-am '6(?) ¹	14 каршей '6 (?) ¹ [4 — В. Т.]
<2> ki-EL KÛ.BABBAR ^{idg}	сикля, серебро,
<3> kur-mín ^λ un-sa-	из рук «унса-
<4> ak.na ^λ kur-taš gal	ка» <i>курташ</i> плату
<5> ma-ki-ip ^λ ba-	получающие — Ба-
<6> ka-ba-da GIŠ MĀ	габата ад-
<7> ^{idg} gi-ul-li ¹ -	ми-
<8> ra šá-ra-man-na	рал (их) начальник —
<9> du-iš-da gal.	получили сверх
<10> uk-ku ^λ sunkir šé(!)-	платы; царь при-
<11> ráš-da ^λ 'da ¹ -ad-	казал (дать). Даду-
<12> 'da ¹ -man-ia 'tal ¹ -li-iš-da	мания написал

⁴¹ Обычная «ставка» женщин-kurtaš в 19—20 гг. Ксеркса (до этих лет выплат серебра женщинам в документах не встречается). Лишь в двух случаях — ТТ, 39 и 40 — встречаются «ставки», 7,5 сикля и 10 сиклей = 1 карша.

Замечания

Документы не похожи на известные нам тексты ГТ, фиксирующие различные выдачи *курташ* и дающие возможность получить такие данные, как число работников, род их работы (носильщики, землекопы, плотники и т. д.), «ставки» оплаты (всегда в сиклях и дробях сиклей), место и время работы. Ничего этого здесь нет. Данные документы, как и все остальные из нашей группы, составлены, очевидно, не для последующего контроля чиновников в отношении правильности произведенных ими выдач продуктов со складов, а для учета выданного из казны серебра. Это «счет кассы», находящейся *ku-tšip* «в руках» «унсака» Артадара. Вовсей группепяти документов каждый документ является как бы строчкой или графой в «перечне расходов серебра»: кому, сколько, краткая пометка, — за что: таким-то столько за «захватывание „антаков“», таким-то — «помощь», таким-то — «сверх довольствия». *Курташ*, согласно ГТ, получали обычное довольствие — корм в 1 *ка* муки в день и это называлось *галь*; зерно, выдаваемое в корм птицам, также называлось *галь*. Теперь *курташ* неожиданно для нас получают серебро «сверх *галь*». И если специально отмечено, что выдача произведена по приказу царя, значит сама выдача носит исключительный характер. Даже 14 каршей и 4 сикля последнего документа выданы с соизволения царя. Это говорит и о том, что Дарий сам ведал распределением выдаваемого серебра по всем пяти документам.

Суммы, выданные амазонкам, и *курташ* последних двух документов (1650 сиклей + 4106 сикля + 144) — дают опять «совершенно» круглую сумму 590 каршей, но теперь для «совершенства» нехватает уже 10 каршей. Как видно, сумма, выданная «амазонкам», входила при первоначальных прикидках распределения в различные сочетания, анализ которых занял бы здесь много места.

Всего по всем пяти документам выдано (530+904+165+410,6+14,4) 2024 карша. При персепольской оценке 1 овца = 3 сикля указанная сумма равносильна тому, как если бы Дарий раздал около 7000 овец. В обычное время всякого рода выдачи по приказу царя были натуральными и подлежали весьма тщательному учету, как это показывает пример выдачи Дарием ста овец своей дочери (см. упомянутый выше, стр. 24, ГТ, 6754), когда в оформлении «отчета дара» участвовали четыре должностных лица с различными функциями, причем надо думать, дочь Артистона в получении овец выдала расписку (*du-me*) с приложением своей личной цилиндрической печати.

Другой характерный пример дает ГТ, 455 (Hallock, ук. соч., 248). По приказу Дария выдается 818 *ка* пива людям, обозначенным эламитермином *šá-lu-ir*; их 2454 человека; на каждого из них приходится по небольшой кружке в 0,28 л. Эти же *šá-lu-ir* встречаются в Бех., 3, где им соответствуют перс. *āmātā* (ав. *maḡ bane*). К этому сословию, по заявлению Дария, принадлежали Ахемениды. И вот эти-то «благородные» получают по малой кружке пива, расход которого также подлежал учету. Видимо, подобного рода практика, как и тщательный учет податных возможностей каждой провинции, привели к тому, что персы, по Геродоту, называли Дария *κλιπλος* — лавочником и торгашом. Этот «торгаш», учитывающий каждую овцу и каждую кружку пива, ассигнует столько серебра, сколько стоят 7000 овец. Одариваемые, конечно, получают обычный *галь* — довольствие. Но здесь затронута серебро, петленное сокровище. Очевидно, только исключительные обстоятельства заставили Дария пойти на это.

* * *

Предшествующий анализ документов и замечания к ним позволяют перейти теперь к рассмотрению содержания документов в целом и воссозданию событий, связанных с «захватыванием» «антаков».

Суммы, выплаченные по всем документам, в особенности значительные по своей величине у «оросангов» и «гаупатисв», стоят в резком контрасте со скупостью данных о деле, за которое они выданы. Данные скудны: «пленили „антаков“ в Марсашке», получена «помощь», *курташ* «сверх галь» получили серебро. Если «помощь» «амазонкам» могла выглядеть как милость Дария — Аурамазды, то за какую работу *курташ* получили серебро сверх *галь*, не сказано. Ни года, ни месяца, ни кто такие «антаки», ни почему их приходилось захватывать. Но уж раз захватывали, значит стоили они того. Что же они сделали такое, что заставило Дария быть столь щедрым?

Дарий охотно описал в Бехистунской надписи борьбу со своими противниками и, в частности, сообщил даже о подавлении народного движения в Маргиане с указанием, сколько было загублено людей. Он назвал маргианцев *hamiθriyā*, «мятежниками». А в наших документах только краткая пометка — «антаки». Перед нами явная тенденция поскорее предать забвению это, очевидно, опасное, движение. Позволено было сохранить только «кассовые документы», пять маленьких глиняных таблеток.

Перед нами, несомненно, какое-то народное движение, охватившее по крайней мере всю Персиду: об этом можно определенно заключать по первому документу — тринадцать «повсюду в Персиде ведали пленением „антаков“». Если бы не было этого указания, мы могли бы полагать, что пленение «антаков» имело место только в Марсашке, на севере Персиды, и, следовательно, движение было исключительно локальным, вызванным какими-то местными условиями.

Выше было замечено, что по сравнению с «гаупатиями» тринадцать мужей первого документа играли особую роль в деле пленения «антаков». Поскольку они не принимали непосредственного участия в деле захватывания, они могли составить только штаб или совет при Дарии, учрежденный для борьбы с движением.

Присмотримся к структуре этого совета. Числа каршей с первого взгляда выступают как прогрессия с разностью минус 10, но с перерывом при переходе от седьмого «оросанга» к восьмому: здесь разность минус 20. Уже это делит их на две группы. Первые семеро, начиная с Вахауки и до Багабитны, получили 390 каршей, в среднем по 55,7; вторые шестеро, от Видранги до Парниджи, — 140, в среднем по 23,3. На долю первых пришлось три четверти всей суммы. Оставив в стороне Вахауку, возможного главу совета (он п е р в ы м назван в списке, его сын Апишятиш начальствовал над конной стражей «амазонок» и над партией *курташ*), получаем по шесть человек в каждой группе.

Священное число первых семерых (Вахаука плюс шесть других), видимо, и составило собственно совет царя в борьбе с движением, подобно тому как в 522—521 гг. другие семеро, Дарий и шесть его сподвижников, тоже составляли совет-штаб в борьбе с Гауматой и народными движениями тех лет, в частности с движением в Маргиане. И, как тогда, над семью витал «восьмой», Аурамазда (который, кстати, и в Авесте окружен семью боже-ствами, первым из которых является В о х у Мано), так теперь Дарий — явленный Аурамазда, «посылающий *urāstam-pikti*» — имеет подле себя семь «оросангов», возглавляемых В а х а у к о й. Так, штаб по борьбе с движением освятил свою деятельность по захватыванию «антаков» орео-

лом божественности, хотя имена⁴² этих «мужей совета» уже говорят, на что они были способны. Это все люди из военной среды.

Шестеро «оросангов» второй группы, получившие вместе лишь одну четвертую часть всей суммы, видимо, играли вторые роли, являясь помощниками первых шестерых.

Такой совет-штаб учреждался, очевидно, не для того только, чтобы послать приказ «гаупатиям» Пармиджи о выступлении в Марсашку для пленения «антаков». Это мог сделать и сам Дарий, сэкономив, кстати, 5000 сиклей. Как создание совета, так и указание документа, что деятельность мужей его распространялась «на всю Персиду» — оба эти момента говорят за то, что «антаки» действовали по всей Персиде.

Мы не можем уловить конкретные очертания этого движения и конкретные формы, в которые оно вылилось, но оно было массовым и для подавления его потребовалась вооруженная сила. Оно было в какой-то мере организованным, ибо для борьбы с ним потребовалось учреждение в Персиде особого совета-штаба. Оно, надо думать, имело и свою идеологию. В одних местах с ним справились обычными средствами, так что не пришлось особо награждать «пленителей»: последние должны были делать это за обычный *галь*. Поэтому о таких местах мы, естественно, ничего не знаем. В других, как в Марсашке, дело обстояло иначе.

Это поселение представляло какой-то значительный пункт на севере, быть может, тогдашний центр долины Беванат; здесь имелось царское хозяйство и какое-то святилище, в котором совершались культовые действия, обозначаемые эламским термином *лан*. Возможно, это был укрепленный *vardanam* ввиду соседства с кочевниками пустыни. Продвижение сюда «гаупатиев» из области Пармиджи⁴³ — на значительное расстояние⁴⁴ — означает, что долина Беванат контролировалась до этого «антаками» и сил Дария здесь не было. Продвижение сюда «гаупатиев» заставило «антаков» в конце концов отступить к Марсашке и укрыться за ее стенами («захват» «антаков» в Марсашке предполагает «захват» самого этого пункта). Если «антаков» приходилось захватывать, значит они оказывали сопротивление и, надо думать, судя по оценке Дарием заслуг их пленителей, вооруженное.

Если жертвы восстания в Маргиане определялись числом около 62 тыс. (552X5 убитых и 6572 взятых в плен, «захваченных»), то едва ли будет правильным считать, что и войск у бактрийского сатрана Дадаршиша было столько же или даже больше. Наоборот, сатрап, надо думать, опирался здесь на превосходство вооружения и выучки находившихся в его распоряжении царских войск по сравнению с численно превосходившими их массами маргианцев. Чрезвычайное же превышение числа убитых над числом «захваченных»⁴⁵ является свидетельством кровавой расправы с безоружным населением после поражения в открытом сражении. Эти положения следует учесть при оценке событий в Марсашке. Вполне возможно, что «антаки» были не в такой степени вооружены, как направленные против них «скотовладыки» «гаупатии». В таком случае «антаки» должны были быть сильнее «гаупатиев» своим числом и своим духом.

⁴² Или прозвища — «гибельный», «захватывающий, уводящий воинов», «раздирающий тела (врагов)», «верзила», «горец».

⁴³ В известных нам текстах FT и TT Пармиджа больше не встречается. Но наличие там значительного числа «пастухов» («гаупатиев»), которых можно было использовать против «антаков», заставляет думать, что Пармиджа была область с благоприятными условиями для пастбы крупного рогатого скота.

⁴⁴ Примерно около 150 км, если бы оказалось правильное предположение Кюмерона о локализации Rāgiz = Пармиджа, см. замечания к TT, 5, <4>.

⁴⁵ Ср. потерп парфян у Патиграбаны: 6520 убитых и 4192 попавших в плен — Гех., 36.

Мы не знаем, сколько «гаупатиев» было направлено в долину Беванат. Полагать, что их число было равным числу награжденных, значит считать, что никто из них не погиб в продвижении по долине, что Марсашка была взята сходу, без боя, без пролития крови. Но в чем тогда была бы заслуга «гаупатиев»? Дарий в Бехистунской надписи, в вавилонской ее версии каждый раз после рассказа о сражении приводит числа потерь противника убитыми и пленными, но он нигде не говорит о своих потерях, которые, даже если они были меньше, чем у противника, все же должны были быть значительными.

Очевидно, что и в нашем случае «гаупатиев» было направлено больше, чем оказалось награжденных. Оставшиеся в живых и «представленные к награде» (которая, впрочем, несомненно, была обещана заранее) были сведены в одну войсковую единицу под командой того же Саддумиша, как если бы число их и не уменьшалось, а было неизменным подобно известным 10 тысячам «бессмертных». Число «бессмертных» «гаупатиев», 113, напоминает нам вероятное деление конной стражи «амазонок» царя на десятки (10+1).

События в долине Беванат были, видимо, наиболее серьезными и драматичными в движении «антаков» Персиды. Непосредственным следствием поражения «антаков» в Марсашке явился зафиксированный в «кассовом» документе «захват» их, т. е. пленение оставшихся в живых с последовавшей затем расправой, клеймением и обращением в рабство.

Выше было предположено, что движение «антаков» было в какой-то мере организованным; однако, вероятно, оно в значительной мере было стихийным и разрозненным. Если оно было сильным и концентрированным в долине Беванат (чему, вероятно, благоприятствовало и окраинное ее положение), то в других местах, как было уже замечено, оно вылилось в более слабые формы волнений, подавленных обычными средствами, по то же, надо думать, вооруженной рукой. В этой связи следует вспомнить упомянутый выше приказ о выдаче пива по кружке двум с половиной тысячам «аматов», тех «благородных», к которым принадлежали Ахемениды и из которых, можно думать, набиралась гвардия десяти тысяч «бессмертных». Получатели дара, вероятно, были направлены на подавление движения.

Документ награждения «аматов» датирован месяцем šibari (= перс. *атриадия*, ноябрь—декабрь) 23 (4?) года, 499 (498?) г. Выше (стр. 24 сл.) указывалось, что деятельность некоторых «оросангов» в сфере царского хозяйства (Парнака, Багабата) относится к 506—499 гг. Напутственный дар в Персеполе в студеные дни ноября — декабря 499 (498) г. вполне подходит к ситуации, сложившейся в Персиде в результате выступления «антаков», и может действительно рассматриваться как напутствие Дария «благородным», выступающим на подавление движения в разные пункты Персиды⁴⁶.

Быть может, с уходом «благородных» дорифоров из Персеполя гарнизон его оказался несколько ослабленным, и в связи с этим пришлось привлечь отряд конной стражи «амазонок» Апакиш, но поставить его под начальство сына Вахауки Апишиятша. При этом они определенно совершили какую-то удачную, имевшую важное значение операцию, за которую и получили награду серебром. Если бы они несли обычную свою стражу во дворце и не совершили чего-то выдающегося, они получали бы свой обычный корм-*галь*, может быть, несколько усиленный, вместо 1 ка — 1,5.

В отношении оплаченных серебром *курташ* возможны два предполо-

⁴⁶ «Основанием» выдачи дара служит упоминаемый в документе «приказ царя с (отгиском) печати, прибывший в Парсу». Очевидно, Дария в это время не было в Персеполе; частые упоминания Сузы заставляют полагать, что он находился в этом городе.

жения. Либо *курташ* были использованы не на обычной работе, где они получали повседневный *галь*-корм, а на «работе», направленной на захватывание «антаков». Либо, если считать, что волнения проникли в среду *курташ* Персеполя, то выдача серебра «сверх *галь*» (*gal.uk-ku*) могла бы рассматриваться как стремление предупредить эти волнения. Второе предположение, как кажется, более вероятно.

Когда происходили эти события?

При ответе на этот вопрос необходимо учесть следующие моменты.

1) Документы хотя и не датированы, но составлены в одно и то же время: денежные суммы отдельных документов при сложении дают круглые цифры каршей; если в отдельных документах имеются суммы в виде каршей и сиклей, то при сложении выступают только карши, явный признак распределения какой-то заранее определенной суммы. Следует заметить при этом, что все эти выплаты являются единовременными. 2) По всем перечисленным выше (стр. 22) признакам документы по времени их составления относятся к табличкам крепостной стены, следовательно, вся эта группа документов составлена в промежутке между 510—494 гг. 3) Имя Фарнака, наиболее часто встречающееся в FT, засвидетельствовано документами 506 и 500 годов. Имя адмирала Мегабата связано с годом высшего пункта его деятельности, павархии в экспедиции на о. Наксос в 499 г. Эти данные могли бы уточнить датировку 506—494 годами. 4) Если бы какими-нибудь новыми данными подтвердилось высказанное выше предположение, что присланное в Персеполь в ноябре 499 (498?) г. распоряжение о выдаче «аматам» пива есть напутствие, подкрепляющее приказ о выступлении 2454 человек против «антаков», тогда движение было бы точно датировано 499 или 498 годом. Из наших документов не видно, получило ли движение «антаков» какой-либо отклик в сопредельных с Персией областях. Но оно могло затронуть, например, соседний Элам, который трижды восставал еще в начале царствования Дария. В таком случае можно было бы также предположить, что 2454 «амата» вызваны были Дарием для подавления движения в Эламе. 5) Активная политика Персии на западе, начавшаяся экспедицией 499 года на Наксос, была тогда же резко оборвана с началом осенью 499 г. ионийского восстания. Только весной 497 г. персы перешли к решительным действиям на Западе. За два года, 499—497, Персия утратила контроль над Ионией, Геллеспонтом, Карией, Ликией, Кипром. Сопоставление событий в Малой Азии с датой документа о персепольском даре «аматам» показывает, что при чтении в документе «23 год» названный дар совпадает с первыми месяцами ионийского восстания (конец 499 г.), при чтении «24 год» — со временем после сожжения Сард, восстания на Геллеспонте и освобождения Кипра (конец 498 г.). Если учесть, что персы снова начали активные действия на Западе весной 497 г., то персепольский дар следует, может быть, рассматривать как напутствие перед отправкой отборного персидского войска в далекий путь на Запад. Все это заставляет думать, что в данном документе следует читать «24 год» и время дара «аматам» отнести в промежуток между серединой ноября и серединой декабря 498 г.

Так как доходившие до Персиды известия о большом восстании на западе державы (утрата контроля над М. Азией и Кипром) давали надежду низам Персиды на успех их восстания, то уход из Персеполя (хотя бы и на далекий Запад, а в Элам) отборных сил дорифоров-«аматов» должен был подтолкнуть «антаков» на выступление. В таком случае последнее следует отнести к осени 498 г.

И тем не менее мы все же не можем пока исключить и то предположение, что «аматы» были направлены против «антаков». Ведь «бессмертные»,

копьеносцы царя, подобно преторианской гвардии императорского Рима, предназначались в первую очередь против «внутреннего врага». При этом предположении выступление «антаков» прямо должно быть отнесено к осени если не 499, то 498 г.

Трудность дать общую характеристику движения заключается не только в том, что краткие заметки об израсходованном серебре, естественно, дают очень мало. Трудность эта в гораздо большей мере проистекает из того, что мы все еще далеки от вполне конкретного представления о строе древнеперсидского общества, — представления, от которого зависит понимание закономерностей его развития. Но мы можем по крайней мере говорить, чем не могло быть это движение. Вряд ли можно видеть здесь какое-либо вторжение в Персиду извне или восстание, например, эламитов, обитавших, по всей вероятности, и в Персиде, хотя, надо думать, в незначительном числе. Дарий не раз перечисляет подвластные персам народы, а в одной из надписей, предлагая посмотреть на рельефные фигуры, изображающие народности державы, подчеркивает и словами, «как далеко проникло копьё персидского мужа». Если бы «антаки» были этнически чуждым для Персиды элементом, он не преминул бы назвать и их, как это делают документы персепольской казны, отмечая «сирийцев», «египтян», «воиан», «каров». «Антаки» входят в персидскую этническую общность и их движение — это движение в среде «персидских мужей».

Едва ли «антаки» — простые разбойники; с ними можно было бы справиться обычными средствами. Если бы удалось однозначно установить, что термин «антак» значит разбойник или убийца, это еще не решало бы дела. В Римской империи, например, движение рабов и колоннов официально обозначалось как движение разбойников (*latrones*). «Разбой», зашолонивший «всю Персиду», уже не разбой.

Еще менее можно говорить об «антаках» как обычных заключенных (*bastā-rabbaḳa*), которых «держат» (*1-mag* «держат») в оковах или стерегут в заключении «темничные стражи» — «гаупати». Перед нами была бы обычная и постоянная функция государства, выполняемая стражами за обычный *галь*. К тому же для этого не требовалось бы учреждать особый совет-штаб для «всей Персиды» и освящать деятельность этого совета, представляя ее как деяния семи ормуздовых богов-приспешников, подобно тому как дело резни маргианцев было освящено тем, что оно совершалось «по воле Аурамазды». Именно тенденция освятить дело разгрома «антаков» говорит за то, что подавление движения не было обычным «держанием» в темнице, а чрезвычайной политической акцией ахеменидского государства против народных масс.

Итак, «антаки» — не *uvaḷiū* «эламиты», не *jatāra* «убийцы», не *bastā* «заключенные в оковы». Они, конечно, *hamīdriyā* «мятежники». Так названы были и маргианцы.

Когда Дарий говорит (*D Susa e 4*), что при его воцарении «земля была в смятении» и *aniya aniyamaja* «один другого убивал», а он сделал так, чтобы этого не было и чтобы сильный (*tauviya*) слабого (*skauḍim*) не убивал и не притеснял (*naiy jatiy naiy vimardatiy*), то ясно, что речь идет здесь о борьбе в среде свободных. Последние, конечно, могли при этом пользоваться и рабов, как это имело место и в античном мире.

Движение, несомненно, имело свою «материальную подкладку», выражавшуюся в каких-то требованиях низов общества, — требованиях, возникших с ходом экономического развития общества и прогрессирующим разорением *kāraha* «народа-войска». Конкретную форму движению в целом придали, разумеется, различные неизвестные нам обстоятельства и случайности. Мог выдаться «тяжелый год» с неурожаем и падежом скота. В *DP d 3* Дарий просит Аурамазду: «к стране этой (Персиде) да не под-

ступит ни *haiṇā* „(вражеское) войско“, ни *duṣīyāgam* „тяжелый год“, ни *drauga* „ложь“. *Drauga* часто фигурирует в Бехистунской надписи для обозначения смуты. В нашем случае «смута» была палицо, и толчком к ней мог оказаться как раз «тяжелый год». Быть может и указашная персепольская надпись появилась вслед за подавлением движения «антакгов», как в свое время надпись на Бехистунской скале после большой «други» во всех странах. С тяжелым годом мог совпасть и уход части войск из Персиды на далекий запад, что сделало обстановку для выступления более благоприятной.

Выступления, вероятно, предшествовали проявления недовольства, выражавшиеся сначала в патриархальных просьбах о «помощи», реально понимавшейся «просителями» не как подачка, а как нечто, дающее возможность «существовать на этом свете» с достаточным количеством скота: это повелевает Аурамазда (Ясна, XII, 3). Но затем движение местами вышло за пределы патриархальных просьб и вылилось в явочный захват «помощи» со ссылкой на Аурамазда. Но это была уже самая настоящая «друга», «ложь», ибо земной владыка Дарий, который «дружит» с Аурамаздой (ср. Бех., 60 и 66; D P d, 2) и знает его помыслы, иначе понимает дело: «не такова его, Дария, воля, чтобы сильный из-за слабого зло терпел» (D NR 6, 2). И все же в острый момент движения Дарий, выступая как Аурамазда, посылающей помощь, выдает *никти*-серебро женщинам конной стражи, а персепольским *курташ* серебро «сверх *галъ*» — по обоим выдачам без малого 6000 сиклей = 2000 овец.

Что в движении участвовали и *курташ* царского виса, за это говорит не только «превентивная» выдача им серебра, но и то обстоятельство, что среди 13 «мужей совета» почти половина может быть отождествлена с лицами, занятыми в управлении царским висом: они хорошо знали быт, нравы и помыслы *курташ*. В движении приняли участие, надо думать, и рабы (*libar*). Однако характерно, что участники движения не названы ни одним из этих терминов. Между тем, в текстах употреблен термин, включающий момент морально-политического осуждения. Так, отрицательно можно было квалифицировать лишь людей свободных, хотя бы и низведенных на положение рабов.

Возможное предположение, что перед нами не движение персидской бедноты и, возможно, рабов, а заговор знати (как, например, заговор в Сардах против дарисва брата Артафрена, сидевшего там сатрапом, — заговор, исходивший из среды знати), представляется менее вероятным. Заговор, разветвленный «по всей Персиде», выходит уже за пределы собственно заговора как простой конспирации; он переходит в вооруженные выступления, и в нем не могли не принимать участие массы.

Как бы ни решался в окончательном виде вопрос об «антаках», мы все же не можем оставить без внимания факт несомненного народного движения в Персиде во времена Дария I.





Ю. Б. Юсифов

ЭЛАМСКИЕ ДОЛГОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ СУЗ

(II тысячелетие до н. э.)

Эламские долговые документы, происходящие из Суз, написаны на староавилонском диалекте аккадского языка. Исследование этих документов дает некоторое представление о долговом праве и социально-экономических отношениях в Эламе II тысячелетия до н. э. К тому же ознакомление с эламскими документами выявит некоторые местные особенности заемной сделки, с одной стороны, и общие черты, характерные для Элама и соседних стран, с другой. Однако наличие общих черт не может быть всегда показателем постороннего влияния.

Сходные социальные и экономические отношения создавали сходные формы обмена, соответствующие этим отношениям, и эти формы, порожденные в различных странах, быть может, аналогичными причинами, иногда совпадали.

Упомянутые документы изданы, наряду с другими частноправовыми, В. Шейлем¹. Количество долговых документов доходит до пятидесяти; они составлены в период первой Вавилонской династии² (1894—1595)³, следовательно, в первой половине II тыс. до н. э. Юридический анализ долговых документов в общих чертах дан Э. Кюком⁴. Немецкий юрист П. Кошакер также касался этих документов в ряде своих работ, но и его интересовала только юридическая сторона вопроса⁵.

¹ «Mémoires de la Mission Archéologique de Perse» (= MDP), XXII (1930), № 22—39, 120—124; XXIII (1932), № 173—199, 270—275; XXIV (1933), № 342—345; эти документы являются заемными сделками.

² См., например, MDP, XXIII, введение, стр. 1; P. Koschaker, Randnotizen zu neueren keilschriftlichen Rechtsurkunden, ZA, 43 (1936), 1/4, стр. 221. В. Шейль и П. Кошакер не только долговые, но и другие юридические документы, опубликованные в MDP, относят к периоду первой Вавилонской династии.

³ Датировка принята по В. В. Струве, Датировка I Вавилонской династии, ВДИ, 1947, № 1, стр. 9—35.

⁴ E. Cuq, Les actes juridiques Susiens, RAss, XXVIII (1934), 2, стр. 43—73; он же, Le droit élamite d'après les actes juridiques de Suse, RAss, XXIX (1932), № 4, стр. 149—183. В упомянутых статьях, в разделе о взимании процента и о залоге Э. Кюк ограничивается в основном пересказом содержания некоторых документов и воздерживается как от конкретно-исторических, так, в некоторых случаях, и от юридических выводов (см. стр. 65—67; 159—164).

⁵ P. Koschaker, Fratriarchat, Hausgemeinschaft und Mutterrecht in Keilschriftrechten, ZA, 41(1933), 1/4, стр. 46—68; он же, Randnotizen..., стр. 221—232 (указаны страницы, где речь идет об Эламе). О долговом праве говорится преимущественно в последней статье.

Для всех долговых документов характерна единая схема с незначительными вариантами: 1) объект займа; 2) кредитор; 3) должник; 4) месяц, иногда место предоставления ссуды (иногда ни то, ни другое не указывается); 5) величина процента (при натуральном займе указание на размер процента отсутствует); 6) срок уплаты; изредка и место уплаты (часто оба указания отсутствуют); 7) залог или условие, гарантирующее возврат долга; 8) свидетели; 9) оттиск пальца должника.

Так, в документе № 22 выдается $\frac{1}{3}$ мины серебра, т. е. 20 сиклей. $\frac{1}{4}$ часть должна быть возвращена как проценты. Залог отсутствует. Кредитором является храм бога Шамаша и некий Гамилшарри — по-видимому, служитель храма бога Шамаша. Здесь имеется еще условие, которое отсутствует во всех остальных табличках, а именно: *ù-um um-me-nu-um kasram i-ir-ri-šu kasram ù šipat-su išaḡal* «(В) день, (когда) кредитор серебро потребует, серебро и проценты его он (т. е. должник) отвесит (т. е. заплатит)»⁶. Из перевода этой фразы кажется, что сделка заключена на худших для должника условиях. Ведь кредитор был юридически правомочным лицом, которое в любое время, даже через несколько дней после заключения сделки, в силу изменившихся обстоятельств, согласно упомянутой клаузуле, имел право потребовать удовлетворения его иска. Достойно удивления то, что при таком виде сделки отсутствует условие, гарантирующее возврат долга, т. е. нет залога. Можно ли это объяснить тем, что кредитором был храм? Однако в других документах храм принимает залог. По всей вероятности, мы здесь имеем дело с ежегодным процентом. Поэтому не было смысла в том, чтобы востребовать долг прежде, чем кредит наберет достаточный процент. Этот кредит мог быть и долгосрочным и краткосрочным в зависимости от того, когда кредитор требует его возврата.

Без залога кредит предоставляется в документе № 30. Размер процента соответствует $\frac{1}{3}$ от десяти сиклей. Срок возврата не указан. Документы №№ 24 и 185 предусматривают проценты в размере $\frac{1}{3}$ долга. В последнем случае отмечается, что долг будет возвращен из урожая. В первом случае срок не указан, но земельная доля (*iskātu*) должника оставлена в качестве залога. Удивительно низкий процент имеется в документе № 23: кредит состоит из одной мины, процент будет взиматься в размере 1 сикля, что составляет 0,6% от общей суммы. Залогом является дом должника.

Имеется случай, когда при денежном займе отмечается беспроцентный характер кредита посредством формулы *ul šiptu ul ḥubullu* «нет процента, нет процентного долга» (№ 31). Далее отмечается, что *ḥu-bu-ul-lu li-ša-ki-in šī-ir-tu li-ša-ki-in* «процентный долг будет установлен, процент будет установлен». К сожалению, документ не сохранился полностью, но упомянутые фразы показывают, что процент мог быть определен в момент возвращения займа, возможно, после истечения срока. Разумеется, размер процента определялся самим кредитором. Упомянутая формула, указывающая на отсутствие определенного процента в момент займа, позволяет считать, что стороны в момент истечения срока займа определяли, в каком виде возвращен долг, т. е. он мог быть возвращен либо деньгами, либо натурой. Следует отметить, что клаузула подобного типа не встречается ни в одном из известных нам ассирийских, вавилонских и, возможно, нузийских документов⁷.

⁶ Подобная клаузула в известных нам ассирийских и вавилонских долговых документах, синхронных эламским, не встречается. Аналогичное условие, вероятно, имеется в среднеассирийских документах, ср. KAI, 46. Может быть, KAI, 17 также содержит такое условие.

⁷ Термином для обозначения беспроцентного займа как в Эламе, так и в Ассирии и Вавилонии был *ḥubullatu*. Однако этот вид займа приносил проценты в случае

В некоторых документах денежного займа должник вместо серебра обязан вернуть ячмень. Так, в документе № 191 речь идет о выдаче займа 10 сиклей серебра согласно покупной цене ячменя. Заем предоставлен в месяце жатвы⁸, подлежит возвращению из урожая. Должник обязан, во-первых, вернуть ячмень в количестве 2 *гур* 100 *ка* (*сила*), во-вторых, погашение долга должно произойти в Сузах, причем по мере, принятой законом, или подлинной мерой⁹. Документ № 192 по своим условиям соответствует предыдущему: здесь заем также денежный (в 3, 5 сикля), с оговоркой, что сумма займа останется неизменной и в случае изменения цен на зерно: должник обязан возвратить 1 *гур* ячменя¹⁰ в Сузах. Обращает на себя внимание отсутствие в обоих случаях указания на процент. Однако это не значит, что кредитор после истечения срока займа не получал прибыли. Он получал ее в виде разницы между покупной ценой серебра в момент предоставления займа и ценой, существовавшей в момент уплаты долга (так называемый *Fruchtwucher*). В этом смысле интересен документ № 199, в котором речь идет о займе в десять сиклей, причем указывается, что «нет процента, нет процентного долга». К тому же имеется клаузула, предусматривающая возвращение займа серебра зерна по текущей цене ячменя¹¹. Таким образом, долг возвращается после урожая, когда ячмень падает в цене и, следовательно, должнику приходится вернуть кредитору значительно больше ячменя, чем он мог купить в момент займа на занятое серебро. Помимо всего этого, как мы видели выше, должник был обязан доставить зерно в Сузы, что также было связано с лишними расходами. Итак, отчуждение денег связано с тем, чтобы они в конечном итоге приносили доход; хотя в некоторых случаях отмечается, что долг не имеет процента, по все же он приносил доход в результате возмездия разницы цен.

Данные упомянутых документов помогают нам получить сведения, дающие примерное представление о ценах на зерно. В период сбора урожая за пять сиклей можно было бы купить один *гур* 50 *ка* ячменя (№ 191). Документ же № 192 отмечает возможность купить за три с половиной сикля один *гур* ячменя. Сказанное дает основание предположить, что в среднем цена одного *гур* ячменя во время урожая составляла около четырех сиклей серебра.

Некоторое количество документов отмечают натуральный заем. Основной вид продукта сельского хозяйства, который отпускается в кредит, — это ячмень, иногда финики, редко — пшеница. Общее, что характерно для этих документов, — это клаузула о возвращении долга из урожая и наличие в большинстве случаев залога. Указание на размер процента отсутствует. В документе № 33 отмечается выдача ссуды, состоящей из 160 *ка* ячменя в месяце Шабате (январь-февраль). Долг с процентом должен быть возвращен на месте сыпки или хранения зерна (*ana našrakim*). Залогом является дом (в смысле «здание», не в социальном смысле) должника. В фрагментированном документе № 36 говорится о выдаче в кредит четырех *гур* 200 *ка* пшеницы и 120 *ка* фиников. Дом и крупный скот должника

просрочки уплаты долга. В документах встречается еще выражение *kaḫḫada ma*, которое означает, что должник возвратит взятую сумму без процента, буквально «только голову». Этот вид займа также не приносил процента, даже после просрочки.

⁸ *Araḥ še-ir-i ša e-ši-di* «Месяц Шеири, что жатвы». Наличие слова *ešidu* «жатва» позволяет считать Шеири месяцем жатвы. Тогда, возможно, месяц Шеири соответствует аккадскому Ду'узу (июнь — июль):

⁹ *i-na GišBAR ki-it-ti* «по истинной или законной мере».

¹⁰ *i-na araḥ¹¹ MAḤ ša 3 1/2 šiḫil kasram 1 gur še-a-am li-du-ud* «в месяце Махе за 3 1/2 сикля серебра 1 *гур* ячменя пусть отмерит».

¹¹ В среднеассирийских документах засвидетельствовано обратное, т. е. должник вместо зерна возвращал свинец (по текущей цене зерна) (KAI, 53, 61).

считаются залогом. В документе № 180 от имени храма бога Шамаша пекий Данили предоставляет кредит двум лицам; один из должников обязан вернуть ячмень с процентами, а другой предоставить в распоряжение кредитора 12 жнецов¹². Интересен документ № 183, в котором тот же кредитор выдает 10 *гур* ячменя. Должник обязан вернуть из урожая 15 *гур* ячменя. Хотя здесь термин для процента отсутствует, но количество зерна, подлежащего возврату, показывает размер процента. В документе № 344 заем также возвращается с надбавкой, хотя термин «процент» и не применен: здесь выдается 150 *ка* ячменя и два сикля серебра, причем стороны отмечают, что вместо 150 *ка* ячменя и двух сиклей серебра должник обязан отдать 165 *ка* ячменя и две трети сикля серебра, а в случае просрочки должен отмерить еще пять *гур* ячменя. Обязательство должно быть выполнено в *kâgim*, серебро должно быть уплачено предъявителю документа. Таким образом, в случае с ячменем надбавка составляет 10% общего кредита, при серебре же — 66%. Возможно, что часть процента за ячмень была включена в проценты за серебро. Исключая эти единичные случаи упоминания надбавки, а не процента, при натуральном займе в подавляющей части документов размер процента не указывается, хотя отмечается, что долг будет возвращен с процентами.

Наряду с этими имеются также беспроцентные займы. Одним из терминов для обозначения беспроцентного займа был *hubuttatu*. Однако и этот вид займа приносил проценты в случае просрочки уплаты долга¹³. Полностью беспроцентными были займы, по которым в документах оговаривалось, что должник возвращает *kaqqadma* «только голову», т. е. взятую сумму. Имеются случаи выдачи в качестве «благоденствия» (*tadmiktu*, № 39), «помощи» (*usâti*, № 27).

Таким образом, мы видели, что часто, когда речь шла о денежном займе, имелось конкретное указание на величину процента. Что касается натурального займа, то там отсутствует указание на размер процента, но иногда стороны определяют количество зерна, которое подлежит возврату. В одном случае подлежащее возврату зерно составляло 50% от суммы долга (№ 183). Другой раз заем возвращается с надбавкой, не обозначенной как проценты; надбавка составляет 10% общего кредита (№ 344). Отсюда можно предположить, что процент по натуральным займам колебался между 10 и 50%. Характер документов в целом позволяет полагать, что проценты, особенно более высокие, взимались не ежемесячно, а сезонно, т. е. проценты охватывали период от месяца предоставления займа до периода сбора урожая. Обычно долг уплачивался из урожая.

Что касается денежных ссуд, то, как уже говорилось выше, проценты при денежном займе равнялись третьей или четвертой доле с сикля. В одном документе размер процента составляет 0,6% ссуды (№ 23), в другом — 66% (№ 344), хотя в последнем случае термин для процента не упомянут. Может быть, в этом случае, как было сказано, к этому проценту была присоединена часть надбавки от ячменя. Но все же из полученных данных можно

¹² И в Ассирии среднего периода должник обязывался обеспечить кредитора жнецами (например, KAI, 11; 29; 62; 163 и др.).

¹³ Беспроцентный заем встречается в среднеассирийских и старовавилонских документах. В результате исследования среднеассирийских документов Ш. Кошакер приходит к выводу, что основная сумма займа включала в себя проценты, т. е. кредитор выдавал заем в меньшем размере, а в документе записывался долг с учетом процента (см. NKRA, стр. 64 и сл.). Однако вряд ли это верно по отношению к нашим документам, так как в рассматриваемое время еще не было какого-либо запрещения взимать проценты. Этот этап, когда основная сумма включала в себя и проценты, Элам проходит позже, в первом тысячелетии, о чем свидетельствуют юридические документы, написанные на эламском языке (MDP, XI, № 301—307). Этим документам посвящена наша статья, которая выйдет в сборнике в честь 75-летия акад. Ш. А. Орбели.

заклучить, что процент по денежным ссудам не был постоянен и колебался между 0,6% и 40%. Это колебание показывает, что не было единого тарифа взимания процента, как, например, в Вавилонии, где законы Хаммурапи устанавливали единый тариф взимания процента: шестая доля и 6 *ше* с сикля (№ 89). Приблизительно такой же тариф устанавливается законами Биллатамы, царя Эшнунны (§ 21). Как показывают наши документы, в Эламе существовало свободное взимание процента при денежном займе. Как видно из староассирийских документов, такое же положение существовало в колониях Ассирии, только с той разницей, что там процент колебался между 15 и 120% и даже более высоким процентом¹⁴.

Наши документы дают два термина для обозначения процента — *ṣiptu* и *ḫubuṣu*. Лишь один раз встречается термин *ḳiptu* (№ 190) «процентный заем»: последний широко был распространен на юге Вавилонии¹⁵. *ḫubuṣu*, являющийся общим термином для обозначения процентного долга в ассирийских и вавилонских документах, в эламских обозначает процент при натуральном займе. Термином, обозначающим процент при денежном займе, в эламских документах является *ṣiptu*.

По-видимому, проценты при натуральных ссудах, когда отсутствовало упоминание о надбавке или размере процента, взимались либо согласно обычному праву, либо по тому или иному правилу. Так, в документе № 181 прямо отмечается, что сделка была заключена на основании обычая (букв. «следа, поступи»), существовавшего у жителей Суз, и что стороны не принимают «защиту» и «след» согласно словам Шамаша, — видимо, храма бога Шамаша. В документе говорится: *wa-ar-ki ku-bu-us-si-e ša māgimes Šu-si-im¹⁴ ū Zu-uk-ki-zu-uk-ki il-kū-ū* «Согласно обычаю сыновей Суз и Зуккизукки¹⁶ они взяли», и дальше: *ah pi-a-tu ša ṣamaš ki-di-na ū ku-bu-us-sa-a-am ū-ul ū-ma-aḫ-ḫa-gu-šu* «Согласно словам (храма) бога Шамаша, защиты и обычая его они не принимают». Здесь виден контраст между двумя обычаями, — а именно обычаем населения и обычаем храма. В другом случае (№№ 28 и 344) отмечается, что при займе *ṣu-ul-la* (или *kidinam*) *ū ku-bu-is-sa ū-ul i-šu* «защиты и обычая не имеет (имеют)». Значения терминов почти совпадают: *kidinam* «защита», *kubussū* «след», *šullu* «сень, защита». Все эти термины возникли из обычного права и определяли нормы права, одинаково практиковавшиеся среди населения. В период написания этих документов обычаи уже имеют правовой характер, т. е. эти обычаи имеют юридическую силу и охраняются государством или храмом. Но и население имеет свой собственный обычай. Не подлежит сомнению, что каждый обычай имел свои собственные нормы взимания процента или норму урегулирования тех или иных отношений между кредитором и должником. Может быть, обычаи, принятые государством или храмом, подобно тому, как это имело место в ассирийском и хеттском судебных актах, были узаконены и зафиксированы в письменном виде. Но установить различие во взимании процента между этими обычаями пока невозможно.

Группа документов повествует о предоставлении займа в порядке товарищества для торговой операции (№№ 120—124; 270—274). Эти документы регистрируют денежный заем. В качестве условия кредитор ставит: во-первых, возвращение основной суммы долга после благополуч-

¹⁴ См. ARK, 17—19; 23, 25; 29—34; 45 и др.

¹⁵ См. А. П. Р и ф т и ц, Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР, М.—Л., 1937, стр. 37.

¹⁶ Это слово, по-видимому, эламское. Видно, что повторяется слово *zukki*, которое можно возвести к эламскому *sunki* «царь». Но повторение не поддается объяснению.

ного торгового путешествия; во-вторых, равного дежежа дохода; в-третьих, за расходы в пути кредитор не отвечает. Насколько нам известно, среди старовавилонских¹⁷ и староассирийских документов имеется по одной сделке (ARK, 95), а среднеассирийских две сделки подобного рода (KAI, 32 и 39). Но наши документы предусматривают ряд условий, которые отсутствуют в упомянутых архивах: например, отсутствие залога, дежеж прибыли пополам, дополнительные расходы, связанные с торговым путешествием, которые ложились на должника. Характерен для всех документов возврат долга непосредственно предъявителю документа, но в эламских к тому же добавляется, что погашение долга должно быть произведено в kârum. В Сиппаре и Ларсе существовали такие торговые организации, которые носили название kârum и с которыми были связаны купцы (tamkârum)¹⁸. В староассирийских документах kârum назначает проценты (ARK, 75—79 и др.). Вероятно, эламский kârum, поскольку он встречается в документах, регистрирующих торговые операции, имел такую же функцию, что и kârum в Сиппаре и Ларсе.

В отличие от ассирийских и вавилонских¹⁹, в эламских документах отсутствует специальный terminus technicus для обозначения залога; понятие это передается описательно в различных выражениях.

Одним из таких выражений при денежных займах было sikkatu maḥṣat: a-di kaspaṃ ù ṣiptam ú-ta-ru i-na É.DU.A-šu sikkatu ma-aḥ-ṣa-at «До того как серебро и проценты он вернет, на его доме колышек будет забит». При натуральном займе встречается такая же формула, причем иногда указывается, что sikkatu принадлежит именно кредитору. Например, в документе № 182 (ср. также № 183), где кредитором является храм бога Шамаша, а отпускает в кредит, видимо, от имени храма, Данили, имеется фраза: a-di še-a-am ú-ta-ru i-na E.DU.A-šu ù ir-si-šu sikkatu ša Da-an-i-lí ma-aḥ-ṣa-at «До тех пор, пока ячмень и проценты его не вернет, на доме его и хозяйстве его колышек Данили будет забит». В другом случае (№ 179) для того же самого кредитора забивается колышек на доме должника, который находится по соседству с неким Бели (i-na É.DU.A ša itā Be-li i s.m.). Последний пример показывает, что должник имел еще и другое имение. Имеются случаи, когда колышек забивается не только на доме должника, но и на поле и саде одновременно (№ 189). Исходя из приведенных примеров и из характера самих документов, можно думать, что залог, состоящий из какого-нибудь указанного недвижимого имущества, тотчас после заключения сделки не переходил во владение кредитора. Из тех же примеров можно сделать вывод, что в случае просрочки уплаты долга залог переходил во владение кредитора. Однако не ясно другое, а именно: предъявлял ли кредитор вещное право на залог после просрочки? Например, согласно части среднеассирийских документов, в случае просрочки уплаты нарастают проценты на долг. Но даже после этого должник, рассчитавшись с кредитором, мог получить свое имущество (KAI, 53 и 61). К тому же, в случае с ассирийскими документами, залогом с правом и без права пользования настолько переплетаются, что трудно установить, когда одна форма переходит в другую. Однако в наших документах мы явно имеем палицо залог без права пользования со стороны кредитора, т. е. типа ипотеки.

¹⁷ M. Schorr, *Altbabylonische Rechtsurkunden*, Lemberg, 1913, № 63.

¹⁸ W. F. Leemans, *The Old-Babylonian Merchant*, Leiden, 1950, стр. 67, 71, 104 сл.

¹⁹ В ассирийских документах термином для обозначения залога был šapartu, а в вавилонских — maškānu.

Дальнейшая судьба этого вида залога из документов не ясна, но надо полагать, что в случае просрочки должник лишался своей заложенной вещи, поскольку клаузула ассирийского типа отсутствует.

В текстах встречается еще выражение *parkūtu šebir* (варианты: *še-ib-ri-ma*, *še-ib-ri*, *še-ib-ri-i*). Так, в документе № 187 читаем: *a-di še-a-am i-ma-an-da-du i-na mu-uh-ḥi litāti ù immerī pa-ar-ku-²⁰ut-tu še-bi-ir* (№ 187). *parkūtu* — множественное число от слова *parku* «засов, замок» дословно «задвинутый». Следующий за ним глагол, по-видимому, от корня *šbr* со значением «разбивать, разрушать, ломать» стоит в пермансиве. Если так, то полное выражение должно быть переведено «засов поломан»²¹. Значит, фразу полностью можно перевести так: «До того как ячмень отмерит, на коров и овец (его) засов поломан». Оставляя пока в стороне юридический смысл этой фразы, приведем другой пример, где наряду с упомянутым выражением отмечается *sikkatu maḥṣat*: *a-di še-(a)-am i-ma-da-du i-na mu-uh-ḥi alpī-šu ù šēnī-[šu] pa-ar-ku-tu še-ib-ri-ma i-na ekli-šu sikkatu ma-aḥ-ṣa-at* (№ 184). Издатель документов В. Шейль часть этого предложения читал: *i-na mu-uh-ḥi-šu*. Однако он оставил не прочитанным знак между *muḥḥi* и *šu*: там стоит знак для GUD (акк. *alpu*)²². Все предложение следует перевести: «До того как ячмень отмерит, к крупному и мелкому скоту его засов поломан и также на поле его колышек забит». Наличие последней фразы помогает понять юридическую сторону первой: до уплаты на поле *sikkatu maḥṣat*, а на скот *parkūtu šebir*, следовательно, в обоих случаях показан один юридический акт, т. е. в первом случае также имеется в виду залог, который в отличие от второго случая состоял из скота. Само выражение «засов поломан», по-видимому, надо понимать в том смысле, что доступ к скоту свободен²³. Возможно, это выражение имело идиоматическое значение и применялось для обозначения залога, состоящего из скота. Однако и в этом случае залог не переходит во владение кредитора, на что, в частности, указывает наличие в той же фразе выражения *sikkatu maḥṣat*, поскольку колышек можно снять, то *parkūtu šebir* также не может быть постоянным. Надо полагать, что в случае просрочки должник был обязан удовлетворить кредитора скотом.

Имеются случаи, когда скот до уплаты долга передается в руки кредитора. В документе № 124, где трое забирают пять мин серебра у храма в порядке товарищества, сказано: *i-na e-ri-ib gi-ir-ri-šu-nu 60 UDU.ḤI.A ši-bi-it ka-ti ¹¹Šamaš-ba-ni i-ṣa-ba-at* «При выходе их в путешествие 60 овец, — владение их, Шамашбани забирает». В одном из документов в качестве залога оставляется одежда. Это — документ № 37, в котором встречается следующая фраза: *a-di še-a-am ú-ta-ar-ru zi-zi-ik-tu a-na i-zi-ib-ti ez-bé-et* «До того как ячмень вернет, край одежды не оставления оставлен». Если же должник в срок, в месяце Лалуби, не произведет уплату, то *zi-zi-ik-tu šu-ul-lu-ma-at* «край одежды будет сделан целым», т. е. одежда возмещает долг. В этих случаях видно, что залог или гарантия ответственности, состоящие из одежды и скота, паходились во владении кредитора без права собственности до срока займа. Приве-

²⁰ Здесь вместо знака для *ku* писцом был ошибочно написан знак для *bu*.

²¹ Иначе «запрет снять», поскольку *parkūtu* — имя абстрактное и означает «запретность», «затвор».

²² Это чтение, ссылаясь на исправление этого места Сан-Николо́, принимает K o s c h a k e r, *Randnotizen...*, стр. 229.

²³ К данному случаю не подходит объяснение П. Кошакера со слов Ландсбергера о том, что, возможно, здесь имеется в виду клеймо, которое накладывали на скот в знак ответственности должника (там же). Из перевода В. Шейля можно понять, что при невыполнении обязательства загон для скота должника открыт кредитору для судебной описи. Так же понимает К ю к (RAss, XXIX, № 4, стр. 162).

денные данные свидетельствуют о наличии ручного залога²⁴, так называемого *riḡnus*, когда заложенная вещь находилась во владении кредитора. Как можно заключить из документа № 124²⁵, в данном случае кредитор не был уверен, что залог перейдет в его собственность, поскольку там имеется клаузула: *e-li šā-al-mi ū ki-ni i-šu* «За здоровым и честным есть»²⁶, т. е. долг обязан погасить один из должников, который благополучно завершит свое путешествие. А из документа № 37 явствует, что в случае просрочки кредитор предъявлял вещное право на заложенную одежду.

О залоге с правом пользования, т. е. типа антихрезы, твердых данных нет. По-видимому с некоторой долей вероятности можно сказать, что в документе № 273 речь идет об антихресе. Там некая Шурия занимает у храма 30 сиклей серебра с тем условием, что она вернет кредитору серебро и половину прибыли, полученной от обращения капитала. Далее сказано: *ekel 1 gur zēr-šu palē IGI.URU.KI šà it-ti^m Te-im-mi-i-ka-lu-m[a] a-na^m Warad-ⁱ¹Amurru ta-ap-kí-is-su du-ul-la-[šu-nu ū-ba-al]*²⁷ «Поле, 1 *gur* площадь его, что в районе²⁸ „земельной общины“, которое (она) вместе с Теммими держит и затем Варад-Амурру доверила и их работу он (т. е. Варад-Амурру) посет». К сожалению, продолжение документа в средней части разбито. Но другой документ, № 125, помещенный В. Шейлем в раздел «аренда», дополняет это место и позволяет понять подлинное назначение документа № 237. В документе № 125 читаем: *1^m A-da... ū¹¹ Adad-še-[mi...]* а-на *A-ḫi-ma-a mār... a-na ma-aš-ša-ar-ti³ ip-kí-du-šu eklam i-i[r-ri-iš] du-ul-la-šu-nu ū-ba-al ki-ri-iš-su i-pa-al-ma a-aḫ ir-ti kaspi-šu-nu¹⁰ [i]-li-ik-kú-ú* «Ада... и Ададшеми Ахимаю, сыну... на хранение доверил его. Поле он возделает, работу их понесет, нужду их удовлетворит и затем... перед их серебром возьмет». Последнюю часть можно понять в том смысле, что остальное пойдет либо для погашения долга, либо будет продаваться за серебро. Однако и то и другое не мешает заключить, что в вышеупомянутой фразе из документа № 237 речь идет о погашении долга или процента из дохода с поля. Если это так, то перед нами случай, когда кредитор пользовался залогом, а доход шел на покрытие либо долга, либо процентов. Поскольку там нет ни слова о проценте, то надо полагать, что доход покрывал долг.

Несколько противоречивым по смыслу является документ № 345, из которого все же можно заключить наличие клаузулы о погашении долга из хозяйства должника. Там, согласно договоренности сторон, представляется беспроцентная ссуда (*šiptu NU.TUK*). Дальше записана клаузула: *a-di kasram i-ip-ra-lu i-na mi-im-ma šà i-šu ū alpī šēni ū imēti*

²⁴ О ручном залоге свидетельствует еще документ № 315, в котором речь идет о тяжбе между кредитором и поручителем, предоставившим залог вместо должника. До тяжбы некая Талибату занимает у кредитора 10 сиклей, а другое лицо — Абили, сын Маттати, предоставляет залог, состоящий из одежды (*kitē*). Женщина, видимо, просрочила уплату, поэтому кредитор задерживает залог. Поручитель обращается к Темтиралташу, вероятно, правителю. Согласно его решению, поручитель получает свой залог, однако с выплатой десяти сиклей. Отсюда вытекает, что, во-первых, кредитор берет залог из движимого имущества непосредственно в свои руки; во-вторых, существовало поручительство, когда залог предоставляло другое лицо.

²⁵ Вероятно, здесь кредитор мог в какой-то мере пользоваться залогом, например, молоком скота. Но это не исключает того факта, что мы имеем налицо ручной залог, в противном случае отмечалось бы право пользования залогом.

²⁶ Сходная клаузула встречается в ассирийских текстах. Ш. Кошакек дает следующее объяснение: «За головой благополучного и верного из них серебро закреплено» (NKRA, стр. 118). По Э. Кюку, должник обязан быть верным и честным (С и q, Les actes..., стр. 67).

²⁷ Восстанавливается на основании документа № 125.

²⁸ Собственно *palū* (идеогр. BAL) значит «год правления (царя)». Но здесь и в некоторых других случаях контекст требует перевода как обозначения территории.

ù makkur-šu šà âli^{ki} ù šêri^{ki} it-ti mâri^{meš}-šu ¹¹šamaš-še-mi a-pí-il «Лока серебром не удовлетворит, из имущества, что он имеет, крупного, мелкого скота и ослос и имущества, что в поселении и в степи, от ²⁹ сыновей его Шамашеми будет удовлетворен». Шамашеми является кредитором, сыновья же должника, согласно документу-договору, обязаны погасить долг до срока займа из дохода, полученного от хозяйства, скотом. Здесь, конечно, имущество должника не является залогом, он вовсе отсутствует, что характерно для беспроцентных займов. Зато документ предусматривает погашение долга, по-видимому, в течение времени от месяца Шабата до месяца Лалуби. Почему расчет производят сыновья должника, а не сам он? Возможно, сам должник находился в отъезде. Поскольку долг был краткосрочным, то кредитор, не рискуя совершенно лишиться своего серебра, записал в документ условие предусматривающее возвращение займа сыновьями должника именно из его имущества. Фактически упомянутая клаузула уже давала кредитору право потребовать свой долг из указанного имущества, а в случае невыполнения обязательства его сыновьями — предъявить вещное право на скот или на какое-либо имущество должника. Эти случаи из долговых документов подтверждают наличие антихрезы ³⁰.

Краткий обзор эламских долговых документов показывает, что кредитно-долговые отношения развивались на местной почве, в основном вне зависимости от внешнего воздействия. Кредитно-долговые отношения в Эламе создавали норму взимания процента и различные виды залога, соответствующие общему уровню развития экономической жизни страны. В Эламе этого времени широко был распространен заклад поля, сада, дома и скота. Но в имеющихся в нашем распоряжении эламских документах не встречается ни единого упоминания о том, чтобы должник в качестве залога оставлял кого-либо из числа членов своей семьи. Следовательно, заклад личности не применялся. Между тем подобная практика залога личности имела место в большинстве стран Передней Азии с начала второй половины II тысячелетия до н. э. В Вавилонии она имела место еще раньше, что отразилось в законах Хаммурапи. В староассирийских документах заклад личности встречается очень редко (ARK, 14 и 15). Хотя можно было бы на основании аналогий из соседних стран предположить существование залога личности и в Эламе, но такое предположение документами не подтверждается. Малочисленность документов не поз-

²⁹ Часто itti имеет значение «с, вместе с», но в наших текстах оно почти всегда имеет значение «от, у» — «у (от) такого-то N взял».

³⁰ Э. Кюк считает, что существовал вид залога, состоявший из земли, скота, от которых кредитор получал доход для покрытия долга (см. RAss, т. XXVIII, № 2, стр. 161 сл.). По-видимому, такой вывод им сделан на основании протокола судебного процесса № 324. Там говорится, что некий Аткалшу забрал двух ягнят у Ахияу и Ахуммы. В конце таблетки отмечается, что Аткалшу получит обратно дом и поле в том случае, если он вернет ягнят. До тех пор дом и поле его, состоящее из 35 ка, считается залогом. Здесь употреблен термин manzađānu. Это единственный случай, когда упомянутый термин встречается в документе, регистрирующем судебное дело. Он встречается еще в документах, относящихся к области купли-продажи в обороте ùl ip̄turu ùl manzađānu. Э. Кюк эту фразу понимает в том смысле, что не полагается никаких доплат (см. RAss, XXIX, № 4, стр. 164). П. Кошакер объясняет следующим образом: цена, уплаченная за это поле, не является ни выкупом, ни уплатой долга, а ценой продаваемого участка (там же, стр. 165). Последний вывод правилен, однако вызывает сомнение объяснение значения термина manzađānu. Нам кажется, указанную фразу надо понимать дословно, т. е. продаваемый участок не является ни выкупом (со стороны покупателя), ни залогом (со стороны продавца). В известных вавилонских и ассирийских документах термин manzađānu отсутствует. Документам из Алалаха, относящимся к XV в. до н. э., этот термин известен в форме ma-az-za-za-nu (или ma-az-za-za-nu-tim, см. AT, 41; 43; 20; 22; 26 и др.). Часто этот термин в Алалахе указывает на залог личности.

воляет, однако, сделать окончательные выводы. Все же можно предполагать, что в это время в Эламе еще не практиковался или очень редко практиковался заклад личности. Но теоретически, рано или поздно развитие кредитно-денежных отношений, влекущее за собой разорение и обеднение земледельцев, должно было привести к положению, существовавшему в Ассирии, Вавилонии и Аррапхе.

С другой стороны, развитие кредитно-денежных отношений должно было привести к выделению из общей массы населения рабовладельцев, иной раз являющихся кредиторами, нуждавшихся в рабском труде для обработки крупных земельных участков, сосредоточенных в их руках. Малочисленность документов не позволяет проследить процесс выделения или обогащения займодавцев. Лишь в некоторых случаях можно восстановить это развитие. Как выше говорилось, в качестве кредитора нередко выступает храм; выдачу займа производит лицо, видимо, связанное с храмом. Несколько раз уже известный нам Данили, как представитель храма бога Шамаша, выдает займы ячмень (№№ 179—180; 182—183). Во всех документах, кроме одного (№ 180), дом или хозяйство должника оставляется в качестве залога. В каждом случае долг процентный и краткосрочный и погашается из урожая. Чаще в качестве кредитора упоминается некий Алиэллати³¹, который, наряду с зерном, дает займы также и серебро. Серебро он дает под процент, составляющий $\frac{1}{3}$ сикля (№ 185); здесь залог отсутствует. В остальных случаях заем натуральный, причем под залог скота; лишь один раз залог состоит из дома, поля и сада (№ 189). В документе № 188 тот же кредитор отпускает в кредит ячмень, причем должник будет возвращать долг без процентов. Во всех случаях долг подлежит возврату из урожая. Алиэллати был, если исходить из данных документов, землевладельцем, у которого были большие запасы зерна. Он, видимо, имел документ-список, в котором регистрировались имена должников. Так, в документе № 197 отмечается, что должник *ša ri li-e ga-bi še-am il-ki* «согласно таблице большой ячмень взял»³². Известно также, что некий Нурия был должником Алиэллати (№ 184, 3), а в одном из документов (№ 146, 10), в котором, по-видимому, перечисляются имена должников, встречается имя того же Нурия, за которым числится 1 *гур* 80 *ка* ячменя. Принадлежал ли этот список-документ кредитору Алиэллати, невозможно установить, однако, учитывая упоминание в рассматриваемой сделке имени Нурия и термина *li-e ga-bi*, такое предположение можно допустить. Социальное положение Нурия устанавливается из других документов. Если в документе № 217 он и некий Набитнуршу являются покупателями поля, то в другом случае он же — совладелец продаваемого поля (№ 208), а в документе № 231 он продает сад. Несколько раз Нурия выступает в качестве свидетеля (№№ 29,9; 103, 14; 108,17; 115,17 и др.). Однако из этих данных нельзя заключить, что он был разорившимся земледельцем, поскольку в его владении находился еще земельный участок, но обстоятельства вынуждали его все же продавать кое-что из своего хозяйства.

Интересен случай с Варад-Амурру, который, будучи должником храма (№ 198), выступает в качестве кредитора в документе № 199; задолжав храму 2 *гур* ячменя и 10 сиклей серебра, он же отдает займы 1 *гур* ячменя и все серебро. Хотя в документе указывается, что долг не имеет процента, но ячмень будет возвращен пивом, а серебро зерном, согласно

³¹ №№ 184—185; 187—189; 196—197.

³² Должник мог взять новую ссуду, не погасив предыдущую. На это, в частности, может указать фраза документа № 33: *ezib pi duppi-[šu]* «кроме (исключая) содержание его документа». Почти аналогичная фраза встречается в среднеассирийских документах (КАI, 22 и 31; NKRA, стр. 94, прим. 1).

текущей цене, существовавшей в момент погашения долга, т. е. в период урожая. В других документах он же выступает опять в качестве кредитора, то вместе с храмом (№№ 271; 273), то один (№№ 190; 272). Встречаются и другие лица, которые являются то кредиторами, то должниками: это Ададбани (№ 120 — кредитор; № 124 — должник), Шамашшеми (№ 30, № 345 — кредитор; № 199 — должник), Апилушум (№№ 36, 39). К сожалению, документы малочисленны, и поэтому нельзя сделать далеко идущие выводы. Однако уже можно наблюдать выделение кредитора-рабовладельца из среды земледельцев. Можно отметить трех более или менее часто встречающихся кредиторов, но ни одного постоянного должника: храм (Данили), Алиэллати, Варад-Амурру; последний, вероятно, постепенно стал храмовым служителем. Люди типа Ададбани, Шамашшеми, Апилушум то обогащались, то впадали в нужду, ибо они упомянуты как в качестве кредиторов, так и должников.

Все сказанное дает основание предположить, что кредитно-денежные отношения еще не стали той силой, которая могла привести к окончательному разорению и обеднению мелких земледельцев. Это, в свою очередь, подтверждает высказанное выше предположение об отсутствии заклада личности в Эламе этого времени.





Г. Шрот

(ГДР)

О РЕНТАБЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РИМЕ В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ

Несмотря на наличие значительного количества важных исследований в области экономики древнего мира, эта проблема не может считаться решенной¹. В Германии, например, до сегодняшнего дня еще не написана сводная работа по экономической истории древнего Рима². Предпринятая мною работа представляет попытку отчасти восполнить этот пробел³. В первой части данной работы я хотел кратко изложить типичные черты и тенденции развития римского сельского хозяйства этого времени.

1. ИЗМЕНЕНИЯ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Со времени ранней Римской республики вплоть до эпохи великих завоевательных войн римское сельское хозяйство велось главным образом экстенсивно. Свободный римский земледелец стремится к расширению и

¹ Т. Франк, *An economic History of Rome*, Baltimore, 1927²; *ESAR*, тт. I—V, Baltimore, 1933—1940; М. Вебер, *Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht*, Stuttgart, 1891; Р. в. Пöhlmann, *Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt*, München, 1925, т. I—II; Е. Сиссоти, *Der Untergang der Sklaverei*, В., 1910; J. Сalvioni, *Der Kapitalismus im Altertum*, Stuttgart, 1922; Н. Гуммерус, *Der römische Gutsbetrieb*, «Klio», Beiheft 5, 1906; М. Ростовтзельф, *The Social and economic History of the Roman Empire*, Oxf., 1926; М. Е. Сергеевко, *Из истории сельского хозяйства древней Италии*, ВДИ, 1953, № 3; Th. Mommsen, *Römische Geschichte*, I⁸ т. I—III; V, В., 1888—89.

² Еще в 1953 г. издательством С. П. Бек в Мюнхене было объявлено о предстоящем выходе в свет построенной на новейших исследованиях «Экономической истории древности» Эртеля, которая должна была появиться в серии «*Handbuch der Altertumswissenschaft*» (III Abtlg., 7-я часть). Как мне сообщил в письме проф. Эртель из Бонна в начале апреля 1957 г., все его «подготовительные работы и рукописи были в 1945 г. разбросаны и уничтожены американскими солдатами». Поэтому работа, начатая почти запово, заставляяет еще себя ждать.

³ Общие вопросы периодизации античности уже служили предметом исследования в другой моей статье, написанной совместно с Р. Гюнтером. G. Schrot — R. Günther, *Einige Probleme zur Theorie der auf Sklaverei beruhenden Gesellschaftsordnung*, ZfG, 5 (1956), стр. 990—1008; рец. L. Welkopp в ZfG, 2 (1957), стр. 296—313; см. также G. Schrot, *Die Verwendung des ager publicus in der Zeit der römischen Republik als Ausdruck patrizischer Wirtschaftspolitik*, ZfG, 1 (1956), стр. 39—61; рец. J. Burian в «*Českoslov. Cas. hist.*», 4 (1956), стр. 694. В дальнейшем я собираюсь опубликовать и другие работы, также посвященные различным периодам развития сельского хозяйства и ремесла в древнем Риме.

увеличению своего собственного земельного владения. Постепенно вследствие влияния разнообразных причин возникло существенное различие в размерах частной земельной собственности среди римских землевладельцев: с одной стороны, свободные крестьяне пауперизировались и теряли свои участки, с другой стороны, возникали латифундии⁴.

С начала II в. до н. э., когда громадные территории были включены в состав империи, исторические условия в республике изменились, вследствие чего распространилась интенсивная форма хозяйства, особенно в самой Италии. Впервые Катон Старший изложил теоретически, каким путем частный землевладелец, ведя рационально свое хозяйство, может достичь наибольших урожаев и высокой прибыли. Теперь, в изменившихся условиях римского землевладельца интересовало, чей труд дешевле: полностью бесправного раба, или безземельного свободного, и каким образом можно наиболее выгодно продать произведенные товары. Согласно этому, моя задача состоит в исследовании процесса изменения формы зависимости рабочей силы, занятой в имении, и соотношения между замкнутым и рыночным хозяйством. Таким путем, по-моему, можно получить более полное представление о характере римского сельского хозяйства конца республики.

1. Переход от экстенсивной к интенсивной форме хозяйства

Войны Рима против Карфагена и государств восточного Средиземноморья привели к исключительному увеличению территории римской державы. Действовавшие опустошительно военные походы и победа римских экспансионистских устремлений вызвали, в свою очередь, переворот в экономических и политических отношениях в самом Риме, который решающим образом повлиял на дальнейшее развитие Рима.

В результате этих изменений крестьянство повсеместно пришло в упадок ко времени Гракхов и в I в. н. э. полностью исчезло⁵. Рабство вступило в свою высшую стадию. Одновременно происходила концентрация в руках немногих богачей колоссальных земельных угодий⁶.

Как известно, большая и лучшая часть завоеванной страны (*ager captivus—ager publicus*) переходила с давних времен *de-facto* во владение патрициев⁷. Вместе с успешными завоеваниями вне Италии менялся характер добычи, так как теперь уже целые провинции вовлекались в состав государства. Расширение римской территории привело к реорганизации армии; поскольку теперь для защиты и удержания в повиновении завоеванных народов и земель требовались гарнизонные войска, то римская крестьянская армия не была уже в состоянии обеспечивать военную защиту государства. Привлечение в армию неимущих свободных римских граждан и чужеземных наемников⁸ превращало постепенно армию в орудие завоевательной политики новой римской аристократии. Предоставлением в распоряжение солдат определенной части добычи достигалась их материальная заинтересованность в войнах. Слава и общественный вес полководцев расценивались теперь в зависимости от того количества денег, которое они привозили в Рим в качестве добычи⁹. Вслед за римскими солда-

⁴ Ср. мою статью «Die Verwendung des *ager publicus*...», *ZfG*, 1 (1956), стр. 39—61.

⁵ М. R o s t o v t z e f f, ук. соч., стр. 191.

⁶ Ср. мой очерк, в *ZfG*, 5 (1956), стр. 994.

⁷ Это я пробовал доказать в *ZfG*, 1 (1956), стр. 42—43 и 58—59.

⁸ L i v., XX, 24, 49, сообщает уже для 214 г. до н. э., что в войске Сципиона служило много кельтских и иберийских наемников.

⁹ P l i n., NH, XXXIII, 17, приводит примеры того, что приносили отдельные походы.

тами в завоеванные земли постоянно двигались бесчисленные толпы торговцев, авантюристов и спекулянтов, которые превращали в деньги добычу солдат и с тех пор занимались эксплуатацией провинциалов (откуп налогов). Таким путем грабительские походы завершались интенсивной эксплуатацией и вымогательством.

В ходе этого развития изменилась также цель, к которой было направлено неограниченное стремление к стяжательству. Сначала, в период возникновения крупного землевладения, патриции думали прежде всего об экстенсивном расширении своих земельных владений и численности зависящей от них рабочей силы. Это стремление, следовательно, не преследовало еще цели приобретения денег. По мере же прогрессирующего расширения латифундиального хозяйства был достигнут такой уровень развития, при котором сельскохозяйственные продукты стали производиться главным образом на местный рынок, для заморской торговли и снабжения войск, следовательно, уже не для собственных потребностей усадьбы, как было раньше.

Завоевательные войны Рима вызвали переворот в отношениях собственности и зависимости, следствием чего были концентрация громадных денежных средств и земельных богатств в руках немногих богатых аристократов, отход богачей от производительного труда, их роскошь и расточительство.

Хотя Катон Старший часто изображается наиболее решительным борцом за *mos maiorum*, однако он сам и его деятельность как нельзя более соответствовали духу того времени. Хотя Катон и призывал к крестьянской простоте и строгой бережливости и осуждал ростовщические операции, однако в повседневной деловой практике он лихорадочно стремился к прибыли (Plut., Cato, 16, 19; Cato, De a. c., praef.). Заимствовав из хозяйственного опыта Карфагена и Греции много нового для римского земледелия, Катон наиболее подробно образом излагает эти новые принципы земледельческой деятельности¹⁰. Он заявляет одинаково всем землевладельцам, что всеохватывающей задачей сельского хозяйства является достижение наибольших прибылей с наименьшими затратами¹¹. Задачей его сельскохозяйственного руководства было показать, каким образом каждый земледелец может быстро достичь достатка и богатства. Все, что Катон видел сам на плантациях Карфагена — суровые условия труда связанных рабов, рентабельное возделывание различных полевых культур, наиболее выгодное использование орудий труда, — все это он старается теперь применить в своих имениях к римским условиям. Наибольшего успеха можно достичь, если соединить крупное землевладение с новым сельскохозяйственным опытом. Поэтому сам он не стал уклоняться от того, чтобы наряду с деятельностью в земледелии заниматься ростовщичеством для ускорения собственного обогащения (Plut., Cato, 21). Скупка акций на торговые суда, обучение детей рабов, чтобы затем продать их подороже, поощрение за деньги связей рабов с целью увеличения рабского потомства — вот те методы, которыми действовал Катон. Наставление Катона своему сыну может быть обозначено как всеобщий дух времени: деньги в руках немногих становятся в государстве властью, которая господствует над всем; поэтому первейшая добродетель римского гражданина — заработать деньги и сделаться богатым, а легальная дорога к этому — повышенная эксплуатация зависимой рабочей силы и интенсивное использование почвы и орудий труда.

¹⁰ Ср. O. Zieger, Die Acker des Altertums, München, 1954, стр. 98.

¹¹ Это стремление к рентабельному ведению хозяйства хорошо представлено М. Е. Сергеевко, Характерные черты сельскохозяйственной жизни в Средней Италии во II в. до н. э., ВДИ, 1952, № 4, стр. 38—44.

Сочинение Катона дает нам возможность увидеть и положение италийского сельского хозяйства во II в. до н. э. Катон понимал, что главной экономической и военной опорой государства были средний и мелкий крестьянин (De a. c., praef. 4). Но так как с ростом пауперизации свободных мелких крестьян значение труда рабов необыкновенно возросло, то изменился характер сельского труда и характер самого земледелия. Теперь под «хорошим хлебопашцем», как это видно из сочинения Катона, он не подразумевает больше крестьянина старого римского времени, который свое небольшое поле возделывал сам со своей семьей и заботился лишь об удовлетворении собственных потребностей. Теперь им является крупный землевладелец, перестроивший свое имение на рабский труд, производящий продукты в имении прежде всего на продажу и поэтому постоянно заботящийся о наибольшей рентабельности своего хозяйства¹². Поэтому советы Катона исходят из опыта ведения именно такого сельскохозяйственного хозяйства, которое широко использует труд рабов.

С начала II в. до н. э. латифундиальное хозяйство заняло место старого крестьянского хозяйства прежде всего в Этрурии и Южной Италии. Уже Сальвиоли (ук. соч., стр. 52) отмечал, что понятие латифундия в разные эпохи было неодинаковым. Так, до конца III в. до н. э. участок земли в 200 югеров (50 га) назывался латифундией (имение Катона занимало 240 югеров и являлось латифундией), в то время как при Варроне уже только 1000 югеров представляли крупное имение. Во времена Колумеллы крупный землевладелец I в. н. э. уже не мог объехать свои поместья в течение одного дня (Colum.; I, 3, 12).

Так же как изменялась в течение веков величина имений, изменялся за это время и характер сельскохозяйственного труда. Рабы и свободные поденщики относились совершенно иначе к земле, к продукту труда и даже к своей рабочей силе, чем свободные крестьяне времени раннего Рима. Однако рациональная эксплуатация рабского труда и целесообразное использование сельскохозяйственных орудий были в состоянии обеспечить доходность имения. Так, Плиний сообщает о некоем Г. Фурии Крезине, который с небольшого владения получил больший доход, чем его соседи с больших территорий. Этот Крезин в ответ на вопрос, как он достиг таких успехов, указал на своих ухоженных и хорошо одетых работников, на свои прекрасные орудия труда (Plin., NH, XVIII, 8). Все произведение Катона пронизывает главная мысль, что для землевладельца важно не только, в состоянии ли он постоянно расширять свои земли, но особенно важно на имеющейся земле с наименьшими средствами достичь наивысших результатов и тем самым получить наибольшую прибыль (также Varro, de r. r., I, 4). Но именно хозяйство, которое обслуживалось прежде всего рабским трудом, найдет в рабском труде препятствие, несовместимое с принципом рентабельности. Только этим и объясняется, что со времен Катона в имениях использовался также труд значительного количества свободных рабочих (в большинстве своем поденщики и сезонные рабочие — *operarii, factores, mercennarii*).

Катон устанавливает шкалу доходности от отдельных отраслей сельского хозяйства и на первое место ставит виноградарство, затем овощи и садовые культуры, на третье место — пастбища, на четвертое — оливковые плантации, на пятое ставит луговое и пастбищное хозяйство, наименьший же шанс на успех сулит хлебопашество, которое поэтому в современном ему хозяйстве должно все более ограничиваться. С завоеванием богатых провинций, в которых господствовало производство зерновых культур

¹² M. G e l z e r, Vom römischen Staat, Lpz, 1943, т. II, стр. 41—42, обращает внимание на то, что в качестве земледельцев во II в. выступают принадлежащие к разбогатевшей денежной аристократии всадники.

и которые должны были поставлять свое зерно в Рим, хлебопашество в самой Италии стало нерентабельным и все более вытеснялось плантационным и пастбищным хозяйством¹³.

Однако для Италии II в. до н. э. не может быть речи о полном упадке хлебопашества¹⁴, хотя у Катона на переднем плане стоит оливководство, менее обстоятельно говорится о виноградарстве и очень сжато автор высказывается о хлебопашестве. Никким образом нельзя обобщать также и сельскохозяйственные отношения в отдельных областях Италии, точно так же как нельзя представлять одинаковыми и те условия, которые отличали север полуострова от юга страны¹⁵. Катон, намереваясь в своей книге популяризовать новые методы труда, потому так обстоятельно и рассматривал оливководство, что для Италии оно было еще относительно новым, в то же время доходы от оливководства должны были возрасти. И, напротив, он, по-видимому, менее обстоятельно описывал виноградарство и тем более зерновое хозяйство, потому что в этой области имелся уже богатый старый опыт. Катон стремился прежде всего к той цели, чтобы в каждой отрасли сельского хозяйства найти моменты, повышающие ее доходность, точно так же как и Варрон. Мы узнаем, что Варрон владел несколькими имениями (Varro, I, 15; III, 3,8; III 13,4) и преимущественно по соображениям рентабельности занимался там разведением овец и ослов (Varro, II, praef., 6). Доходность имения зависела от многих условий (местоположение имения, характер почвы, субъективные качества владельца и т. д.).

Античные авторы считали сельское хозяйство исключительным занятием древних римлян¹⁶. С некоторым удивлением мы слышим от Цицерона, что еще в его время в Риме сельское хозяйство считалось наиболее честным и приличным источником доходов (Cic., de off., I, 42). Однако Цицерон имел в виду такое ведение хозяйства, при котором личный труд владельца уже отсутствовал, что некогда, как известно, считалось достойным богатого римлянина. Теперь владелец из эксплуатации принадлежащей ему рабочей силы извлекал огромные прибыли¹⁷. Итак, можно считать установленным, что со времени Катона сельскохозяйственное производство не определялось потребностями всего общества, но исходило только из максимальных возможностей прибыли частных землевладельцев. В этих условиях итальянское виноградарство превращалось в серьезного конкурента даже на греческом рынке до тех пор, пока итальянское вино ко времени Августа не овладело тогдашним мировым рынком (Varro, I, 2, 7; Plin., NH, XIV, 2,26). В равной мере итальянское оливководство завоевывало античный мировой рынок (Cic., de ger., III, 16; Plin., NH, XV, 1, 3). Сбыт лучших сортов фруктов¹⁸ приносил значительный доход, намного превышающий доход от торговли зерном¹⁹.

¹³ Cic., de off., II, 25; Plin., NH, XVIII, 29. Также Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1953, стр. 165—166, обобщает и думает, что хлебопашество вообще было заменено скотоводством. Co well, Cicero and the Roman Republic, 2, 1948, стр. 49.

¹⁴ М. Е. Сергеевко, ук. соч., стр. 44

¹⁵ СЛ, I, 602 (=I², 753) упоминает, что в Мантуе, в северной Италии, в 59 г. до н. э. три владельца имели каждый по два раба, а 13 владельцев — каждый по одному рабу.

¹⁶ Sato, De a. c., praef.; Dionys., Antiquit., II, 28; Plin., NH, XVIII, 1.

¹⁷ Так у Co well, ук. соч., стр. 41; G. Carl, Zur Agrarlehre Columellas, стр. 9, правильно отметил: «Владелец... превратился в получателя ренты; предоставление ему возможности контроля над его владением — вот в чем теперь заключается смысл аграрного учения».

¹⁸ Colum., V, 10; X, 18; XII, 10, сообщает о выращивании благородных сортов груш, яблок, вишен, слив и фиг.

¹⁹ Varro, I, 2, 10. Согласно Плинию (NH, XV, 19—21), многие фиговые деревья приносили по три урожая в год, которые продавались по высоким ценам.

Рост столицы и увеличивающееся значение крупных портовых городов ускоряли этот процесс, потому что более обильное снабжение городского населения и доставка провианта для армии превращались в необходимость; кроме того, верхние слои населения городов требовали для своего стола все более изысканных деликатесов. Отдельные имения, находившиеся вблизи Рима и других городов, специализировались на производстве лишь одного определенного продукта²⁰. Существовали имения, которые доставляли только лук, капусту, салаты, огурцы, репу (Cato, De a. c., 8; Colum., X, 127; Plin., NH, XIX, 20—34; 41 сл.). Другие занимались исключительно разведением цветов, чтобы удовлетворить дорогостоящую потребность богатых в роскоши (Varro, I, 16, 3; Martial., IX, 61; XIII, 127; XIV, 68). Так же как Катон обращает внимание на значение торгового садоводства вблизи городов (*sub urbe hortum omne genus*) (De a. c., 8, 2), Варрон равным образом подчеркивает роль садоводства (Varro, I, 16, 3). Наконец, и Колумелла отмечал, что в Италии земля засажена виноградными лозами и оливковыми рощами (Colum., II, 2, 24). Имения вблизи городов занимались также и мелким животноводством и птицеводством, с тем чтобы ежедневно доставлять в Рим птицу, свежие яйца и молоко (Varro, II, 3, 10; VII, 8, 1). Варрон подчеркивает, что особенно доходным является разведение птиц (III, 2, 3), а также разведение кроликов и рыб (III, 3, 1). Так, он сообщает, что Лукулл получал ежегодный доход в 40 тыс. сестерциев от своих рыбных садков. Производство зерновых в то время могло упасть уже до такой степени, что им покрывалась только собственная потребность хозяйств. Ведь только это обстоятельство могло склонить Варрона к утверждению, что Италия выглядит как громадный фруктовый сад и что ни одна пшеница, ни одно оливковое масло и ни одно вино в мире не могло бы конкурировать с итальянскими (Varro, I, 2, 6).

Там, где крупные имения, древесные рассадники, цвето- и овощеводческие хозяйства, птицефермы и рыбные садки оказывались жизненно важными, как, например, вблизи Рима, мелкий крестьянин постепенно терял основу своего существования, его зерновое хозяйство становилось не приносящим дохода. Но в таких специализировавшихся на производстве определенной продукции имениях рабский труд не приносил наибольшей выгоды, так как характер этих работ предусматривал использование квалифицированной свободной рабочей силы, которая в какой-то мере могла быть заинтересована в результатах своего труда.

Мало-помалу выступают политические и социальные следствия этих хозяйственных изменений. По мере интенсификации хозяйства, которая по необходимости включает в себя постоянный сбыт произведенных продуктов, вырабатывалось тесное сотрудничество, с одной стороны, между владельцами имений и, с другой стороны, между дельцами и крупными торговцами, что, в конце концов, вело также к возникновению общих политических интересов. Крупные землевладельцы и крупные торговцы, нобили и всадники, проводили политику, движущей силой которой были деньги и целью которой равным образом были деньги²¹. Прогрессирующая концентрация денежных богатств приняла в течение одного столетия такие формы, что даже Цицерон должен был признать: *non esse in civitate II milia hominum, qui rem haberent* (Cic., de off., II, 73).

Таким образом, во II в. до н. э. масса свободных мелких крестьян оказалась согнанной со своих земель, теряла свои владения и искала пристанища в городах, и прежде всего в Риме. В то же время крупное землевладение, которое преимущественно обслуживалось рабским трудом,

²⁰ C o w e l l, ук. соч., стр. 42.

²¹ G r o m a t. v e t., 138, 11 сл. Ср. R. v P ö h l m a n n, ук. соч., т. II, стр. 408.

и денежное богатство, стекавшееся со всех провинций в Италию, концентрировались в руках немногих богачей. Не участвуя в производительном труде, господствующие слои населения Рима жили только за счет эксплуатации своей мировой державы и угнетения ее населения²².

2. Положение свободных крестьян в последние два века Республики

Свободное крестьянство оплатило расходы римской завоевательной политики ценой развала своего хозяйства. Гракхи, как известно, стремились воздвигнуть преграду безграничному расширению земельных владений и вернуть тем самым жизнеспособность мелкой земельной собственности. Таким образом, должно было быть остановлено все развитие патрицианской хозяйственной политики, берущей свое начало со времен ранней республики, а возможно и с конца царского периода. Поэтому непонятно мнение Г. Пфейфера, когда он историю попыток реформы ограничивает временем, начиная с Ганнибаловой войны, считая, что реформа возникла непосредственно на протяжении этого отрезка времени²³. Автор не видит связи между аграрным законом Лициния — Секстия и гракханскими законами. В IV и II вв. причины и цели этого законодательства были одни и те же, понятно, принимая во внимание различия в величине латифундий²⁴. Пфейфер отрицает, что в первой половине IV в. ограничение крупного землевладения было уже такой же необходимостью, как и в последующие столетия; хотя разумеется, нельзя отрицать, что с окончанием II Пунической войны Рим вступил в новый, более высокий этап своего развития. Какими факторами характеризуется в это время положение мелких земельных собственников?

Моммзен считал наиболее важной причиной хозяйственного упадка свободного итальянского крестьянства ввоз чужеземного, дешевого, хлеба в Италию²⁵. Таким образом, он молчаливо отправляется от тезиса, что не производство (способ изготовления продуктов), но обращение (обмен, торговля продуктами) определяет собой изменения хозяйственных отношений в жизни человечества. Хлеб, который производили итальянские крестьяне, частично шел на их собственное потребление, а частично сбывался внутри страны. Наряду с потреблением хлеба в самих крестьянских хозяйствах покупателями сельскохозяйственных продуктов могли быть столица и итальянские города. Но города на побережье были и портами и перевалочными пунктами, куда со всех сторон прибывали торговые корабли²⁶. Ввозимый сюда заморский хлеб снижал цены в Италии не только в самом торговом городе, но и в глубине страны также. Если даже считать, что ввезенный хлеб по большей части предназначался для римских легионов, то потребность городов в хлебе постоянно возрастала, так что местные крестьяне могли бы еще иметь возможности сбыта.

Уже сами древние задумывались над тем, какие причины вызвали такого рода развитие (Suet., Aug., 42). По мнению Светония, государственные

²² Z i e g e r, ук. соч., стр. 121: «Поими кто-нибудь этот мир! — заявляет римский крестьянин Кай Публий. — Когда я был в Риме, я видел, насколько выросло население за немногие годы. Ведь эти 100 тыс. тунаядцев в больших городах нуждаются в хлебе! И мы, крестьяне Рима, мы должны прекратить хлебопашество, потому что можем еще спастись путем разведения овец или производя лакомства для избалованных денежных мешков».

²³ G. P f e i f e r, Agrargeschichtlicher Beitrag zur Reform des Tiberius Gracchus, Phil. Diss., München, 1914, стр. 5.

²⁴ Сравним, например, высказывания А п п и а н а (BC, I, 8) и П л у т а р х а (Tib. Gracch., 8). См. также L i v., VI, 35; E p i t., LVIII.

²⁵ M o m m s e n, Röm. Geschichte, I⁸, стр. 849.

²⁶ П о л и б и й (III, 91, 1) указывает, говоря о портовых городах Кампании, что торговые корабли привозили прежде всего хлеб из заморских стран; здесь может идти речь о таких городах, как Синуесса, Кумы, Дикеархия, Неаполь и Салерн.

раздачи хлеба парализовали заинтересованность в хлебопашестве. Моммзен продолжает рассуждения Светония: «Речь здесь идет прежде всего о конфликте между заморским и итальянским зерном». Он ищет в соотношении цеп, а особенно в «ужасающе низких ценах на зерно в это время» (ук. соч., стр. 839—840) главную причину упадка более мелких крестьянских хозяйств. Моммзен видит выход в том, что «в этих условиях, неестественно сдвинутых благодаря достойному сожалею рабскому хозяйству, быть может, было бы оправданным введение пошлины на заморский хлеб в пользу итальянского» (там же). Таким образом, согласно Моммзену, грандиозные раздачи зерна, заниженные цены на хлеб и слишком низкая пошлина на зерно предопределили нерентабельность хлебопашества в Италии, что вынудило многих крестьян оставить занятие сельским хозяйством. Однако следует иметь в виду и активную роль аристократии в разорении и уничтожении крестьянства, когда она во все возрастающих размерах скупала участки крестьян. Можно привести также и некоторые другие соображения. Мы уже видели, что во времена Катона вино и оливковое масло в Италии производились для торговли, а хлеб только для собственного потребления, так что крупные землевладельцы руководствовались в ведении своего хозяйства уже не потребностями своего собственного имения, а стремлением увеличить владения и повысить прибыль. Далее, если в крестьянских хозяйствах хлеб возделывался только для собственного потребления, то цены на зерно могли влиять на эти хозяйства лишь косвенным образом. Государственный ввоз хлеба шел прежде всего для армии и для снабжения больших и средних городов, на обеспечение в них раздач хлеба; заморский хлеб также мало воздействовал на внутренние рынки страны вследствие трудных условий транспорта. Поэтому рост привоза зерна и все увеличивающиеся раздачи хлеба не были главной причиной ухудшения положения крестьян. Пауперизация итальянского крестьянства началась, несомненно, задолго до того, как законом были установлены продажи дешевого хлеба и, позже, государственные хлебные раздачи. Только со времени Гая Гракха (*lex frumentaria*, 122 г.) было введено снабжение городских *proletarii* хлебом, итальянские же крестьяне уже до этого потеряли средства существования, что еще ранее вызвало борьбу плебесов за хлебные законы и аграрные реформы.

Согласно Варрону, сельскохозяйственные продукты доставлялись издалека, из глубины страны в гавани (II, 6, 5). В одном и том же городе предлагался отечественный и заморский хлеб, покупался больше тот, который был дешевле²⁷. Так как крестьяне были ограничены в продаже своих продуктов только местным рынком, а возможности сбыта в равнинной стране, где находились их усадьбы и где большая часть населения сама занималась хлебопашеством, были исключительно малы, продажа отечественного хлеба встречала серьезные затруднения. Но дешевле продавать мог только тот, кто дешевле производил, т. е. крупный землевладелец, который опирался на эксплуатацию рабского труда. Таким образом, цены на хлеб определялись не только самим фактом ввоза заморского хлеба, но и способом производства зерна (*Liv.*, XXX, 38, 5).

Подряды зерна для армии обеспечивались продукцией крупных имений Италии; однако крестьяне также поставляли хлеб для армии. В Ганнибалову войну гарнизон Тарента получал хлеб из Этрурии (*Liv.*, XXV, 15; XXVII, 3), где преобладало крупное землевладение. В 172 г. до н. э. провиант для войска и флота, которым предстояло направиться из Брундизия в Македонию, был закуплен в Апулии и Калабрии (*Liv.*, XLII,

²⁷ О дешевизне цен на сельскохозяйственные продукты см. *Salvioni*, ук. соч., стр. 145.

27). Тацит также отмечает, что в прежнее время Рим снабжал свои легионы в провинциях главным образом итальянским хлебом (Апп., XII, 43). Со времени II Пунической войны произошли изменения. Уже во время войны против Ганнибала римляне надеялись, что Сицилия покроет потребности Рима и Италии в хлебе (Liv., XXVI, 40, 16; XXVII, 5, 5). Эти надежды оправдались после присоединения больших средиземноморских островов (Liv., XXXVI, 2, 12; XXXVII, 2, 12). В новых условиях латифундии оказались более рентабельными. Поэтому причину упадка мелких хозяйств в Италии следует искать не в чересчур высоком ввозе хлеба, а в характере труда, которым обеспечивалось производство зерна в Римском государстве, т. е. в конкуренции между крупными и мелкими землевладельцами.

Дальнейшее территориальное расширение Рима во II и I вв. до н. э. только ускорило этот процесс. Ко времени Цицерона Сицилия стала житницей всей державы (Cic., Ver., II, 5, 7; Flor., III, 19, 3). В правление Августа одна только провинция Африка доставляла столько зерна, что обеспечивала потребность всей Италии в течение восьми месяцев в году, в то время как Египет доставлял дополнительно еще 20 млн. модиев зерна в год (Joseph., Bell. Jud., II, 16, 4; Aug. Vict., Ep., I, 6).

Военные обязанности крестьян также ускоряли экономический развал мелких хозяйств. Правда, более длительный срок военной службы не приводил больше к долговому рабству, как во времена, предшествовавшие lex Poetelia (326 г. до н. э.), и вел теперь лишь к утрате владения или к социальному деклассированию некогда свободного землевладельца²⁸.

В какой мере длительный срок службы, которому подлежали крестьяне, влиял на сельскохозяйственное производство мелких усадеб, можно видеть из сообщения об усадьбе знаменитого римского полководца и консула 256 г. до н. э. Атилия Регула. Вернувшись, наконец, после I Пунической войны, Регул сообщает, что его имение пришло в полный упадок, так как его помощники либо запустили, либо растащили орудия труда за время отсутствия хозяина (Val. Max., IV, 4, 6; Liv., Erit., XVIII). Свободное крестьянство сверх всякой меры было втянуто в воинскую повинность. Иногда в Риме призывались к оружию все способные к воинской службе мужчины до 50-летнего возраста; так было в 181 г. до н. э., когда эпидемия чумы унесла значительную часть населения (Liv., XL, 26, 7), и в 171 г., когда подготавливалась война против Персея (Liv., XLII, 31, 2). И можно без сомнения оказать доверие расчетам Кромайера, что ежегодный призыв в Риме в это время составлял по крайней мере 100 тыс. человек²⁹. Нетрудно представить себе влияние подобных мероприятий на жизнеспособность мелкого землевладения.

В дальнейшем, если учесть неизбежные военные потери римских войск, экспансионистская и военная политика римского государства должна была влиять все тяжелее и опустошительнее на существование всего свободного крестьянства. Отсюда следует, что не только сама воинская повинность, но прежде всего потери в людях сыграли решающую роль в разорении крестьянской бедноты. В войне против бойев в 201 г. до н. э. пали 7 тыс. римлян (Liv., XXXI, 2, 8); в 198 г. в войне против иусубров потеряли жизнь 6700 мужчин (Liv., XXXII, 7, 5); в 196 г. в войне против бойев — 3 тыс. человек (Liv., XXXIII, 36, 4). Мы слышим о поражении римлян в Испании в 196 г. (Liv., XXXIII, 25, 9). В 194 г. римляне потеряли

²⁸ В Институте древней истории университета им. Карла Маркса с 1957 г. выполняется исследовательская работа «Этюды по истории античного долгового рабства», в которой я принимаю участие от сектора римской истории.

²⁹ К о м а у е г, Die wirtschaftliche Entwicklung Italiens, «Neue Jahrb.», 1915, стр. 145—149.

в Галлии более 5 тыс. человек (Liv., XXXIV, 47,8), претор Дигитий потерял в 193 г. *dimidium militum* (Liv., XXXV, 1, 2), в том же году в борьбе против бойев пали 5 тыс. римских солдат (Liv., XXXV, 5, 14). В Лузитании в 190 г. римлянам пришлось оставить 6 тыс. павших (Liv., XXXVII, 46, 7), а в 186 г. еще раз в войне против бойев Рим оплакивал потерю 4 тыс. солдат (Liv., XXXIX, 20, 7). Битвы римлян в Испании в 185 г. унесли 5 тыс. солдат (Liv., XXXIX, 30, 6), а в 182 г. римляне вновь заплатили большими потерями за кампанию по подавлению Испании (Liv., XL, 16, 8). С войны против лигуров в 173 г. 3 тыс. римских солдат не вернулись на родину (Liv., XLII, 7, 10).

Если сложить цифры этих потерь, взятые только из Ливия, то мы насчитаем для отрезка времени от 201 до 173 г. до н. э. 45 тыс. убитых, причем такие выражения, как *multi milites*, *dimidium militum* и т. д., не принимаются во внимание. К этому еще следует прибавить около 40 тыс. убитых, которых Рим потерял во время своих кампаний в Испании (Arrian., *Iber.*, 63—67; 77—78). Кроме того, мы коснулись лишь отрезка времени в 28 лет, который лежит за пределами настоящих больших завоевательных войн в западном и восточном Средиземноморье. Но и этими данными можно показать, что римская завоевательная политика наносила ощутимый удар по численному состоянию свободного крестьянства.

Сравните с этим римские цензовые списки, которые на протяжении почти 30 лет дают уменьшение свободного населения на 20 тыс. граждан, что составляет 6%, и у вас сложится мнение, что уменьшение числа *capita civium* идет главным образом за счет свободного крестьянского населения³⁰.

Таким образом, военная служба и тем более военные потери очень ослабили экономические позиции свободных крестьян; мы уже не говорим об опустошении плодородных пашен, о разрушении хозяйственных и жилых построек, о грабеже и кражах скота и орудий труда в усадьбах. Эти неизбежные следствия войны, прежде всего II Пунической, с самого начала не давали вернувшимся после войны крестьянам возможности восстановить свои хозяйства и найти средства к существованию в деревне. Эти обстоятельства усиливали бегство из деревни оставшихся без средств к существованию крестьян³¹.

Если после Ганнибаловой войны отсутствовали предпосылки для экономического расцвета мелких хозяйств, то крупная землевладельческая аристократия, напротив, могла удовлетворять свое стремление к увеличению земель и богатства, но зато при этом она губила необходимую жизненную основу государства — свободное крестьянство. Этот процесс происходил столь интенсивно и радикально, что часто не считались со средствами, приобретая имения. Цицерон называл тех людей, «которые проскрибировали своих соседей, чтобы из многих наделов сколотить себе большое имение» (*De lege agr.*, III, 14). Но крестьяне имели слишком мало земли и слишком мало рабов; они не могли достаточно дешево производить, чтобы выдерживать растущую конкуренцию крупных землевладельцев.

Большие города превращались в центры притяжения для изгнанных и лишенных своих корней крестьян; сильнее всего их влекла столица, сам Рим. Если около 180 г. до н. э. целых 4000 самнитских семей переселились из сельских мест в город Фрегеллы (Liv., XLI, 8), то естественно

³⁰ В 163 г., согласно Liv., *Epit.*, XLVI, и Plut., Paulus, 38, насчитывалось 337 450 граждан, а в 136 г., согласно Liv., *Epit.*, LVI, только 317 933 гражданина.

³¹ Ср. Liv., XXXIX, 3 и XLI, 8; Sall., *Cat.*, 37, и Jug., 41; Tac., *Ann.*, 1, 2; Vagel, II, *praef.*, 3; Appian., BC, II, 120; к этому R. v. Pöhlmann, *Die Überbevölkerung der antiken Großstädte*, Lpz., 1884, стр. 44 сл. с указанием цифровых данных.

предположить, что в это время приток населения в Рим должен был быть весьма значителен. Люди, лишённые владений и без каких-либо средств, искали в городах пристанища, надеясь на осуществление своих чаяний. Они увеличивали слой *proletarii*, которые все более превращались в паразитирующий люмпенпролетариат античности. Привоз дешевого хлеба в Рим со времен Г. Гракха и позже введенные раздачи хлеба еще более усилили наплыв в город и этим путем косвенно продвинули дальнейшее разложение свободного крестьянства. Таким образом, гибель крестьянского сословия в Италии привела к радикальному изменению имущественных отношений³².

Произошли также изменения в положении рабов. Во времена возникновения рабства объем производимой рабами работы находился в нормальных границах, рабам оставалась большая часть производимой ими продукции, так что их удел в известной мере был еще сносным³³. Раб был тогда так же неволен и бесправен, как и позже, но тогда он еще не рассматривался как вещь. Даже его наименование *rusus*³⁴ характеризует его как человека. Поскольку отсутствовало развитое товарное производство, частные землевладельцы не были еще заинтересованы в безграничном расширении сельскохозяйственного производства: накопление же растительной и животной продукции было бессмыслицей ввиду ограниченного срока хранения. Вот почему производство в самой низшей хозяйственной единице — фамилии вполне выполняло свою задачу в случае, если урожай обеспечивал потребности семьи в средствах питания и в корме для скота. Поэтому раб пользовался относительно хорошим содержанием, так как ежедневная совместная работа с господином способствовала личным, человеческим контактам и оба они жили в условиях патриархальных взаимоотношений.

Для периода возникновения рабства в древней Греции типичны нарисованные Гомером отношения между Одиссеем и его верным свинопасом Евмеем. Тот же период в развитии рабства имел место и в Риме. Мы узнаем здесь о некоем Тирре, старшем надсмотрщике царских свинопасов, который был известен в качестве доверенного лица царя Латина (*Dionys., Antiquit., I, 70, 2*). Мы знаем также о некоем Фаустуле, который был *magister regii pecoris* царя Амулия (*Liv., I, 4, 6*).

Дальнейшее экономическое развитие и прогрессировавшее разделение труда в отдельных отраслях производства способствовали постепенному разложению патриархальных отношений³⁵. Завоевательные войны Рима в Италии, а затем и во всем Средиземноморье внесли дальнейшие существенные изменения в римскую экономику и изменили также характер рабства.

Именно потому, что развилось товарное производство и вместе с ним денежное хозяйство, появилась возможность принудить раба работать в самых нечеловеческих условиях, можно было неизмеримо повысить трудовую нагрузку. Продукты предназначались теперь в первую очередь

³² S. L. U t t s c h e n k o, *Der weltanschaulichpolitische Kampf in Rom am Vorabend des Sturzes der Republik*, В., 1956, стр. 8—9; М. R o s t o v t z e f f, ук. соч., стр. 23.

³³ Совместная работа и совместная трапеза, ср. P l i n., NH, XXXIII, 26; omnem victum in promiscuo habebant; аналогично у P l u t., Coriolan, 24, 8.

³⁴ Доказано на эпиграфическом материале: D e s s a u, ILS, 7822, 7823; CIL, I, 1034; 1076; 1386 и VI, 30914; ср. F e s t u s, 307; Q u i n t i l i a n., Inst. orat., I, 49; P l i n., NH, XXIII, 26; Ср. B l ü m n e r, Die römischen Privataltertümer, München, 1911, стр. 281; W. E. H e i t l a n d, Agricola, Cambr., 1921, 137; B i l i n s k i, Problem der Arbeit im alten Rom, «Archeologia», 3, Warszawa, 1949, стр. 77.

³⁵ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953, стр. 168—169.

для торгового обмена. Полученные от их продажи деньги, в отличие от сельскохозяйственных продуктов, обладали безграничной способностью накопления и не поддавались порче.

Война ведется теперь уже не только для приобретения скота, оружия или сокровищ³⁶, но прежде всего ради завоевания чужих земель и покорения чужих народов³⁷, ибо земля и люди стали для крупных землевладельцев исходным пунктом в накоплении богатств. Условия же труда и быта рабов становились все более невыносимыми³⁸.

Насколько далеко зашло к началу республики разложение патриархальных отношений и сколь властно выступало новое, можно увидеть на некоторых примерах из сообщений античных авторов. Когда Порсенна со своим войском стоял перед воротами Рима, к нему перебежало много римских рабов (Dionys., V, 26, 3). Во время первой сецессии плебеев 494 г. до н. э. большинство рабов оставило работу и убежало от своих хозяев (Dionys., VII, 1, 2). В 461 г. до н. э. сабинянин Аппий Гердоний занял со своими рабами и клиентами Капитолий и призывал римских рабов подняться против своих угнетателей и присоединиться к сабинянам (Liv., III, 15, 9). Эти события являются красноречивым доказательством того, что к началу Республики противоречия между свободными и несвободными выступали уже резко. Начинаясь классовая борьба выражалась сначала в скрытых формах, например, в ленивом и формальном выполнении работы, в порче и краже орудий труда, в недобросовестном уходе за скотом и т. д.³⁹ По мере обострения эксплуатации недовольство рабов росло и борьба стала принимать открытые формы в виде актов насилия, возмущений, убийства господ, восстаний рабов⁴⁰.

Чем более возрастало число рабов, занятых в одном имении, чем острее была эксплуатация этих рабов, тем меньшей была их заинтересованность в труде.

Все наказания рабов, о которых сообщают источники, имели целью повышение производительности труда рабов, т. е. повышение урожая и дохода⁴¹. Типичным для обращения с рабами является то, что за малейшим их проступком следовали самые тяжелые наказания. При более тяжелых проступках рабов бросали в *ergastulum* или в *pristinum* и приговаривали к вращению мельничного жернова⁴² или посылали на работы в каменоломни (Plaut., Capt., 730). Скованные руки или ноги⁴³, бритые наголо головы (Catull., 59, 5) были наглядными следами подобного рода наказаний. При особенно тяжких упущениях рабов привязывали

³⁶ Dionys., V, 22, 1: консулы решили, в случае нападения на Рим этрусков под предводительством Порсенны, укрыть в безопасном месте прежде всего скот и рабов.

³⁷ Dionys., V, 43, 1: при взятии Фидеи дело шло о захвате рабов; Liv., VI, 12, 5: волыки были поголовно обращены в рабство.

³⁸ Уэстерманн в своей последней работе (EOS, 1956, стр. 23) развивает следующую мысль: землевладельцы пренебрегали обычными нормами питания и одежды для рабов и тем самым обманули их ожидания. Именно в этом, как он очень осторожно полагает, следует искать причины возмущений и восстаний рабов.

³⁹ Plin., NH, XIV, 10; Colum., I, 7, 6 сл. и I, 8; ср. Pöhlmann, Gesch. der sozialen Frage..., т. II, стр. 403, прим. 3.

⁴⁰ Для времени около 500 г. см. данные у Dionys., V, 51, 3. См. также А. В. Мишулин, Спартак, М., 1950, стр. 13 сл., который дал общую сводку восстаний рабов в эпоху Римской республики.

⁴¹ Sicul. Flaccus, в Grom. vet., 138, 11 сл.; к этому Pöhlmann, Gesch. der sozialen Frage..., т. II, стр. 408.

⁴² Cic., De orat., I, 11, 46; Terent., Neaut., 530; Plaut., Asin., 31 сл.; Martialis., XIV, 68.

⁴³ Cato, De a. c., 56 и 57; Ovid., Trist., IV, 1, 4; Juvenal., XI, 80; Plin., NH, XVIII, 21; на ручные кандалы указывается у Plaut., Capt., 659, и у Horat., Epist., I, 16, 76.

вали к бревнам и секли⁴⁴. Часто жестокая порка предшествовала убийству или распятию раба. В случае, если один из рабов убивал своего господина, все рабы данного дома приговаривались к смерти и предавались казни (Cic., ad Fam., IV, 12; Tac., Ann., XIV, 42). Мы знаем о самых различных увечьях: выламывание членов из суставов⁴⁵, отрезание языка⁴⁶, отрубание рук⁴⁷, переломы ног⁴⁸, выжигание клейма, особенно на лбу⁴⁹ (или на руках и ногах⁵⁰) и т. д. Многочисленные примеры, которые можно было бы умножить, показывают, что стоимость рабочей силы значительно снизилась и что рабовладельцы в своем обращении с рабами стремились только к тому, чтобы безгранично увеличить получаемое от рабов количество продуктов труда.

Из всего изложенного создается следующая картина развития производительного труда во времена Римской республики. Патриции, постоянно обогащаясь благодаря поступательному росту их землевладений, все более отдаляются от производительного труда, так как теперь они получают возможность жить за счет продукта труда рабов. Постепенно они превращаются в паразитический слой, который занимается в лучшем случае политическими делами, ведет ростовщические операции и все больше отдается безделью и роскоши. Увеличивающийся приток рабов в Италию решающим образом способствовал распространению рабства, расширению крупного землевладения и значительному снижению стоимости человеческой рабочей силы. Рабы стали главными производителями в сельском хозяйстве и ремесле, но сами они представляли собой собственность и товар, который можно было подарить, продать и сдать в аренду. Производство при помощи рабов делало невозможным какой-либо значительный технический или экономический прогресс, так как рабы не были заинтересованы в результатах своего труда. Возможность существования свободных крестьян и ремесленников была очень осложнена конкуренцией рабского труда, так что многие из них теряли свою землю и собственность и деклассировались. Образовывался новый слой немущих пролетариев, рабочая сила которых, поскольку они вообще работали, также была удобным объектом эксплуатации для имущих классов. Отражение высказанных в этих выводах положений можно найти в мыслях тех античных философов и историков, которые усматривали залог своего собственного существования в системе высоко развитого рабства⁵¹.

II. ХАРАКТЕР ВОСПРОИЗВОДСТВА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Картина римского хозяйства конца Республики будет неполной, если я не остановлюсь на вопросе, каким образом в Римском государстве совершалось пополнение и добывание новой рабочей силы и средств производства. Каждое племя, каждый народ, для того чтобы иметь возможность существовать, должны что-то производить. Так как главной пред-

⁴⁴ Plaut., Asin., 303 и Trin., 247; Terent., Phorm., 220, и Eun., 1021. О розгах и палках упоминается у Plaut., Bacch., 365 и 779, также в Asin., 298; ремни из кожи — у Horat., Sat., I, 3, 119, и Epist., II, 2, 15, Martial., X, 62, 8; Juvenal., VI, 479; веревка, переплетенная проволокой, у Horat., Sat., I, 2, 41, и Epod., IV, 11, также у Martial., VIII, 23, 3 и XIV, 79.

⁴⁵ Seneca, Dial., V, 3, 6 (De ira, III, 3, 6); Sueton., Tib., 62.

⁴⁶ Cic., pro Cluent., 66, 187; Martial., II, 82.

⁴⁷ Seneca, Dial., V, 3, 6; Sueton., Calig., 32.

⁴⁸ Sueton., Aug. 67; Sueton., Tib., 44.

⁴⁹ Val. Max., VI, 8, 7; Martial., XII, 61.

⁵⁰ C. J., IX, 47, 17.

⁵¹ Aristot., Politika, I, 5 (1254 a); (1255 a); Dionys., II, 28.

посылкой любого производства являются постоянное добывание новой рабочей силы, восстановление и приобретение новых средств производства, воспроизводство представляет собой необходимую часть непрерывного процесса производства. Поэтому производство и воспроизводство, вместе взятые, являются основным условием существования любого общества⁵².

1. Обеспечение рабочей силой; восстановление и приобретение средств производства

Около V в. до н. э. рабство не было еще господствующим, хотя уже и ведущим способом производства, в то время как спустя 300 лет рабство и эксплуатация рабов представляли собой господствовавшую форму эксплуатации.

Проблему воспроизводства нельзя отделить от вопроса о том, каким образом римские земле- и рабовладельцы расходовали продукт для покрытия необходимых потребностей и на что использовалась излишняя прибыль. Если Карл Маркс обращает внимание на то, что частные владельцы стремятся использовать приходящийся на их долю прибавочный продукт для усиления эксплуатации⁵³, то это общее указание имеет полную действительность и для древности и, в частности, для римской истории.

Во времена Римской республики в условиях укрепляющегося рабовладельческого хозяйства воспроизводство орудий труда, естественно, было столь же необходимым, как в любой иной период истории человечества; все же оно не играло решающей роли по сравнению с воспроизводством рабочей силы. Причина этого явления лежит в том, что технический уровень производства средств производства на протяжении всего рабовладельческого строя оставался исключительно низким и почти неизменным. Для рабовладельцев было дешевле приобретать новую рабочую силу в виде рабов, которые представляли собой наиболее дешевое орудие труда, чем вводить в эксплуатацию более сложные и технически более совершенные приспособления, за которые они должны были платить намного дороже. Рабы не совершенствовали отдельных рабочих операций и не изобретали новых орудий, которые могли бы облегчить их труд; наоборот, они не берегли даже имевшихся орудий труда, так как положение рабов в процессе производства обуславливало отсутствие заинтересованности в труде. Таким образом, рабство с самого же начала характеризуется типичным признаком застоя и в техническом развитии инструментов труда, и в улучшении трудовых операций.

Несмотря на все эти обстоятельства, применяемые в процессе труда орудия и машинные установки должны были и подвергаться ремонту и приобретаться заново. Исходя из общего принципа римского сельского хозяйства во II в. до н. э. — возможно больше продавать, возможно меньше покупать (Cato, 2, 7; Plin., NH, XVIII, 6, 7), можно предполагать, что землевладелец, стремящийся рентабельно вести хозяйство, старался производить в своем имении простейшие необходимые ремесленные изделия. Более сложные сельскохозяйственные орудия труда (оливковые прессы, виноградные давилки, плуги и т. д.), несомненно, покупались. Поэтому для получения прибавочного продукта труда владелец имения должен был «самым жестоким образом эксплуатировать имеющуюся у него рабо-

⁵² К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1955, стр. 570; см. также А. В. Мишулин, О воспроизводстве в античной общественной формации, М.—Л., 1932. К сожалению, эта работа написана без ссылок на источники.

⁵³ К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1955, стр. 583, прим. 20.

чую силу»⁵⁴, никогда не оставляя рабов праздными. Так, из Катона известно, что, если вследствие плохой погоды невозможно работать на поле, рабы должны выполнять домашние работы (Cato, 2, 3; 23, 1; 39, 1). Также в дни религиозных празднеств рабы были обязаны работать, хотя и выполнять только такие работы, которые не были воспрещены (Cato, De a. c., 2, 4; ср. также 138). Ибо при мысли *cogitato, si nihil fiet, nihilo minus sumptum futurum* (de a. c., 39, 2) Катон сожалеет о каждом потерянном часе работы. Поэтому он требовал, чтобы рабы даже в часы отдыха были заняты всякого рода делами; обстругиванием столбов и подпорок, плетением капатов и корзин, ремонтом одежды, прядением и тканьем и т. д.⁵⁵ Начиная примерно со II в. до н. э., когда доходность имения, вернее его товарность, становится основным принципом рационального ведения хозяйства, то это означает, что производство и воспроизводство не предоставляется воле случая, и владелец имения постоянно стремится предусмотреть на будущее потребную для его хозяйства рабочую силу и необходимые орудия, т. е. он стремится вести производство «плановым» и рациональным образом.

Так, мы знаем, что владелец катоновского имения еще до созревания винограда должен позаботиться о своевременной подготовке и о приобретении надлежащего количества корзин для сбора, о наличии виноградарских пожей и винных бочек⁵⁶. Ему дается также совет собрать необходимое количество бутылей для хранения вина⁵⁷. Следует также своевременно найти поденщиков и сезонных рабочих на время посева и жатвы (Cato, 23, 2; Varro, I, 17, 2; Colum., 12, 18). Мы видим, таким образом, сколь большое значение имеет четко организованная работа, а это значит, что процесс воспроизводства в античности не являлся делом случайным, а происходил в результате точных подсчетов и правильного распределения работ⁵⁸. Так, мы слышим также частые советы пахать особенно глубоко там, где почва тверда и суха⁵⁹ и где нет возможности производить какие-либо ирригационные работы⁶⁰. Для глубокой пахоты необходимы крепкие железные плуги, которые следует держать в порядке и постоянно ремонтировать. Необходимо припаси и почиить для ведения полевых работ мотыги, лопаты, серпы и другие орудия труда⁶¹. Для рыхления почвы нужна борона⁶². Если нам известно, что в латифундиях Галлии уже в I в. н. э. применялись косилки (Pallad., 7, 2, 2; Plin., NH, XVIII, 71), то можно думать, что в Италии употреблялись и более сложные орудия, и возможно уже раньше.

В зависимости от величины владения находились и количество совершенных в имении ремесленных работ и степень их сложности. Если в имении не было свободных ремесленников в качестве постоянной рабочей силы, то неквалифицированная ремесленная работа выполнялась на месте наличной рабочей силой. Вполне вероятно предположить, что рабов заставляли стругать столбы и палки, плести корзины и веревки, чинить

⁵⁴ G u m m e r u s, Der römische Gutsbetrieb..., стр. 21.

⁵⁵ См. материал у G u m m e r u s 'а, ук. соч., стр. 35—40, 66—68, 87—89.

⁵⁶ C a t o, 23, 11; 26, 1; 31, 1; 33, 5; 68; V a r r o, I, 22 и I, 26; C o l u m., 12, 18.

⁵⁷ C a t o, 120; C o l u m., 12, 29; P l i n., NH, XVIII, 74, 9.

⁵⁸ C o w e l l, ук. соч., стр. 45.

⁵⁹ C i c., Cato Maior, XV, 53; C o l u m., II, 2, 13 и II, 2, 23; P l u t., Aem. Paul. 14.

⁶⁰ C a t o, 151, 4; V a r r o, I, 31, 5; C o l u m., XI, 3, 48; P a l l a d., 3, 25. 14; о применении плуга см. B l ü m n e r, Privataltertümer..., стр. 558—563.

⁶¹ C a t o, 155, 1; P l i n., NH, XVIII, 8 и XVIII, 43; C o l u m., II, 17 (18), 4; C a t o, 45; J u v e n a l., 3, 311 и 15, 167; C o l u m., X, 72 и 89; P l i n., NH, XVII, 29; C a t o, 10, 3 и 11, 4 и 37, 1; C o l u m., IV, 25, 1; P a l l a d., 1, 42.

⁶² V a r r o, I, 31, 1; C o l u m., II, 4, 2; II, 10, 5 и XI, 2, 60; C o l u m., II, 17 (18), 4 и P l i n., NH, XVIII, 43 и XVIII, 48.

свою одежду и т. д. особенно зимой, когда были невозможны полевые работы (Cato, De a. c., 2, 3; 23, 1; 30, 1; 37, 3). Прядение и ткачество как занятия для рабынь у Катона прямо не упоминаются, но то, что ткачество подразумевалось само собой, доказывает наличие ткацких станков в инвентаре *villa rustica* (Cato, De a. c., 10, 5; 14, 2).

Владельцы имений все чаще стремятся сами перерабатывать собранные в своих имениях плоды; реализовать сопутствующие продукты отхода и продавать их, чтобы получить более высокую прибыль. Если во времена Катона масло и вино часто продавались «на корню» (Cato, De a. c., 146; Varro, I, 17, 2), то в последующее время чаще продавалось уже готовое оливковое масло и вино из давлен имения (Colum., I, 6, 9; XII, 52, 14). Катону также кажется целесообразным, чтобы виноградные прессы, давилни и маслобойня входили в состав и инвентарь имения⁶³. Переработка и отжим плодов, перегонка и очистка сока, процеживание готовой продукции требуют многих, большей частью сложных, орудий и приспособлений⁶⁴, которые не могли быть сделаны в имении несобученными рабами; они должны были приобретаться извне⁶⁵.

К сожалению, источники очень мало сообщают подробностей о сельскохозяйственной технике древности⁶⁶. Мы не можем также сказать, как был высок общий доход, каков был размер чистой прибыли владельца и какую ее часть нужно было использовать для восстановления и приобретения орудий и для издержек на рабочую силу. Поэтому мы не в состоянии даже примерно определить индекс воспроизводства *pro jugum* ни для оливковой, ни для виноградной плантации. Но чтобы в некоторой мере ответить на этот вопрос, мы вынуждены использовать общие положения и косвенные указания источников.

В условиях высокоразвитого рабства в Риме главным для рабовладельца была забота о текущей замене рабов, т. е. об обеспечении воспроизводства своей рабочей силы. В свою очередь, постоянная сменяемость рабов и увеличение их числа вызывались крайней суровой эксплуатацией рабов, что быстро истощало их физически и приводило к гибели, а также постоянным стремлением рабовладельца увеличить количество рабов, повышая одновременно степень их эксплуатации, с тем чтобы получить возможно большую прибыль от их труда и быстрее вернуть таким образом затраченный на их покупку капитал. Поскольку цена на рабов все более снижалась в связи с постоянным их притоком вследствие завоевательных войн, то покупать рабов было дешевле, чем приобретать орудия труда и машинные установки. Вследствие этого возрастающее применение рабочей силы рабов в производстве тормозило дальнейшее техническое совершенствование машин и трудовых процессов, так как материальные средства для воспроизводства расходовались прежде всего на покупку рабов и в значительно меньшей мере на совершенствование техники. Рабовладелец не думал о том, чтобы использовать в своем хозяйстве технические усовершенствования и более сложные орудия труда, при помощи которых можно было бы упростить и облегчить процесс работы. Для рабовладельцев самой дешевой машинной являлся человек, *instrumentum vocale* (Varro, I, 17). Чем более расширялось применение рабочей силы рабов, тем более тормозился, если не становился вообще невозможным, технический прогресс.

⁶³ Cato, 3, 2; 12, 13, 1; 18; Colum., XII, 18, 3 и XII, 52, 3; Plin., NH, XV, 3; Cato, 21, 135.

⁶⁴ Об изготовлении масла и производстве маслодавилных орудий см. у Blümler, *Technologie*, т. I, стр. 328—348.

⁶⁵ J. Högl, *Catos Hausbücher*, Paderborn, 1929, стр. 150—219.

⁶⁶ Правда, Катон (De a. c., 10—18) называет те орудия труда, которые должны иметься на виноградных и оливковых плантациях.

Вследствие крайне низкой производительности рабского труда считалось выгодным и прибыльным использовать только таких рабов, которые не имели семьи и потомства. В противном случае рабовладельцы оказывались бы вынужденными поддерживать этого раба и его семью выше какого-то минимума, сохраняя их здоровье и, таким образом, их рабочую силу. На протяжении всего периода Республики воспитание детей рабов оставалось невыгодным⁶⁷, поскольку войны доставляли в изобилии необходимый человеческий материал. Право завести семью рабы получали только в качестве особой милости господина.

В условиях рабства воспроизводство рабочей силы имело место во всех хозяйствах, как крупных, так и мелких, как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. В то же время, так как рабы считались только одним из видов товара, они представляли собой лишь предмет воспроизводства. Между этими двумя категориями — частными собственниками и рабами — находился слой неимущих свободных людей, которые занимали в системе воспроизводства почти такое же место, как современные наемные рабочие.

Главными источниками восполнения числа рабов были для ранней Республики те должники-соотечественники, которые, не уплатив своевременного долга, обращались в рабов⁶⁸; затем постоянные завоевательные войны Республики, которые доставляли большую часть необходимой в хозяйстве рабочей силы в виде военнопленных⁶⁹; далее — морское пиратство и работорговля (последняя вследствие постоянного притока рабов и развития морского транспорта), которые концентрировались в определенных местах, например на острове Делосе⁷⁰; наконец, воспитание детей рабов, которое становилось прибыльным по мере прекращения крупных завоевательных войн и уменьшения притока военнопленных, т. е. в период Империи, когда уже ощущалась нехватка рабов. Значение этих источников рабства менялось в ходе исторического развития Рима.

Крупные землевладельцы и крупные предприниматели конца Республики руководствовались принципом снижать расходы на воспроизводство до предела (Plin., NH, XVIII, 7). Прибыли их возрастали по мере того, как они сокращали расходы на приобретение новых орудий труда и на покупку и содержание рабочей силы. Необходимо рассмотреть оба эти обстоятельства отдельно⁷¹. Так как в имениях имелось обычно небольшое количество орудий труда и часто довольно примитивных, расходы на их ремонт или на приобретение новых орудий были скорее всего весьма незначительны. Минимальные средства затрачивались также и на содержание рабов. Из этих обоих моментов обычно слагалась основная часть цены воспроизводства, хотя в качестве сезонных рабочих в имениях использовалась свободная рабочая сила и издержки на оплату этой части труда также входили в цену производства. В сумму расходов на воспроизводство мы включим также средства, в которых нуждались сам владелец имения и его семья.

⁶⁷ Воспитание детей рабов там, где оно имело место, было вызвано стремлением получить прибыль. Согласно Plin., Nat. Hist., 21, 10, Катон, как известно, приказывал скупать детей рабов, обучать их некоторое время, с тем чтобы потом иметь возможность продать их подороже в качестве учителей, художников или рабов-специалистов. Цены на обученных рабов были весьма высокими. Согласно Геллию (NA, XV, 19, 2), за одного обученного кулинера платили 100 тыс. сестерциев.

⁶⁸ Автор надеется в относительно скором времени предложить исследование о долговом рабстве в Римской республике.

⁶⁹ Dio Cassius, IV, 24, 1: наиболее важной военной добычей являлись рабы.

⁷⁰ Dio Cassius, IV, 24, 1; ср. R. M. S. Marks, Капитал, т. II, стр. 480.

⁷¹ Ср. напр., Д. В. Кузовков, Об условиях, породивших различия в развитии рабства, и его наивысшее развитие в античном мире, ВДИ, 1954, № 1.

Обратимся сначала к рассмотрению данных источников относительно содержания рабов. Так, тот же Катон сообщает, что его рабы лишь раз в два года получали верхнюю одежду, тунику и обувь (De a. c., 59). Причитающееся рабам продовольствие распределялось в установленное время дня строго определенными порциями или в форме сухого пайка, или в виде горячей пищи из кухни (Cato, De a. c., 56; 58; Colum., XI, 1, 19; XII, 3). Распределение пищи производилось ежедневно⁷², причем на лето в общей сложности причиталось четыре модия (= 35 л), а на зиму 4,5 модия зерна (= 40 л) (Cato, De a. c., 56). К этому прибавлялись сливки оливкового масла — месячный рацион в размере одного сектария (= $\frac{1}{2}$ л), или же, когда его нехватало, рыбный соус или уксус, а также один модий (= $\frac{3}{4}$ л) соли в год (Cato, De a. c., 58). Каждый раб в зависимости от времени года получал в качестве ежедневной порции от $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{4}$ л вина, которое смешивалось с водой (Cato, De a. c., 112). Катон описывает способ изготовления этого напитка, из описания которого можем предположить, что издержки на его изготовление не были высокими (De a. c., 104—115). Блюмнер, характеризуя качество этого вина, предполагает, что оно сохранялось только до летнего солнцестояния, а после этого могло быть использовано лишь в качестве уксуса⁷³. Общеизвестен и в данном случае очень красноречив совет Катона урезывать паек больному рабу (De a. c., 2, 4). Таким образом, мы видим, что расходы на содержание и питание рабов составляли весьма незначительную сумму: так, мясная пища полностью отсутствовала, а в качестве главных продуктов питания рекомендовались и использовались те продукты, которые выращивались обычно в самом имении. О низких ценах на пшеницу я уже говорил в первой части своей работы, приводя для сравнения данные Катона и Полибия. Конечно, нельзя принимать цену на хлеб одинаковой для всех областей Италии. Однако то, что цены на продовольствие вообще были невысокими, исключая деликатесы, возможно заключить из того, что один конгий вина (= 3,2 л), например, стоил только один асс (Plin., NH, XVII, 1, 8). Сравнительная стоимость последнего лежит между 4 и 5 пф.⁷⁴ Марциал также сообщает, что крестьянин может есть досыта, хотя он не имеет ничего своего, так как низкие цены на продукты питания превратили его в бедняка (Martial., XII, 76).

По всей вероятности, очень недорого стоили и помещения для рабов. Колумелла сообщает об ужасающей примитивности мест их жилища (Colum., I, 6, 3). Поскольку Колумелла исходил из условий уже I в. н. э., когда стала ощутимой нехватка рабов, а цены на них повысились, то он рекомендует безукоризненные в санитарном отношении жилища для рабов.

Что касается уровня жизни, особенно жилищных условий более бедных и неимущих слоев свободного населения, то здесь мы также слышим о пришедших в упадок домах, переполненных жильцами, в которых люди были набиты, как сельди в бочке⁷⁵. Владельцы латифундий и собственники домов, сдававшие их в наем, расходовали незначительные суммы на содержание жилых помещений как для рабов, так и для неимущего свободного населения.

⁷² Cato, 144, 5; Horaz., Epist., I, 14, 40, и Sat., I, V, 67; Martial., XI, 108, 3; Petronius, 75, 4.

⁷³ Blümner, Privataltertümer..., стр. 289, прим. 10.

⁷⁴ Lamer — Bux — Schöne, Wörterbuch der Antike, Stuttgart, 1950, «Асс», стр. 53; ср. Plin., NH, XVIII, 3, 17.

⁷⁵ Pöhlmann, Überbevölkerung..., стр. 68—77; Liv., XXI, 62; XXXIX, 3; XLI, 8; Rostovtzeff, The Social and Economic History..., стр. 33.

В своем обстоятельном исследовании И. Херле⁷⁶ доказывает, что общая сумма дохода катонского имения от оливок составляла в год около 108 тыс. сестерциев. Варрон рассказывает, что некий Л. Абукий в своем имении в Албании получил от своих пахотных полей всего лишь 10 тыс. сестерциев, но от пастбища для скота заработал 20 тыс. сестерциев (Varro, III, 2, 17). Если теперь снова вернуться к данным Катона, то окажется, что довольно значительное количество оливковых выжимок и других побочных продуктов, которые также шли на продажу, давали дополнительную сумму примерно в 20 тыс. сестерциев. Владелец имения получал также значительные доходы от продажи и других сельскохозяйственных продуктов⁷⁷. Этот доход, на мой взгляд, мог скорее всего составлять половину дохода от урожая оливок (108 тыс. от продажи оливкового масла + 20 тыс. от продажи отходов оливкового производства), т. е. около 70 тыс. сестерциев. Исходя из этих предположений, общий годовой доход имения мог составить весьма значительную сумму, примерно в 200 тыс. сестерциев; разумеется, для определения доходности оливковой плантации II в. эта сумма довольно условная.

Можно предполагать, что более доходным являлась продажа всего урожая винограда и оливок на корню (Plin., Epist., VIII, 2, 1; Plin., NH, XVI, 50), и это было обычным в императорскую эпоху⁷⁸. Так, мы узнаем, что доход от виноградарства в I в. н. э. брутто на один югер достигал в среднем 100 сестерциев (Colum., III, 3,3). Следовательно, 240 югеров давали 24 тыс. сестерциев. Если один югер виноградника приносил восемь кулеев (20 амфор) вина (Colum., III, 3, 3), а одна амфора стоила около 100 сестерциев (Plin., NH, XIV, 5), то продажа готового вина с виноградника в 240 югеров должна была дать доход в размере 3,8 млн. сестерциев (один югер — 16 тыс. сестерциев). От Плиния мы знаем далее, что владелец крупного виноградника в середине I в. н. э. обрабатывал 60 югеров земли и продавал годичный урожай за 400 тыс. сестерциев (там же, LX), так что 240 югеров могли принести доход в 1,6 млн. сестерциев. Мы видим, что эти данные противоречат друг другу, даже если учитывать, что они могли исходить от разного качества почв, климатических условий и способности владельцев. Эти сравнительные данные интересны, однако, в том отношении, что позволяют принятую нами условно величину доходности от продукции оливководства в 200 тыс. сестерциев никоим образом не считать завышенной. Все эти расчеты тем не менее уязвимы, так как известно, что при закладке оливковой плантации или виноградника прибыль реализуется не сразу, а лишь по истечении нескольких лет. Поэтому разведение скота, оливководство и виноградарство не могли принадлежать к сфере деятельности крестьян, поскольку здесь были необходимы значительные капиталовложения, прежде чем мог быть получен доход. Виноградные лозы не плодоносят в течение первых пяти лет после посадки, а оливковым насаждениям требуется по крайней мере 15 лет до тех пор, пока они начнут приносить доход⁷⁹. Поэтому только богатые землевладельцы, располагавшие достаточными средствами, могли переходить к закладке виноградников и оливковых плантаций. В период до получения первых доходов с оливководства и виноградарства

⁷⁶ H ö r l e, ук. соч., стр. 204, опираясь на свидетельства Катона (De a. c., 22, 3), сообщает, что 50 римских фунтов оливкового масла стоили 25 сестерциев, т. е. один фунт оливкового масла стоил полсестерция; 1 амфора = 26 л; 1 модий = $8\frac{3}{4}$ л; 1 кулеус = 65 л.

⁷⁷ Из Катона (De a. c., 9) узнаем, что владелец имения продавал в Риме также пшеницу, лозу, корзинникам. Главы 116 и 119—126 сообщают о продаже фруктов, дров, семян на посев, овощей и мелкого скота.

⁷⁸ W e b e r, Die römische Agrargeschichte, Stuttgart, 1891, стр. 229.

⁷⁹ C o w e l l, ук. соч., стр. 50.

в имении должно было продаваться все, производимое в нем (Cato, De a. s., 2, 7). Сюда мы можем причислить уже упомянутые ивовые прутья и дрова, а также шерсть, кожи и пр. (Cato, De a. s., 7, 1; 9, 38; 4, 2; 7, 150). Катон советовал также продавать использованный сельскохозяйственный инвентарь, к которому он причисляет старых и больных рабов (Cato, 2, 7; Plut., Cato, 4, 5; 5).

Таким образом, мы видим, что во времена Катона вся экономика крупного имения носила товарный характер, производимая в нем продукция шла на продажу с тем, чтобы обеспечить землевладельцу наиболее высокий доход. Владельцы имений всяческими мерами стремились поднять их доходность. В свете этих данных принятая нами сумма дохода от оливковой плантации в 200 тыс. сестерциев может считаться исключительно низкой.

Как высоки были в сопоставлении с этой цифрой необходимые издержки производства?

1) *Заработная плата.* Катон указывает, что в обычных условиях на время сбора урожая оливок нанимали около 50 дополнительных сборщиков (De a. s., 144, 4), которые, согласно подсчетам Херле (ук. соч., стр. 204), работали на плантации примерно один месяц. На оливковой плантации размером в 240 югеров было занято 13 постоянных рабочих, несомненно рабов, которые на время уборки урожая получали помощь свободных рабочих (Cato, De a. s., 10, 1). Виноградник размером в 100 югеров требовал 16 постоянных рабочих, наверное рабов (там же, 11,1), что соответствует и более поздним данным Варрона и Колумеллы (Varro, I, 17, 2; Colum., III, 3), причем последний требует одного постоянного рабочего на каждые семь югеров. Также и в виноградниках во время сезонных работ требовались дополнительные рабочие силы (Varro, I, 17, 2).

Катон сообщает, что шесть поденщиков получали за шесть дней работы плату в 72 сестерция (De a. s., 22, 3), т. е. два сестерция на человека в день. Сюда следует прибавить еще общую оплату натурой (Cato, De a. s., 144, 5). Таким образом, если во время уборки урожая в течение 30 дней работало 50 человек, то этим свободным рабочим надо было выплатить 3 тыс. сестерциев в качестве зарплаты. На пропитание и прочие виды оплаты натурой, я полагаю, расходовалась сумма не большая, чем сумма денежной оплаты за работу, поскольку, несомненно, на питание сезонных рабочих шли продукты, произведенные в имении и, вероятно, не самого лучшего качества. Следовательно, эту часть расходов также можно определить не более, чем в 3 тыс. сестерциев. В таком случае общий расход владельца имения на денежную оплату и оплату натурой труда поденщиков за все время уборки урожая составлял примерно 6 тыс. сестерциев.

Принимая ежедневную оплату труда одного рабочего в два сестерция, мы получим, при перерасчете на весь год, около 700 сестерциев. Шубарт, например, считает, что во времена Августа ежегодная оплата труда свободных рабочих в Александрии составляла 60—80 драхм, т. е. 240—320 сестерциев⁸⁰.

Можно думать, что повышенная потребность в рабочей силе ощущалась не только в период уборки урожая, но и во время весенних работ (пахота, сев, подрезывание деревьев, обработка посевов и т. д.), хотя в весеннее время потребность в таких поденщиках была несколько меньше, чем осенью. Однако несомненно, что весенние работы требовали

⁸⁰ W. Sch ub art, Neues aus dem alten Ägypten, «Preussische Jahrbh.», 137, 1809, стр. 520.

не меньше чем половины той дополнительной рабочей силы, которая использовалась осенью. Расходы на наем поденщиков весной должны были составить по крайней мере 4 тыс. сестерциев.

Иногда при найме поденщиков, в случаях, когда заработная плата оказывалась слишком высокой, некоторые работы, по соображениям экономии, не выполнялись, как, например, подбор колосьев (Varro, I, 53). Мы не можем учесть также колебания в оплате и ценах, которые имели место в разные времена года и зависели также от специфики экономических районов Италии. Однако общим оставалось то, как правильно заметил также М. И. Ростовцев, что наличие рабского труда приводило к постоянному снижению зарплаты и другой оплаты труда свободных немущих рабочих⁸¹.

Итак, приведенные здесь данные источников, мне кажется, дают основания сумму в 10 тыс. сестерциев считать достаточной для ежегодных расходов на оплату труда свободных рабочих.

2) *Расходы на рабов.* Катон сообщает нам далее, что на оливковой плантации в 240 югеров работало, наряду с виликом и его семьей, 11 рабов (De a. s., 10, 1). В то же время Варрон указывает, что на земельном участке равной величины, наряду с виликом, было занято 13 рабов и 6 пастухов — несомненно, также рабов, — следовательно, почти двойное количество рабочей силы (Varro, I, 18, 1). Для виноградника Катон называет 16 рабочих, которые обрабатывают 100 югеров (De a. s., 11, 1). Таким образом, при обработке оливковой плантации на одного раба приходилось в среднем 14 югеров земли, в винограднике — 6 югеров.

По-видимому, количество рабочей силы, постоянно занятой на одной плантации, лежит, согласно этим данным, где-то между цифрами Катона и Варрона. Оно равнялось скорее всего 15 рабам. Расход на одного раба в день едва ли был большим, чем ежедневный расход на свободного рабочего, т. е. не больше трех сестерциев. Скорее всего расход был даже меньшим, так как в противном случае землевладелец был бы более заинтересован в найме свободных людей в качестве постоянных рабочих своего имения, работавших, как известно, более производительнее. Но в этом случае вся система рабства оказывалась бы бессмысленной. Следовательно, расход на содержание рабов за год мог выражаться в сумме не большей, чем 17 тыс. сестерциев (при расчете три сестерция на каждого из 15 рабов в течение 365 дней).

При быстром изнашивании рабочей силы рабов (Cato, De a. s., 2, 7) рабовладелец должен был постоянно покупать новых рабов. Учитывая все эти обстоятельства (число занятых рабов равно 15, краткий срок жизни раба в результате жестокой эксплуатации, примитивный и крайне низкий уровень жизни раба), я склонен предположить, что ежегодно необходимо было покупать примерно одного раба, т. е. неограниченная эксплуатация одного раба могла продолжаться максимум 15 лет. Это соответствует в основном подсчетам Шубарта (ук. соч., стр. 520), который, исходя из оплаты труда свободных рабочих и цены на рабов в Александрии времени Августа, считает, что при годовой оплате труда свободных в 60 драхм покупка раба за 1000 драхм должна была окупаться в течение 17 лет (одна драхма равна примерно четырем сестерциям). Из Плутарха мы узнаем, что Катон никогда не платил за обычного раба больше, чем 6 тыс. сестерциев (Cato, 4). Стремясь добиться максимальной производительности труда рабов, Колумелла советует покупать хорошего виноградаря, даже если за него приходится платить 8 тыс. сестерциев; для обычных работ можно было покупать более дешевых рабов (Colum., III, 3, 8).

⁸¹ Rostovtzeff, ук. соч., стр. 178.

Для Александрии римского времени цены на рабов, согласно Шубарту, были в 500, 1000 и 1200 драхм. Столь значительные расходы на приобретение рабов, как отмечает Шубарт, оправдывали себя, так как с рабом обращались лучше, чем с нанятым рабочим. Я не принимаю во внимание некоторые квалифицированные категории рабов, цены на которых были исключительно высокими. Труд такой категории рабов не имел ничего общего с массовым использованием необученных рабов в сельском хозяйстве⁸².

В результате этих подсчетов можно считать, что в среднем расходовалось ежегодно на покупку одного раба 6 тыс. сестерциев. Вся сумма на воспроизводство рабов, их приобретение и содержание будет определяться, таким образом, в 23 тыс. сестерциев.

3) *Орудия труда*. Подсчет расходов на приобретение и починку орудий труда и машинных установок представляет еще большие трудности, поскольку древние авторы почти не оставили интересующих нас данных. Только в одном случае Катон определяет расходы на покупку оливкового пресса (De a. s., 2, 2, 3—4). Катон рассказывает, что он купил в Синусесе оливковую мельницу за 400 сестерциев, причем за перевозку, а затем за монтаж мельницы и за починку одной оси потребовалось уплатить еще 229 сестерциев (там же). Таким образом, оливковая мельница, установленная на месте и готовая к пуску, стоила 629 сестерциев. Расходы на оливковую мельницу, купленную в Помпеях, как сообщает здесь же Катон, составили 724 сестерция. Итак, средняя цена оливкового пресса может быть сочтена равной примерно 675 сестерциям. Так как Катон указывает, что оливковая давилня обычно имела пять мельниц (De a. s., 12), то общая стоимость оборудования давилни равнялась 3400 сестерциям. К сожалению, у нас нет никаких данных, чтобы определить время износа или амортизации одной мельницы, после которого ее необходимо было заменить новой. Предположим, однако, что инструмент и машины были в общем примитивны, грубы и неуклюжи и именно поэтому весьма прочны. Поэтому я бы предположил, что время использования мельницы измерялось примерно 50 годами. Согласно этим предположениям, пять оливковых мельниц реализовали бы ежегодно $\frac{1}{50}$ часть своей стоимости, следовательно около 70 сестерциев. Когда изнашивались жернова, необходимы были починки; тогда можно было покупать и запасные детали для старой машины (Cato, 22, 4). Новые жернова стоили 180, а их монтаж — 30 сестерциев (там же). Если мы, таким образом, добавим еще около половины ежегодных расходов на покупку — около 30 сестерциев в качестве расходов на починку, то мы приходим к заключению, что владелец должен был расходовать ежегодно около 100 сестерциев в качестве издержек воспроизводства оливковых мельниц.

Естественно, в крупном имении имелось довольно большое количество разнообразных орудий труда (Cato, De a. s., 10—18; Varro, I, 22): серпы, плуги, бороны, вилы, мотыги, заступы, лопаты, грабли, косы, топоры, колуны, клещи, повозки, ткацкие станки, кувшины, бочки, горшки, воронки, сковородки, ведра, бутылки, водохранилища, измерительные сосуды и т. д. Так как в источниках ничего не сообщается о ценах на покупку и издержках на восстановление всех этих предметов и орудий труда, трудно сказать, составляли ли общие издержки восстановления орудий труда в имении трехкратную или двадцатикратную сумму только

⁸² После Митридатовой войны раб стоил только 4 денария (=16 сестерциям: Plin., Lucullus., 14), Гораций же платил 2 тыс. сестерциев (Sat., II, 7, 43). Хорошо обученный повар стоил временами 100 тыс. сестерциев (Gel., NA, XV, 19, 2). Plin., NH, VII, 40, упоминает наивысшую из известных нам цен на раба — 700 тыс. сестерциев. Ср. Blümmner, Privataltertümer..., стр. 280.

что исчисленных расходов на оливковые мельницы. При разнообразии работ в имении (а они располагали даже ткацкими станками) вряд ли будет преувеличением принять десятикратную сумму издержек воспроизводства оливковых мельниц на приобретение и починку всех инструментов и машин, имевшихся в одном хозяйстве; это составит 1000 сестерциев в год.

4) *Покрытие необходимых личных нужд владельца имения.* Источники почти ничего не сообщают нам о личных расходах владельца имения и его семьи на пропитание, жилье, предметы потребления и роскоши. Поэтому попытаться установить это в цифрах почти невозможно. К тому же мы должны иметь в виду, что расходы такого рода были весьма различны в зависимости от индивидуальных качеств владельца и его потребностей. Но обратимся опять к Катону. Он причисляет к инвентарю имения также предметы потребления, как столы, кровати, стулья, табуретки, матрацы, одеяла, подушки, скатерти, салфетки, лампы и т. д. (De a. s., 10, 11). Напомним также, что друг Цицерона Аттик был известен как самый скупой и экономный человек, который никогда не расходовал на себя лично больше 3 тыс. сестерциев в месяц⁸³. Если принять во внимание, что Аттик ежегодно тратил на свои личные нужды 36 тыс. сестерциев, и если при этом учесть, что он, несомненно, располагал земельной собственностью большей, чем 240 югеров, а они приносили доход, как мы определили выше, по крайней мере в 200 тыс. сестерциев, то вполне уместно предположить, что владелец катоновского имения расходовал на свои личные нужды около 15% от суммы доходов, или около 75% прочих издержек воспроизводства своего хозяйства, а это составит сумму примерно в 30 тыс. сестерциев.

Доходы	
От урожая оливок и продажи готового продукта	130 000 сестерциев
От урожая и продажи прочих сельскохозяйственных продуктов	70 000 „
<hr/>	
Брутто — ежегодный доход около	200 000 сестерциев
Расходы	
На заработную плату и оплату натурой поденщикам и случайным рабочим	10 000 сестерциев
На покупку рабов и на их пропитание, одежду и жилье	23 000 „
На приобретение и ремонт орудий труда и всякого рода машин	1 000 „
На покрытие необходимых личных потребностей владельца имения и его семьи	30 000 „
<hr/>	
Ежегодные издержки воспроизводства около	64 000 сестерциев
Чистая прибыль, остающаяся ежегодно земельному собственнику оливковой плантации в 240 югеров (60 га), около	136 000 сестерциев

⁸³ Ср. Salvio li, ук. соч., стр. 43.

После этого краткого, несомненно, неполного как по статьям доходов, так и расходов обзора⁸⁴, мы можем, несмотря на лакуны, составить примерную сводную таблицу издержек воспроизводства в крупном хозяйстве. Эта таблица (стр. 78) с очевидностью свидетельствует о доходности крупного сельскохозяйственного производства в республиканском Риме II—I вв. до н. э.

2. *Прожиточный минимум трудовых слоев населения; их борьба за улучшение условий жизни и труда*

Произведенный выше подсчет показывает, что во II в. до н. э. владелец имения, который занимался оливководством на 240 югерах земли, получал ежегодно чистого дохода примерно 130 тыс. сестерциев. Такова была сумма, в которой заключался продукт труда, попадавший в карман землевладельца, без его собственного производительного труда. Другими словами, это была сумма, которую выжимали из рабочей силы рабов и неимущих свободных. Эту сумму мы не можем зачислить в расходы на воспроизводство, так как она не использовалась на расширение и улучшение производства. Ввиду того, что в эту сумму не были включены деньги, расходуемые на приобретение новых орудий труда, новых рабов или же на оплату заработка поденщика, эти деньги не возвращались обратно в хозяйство, но оставались в свободном распоряжении землевладельца. Итак, эти деньги расходовались на различные цели, лежавшие вне сферы производства. Они могли идти на финансирование политической карьеры владельца имения, расходоваться в интересах его класса, на громадные взятки, на покупку голосов во время выборов в народном собрании, на спекуляции и т. д.⁸⁵ Свободные деньги еще более увеличивали зависимость непосредственных производителей от крупного землевладельца, еще более усиливали их эксплуатацию. В то время как свободные и рабы своим повседневным трудом создавали стоимость, за которую они не получали соответствующего вознаграждения в форме заработной платы и продуктов, они одновременно создавали для землевладельца возможность еще более строго, чем до сих пор, «господствовать над... трудом»⁸⁶, т. е. нанимать привилегированных надсмотрщиков для наблюдения за трудом и, наконец, уплачивать фиску налоги, при помощи которых финансировалась армия. Последнюю в случае необходимости использовали также и внутри страны для возвращения беглых рабов, подавления движений свободных рабочих и рабских восстаний. Все это также шло косвенным путем на пользу землевладельца.

Если мы до сих пор отправлялись от чистой прибыли размером в 130 тыс. сестерциев, то здесь мы, несомненно, находились у нижней границы дохода богатых землевладельцев. Разумеется, не следует считать обычным доход очень богатого Атика, о котором мы узнаем, что общая сумма его ежегодного дохода равнялась 12 млн. сестерциев (Salvioli, ук. соч., стр. 43). Однако, несомненно, имелось большое число богатых римлян, чье имущество далеко превосходило представления Катона о богатстве. Необычайно высокий доход Атика указывает очень отчетливо, что крупные дельцы и ростовщики располагали весьма крупными денежными средствами, которые служили лишь дальнейшему накоплению богатств в руках отдельных лиц и не использовались для целей воспроизводства.

Из всего сказанного выше можно заключить, что в тех случаях, когда

⁸⁴ См., например, W. Sch ub a r t, Neues aus dem alten Ägypten, стр. 521.

⁸⁵ Эти моменты рассматривает S a l v i o l i, ук. соч., стр. 20, 22—24, 37—50.

⁸⁶ К. М а р к с, Капитал, т. I, стр. 583, прим. 20.

рабовладельцам удавалось снизить необходимые затраты на рабов и свободных поденщиков до минимума или даже ниже минимума, они в кратчайшее время становились обладателями громадных барышей. Все это было возможным, естественно, лишь при том условии, что сельскохозяйственное предприятие было в состоянии поднять производство до максимально достижимого уровня⁸⁷, удерживая в то же время на минимальном уровне издержки производства⁸⁸. Каждая попытка рабовладельцев чрезмерно интенсифицировать эксплуатацию занятой в их предприятиях рабочей силы скрывала в себе две тенденции: с одной стороны, достигнутый доход мог в течение длительного времени составлять максимальную прибыль; с другой — в случае если условия жизни трудовых слоев населения падали ниже прожиточного минимума, такая система хозяйствования неизбежно приводила к отрицательным последствиям для всего рабовладельческого хозяйства в целом. Следствия этой системы жестокой эксплуатации могут быть прослежены как в хозяйственной, так и в политической жизни римского государства. Готовность трудовых слоев подняться против своих угнетателей все более возрастала; это проявляется как среди рабов, так и среди *proletarii*.

Сначала борьба рабов носит скрытый характер, который, как уже указывалось выше, проявляется главным образом в отсутствии заинтересованности в труде, в нерадивом и поверхностном выполнении распоряжений господина, в небрежном уходе за скотом и орудиями труда, а также в тенденции к обману и кражам. Переход к новым формам борьбы рабов против своих угнетателей отмечает вместе с тем и более высокую ступень эксплуатации. Когда условия труда и жизни рабов оказываются почти невыносимыми, борьба рабов принимает открытые формы: бегство с места работы, убийство хозяина, непосредственные восстания рабов⁸⁹.

Крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, сталкиваясь постоянно со все более усиливающейся конкуренцией рабского труда, когда труд свободных в очень большой степени вытеснялся трудом рабов, лишались своих владений и переходили в класс неимущих — *proletarii*.

Экономический упадок и социальное недовольство этих мелких собственников и неимущих поденщиков очень часто проявлялись также в забастовках, которые могут быть прослежены уже в относительно раннее время. Борьба этих слоев населения была направлена на изменение непосредственных условий их труда и жизни.

Сведения о движениях низших слоев свободного населения относятся в первую очередь к Египту как птолемеевского, так и римского времени. Однако это не означает, что подобных проявлений недовольства со стороны этих слоев населения не было в других областях Римского государства. Ростовцев называет также и М. Азию, хотя и оговаривает, что это была единственная страна, о которой мы слышим, что здесь имели место движения ремесленников и городской бедноты⁹⁰.

Однако даже те немногие сведения, которые дают нам источники, подтверждают факт постоянной борьбы как ремесленного, так и сельскохозяйственного населения. Для Египта уже от 245 г. до н. э. мы имеем сведения о забастовке рабочих-каменщиков, которые работали в каменоломне вблизи деревни Фебихис у Гибе на восточном берегу Нила⁹¹. Сведения о забастовках царских земледельцев деревни Керкеосирис

⁸⁷ Cato, 2, 3 и 2, 4; 23, 1; 39, 1 и 39, 2; 138; ср. Gummegus, ук. соч., стр. 21.

⁸⁸ Cato, 1, 5; 2, 4; 3, 1; ср. Gummegus, ук. соч., стр. 21.

⁸⁹ См. А. В. Мишулин, Спартак, стр. 21—28, 39—63.

⁹⁰ Rostovtzeff, The Social and Economic History..., стр. 169.

⁹¹ Hibeh-Papyri, ed. Grenfell-Hunt, ч. I, L., 1906, № 71.

в Тебтунишском округе имеются для 119 и 114 гг. до н. э.⁹². Для последующего времени мы располагаем отчетом о забастовке рабочих-горняков, имевшей место в I в. до н. э.⁹³. При римском префекте Египта Вибии Максиме в 103—104 гг. до н. э. был произведен ценз, в котором между прочим сформулировано требование, «чтобы крестьяне и сельскохозяйственные рабочие возвратились обратно к своей работе»⁹⁴. Эдикт префекта М. Семпрония Либерала от 154 г. н. э. сообщает об ужасающем обезлюдении деревень, о бегстве крестьян с земли и о непереносимых грабежах в сельских местностях⁹⁵. Из другого источника⁹⁶ мы узнаем, что в 170 г. н. э. некоторые деревни совершенно обезлюдели в результате бегства крестьян. В. Шубарт (ук. соч., стр. 519) сообщает, что свободные рабочие, занятые на плантации папирусов Дионисии в окрестностях Александрии, получали в правление Августа мизерную оплату. Шубарт отмечает, что здесь часто могли происходить забастовки. Свидетельство этому можно усматривать в том, что землевладельцы объединились в союз, чтобы иметь возможность противодействовать рабочим, выдвигающим требования повышения оплаты их труда.

Приведенные примеры не являются исчерпывающими, точно так же как они не могут рассматриваться и как единичные. Поэтому нельзя утверждать, что в Италии во времена Республики не было движений городской и сельской бедноты, поскольку экономические и социальные отношения в провинциях представляли обычно слепок с того положения, которое было в Италии, в самом Риме. К тому же некоторые свидетельства определенно сообщают о фактах такого недовольства. Так, Ливий передает, что римский народ неохотно работал на строительстве одного храма, что он взбунтовался во время земляных работ и прокладки каналов в Риме (конец VI в. до н. э.) (Liv., I, 56, 2). Многочисленные рабочие, используемые при строительстве Слоса Максима, совершили самоубийство (Plin., NH, XXVI, 24, 5; App., Iber., 77). Мы слышим далее, что люди, занятые проведением Слоса Максима, получали весьма скудное пропитание при тяжелой работе, не исключая квалифицированных рабочих (Dionys., IV, 44). Эти данные наглядно свидетельствуют о том, что даже для занятых на государственной работе условия труда были очень тяжелыми. Можно думать, что в Италии именно ко времени величайшего распространения здесь рабского труда свободные рабочие выступали со своими требованиями. Говоря о забастовках в древности, следует иметь в виду, что они коренным образом отличались от забастовок капиталистического производства, поскольку мы имеем дело с совершенно различными экономическими условиями.

Так в основных чертах выглядит картина воспроизводства в римской экономике конца Республики, в той мере, в какой ее можно воспроизвести на основании памятников древности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в первой части своей статьи я стремился проследить переход от экстенсивной к интенсивной форме хозяйства в Риме. Отличительной чертой этого явления было стремление землевладельцев к максимальной

⁹² The Tebtunis-Papyri, ed. Grenfell-Hunt, ч. I, L., 1902; для 119 г. см. № 41, стк. 14 — письмо номарха Гармиусиса; для 114 г. см. № 26, стк. 18 — из письма парского писца Гора.

⁹³ Papyri Petri, III, № 43.

⁹⁴ Wilcken und Mittelis, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, т. I, ч. 2, Lpz.—B., 1912, № 202.

⁹⁵ Wilcken und Mittelis, ук. соч., № 49 (также ВГУ, II, 372).

⁹⁶ RGU, 903 (также Vitelli, PSI, № 102, и Preisigke, SB, 1915).

доходности своих предприятий, что стало более возможным вследствие развития товарно-денежных отношений.

Предпосылкой перехода к интенсивной форме хозяйствования явились завоевательные войны Рима, принесшие громадные массы рабов, что полностью изменило весь облик экономики римского государства. Следствием распространения рабского труда явилось, с одной стороны, обнищание свободного крестьянства, с другой — расширение крупного землевладения. Свободные крестьяне, бывшая опора государства, теряли в борьбе с конкуренцией более дешевого рабского труда основу своего существования — свою землю и деградировали до уровня неимущих пролетариев.

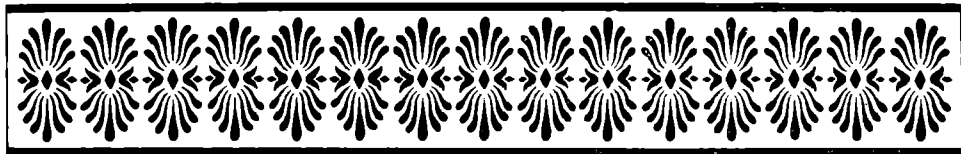
Широкое использование рабского труда в крупных хозяйствах повлекло за собой внедрение новых принципов ведения сельского хозяйства, что нашло отражение в труде Катона. Однако далеко не все производство велось теперь руками рабов; крестьяне никогда полностью не теряли своего значения в римском сельском хозяйстве, даже в такой области, как Этрурия или центральная и южная Италия.

Во второй части статьи я считал необходимым показать, что в процессе производства в сельском хозяйстве постоянно имело место воспроизводство, т. е. дополнительная покупка рабов, наем свободных поденщиков, приобретение и ремонт необходимых инструментов и орудий труда. В условиях рабства, когда технический уровень орудий труда был еще очень низок, рабовладельцы должны были уделять огромное внимание воспроизводству рабочей силы рабов, поскольку приобретение новых рабов обходилось дешевле, чем совершенствование орудий труда. Но отсюда проистекала и непреодолимая преграда дальнейшему развитию техники и экономики всего древнего мира.

Попытка произвести примерный подсчет доходов и расходов землевладельца в процессе воспроизводства с намерением выискнуть в методы хозяйствования рабовладельца привела меня к выводу, что даже средние землевладельцы могли рассчитывать на получение более чем 50% своих доходов в виде чистой прибыли. Эти большие денежные суммы выжимались из труда рабов и наемных рабочих. По большей части эти средства вкладывались не в производство, а направлялись в сферу политической деятельности господствовавшего класса для финансирования милитаристских устремлений государства, для увеличения личных расходов на предметы роскоши, для всяческих подкупов и взяток, для финансирования ростовщических операций и т. д., наконец, просто для накопления ценностей.

В зависимости от степени эксплуатации и условий труда менялись формы классовой борьбы. Классовая борьба становится барометром степени эксплуатации. С этой точки зрения моя работа преследовала цель рассмотреть политические и социальные события этого периода, исходя из анализа экономических отношений и тенденций развития позднереспубликанского Рима.





С. Л. Утченко

КРИЗИС КОМИЦИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА В РИМЕ

Одним из наиболее характерных симптомов кризиса политических форм республики следует считать разложение комициального устройства, падение политической роли комиций, а в дальнейшем и фактическое прекращение их деятельности. Однако вопрос о разложении комиций, насколько нам известно, подробно рассмотрению в советской историографии до сих пор не подвергался. Высказываемые советскими историками — главным образом в трудах общего характера — соображения о роли комиций в эпоху кризиса и падения Республики по большей части чрезвычайно лапидарны. Они в основном сводятся к тому, что Октавиан Август без особого труда лишил комиции всякого политического значения, превратил их в «пустую формальность»¹ или настолько «сприручил» их, что комиции оказались не в состоянии помешать тому же Августу «проводить свою реакционную политику»².

Подобный взгляд на Августа как на «душителя» комиций разделяется также крупнейшим советским исследователем принципата Н. А. Машкиным. В своем капитальном труде «Принципат Августа» он отмечает, что «комиции становятся послушным орудием принцепса», что они «потеряли свое политическое значение»³. А так как зажим и удушение комиций рассматриваются автором как одно из составных звеньев общей политики Августа по отношению к плебсу, а эта общая политика, в свою очередь, определяется как «политика цезаризма»⁴, то, следовательно, «зажим» комиций, лишение их политической роли возводятся Н. А. Машкиным еще к Цезарю⁵.

Однако эта столь распространенная точка зрения едва ли может быть подтверждена источниками. Отнюдь не считая Августа или Цезаря сторонниками укрепления политического значения комиций, — что было бы, конечно, абсурдом и нелепостью, — мы хотим лишь высказать сомнение по поводу той исключительной роли, которая приписывается им в связи с упадком комиций, считая, что ни Цезарь, ни Август не могли бы столь быстро и безболезненно удушить комиции, если бы к этому времени ко-

¹ История древнего мира. Под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева, М., 1956, стр. 587; ср. также стр. 597.

² С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 505.

³ Н. А. Машкин, Принципат Августа, М., 1949, стр. 403—404. Подобные утверждения, но в еще более категорической форме, высказаны автором в его общем труде. См. Н. А. Машкин, История древнего Рима, изд. 3, М., 1956, стр. 349.

⁴ Н. А. Машкин, Принципат Августа, стр. 458.

⁵ Ср., например, Машкин, Принципат Августа, стр. 101.

мициальное устройство не находилось в стадии далеко зашедшего разложения и фактически уже не изжило себя.

На самом деле мероприятия Цезаря, а затем и Августа в отношении комиций, как о том свидетельствуют источники, были чрезвычайно умеренными, осторожными и менее всего походили на «любовую атаку» против комиций.

Если иметь в виду не малодоступные нам замыслы Цезаря или Августа, но их истинные, реальные действия, то только что высказанная точка зрения всецело подтверждается данными источников. Так, нам известно, что Цезарь, проведя реформу календаря, все же сохранил *dies comitiales*⁶, а в 54 г. на *Campus Martius* заложил для трибутных комиций *saepa marmorea*, которые были закончены уже Августом⁷. Конечно, нам также не менее хорошо известно, что, наряду с только что перечисленными мероприятиями в отношении комиций, Цезарем предпринимались и совершенно иные действия, как, например, присвоение себе права рекомендовать комициям кандидатов при выборах⁸. Эти действия Цезаря, как и *ius commendationis* Августа, являются, очевидно, для ряда исследователей тем основанием, которое используется при утверждении о «превращении комиций в послушное орудие принцепса». Отнюдь не отрицая того факта, что *ius commendationis* диктатора серьезно уmaßало и ограничивало политическую роль комиций, мы хотели бы лишь указать на то, что ни Цезарь, ни тем более Август не были пионерами в этой области: не говоря уже о Сулле⁹, известно, что еще в более раннюю эпоху видные оптиматы или, наоборот, вожди популяров рекомендовали своих кандидатов трибам¹⁰. Таким образом, подобный акт насилия над комициями впервые был совершен отнюдь не Цезарем, но должен быть возведен к республиканскому времени. Это обстоятельство, с одной стороны, несомненно характеризует отношение диктатора к комициям, но вместе с тем оно не может не повлечь на изложенную выше точку зрения о «всевластии» Цезаря в отношении комиций, тем более, что при нем частично сохранялись еще и свободные выборы.

Октавиан Август, кроме завершения постройки *saepa marmorea*, в 8 г. до н. э. построил *diribitorium*¹¹ — специальное здание для упорядочения подсчета голосов. Он же, как известно, разрешил жителям муниципиев и колоний голосовать в римских комициях, не присутствуя на них. Они голосовали письменно, и избирательные бюллетени с их голосами отсылались в запечатанном пакете в Рим (*Suet.*, Aug., 46). Таким образом, эта часть италийского населения могла теперь реализовать свое право голоса, которое до этого нововведения зачастую было лишь формальным. Возможно, что Август ввел еще одно усовершенствование в практику комиций; отменил ставшее уже явным пережитком голосование по цензовым классам в *comitia centuriata*¹². Что касается утери комициями при Августе их судебной компетенции (*Dio Cass.*, 56, 40), то это было лишь завершением и, быть может, всего-навсего юридическим оформлением длительного процесса, так как еще во времена Республики, с введением *quaestiones perpetuae*, судебные функции комиций постепенно перешли именно к этим судам.

Таким образом, краткий обзор мероприятий, проведенных Цезарем и

⁶ *Maer.*, Sat., I, 14, 12.

⁷ *Dio Cass.*, 53, 23; 55, 8; *Cic.*, Att., IV, 16.

⁸ *Suet.*, Caes., 41; *Dio Cass.*, 43, 51; *Eutrop.*, IV, 25.

⁹ *Sall.*, Hist., I, 41, 21 D.

¹⁰ См. Н. А. Машкин, Принципат Августа, стр. 403.

¹¹ *Dio Cass.*, 55, 8; *Suet.*, Claud., 18.

¹² См., например, *Dion.*, 4, 21.

Августом в отношении комиций, отнюдь не свидетельствует о том, что в это время произошел какой-то резкий, принципиальный перелом в положении и политической роли народных собраний в Риме. Наоборот, все сказанное выше позволяет, на наш взгляд, прийти к двум основным выводам:

а) разложение и упадок комиций — процесс постепенный и длительный, начавшийся задолго до Цезаря и Августа, во всяком случае еще в эпоху Республики;

б) причины этого явления коренятся отнюдь не в сознательной деятельности отдельных личностей—Августа, Цезаря или их предшественников, но восходят к более глубоким закономерностям в развитии римского общества.

Предлагасмая работа представляет собой усиленную попытку уяснения обоих этих вопросов. Начнем с вопроса о причинах разложения и упадка комиций.

Прежде всего следует, очевидно, подчеркнуть принципиальную роль народного собрания как основного элемента полисной демократии. Нам кажется, что есть все основания утверждать, что без наличия народного собрания в той или иной его форме, с той или иной широтой компетенции, с той или иной степенью влияния на жизнь данной общины, полисное устройство вообще немыслимо. А это в свою очередь подтсверждает тот факт, что элементы демократии заложены в самой основе полисной организации, хотя степень демократизации того или иного полиса на деле, как это доказывается всем хорошо известными историческими примерами, может быть совершенно различной.

Принципиальное значение народного собрания как органа полисной демократии состоит, на наш взгляд, в том, что народное собрание являлось отражением (несомненно, опосредствованным) в сфере общественной жизни господства той своеобразной экономической категории, которая и была материальной базой полиса и которую Маркс определял как коллективную (совместную) частную собственность¹³. Это значит, что народное собрание осуществляло право каждого собственника — члена гражданского коллектива — управлять своею собственностью и охранять ее, причем осуществление этого права — и в этом весь смысл деятельности народных собраний — происходило совместно, в коллективе. Говоря о римских комициях, мы, очевидно, для правильной оценки их значения и их исторической судьбы также должны исходить из этого общего, принципиального определения.

Республиканский Рим до определенной ступени своего развития представлял собой типичный полис, т. е. ту гражданскую общину, тот коллектив, принадлежность к которому гарантировала его членам право собственности. Применительно к Риму Маркс писал: «Собственность — это собственность квинритская, римская; частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно — частный земельный собственник»¹⁴. И действительно, категория квинритской собственности в Риме — *dominium ex iure Quiritium* — является в силу своей специфики наиболее близким и вместе с тем наиболее ярким и полным выражением материальной основы Рима-полиса.

Ius Quiritium занимает особое место в системе римского права. Его даже с точки зрения формально-юридической было бы незаконмерно включать, как это обычно делается, в систему *ius privatum*. Бесспорно, что при своем зарождении *ius Quiritium* носило публично-правовой ха-

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, М., 1955, т. 3, стр. 21.

¹⁴ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1, стр. 13.

ракти. Поэтому имеют резон те юристы, которые считают, что распределение земель в римской общине между отдельными родами и семьями покоилось в принципе на волеизъявлении всего коллектива собственников, всей общины в целом и, следовательно, должно рассматриваться как выражение публичного права. «Fundus meus est ex iure Quiritium» — означало: «Участок — мой в силу моего права гражданства, в силу публичного порядка распределения земли между членами общины»¹⁵.

Бесспорно и то, что, по мере развития и усложнения социально-экономических отношений в древнеримской общине, понятие *dominium ex iure Quiritium* претерпело существенные изменения. Не касаясь сейчас сложных и все еще недостаточно ясных вопросов, связанных с древнейшим делением имущества на *familia* и *res unia*, а также вопроса о соотношении этих терминов с *res mancipi* и *res mancipi* в гражданском праве¹⁶, мы можем, с большей или меньшей степенью достоверности, утверждать, что понятие *dominium ex iure Quiritium* применяется и к земельной собственности и к движимостям (они теперь защищаются не только на деликтном основании, но на них переносится vindикационный принцип), и *ius Quiritium* начинает употребляться для обозначения права собственности вообще¹⁷. Но и теперь, превратившись в абсолютное право собственности, понятие *dominium ex iure Quiritium* не утрачивает своего публично-правового значения, поскольку его субъектом по-прежнему остается римский гражданин¹⁸.

В этом смысле мы можем сказать, что *dominium ex iure Quiritium* приобретает значение основополагающей категории права, включающей в себя в принципе все остальные права собственника — члена гражданской общины. Данный тезис может быть подтвержден более наглядно, если мы обратим внимание на соответствие между *ius Quiritium* и понятием *caput*, т. е. тем понятием, которым римляне и определяли полную правоспособность гражданина как такового.

Caput римского гражданина, как известно, складывался из трех элементов, или *status: status libertatis, status civitatis* и *status familiae*. Любая перемена статуса приводила к так называемому *capitis deminutio*¹⁹. Для нас представляют сейчас наибольший интерес первые два статуса, поскольку оба они относятся в первую очередь к сфере *ius publicum*. Кстати, в римском правосознании понятия *libertas* и *civitas* были очень близки друг к другу, так как *libertas* всегда рассматривалась не как врожденное, естественное право человека, но как право гражданства, право благоприобретенное²⁰.

Status libertatis предопределял деление на свободных и рабов. Конечно, личная свобода была первой и само собой разумеющейся предпосылкой римского гражданства. Собственно, для римлянина его свобода (*libertas*) и его гражданство (*civitas*) были понятиями почти идентичными, во всяком случае оба термина воспринимались как характеристика или определение именно гражданского состояния. *Libertas* — это гражданское состояние свободнорожденного римлянина как такового, *civitas* —

¹⁵ И. А. Покровский, История римского права, СПб., 1913, стр. 329. Однако Покровский включает *dominium ex iure Quiritium* в систему гражданского права.

¹⁶ См. В. М. Хвостов, История римского права, М., 1919, стр. 107—108, а также прим. 1 на стр. 108.

¹⁷ Покровский, ук. соч., стр. 330.

¹⁸ Покровский, ук. соч., стр. 332, ср. стр. 330.

¹⁹ L. II. D. 4, 5. Paulus, Capitis deminutionis tria genera sunt, maxima, media, minima. Tria enim sunt quae habemus, libertatem, civitatem, familiam.

²⁰ Ch. Wirszowski, Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate, Cambr., 1950, стр. 3.

его гражданское состояние в отношении ко всему коллективу свободнорожденных римлян²¹.

Status civitatis предопределял деление на полноправных и неполноправных, т. е. на римских граждан, с одной стороны, и на либертинов, *cives sine suffragio*, латинов и перегринов — с другой. В состав полной *civitas* входили такие *iura*, которые обеспечивали римскому гражданину его политическую правоспособность, например *ius suffragii* и *ius honorum* (т. е. активное и пассивное избирательное право), а также права, обеспечивающие его имущественную и семейную гражданскую правоспособность, — *ius commercii* и *ius conubii*²².

Таким образом, нетрудно убедиться в том, что *status libertatis* и *status civitatis* предусматривали гарантии по охране гражданства, сохранения его замкнутости и гарантии участия в коллективном волеизъявлении собственников, т. е. участия в комициях. Дополнительно к этому *ius commercii* давало гарантию имущественной правоспособности. В целом можно сказать, что *status libertatis* и *civitatis* гарантировали римскому гражданину права управления (распоряжения) собственностью. Что касается прав защиты собственности, то в римских условиях они также осуществлялись через комиции, во всяком случае до тех пор, пока существовало гражданское ополчение и сохранялись элементы сервианской организации²³.

Но все эти права распоряжения и защиты собственности являются в значительной степени производными, функциональными, требуя в качестве необходимой предпосылки наличия самой собственности и юридического титула, гарантирующего право обладания этой собственностью. Такой юридической нормой и было *ius Quiritium*, которое следует признать лежащим в основе всех остальных прав римского гражданина и даже в какой-то мере определяющим данные права. В этом смысле мы можем сказать, что если *caput* с его статусами определял и регламентировал права римского гражданина, предполагая его наличие, его гражданское бытие как нечто уже данное, то *ius Quiritium*, отражая материальную основу совокупности всех прав, создавало римского гражданина как такового.

На этом мы можем завершить рассмотрение вопроса о *dominium ex iure Quiritium* как о специфическом выражении материальной основы Рима-полиса. Изложенное выше дает возможность вернуться к нашему основному вопросу и перейти к некоторым выводам относительно внутренних причин разложения римского полисного устройства и его важнейшего составного элемента — комиций.

Выше было дано принципиальное определение народного собрания как выразителя воли коллектива земельных собственников и рабовладельцев. Исходя из этого определения, мы, очевидно, должны сделать вывод, что основной внутренней причиной разложения комиций в Риме был факт разложения самой римской общины, самого коллектива собственников. Но нам также известно, что материальной базой этого коллектива была особая форма собственности, которую мы определяли как коллективную (совместную) частную собственность и которая в римских условиях выступает перед нами в виде *dominium ex iure Quiritium*. Оче-

²¹ Там же, стр. 3—4. A Roman's *libertas* and his *civitas* both denote the same thing, only that each does it from a different point of view and with emphasis on a different aspect: *libertas* signifies in the first place the status of an individual as such, whereas *civitas* denotes primarily the status of an individual in relation to the community (See M o m m s e n, *Freiheitsschutz*, p. 255). Only a Roman citizen enjoys all the rights, personal and political that constitute *libertas*.

²² Х в о с т о в, ук. соч., стр. 85.

²³ Th. M o m m s e n, *Römisches Staatsrecht*, Lpz, 1887—1888, III, 1, стр. 295.

видно, что если теперь пойдет речь о внутренних причинах разложения комиций, то мы должны прежде всего выяснить вопрос о том, имели ли место какие-то изменения, затрагивающие именно эту материальную основу коллектива римских собственников.

Такие изменения имели место в действительности, и они должны рассматриваться как проявление основного противоречия и как наиболее глубокая внутренняя причина кризиса римской полисной организации. Существование этих изменений состояло в том, что по мере развития римского общества, по мере усложнения социально-экономических отношений и обострения классовой борьбы модифицируется самая материальная основа общества, возникают и утверждаются новые виды собственности.

Если некогда Рим представлял собой такое общество, где полноправным собственником мог быть только полноправный член узкого и замкнутого гражданского коллектива, то и собственность в то время могла существовать лишь в форме коллективной (совместной) частной собственности. Кстати, эта же форма собственности обуславливала развитие политических институтов полисной демократии. Когда же в Риме, — само собой разумеется, что речь идет о довольно длительном процессе, к тому же отнюдь не мирного характера, — условием права собственности перестает быть условие принадлежности к этой старой замкнутой гражданской общине или, точнее говоря, это условие становится сугубо формальным, то изменяется и самая форма собственности, а следовательно, неизбежно приходят в несоответствие с экономической базой политические формы (т. е. органы полисной демократии, и прежде всего комиции).

Этот процесс во всех его внутренних проявлениях и опосредствованиях едва ли может быть здесь прослежен. Бесспорно лишь то, что он выражался в напряженной социальной и политической борьбе и что начало его следует искать, не говоря о точных датах и событиях, в те времена, когда начинается в широких масштабах пауперизация носителей полисной демократии — римского крестьянства, что и следует признать основным социальным содержанием самого процесса. Что касается конечной датировки, то и здесь, бесспорно, нельзя ограничиться названием какого-либо единичного исторического факта или события; однако, на наш взгляд, достаточно ярким выражением того, насколько далеко зашел интересующий нас процесс, была Союзническая война.

Значение Союзнической войны состоит прежде всего в том, что она нанесла сокрушительный удар полисной организации Рима. Рим как полис, строго говоря, перестает существовать после Союзнической войны. Распространение прав римского гражданства по *lex Iulia* и *lex Plautia Papiria* на всех италиков²⁴ взорвало изнутри узкий и замкнутый коллектив полноправных собственников — римлян. Условие принадлежности к римской гражданской общине как условие права собственности становится пустой формальностью. Римские комиции, до сих пор олицетворявшие *populus Romanus*, превращаются в юридическую фикцию. Таким образом, Союзническая война нарушила, разбила те основные гарантии, которые поддерживали и охраняли полисную организацию Рима как таковую²⁵.

Но Союзническая война была лишь формой, в которую вылилось определенное социальное движение. Объективной задачей этого движения являлась борьба за распространение прав и привилегий узкого, замкнутого коллектива собственников на широкую массу италийского насе-

²⁴ Cic., *Pro Balbo*, 8, 21; *Pro Arch.*, 4, 7; *App.*, BC, I, 49; 53; *Vell. Pat.*, II, 16; 17; *Gell.*, 4, 4, 3.

²⁵ См., например, A. H. Sherwin-White, *The Roman Citizenship*, 1939, стр. 129—130.

ления. Однако распространение этих прав и привилегий на более широкие слои населения было невозможно по самому их существу и характеру. Подобное распространение приводило лишь к самоизживанию этих привилегий, к превращению их в юридические фикции. Все это, в конечном счете, не могло не отразиться на материальной основе рассматриваемых прав и привилегий.

Юристы не считают возможным точно установить время, когда на смену *ius civile* приходит *ius gentium* ²⁶. Но для нас сейчас это и неважно, так как нет сомнений в том, что в эпоху, следующую за Пуническими войнами, *ius gentium* разрабатывалось уже достаточно интенсивно ²⁷.

Во всяком случае, старое квиритское право перестало удовлетворять запросам жизни. Квиритская собственность тоже теряет свое исключительное положение, какое она имела в эпоху *ius civile*, и наряду с нею возникают другие виды собственности, как, например, собственность перегринов, собственность провинциальная и собственность преторская или боитарная. Причем по сравнению с некоторым из этих новых видов собственности собственность квиритская занимает второстепенное положение и вынуждена в определенных случаях, как, например, перед боитарной собственностью, отступать на задний план, теряя свое реальное значение (*nudum ius Quiritium*) ²⁸. Все это, несомненно, является достаточно ярким отражением в сфере юридических норм тех существенных изменений, которые коснулись самой материальной основы римского общества. Суть же этих изменений состояла в том, что коллективная частная собственность имела тенденцию эволюционировать в сторону абсолютной, неограниченной собственности, хотя еще в то время, и особенно в римских условиях, эта тенденция не только не могла получить беспрепятственного развития, но даже встречала непреодолимое противодействие.

Таковы, на наш взгляд, основные внутренние причины, приведшие к кризису римской полисной организации и ее важнейшего составного элемента — комиций.

Попытаемся теперь дать ответ на другой вопрос, поставленный в начале этой работы, и обрисовать общую картину постепенного упадка комициального устройства.

Как уже указывалось выше, разложение комиций следует рассматривать как длительный процесс. Куриатные комиции потеряли всякое политическое значение еще в эпоху между первой и второй Пуническими войнами. Выборы магистратов в них более не производятся. *Lex curiata de imperio* превращается в простую формальность. Главной функцией куриатных комиций становится совершение актов гражданского права: *arrogatio* и *testamentum*, и выполнение обряда *transitio ad plebem*. Этот вид комиций настолько теряет свое реальное значение, что граждане просто перестают собираться по куриям и 30 курий заменяются 30 ликторами (Cic., *De leg. agr.*, 2, 12, 31).

Поэтому наиболее важное значение приобретают такие виды народного собрания, как центуриатные и трибутные комиции. С эпохи Гракхов роль народных собраний в политической жизни Рима вообще чрезвычайно возрастает. Это был период, — как известно, сравнительно краткий, — наивысшего подъема демократического движения в Риме и Италии. Народное собрание становится центром и средоточием борьбы против сенатской олигархии. Еще Тиберий Гракх, решившись на свой знаменитый революционный акт, — проведя через комиции лишение своего коллеги

²⁶ Х востов, ук. соч., стр. 211.

²⁷ Х востов, Там же.

²⁸ Х востов, ук. соч., стр. 280.

трибунских полномочий, — фактически поставил авторитет народного собрания выше конституционных традиций (App., BC, I, 12; Plut., Tib. Gr., 11—12). В дальнейшем народным собранием не раз принимались решения вопреки воле сената и даже несмотря на его открыто проявляемое противодействие ^{28a}.

Народные собрания в то время проходили активно и многолюдно. Иногда они были настолько многолюдны, что форум не вмещал всех участников собрания, как, например, в день выборов младшего Гракха народным трибуном (Plut., G. Gr., 3). Активность, политические страсти, жившие на форуме, нередко перерастали в вооруженную борьбу. Так случилось и во времена Гракхов и несколько позже, например при проведении через комиции законов Сатурнина (App., BC, I, 30—33). Это были первые вспышки гражданской войны на улицах Рима.

В скором времени после окончания Союзнической войны картина довольно резко меняется. Во-первых, развивается абсентеизм, который, очевидно, нужно рассматривать как прямое следствие распространения гражданских прав на италиков, ибо теперь вопрос о народном представительстве в комициях неизбежно превращался в юридическую фикцию. Что это было так на самом деле, свидетельствуют неоднократные высказывания Цицерона. Так, говоря о своем возвращении из изгнания, Цицерон указывает на то, что для обеспечения достаточного в количественном отношении представительства в центуриатных комициях потребовался специальный сенатусконсульт, приглашающий граждан из всех муниципиев и колоний ^{28b}. Не лучше в этом смысле обстояло дело и в трибунных комициях. Доходило до того, что при голосовании законов в каждой из 35 триб присутствовало не более пяти голосующих, да и к тому же подававших голоса не по своим трибам (Cic., Sest., 51, 109). Недаром тот же Цицерон не без иронии отмечает, что гладиаторские игры посещаются куда лучше, чем комиции, и поэтому зрители игр могут считаться более полномочным представительством римского народа (там же, 59, 125).

Затем развивается в широких масштабах коррупция. Это было прямым следствием изменения социального состава комиций. Учитывая растущий абсентеизм сельских избирателей и фактическую невозможность посещения комиций в Риме избирателями, живущими в отдаленных от Рима местностях Италии, приходится в этой связи констатировать преобладание люмпенпролетарских элементов среди наиболее активной части избирателей. Этот факт отмечен самими древними, которые, как правило, дают самую нелестную характеристику «городской черни» ²⁹.

Что касается развития подкупа, причем в крайне беззастенчивых формах, то об этом единодушно свидетельствует ряд авторов. Первые законы против злоупотреблений при выборах, если верить Ливию, относятся к эпохе ранней республики (Liv., IV, 25; VII, 15); но закон, направленный уже прямо против подкупов, был принят впервые в 181 г. (Liv., 40, 19). Несколько позже, после принятия *lex Cornelia Fulvia* (166 г.) (Liv., Ep., 47), учреждается постоянный суд для разбора дел по обвинению в *ambitus*. В последующие годы проводится еще ряд законов *de ambitu*, но само количество их свидетельствует о том, что они, видимо, были малоэффективны. 4

Цицерон как в своих речах, так и в письмах неоднократно упоминает о подкупах избирателей, а также о законах, направленных против коррупции ³⁰. Более того, нам хорошо известно, что Цицерон в бытность свою

^{28a} Plut., Tib. Gr., 14; G. Gr., 5—6; App., BC, I, 21—22.

^{28b} Cic., Pis., 15; P. red. in sen., 10.

²⁹ См., например, Sall., Cat., 37; Cic., Ad Att., I, 16, 11.

³⁰ Cic., Ad Att., I, 16, 12—13, ср. De dom., 33, 89.

консулом провел закон *de ambitu* (Cic., Mur., 23), получивший его имя и представлявший собой развитие и уточнение закона Кальпурния от 67 г. Тем не менее это не помешало тому же Цицерону защищать Мурену, обвиненного с довольно серьезными основаниями как раз в таком преступлении.

Аппиан, рисуя положение в Риме в середине 50-х годов, говорит о том, что в это время бесстыдно царили подкуп и взятки; народ приходил на выборы подкупленным (App., BC, II, 19). Он прямо называет сумму, до которой доходила плата за высшие магистратуры (там же). Кстати, совершенно конкретные суммы называл в аналогичных случаях и Цицерон (Q. fr., II, 14, 4). И, наконец, Плутарх признает подкуп избирателей настолько установившимся и общераспространенным обычаем, что, по его мнению, сами римские граждане рассматривали получаемые ими — и, видимо, довольно регулярно — суммы как причитающееся им «жалованье» (*μισθός*)³¹.

Говоря о наиболее ярких показателях разложения комиций, помимо абсентеизма и коррупции, следует остановиться также на различного рода насилиях и злоупотреблениях.

Мы отмечали выше, что еще во времена Гракхов и их ближайших последователей политическая борьба в комициях не раз перерастала в борьбу вооруженную. Но, во-первых, справедливость требует отметить, что инициатором применения насилия был римский нобилитет. Кроме того, вспышки гражданской войны на улицах Рима в ту эпоху были результатом кипения высоких политических страстей, результатом борьбы вокруг крупных социально-политических проблем, например, аграрного вопроса или вопроса о политических правах; теперь же, в середине I в. до н. э., очень часто применение насилия в комициях оказывалось следствием борьбы за власть отдельных личностей, а иногда еще более мелких и беспринципных интриг.

Клодий и Милон изгоняли своих противников из комиций или даже просто разгоняли комиции, созданные противной стороной, при помощи специально организованных ими вооруженных отрядов³². Эти отряды Цицерон называет наемными (*mercenarii*) (Cic., Sest., 52, 112). В составе отрядов были ремесленники, вольноотпущенники, низы городского пролетариата и даже рабы и гладиаторы (там же, 39, 85; 41, 88). Отряды эти были, видимо, довольно значительны, так как Цицерон, говоря об отрядах Клодия, употребляет не только термин *manus*, но и *exercitus*. В 57 г., когда с необычайной страстностью обсуждался вопрос о возвращении из изгнания Цицерона, между отрядами Клодия и Милона происходили форменные сражения на улицах Рима.

Нет нужды, да и возможности перечислять все случаи насилия по отношению к комициям. Упомянем лишь о том, что, помимо открытого насилия, применялись различные хитрости и злоупотребления. Так, иногда собрания незаконно отменяли, удаляя *Vexillum russeum* (Dio Cass., 37, 28), а Цицерон³³, Плутарх³⁴ и Аппиан (BC, III, 7) рассказывают о том, как пренебрегали, когда это было выгодно, ауспигиями или беззастенчиво подгоняли их под желаемое решение. Тот же Клодий еще в начале 50-х годов открыто продемонстрировал свое беспринципное отношение к религиозным запретам: сначала он отменил закон Элия Фуфия о наблю-

³¹ Plut., Cat. min., 49. См. обо всем этом более подробно: Р. Ю. Виппер, Очерки истории римской империи, М., 1908, стр. 157—165.

³² Cic., P. red. in sen., 7, 18; Sest., 37 sqq.; Phil., I, 10, 26; 5, 4, 9; Ascon., 32, 35; Vell., II, 47.

³³ Cic., Ad Att., 4, 3, 4; Phil., II, 35, 88; III 4, 9.

³⁴ Plut., Pomp., 52; Cat. min., 42.

денях над небесными знаменами в день комиций, а когда встал вопрос о возвращении Цицерона, то Клодий и его сторонники, пытаясь воспрепятствовать этому всеми доступными им средствами, не стеснялись прибегать к ссылкам на неблагоприятные предзнаменования³⁵.

Рассмотрим в заключение процесс постепенного ограничения важнейших функций народного собрания в Риме.

Ранее всего комиции лишаются своих судебных функций³⁶. Практически они утратили их еще при Сулле, когда тот укрепил и расширил систему *quaestiones perpetuae*³⁷. Если судебная компетенция комиций этими *leges Corneliae* и не была официально уничтожена, то, во всяком случае, резко ограничена и потому теряла почти всякое практическое значение. Открытым поправлением *iudicium populi* была казнь катилитариев в консульство Цицерона³⁸.

Однако Цезарь еще признавал судебные функции комиций в *lex Iulia* от 46 г. (*Dig.*, 48, 6), а Марк Антоний в 44 г. хотел разрешить *provocatio ad populum* против приговоров *de vi* и *de maiestate*, вынесенных в *quaestiones perpetuae* (*Cic.*, *Phil.*, I, 9, 21). Но все это было уже только пустыми декларациями. При Августе, как уже упоминалось выше, комиции окончательно лишились своих судебных прав (*Dio Cass.*, 56, 40). Таким образом, именно та сфера деятельности комиций, которая наиболее полно и неограниченно отражала их суверенные возможности, была ликвидирована значительно раньше всех остальных.

Выборные функции комиций, безусловно, сохраняются дольше. Но уже в последние десятилетия Республики они отличаются все более и более формальным характером. Нам уже приходилось отмечать, что даже до Суллы наблюдались случаи рекомендации трибам определенных кандидатов, не говоря уже о соответствующих действиях Цезаря и Августа. Однако при Цезаре дело обстояло так: диктатор предлагал центуриатным комициям двух кандидатов при выборах в консулы³⁹, а при выборах других должностных лиц как в центуриатных, так и в трибутных комициях половина мест заполнялась по свободному выбору и половина по его рекомендательным письмам⁴⁰. Такой же порядок существовал, очевидно, и в первые годы правления Августа (*Dio Cass.*, 53, 21; 55, 34). Но сравнительно недавно нам стало известно благодаря находке так называемой *Tabula Hebana*⁴¹, что в 5 г. н. э. *ius commendationis* фактически было заменено *destinatio* (дестинацией) кандидатов в консулы и преторы.

Мы не можем сейчас касаться всех сложных и интересных проблем, возникших в связи с находкой *Tabula Hebana* и вызвавших к жизни уже целую литературу⁴², но должны лишь уяснить себе, в какой мере дестинация ограничивала выборные права комиций.

Смысл этой новой процедуры состоял в том, что дестинация, т. е. апробация кандидатур в консулы и преторы, проводилась специально

³⁵ *Cic.*, *Sest.*, 61, 129. Клодий, конечно, не был инициатором в этой области: так, в 59 г. Цезарь не посягал на интересы своего коллеги Бибула, сославшегося на неблагоприятные предзнаменования (*Dio Cass.*, 38, 6), а Сулла, который сам неоднократно подчеркивал, что он верит божественным знаменам (*Plut.*, *Sull.*, 6, 9), в Греции, когда ему это было выгодно, цинично перетолковывал неблагоприятные знамения в свою пользу (там же, 12).

³⁶ *Mommsen*, *Römisches Staatsrecht*, III, 1, стр. 359.

³⁷ *Cic.*, *De leg.*, 3, 9, 22; *Dig.*, 1, 2, 2, 32.

³⁸ *Sall.*, *Cat.*, 55; *App.*, *BC.*, 2, 6; *Plut.*, *Cic.*, 22.

³⁹ *Dio Cass.*, 42, 20, 43; 46; *Suet.*, *Caes.*, 41.

⁴⁰ *Dio Cass.*, 42, 43; *Suet.*, *Caes.*, 41.

⁴¹ *См. АЖР*, т. 75, 1954, стр. 225—249.

⁴² *См. обзор основной литературы вопроса в статье: М. Л. Гаспаров, Западная литература о принципе Августа, ВДИ, 1958, № 2, стр. 227—231.*

созданной коллегией, состоящей из сенаторов и всадников, и только после этой процедуры происходило голосование в комициях⁴³.

Предопределялось ли полностью данным нововведением голосование в народном собрании или последнее могло делать выбор из дестинированных кандидатов и даже отклонять некоторых из них? Этот важный вопрос, к сожалению, остается неясным, и текст *Tabula Hebana* не дает на него ответа, оставляя таким образом место для различных предположений и гипотез. На наш взгляд, более приемлемы выводы тех исследователей, которые считают, что полномочия коллегии, проводившей дестинацию, были аналогичны или близки функциям прежней прерогативной центурии⁴⁴. Но если это так, то, следовательно, дестинация еще не сводила на нет выборную компетенцию комиций, оставляя за ними при выборах некоторую свободу действия.

Только таким положением и можно объяснить, с нашей точки зрения, тот факт, что в 14 г. н. э., т. е. в правление Тиберия, *primum e sacro comitia ad patres translata sunt* (*Tac., Ann., I, 15*), т. е. выборные права целиком были переданы сенату. Если бы комиции потеряли эти права уже в 5 г. н. э., при введении дестинации, то едва ли бы возникла нужда в том акте, о котором нам сообщает Тацит⁴⁵.

Но как бы то ни было, после 14 г. н. э. выборные права комиций действительно превращаются в пустую формальность (*Dio Cass., 58, 20; Vell., II, 126*). Все больше и больше дело сводится к внешне обрядовой стороне. В таком формальном виде выборные комиции просуществовали вплоть до III в. н. э.⁴⁶, но это была уже только почтенная традиция, пережиток, внешняя оболочка без какого-либо реального внутреннего содержания.

Дольше всего, как считает Моммзен, сохраняются законодательные функции комиций⁴⁷. Сначала, видимо, отмерла законодательная деятельность комиций центуриатных. Одной из наиболее характерных особенностей этих комиций, — причем данная особенность, по всей вероятности, восходит к той эпохе, когда центуриатные комиции еще совпадали со всенародным ополчением, — было принятие *leges de bello indicendo* (там же, стр. 341—343). Однако это право фактически утратилось в период гражданских войн. В 48 г. такое право присвоил себе Цезарь (*Dio Cass., 42, 20*), а вслед за ним, основываясь на полномочиях императорской власти, так же поступает и Август (там же, 52, 41; 53, 17).

Другой характерной особенностью законодательной деятельности центуриатных комиций было принятие *leges de potestate censoria*, процедура, до некоторой степени аналогичная той, которая происходила в куриатных комициях при принятии *leges de imperio*. Но и та и другая процедура сравнительно рано превратилась в чисто формальный акт. *Lex centuriata de potestate* вообще перестала приниматься, поскольку цензоры больше не избирались⁴⁸.

Что касается законодательной деятельности трибутных комиций, то следует отметить, что в I в. до н. э. она уже неоднократно нарушалась. Так, в 82 г., в силу Валериева закона, Сулла был назначен на неограниченное время *dictator legibus scribundis et rei publicae constituendae* (*App., BC, I, 99*), что давало ему право издавать законы, которые в обыч-

⁴³ G. T i b i l e t t i, *Principe e magistrati repubblicani*, Roma, 1953, стр. 51 сл.

⁴⁴ A. H. M. J o n e s, *The Elections under Augustus*, JRS, т. 45, 1955, стр. 17—18.

⁴⁵ T i b i l e t t i, *ук. соч.*, стр. 177—179.

⁴⁶ S u e , *Vit.*, II: *Vesp.*, 5; *Domit.*, 10; *App.*, BC, I, 103; *Dio Cass.*, 58, 20.

⁴⁷ M o m m s e n, *Römisches Staatsrecht*, II, 1, стр. 345.

⁴⁸ В 22 г. после большого перерыва, были проведены выборы цензоров в центуриатных комициях. Это было при Августе, и это был последний и единственный случай применения *lex centuriata de potestate censoria*.

ных условиях должны были бы приниматься комициями. Такие же полномочия получил Октавиан Август, когда ему в 23 г. было передано *imperium proconsulare* (Dio Cass., 52, 32). Его эдикты фактически уже имели силу закона (там же, 52, 15; 54, 10). Тацит, например, прямо говорил про Августа, что тот *munia senatus, magistratum, legum in se trahere* (Ann., I, 2). Но тем не менее законодательные решения трибутных комиций еще встречаются не только в годы правления Августа, но и всех императоров династии Юлиев-Клавдиев. Моммзен считает даже возможным говорить о законодательной деятельности комиций при Веспасиане и Нерве⁴⁹.

Таким образом, мы видим, что ограничение законодательных, выборных и судебных функций комиций действительно протекало как весьма длительный процесс, начавшийся, кстати говоря, еще во времена Республики и развивавшийся параллельно с усилением других внешних показателей упадка и разложения комиций: абсентеизмом, коррупцией и т. п.

Все эти факты, вместе взятые, доказывают, что комиции как исторически сложившаяся форма полисной демократии уже изжили себя. Но вместе с тем все приведенные выше факты — только следствие, только внешние симптомы и показатели действия гораздо более глубоко скрытых причин. И дело, конечно, не в том, что римляне, как считают некоторые юристы, не додумались до представительной системы, а в том, что перед нами налицо процесс разложения самой полисной организации, возникший в силу изменения материальной основы римского общества, т. е. изменения характера и формы собственности.



⁴⁹ M o m m s e n, Römische Staatsrecht, II, 1, стр. 326.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

О СМЫСЛОВОМ ЗНАЧЕНИИ Ё И Ё'. GAL В УРАРТСКОМ

Шумерский клинописный знак для идеограммы Ё¹ (ассиро-вавилонский *bītu* || *bētu*²), обозначает «дом», вид жилого помещения или вообще помещения, «комната», «храм», «склад», «объем», «род», «общество» и т. д.

Данная идеограмма употребляется и в урартском. Шум. Ё — асс. BĪTU в урартских эпиграфических памятниках встречаются или с чистой основой, или же с фонетическими добавлениями.

1) С чистой основой: (стк. 2) [i]-ni Ё ba-[du]-ú-[si-e] (стк. 3) [¹Me]-nu-a-še ¹Iš-ru-u ni-[še] (стк. 4) [ši]-di-iš-tu-ni «этот разрушенный дом Менуа, сын Ишпуини, построил»³.

2) С фонетическими добавлениями:

I. XI EP¹-ri-a a-gu-nu-ni gu-nu-šá-[a ḥa-ú-bi] «11 крепостей (?) укрепленных (в) битв[е завоевал я]»⁴.

II. ¹Iš-ru-ú-i-ni-še ¹DINGIR. Sar₅-du-u-ri-e-ḥi-ni-e-še i-ni Ё-e za-a-du-ú-ni «Ишпуини, сын Сардури, этот дом построил»⁵.

III. ¹Me-nu-a-še ¹Iš-ru-ú-i-ni-ḥi-ni-še i-ni Ё-a-ši(?)-ḥu-ú-si-e [[aši ḥu-ú-si-e] «Менуа, сын Ишпуини, этот дом ḥuse (||ašihuse) соорудил»⁶.

Ё в урартском письме употребляется и для обозначения детерминатива разных построек.

¹ A. Deimel, *Sumerisches Lexikon*, I, 3 Aufl., Roma, 1947, 108, № 599; Он же, *Sumerisches Lexikon*, H. 10, Roma, 1930, стр. 564 и 575; F. Thureau Dangin, *Le syllabaire Accadien*, стр. 27, № 152.

² A. Deimel, *Akkadisch-Sumerisches Glossar*, Roma, 1937, стр. 60—61.

³ УКН, № 326, об. ст., стк. 13—14; № 315, стк. 3; № 277a, стк. 2; № 165, стк. 1—4; СICh, № 10, стк. 2 = УКН, № 17, стк. 2; СICh, № 5 b = УКН, № 11 B; № 140, стк. 1; СICh, № 77, стк. 1 = УПМГ, стк. 4 = УКН, № 85, стк. 1; СICh, 74 стк. 1 = УКН, № 82, стк. 1; СICh, № 73, стк. 3—5 = УКН, № 81, стк. 3—5; СICh, № 72, стк. 2—3 = УКН, № 80, стк. 2—3; СICh, № 62, стк. 2 = УКН, № 70, стк. 2—4; СICh, № 70, стк. 1—4 = УКН, № 66, стк. 1—4. О Ё см. также Саусе, № 6 B, стк. 1, № 81, стк. 2 = Никольский, МАК V, № 3, стк. 3; Саусе, № 14, стк. 1; ДАН СССР, В, 1931, стр. 35—36, надп. № 6, стк. 1—3; стр. 33—34, надп. № 4; УПМГ, № 4, стк. 1—3; Саусе, № 67, стк. 1 = МАК, V, № 4, стк. 1; ДАН СССР, В, 1931, стр. 25—28, стк. 1; МАК, V, № 17, стк. 8—9; М. Тс., ННУ, С, стк. 27 и 31; МАК, V, надп. № 12, стк. 1; ЭВ, V (1951), стр. 111 = Кармир-блур, II, стр. 55—56, 61; ЭВ, II (1948), стр. 83—85; Саусе, надп. № 85, стк. 2 = МАК, V, № 19, стк. 2 = Мещанинов, Халдоведение, надп. № 6, стк. 2.

⁴ ЭВ, VII, Хорхор. поход XIII, стб. V, стр. 114, стк. 75.

⁵ СICh, № 6A, стк. 1—3 = УКН, № 13, стк. 1—3; см. также УПМГ, № 3 = УКН, № 4—10; УПМГ, № 1—3.

⁶ СICh, № 76, стк. 1 = УПМГ, № 5, стк. 1 = УКН, № 84, стк. 1; СICh, № 78, стк. 1 = УКН, № 86, стк. 1; СICh, № 75, стк. 1 = УПМГ, № 6, стк. 1 = УКН, № 83, стк. 1.

I. . . .]-ni Égi II LIM VI ME[. . . .]. Г. А. Меликишвили переводит: «винный склад».

II. ¹Ru-sa-a-i ¹Ar-giš-te-ḫi-ni-ni É ú-ri-[iš-ḫu-si-ni URU. DINGIR] Te-iš-e-ba-i-ni, URU «оружейный дом Руса, сына Аргишти, города Тейшебаини»⁸; É ú-ri-[iš-ḫu-si-ni] Б. Б. Пиотровский переводит: «дом щита», «арсенал»⁹. Данное слово встречается и в других формах: а) ¹Ru-sa-a-i-ni-e É ú-ri-iš-ḫu-si «Арсенал (царя) Русы»¹⁰;

б) ¹Ru-sa-a-i-ni-e É ú-ri-iš-ḫu-si-e¹¹; в) ¹DINGIR. Sar₅-du-ri-e É ú-ri-iš-ḫi «Арсенал Сардур»¹².

III. ¹Ru-sa-še ¹E-ri-[me-na-ḫi-ni-še i-ni É 'a-r[i šú-ú-ni] «Руса, сын Эрмена, этот дом 'a-r[i] šú-ú-ni¹³»; 'a-ri Г. А. Меликишвили переводит: «склад для зерна», а акад. II. И. Мещанинов — «дом укрепленный».

IV. ¹Me-nu-a-i É (?) šur-i[š]-ḫi¹⁴ — Г. А. Меликишвили переводит: «конюшня».

V. а) š[ī]-du-li i-in É si-ri-ḫa-ni-ni. . . б) . . .] za-du-ni TAG. š[ī] É si-ri-ḫa-ni¹⁵. É si-ri-ḫa-ni — значение не установлено.

VI. а) (стк. 4) ¹Me-nu-ú-a-i (стк. 5) É [bar-zu]-di-i-bi-i-[du]-ni ti-i-ni; б) (стк. 2) ¹Me-nu-a-še ¹Iš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še (стк. 3) i-ni É bar-zu-di-[i]-bi i-du-ni (стк. 4) za-a-dú-ni; в) (стк. 3) ¹Me-nu-a-i (стк. 4) bar-zu-di-i-bi-i-du-ú-ni ti-i-ni; д) (стк. 1) ¹Me-nu-a-še стк. 2) ¹Iš-pu-ú-i-ni-e-ḫi-ni-e-še i-ni (стк. 3) É bar-zu-di-bi-du-ni za-du-ni; е) (стк. 2) ¹Me-i-nu-ú-a-še (стк. 3) ¹Iš-pu-ú-i-ni-e-ḫi-ni-e-še (стк. 4) É bar-zu-d[i-bi-d]u-ú-ni (стк. 5) i-ni. . .¹⁶; значение É bar-zu-d[i-bi-d]u-ú-ni не установлено.

VII. а) DINGIR. Ḥal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni EN-si-ni-ni i-e-še I. C + L É mu-ri-e ḫa-ú-bi;

б) É mu-ri-li a-li LÚ. AD-še LÚ. AD. AD-še [za]-du-a-li¹⁷; É mu-ri-li Г. А. Меликишвили переводит: «погасенный склад».

VIII. [¹Me-nu-a-še ¹Iš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še É tu-lu-[ú]-ri-[ni] É.GAL ba-du-si-e š[ī]-di-ši-tú-ni¹⁸; значение tu-lu-[ú]-ri-[ni] не установлено.

Идеограмма É определяет также susi¹⁹.

В урартском É-BÍTU переводят как «дом», но точнее было бы переводить «постройка», или же «здание». Данная идеограмма в урартском имеет также и другие значения. Так, в надписи, открытой К. Л. Оганесяном, читаем (стк. 1) DINGIR. Ḥal-di-e ÉN.ŠU i-ni É (стк. 2) ¹DINGIR. Sar₅-du-ú-ri-i-še (стк. 3) ¹Ar-gi-iš-ti-ḫi-ni-še

⁷ УКН, № 311, стк. 2, ср. ВДИ, 1951, № 4, стр. 26; УКН, № 79, стк. 1 — [¹]Me-i-nu-ú-a-še ¹Iš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še i-ni gi-e za-du-ni IX a-qar-qi iš-ti-ni.

⁸ УКН, № 283, стк. 1 = ЭВ, II, стр. 84.

⁹ ЭВ, II, стр. 85; ср. УКН, №№ 177—190, 270—274; 283.

¹⁰ УКН, № 274^d.

¹¹ УКН, № 274a — с; Кармир-блур, II, стр. 56—61 = УКН, 270—274.

¹² Кармир-блур, II, стр. 55—56, 59 = УКН, № 177, стк. 1; № 190, стк. 1.

¹³ УКН, № 288, стк. 1—2 = Мещанинов, Халдоведение, VI, стк. 1—2; УКН, № 164, стк. 3; № 130, стк. 4.

¹⁴ УКН, № 118 а, стк. 2.

¹⁵ УКН, 148, стк. 8 и 9.

¹⁶ а: CICH, № 81, стк. 4—5 = УКН, № 90, стк. 4—5; б: CICH, № 81, стк. 2—4 = УКН, № 90, стк. 2—4; в: CICH, № 80, стк. 3—4 = УКН, № 89, стк. 3—4; д: CICH, № 80, стк. 1—3 = УКН, № 89, стк. 1—3; е: CICH, № 79, стк. 2—5 = УКН, № 88, стк. 2—5.

¹⁷ М. Ts. NH₁, С, стк. 30 и С, стк. 27 (перевод сомнительный), см. УКН, № 155, С, стк. 30—31 и 27—28.

¹⁸ CICH, № 69, стк. 1—2 = УКН, № 78, стк. 1—2.

¹⁹ Об É susi см. М. Исраэлян, Храм susi Арипберда и его надписи, ИАН Арм. ССР, 1957, № 9, стр. 93—104; об arni, arni(u)šinili — Н. В. Арутюнян, Заметки по урартской клинописи, ИАН Арм. ССР, 1956, № 7, стр. 89—94 и ZDMG, 10, 51, 1955, стр. 67 и 69,

(стк. 4) ši-di-iš-tú-ni²⁰. В этой надписи Ê, по нашему мнению, обозначает «храм», в данный контекст переводится: «(для) Халди, владыки, этот храм Сардури, сын Аргишти, построил». Ê связан с именем Халди. Но в Хорхорской летописи сказано: XI Ê^{MESŠ}-gi-a a-gu-nu-ni gu-nu-šá-[a ha-ú-bi] «11 крепостей укрепленных (в) битве (завоевал я)»²¹.

Таким образом, Ê в урартском обозначает «постройка», «дом», «крепость», «храм» и является детерминативом разных построек.

Клинописный знак для Ê лежит в основе идеограмм: Ê.GAL, Ê.BAR || Ê. BAR. ŠÁ.DI; Ê. BAR обозначает «храм», «святилище». В ассирийском соответствует идеограмме Bitu.parakku.ilu. В параллельных текстах, например, в «Топузавской билингве» читается: (урарт.) [ʔa-al]-i-i-a-še di-ru-ni DINGIR^{MESŠ}-ka^I Ur-za-na-še Ê.BAR DINGIR^{MESŠ} (стк. 13) ka-[i]-ú-ki ú-ni; (ассир.) pal-[hiš] (стк. 12) [m]Ur-za-na maḥar ilāni^{PI} ina bēl ilāni^{PI} ina rān-ia ú-ni-[qi]²².

Ê.BAR встречается и с фонетическим добавлением падежное окончание ni) (УКН, № 286, стк. 6).

В «Топузавской билингве» Ê.BAR.ŠÁ.DI употребляется в следующем контексте: (урарт.) (стк. 13) i-ku-ka-a-ni-e U₄.ME DINGIR. Ḥal-di-e (стк. 14) EN. DINGIR-še ba-du-si Ê.BAR ŠÁ.DI KÁ-ši za-du-ú-bi; (ассир.) (стк. 13) ḥinja u₄-me-ia a-na ilu. Ḥal-di-a bēli ēkurra šú-bat ilū-ti-[šu] (стк. 14) [i]-na lib-bi bābi ad-di²³.

Шум. Ê. GAL = асс. ÊKALLU²⁴ идеограмма в урартских текстах встречается как с чистой основой, так и с фонетическим добавлением.

С чистой основой напр.: Ê.GAL ha-ú-bi «(Замок (?)) или же крепость завоевал я»²⁵, а с фонетическим добавлением Ê.GAL-ni za-dú-ú-[bi] «Замок построил я»²⁶.

²⁰ УКН, № 165; ср. № 70 стк. 2; № 66, стк. 2.

²¹ Стб. V, стк. 75—ЭВ, VII, стр. 114 = Saucе, JRAS, XXXVIII, 1906, стр. 627 = UKH, № 127.

²² RAss, XLJV (1950), № 4, стр. 185—192; XLV (1951), № 1, стр. 3—20; № 4, стр. 195—208; ср. И. М. Дьяконов, ВДИ, 1956, № 2, стр. 72.

²³ RAss, XLV: BITU et ŠÁ.DI, sont la traduction exacte du sumérien Ê. KUR (= assyr. ēkurru) «maison de la montagne». Dans BITU.PAR AKKU ŠÁ.DI, BITU est déterminatif, mais le sens de l'expression reste le même («sanctuaire de la montagne»)

²⁴ Об Ê. GAL см. CICH, № 15, лиц. ст., стк. 28, об. ст., стк. 35 = УКН, № 15, лиц. ст., стк. 15, об. ст., стк. 35; CICH, № 20, стк. 3 = УКН, № 29, стк. 3; МАК, V, 2, стк. 7 = CICH, № 22, стк. 7 = УКН, № 31, стк. 7; № 40, лиц. ст., стк. 4; CICH, № 56, стк. 8 = УКН, № 65, стк. 8; CICH, № 70, стк. 5 = УКН, № 66, стк. 5; CICH, № 58, стк. 2 = УКН, № 67, стк. 4; CICH, № 59, стк. 3 = УКН, № 68, стк. 3; CICH, № 60/61, стк. 3 = УКН, № 69, стк. 3; CICH, № 62, стк. 4 = УКН, № 70, стк. 4; CICH, № 63, лиц. ст., стк. 5 и 11, об. ст., 5 = УПМГ, № 8, лиц. ст., стк. 5 = УКН, № 71, лиц. ст., стк. 5 и 11, об. ст., стк. 5; Friedrich, (стр. 47, надп. № 3, стк. 3; Friedrich, Einführung, № 6, стк. 3 = CICH, № 64/65, стк. 3 = УКН, № 72, стк. 3; Saucе, № 17, стк. 5 и 10 = Мещанинов, Халдоведение, № 9, стк. 5 и 10; KS, Friedrich, стр. 46, надп. № 3а, стк. 5 и 10 = CICH, № 66, стк. 5 и 10 = УКН, № 73, стк. 5 и 10 и др.

²⁵ Ê. GAL в единственном числе встречаются: CICH, № 20, стк. 1; № 22, стк. 7; № 56, стк. 8; № 70, стк. 5; № 58, стк. 4; УКН, № 68, стк. 2—4; CICH, № 60—61, стк. 2—4; № 62, стк. 4; № 63, стк. 5—6; № 64/65, стк. 3—4; стк. 5 и 10; № 69, стк. 2 и 3; № 71, стк. 6; J. Friedrich, Die urartäische Inschrift von Kolagran, «Acta Jutlandica», IX, 1937 (далее: Friedrich, UIK), стк. 17; CICH, № 59, стк. 3; УКН, № 127, V, стк. 3; M. Ts., NHI, D, стк. 26; УКН, № 137, стк. 3—4; Кармир-блур, II, стр. 52. УКН, № 156 В, 1, стк. 25; № 158, стк. 15; № 166, стк. 2; № 169, стк. 4—15; № 170, стк. 4; № 265, стк. 4 и 5. Во множественном числе: CICH, № 15, лиц. ст., стк. 28 и 35; № 32 В, лиц. ст., стк. 4; M. Ts., NHI, A, стк. 7; 8; 22; C, 13; E, 15; 23; F, 8; 9; 12; 17; 18; 24/25; УКН, № 128 В1, стк. 6—7; Friedrich, UIK, стк. 15; УКН, № 156, В1, стк. 20, = II, стк. 27; № 158, стк. 16, 26; 27.

²⁶ УКН, № 311, стк. 1 и CICH, № 32 В, лиц. ст., стк. 7.

2. [i]-nu-ki-e É.GAL-a a-bi-li-du-ú-bi-e «к этой крепости присоединил я»²⁷.

3. XI É.[GAL]^{MEŠ}-ri-a a-gu-nu-ni gu-nu-šá-[a ħa-ú-bi] «11 цитаделей укрепленных в бою завоевал я»²⁸.

4. KUR e-ba-a-ni a-ma-aš-tú-bi; É.GAL^{MEŠ}-ši-li²⁹ п É.GAL^{MEŠ}-a-ši-li a-gu-ú-nu-ni-e-li KUR e-ba-ni a-ši e-di-ni su-tu-qu-bi³⁰ «страну сжег я, крепости... укрепленные цитадели оттуда отторгнул я их».

В урартских надписях É.GAL часто связано с именами царей, например, É.GAL [ši]-di-iš-tú-ni ba-du-ú-[si-e te]-ru-ni; ¹Me-nu-a-ħi-ni-li [ti-i]-ni «Менуа, сын Ишпуши, замок разрушенный построил, установил Менуахинили имя (т. е. для Менуп)»³¹. Замок здесь определяется badusi/e. É.GAL условно переводят как «большой дом», «дворец», «укрепление», «крепость», «цитадель», думаем (на основании археологического материала) в большинстве случаев É.GAL постройка аналогична грузинским *цихе-дарбази* (укрепление + дворец, цитадель).

По клинописным текстам не совсем ясно соотношение É.GAL и É.ba-du-si-e.

И. М. Дьяконов термин ba-du-si-e в контексте DINGIR. Ĥal-di-ni-li KA^{MEŠ} É.GAL ba-du-si-e ši-di-iš-tú-bi переводит: «Халдиевы ворота (и) крепость крепко (?) построил (я ее)»³². Акад. И. И. Мещанинов и Г. А. Меликишвили badusi/e переводят — «величественный (?)», «великолепный»³³. Иного мнения об этом слове И. Фридрих, он, например, следующий контекст [d]I M-i-ni É.GAL ba-du-si[e ši-di]-iš-tú-bi переводит: «Die verfallene (?) Wettergottsburg [bau]te ich (wieder) auf»³⁴. Мы придерживаемся мнения И. Фридриха, так как во всех контекстах, где только встречается слово badusi, такой перевод не противоречит смыслу текста в целом³⁵.

Слово badusi,e определяет следующие идеограммы.

I. É: DINGIR. Ĥal-di-e e-ú-ri-e (стк. 2)i-ni É¹Me-i-nu-a-še (3)¹ Iš-pu-ú-i-ni-ħi-ni-še (4) ši-di-iš-tú-ni ba-du-si-e³⁶.

II. É.GAL: (1)¹Me-nu-a-še (2)¹Iš-pu-u-i-ni-ħi-ni-še (3) i-ni É.GAL ši-di-iš-tú-ni (4) ba-du-si-e³⁷.

III. KÁ: DINGIR. Ĥal-di-ni-li [KÁ-li aš-te (?)] ba(?)-du-si-e³⁸.

²⁷ УКН, № 278, стк. 5—6.

²⁸ УКН, № 127, стб. V, стк. 75₁.

²⁹ СICh, № 27, стк. 9.

³⁰ СICh, № 27, стк. 27—28.

³¹ СICh, № 62 = УКН, № 70, прав. стор., стк. 5.

³² И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, ЭВ, IV (1951), стр. 105.

³³ И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, т. II, 1935, стр. 119; Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1954, № 1, стр. 201.

³⁴ Friedrich, UIK, стр. 533, 535, 536 и отмечает «Die Übersetzung „verfallen“ (?) für badusi gebe ich im Anschluss an die herkömmliche Meinung, jedoch vgl. jetzt Götze, Rev. Hittite 3 (fasc. 22), S. 183».

³⁵ Об badusi/e см.: ba-du-si — Кармир-Блур, II, стр. 52; ba-du-si-ni — УКН, № 16, стк. 1; СICh, № 10, стк. 3; [ba]-du-si-i; — СICh, № 67, стк. 5; ba-du-si-e — СICh, № 70, стк. 4; УКН, № 67, стк. 5; ЗВОРАО, XXIV, стр. 129 и 131; СICh, № 59, стк. 4; УКН, № 68, стк. 4; СICh, № 69, стк. 2; СICh, № 11, стк. 7; 23, 39; СICh, № 29, об. ст., стк. 2; УКН, № 165; № 265, стк. 4—5; ba-a-du-ú-si-i-e — СICh, № 56, стк. 9; СICh, № 60—61, стк. 4; УПМГ, № 8, стк. 6; Friedrich, Einführung, № 6 z, 4; УКН, № 137, стк. 3; СICh, № 66, стк. 5; СICh, № 68, стк. 4; ЗВОРАО, XXIV, стр. 113—114; УКН, № 77, стк. 4; № 79, стк. 6—7; УПМГ, № 15—16—17, стк. 8; СICh, № 22, стк. 7; ba-[du]-ú-[si-e], СICh, № 62, стк. 2; стк. 7; УКН, № 166, стк. 2—3.

³⁶ СICh, № 70, стк. 1—4; УКН, № 66, стк. 1—4.

³⁷ СICh, № 58, стк. 2—5; УКН, № 67, стк. 2—5.

³⁸ СICh, № 11, стк. 7; УКН, № 18, стк. 7.

IV. DUB: [DINGIR].Ḥal-di-ni-e ba-du-si-e DU[B] [te-r]u-ú-bi³⁹; перевод «крепко» (?) к IV примеру вовсе не подходит. DUB обозначает «надпись». Перевод «величественный» тоже кажется сомнительным, так как É ba-du-si-e в таких случаях равняется É.GAL., а IV пример, который Г. А. Меликишвили переводит «великолепную (?) надпись, согу Халди я установил» (надпись из Берги на камне), представляет собой надпись на простом, обыкновенном памятнике, отнюдь не являющемся «великолепным».

Тот факт, что badusi/e близок к смыслу «разрушенный (?)», подтверждают следующие контексты: i-nu-ki ba-du-si-ni s[u]-ú-i gi-e-i ši-da-g[u]-ni⁴⁰. 1ḫ-p[u]-ú-i-ni-še^{1D} Sar₆-d[u]-ri-[ḫi-ni-še...ši-di]-iḫ-[tú-ni i-nu-ki ba-du-si-ni ú-i gi-e-i]⁴¹.

Сопоставляя É.GAL и URU, Г. А. Меликишвили отмечает⁴², что URU «город» употребляется в противопоставлении идеограмме É.GAL «дворец», что в таких случаях É.GAL равняется «цитадель» «крепость» (иногда ему сопутствует эпитет agununi manu «укрепленный», ср. ассир. ālāni bīt dūrāni, что URU, по данным эпиграфических памятников, обозначает «мелкий населенный пункт» и что URU, по аналогии ассирійского трафарета сжигают, а É.GAL разрушают. Последний аргумент, однако, нам не кажется убедительным, так как против него свидетельствуют археологические памятники (см. ниже).

URU обозначает всякий населенный пункт, а о соотношении URU и É.GAL, или же ra-ta-ri и É.GAL, дает сведения Гюзакская надпись, где говорится: É.GAL ši-di-iḫ-tú-ni (2) ba-a-du-ú-si-i-e (3) te-ru-ni DINGIR.Ḥal-di-i ra-a-ta-ri ti-i-ni⁴³ «крепость построил он (?), разрушенную (?), установил (3) для нее имя город Халди».

В урартских надписях а) É.GAL часто связан с географическими названиями URU. U-ra-ia-ni É.GAL ši-di-iḫ-tú-ni «Цитадель (города) Ураи построил»⁴⁴.

б) É.GAL различается от URU: 1Me-nu-a-še 1ḫ-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še ši-di-iḫ-tú-ni e-ʾa É.GAL e-ʾa URU «Менуа, сын Ишпуни, построил и крепость и город»⁴⁵.

в) É.GAL упоминается без обозначения местности: É.GAL^{P1}URU^{P1} ŠARĀPU-bi «крепости, города сжег я»⁴⁶, или же: É.GAL^{P1}ŠARĀPU-bi ḫar-[ḫar-šu-ú-bi] «крепости сжег я, раз(групп)л я»⁴⁷: отсюда видно, что урартские надписи не подтверждают ассирійский трафарет.

д) É.GAL отождествляется с URU: É.GAL ši-di-iḫ-tú-ni (2) ba-a-du-ú-si-i-e (3) te-ru-ni DINGIR.Ḥal-di-i ra-a-ta-ri ti-i-ni «крепость построил он (2) разрушенную (?), установил (3) (для нее) имя поселок (город) Халди»⁴⁸.

В урартских эпиграфических памятниках число упоминаний É.GAL столь же обильно, как и URU. Что крепостей на территории Урарту было действительно много, не вызывает сомнения. Местность этого государства весьма благоприятствовала строительству укреплений и цитаделей. Об этом свидетельствуют и данные армянской и грузинской топонимики. На территории Грузии встречаются⁴⁹: а) крепости-замки Сахариа (крепость-дворец), Хэта (крепость-дворец — *цихе-сасахла*). Сканда (крепость-

³⁹ СІСх, № 29, сб. ст., стк. 2—3; УКН, № 99, об. ст., 2—3.

⁴⁰ СІСх, № 10, стк. 3; УКН, № 17, стк. 3.

⁴¹ СІСх, № 9, стк. 1; УКН, № 16, стк. 1.

⁴² Г. А. Меликишвили, Некоторые вопросы истории Манейского царства, ВДИ, 1949, № 1, стр. 69—70.

⁴³ СІСх, № 56, стк. 8—11; УКН, № 65, стк. 8—11.

⁴⁴ М. Ts., NH1, D, стк. 26.

⁴⁵ СІСх, № 69, стк. 3 = УКН, № 78, стк. 3.

⁴⁶ М. Ts., NH1, D, стк. 13.

⁴⁷ УКН, № 127, стб. V, стк. 79.

⁴⁸ СІСх, № 56, стк. 8—11.

⁴⁹ Опираемся на труд известного географа XVIII в. Вахушти Багратиони, Описание царства Грузинского, изд. 1941.

дворец); б) крепости-церкви: Нохпато (*цихэ-эклэсиа*); с) крепости-города: Накалакеви (город-крепость — *цихэ-калаки*), Олтиси (город-крепость), Одзрахе (город-крепость), Самшвилде (город-крепость), Уджарма (город-крепость), Каджта (город-крепость), Каджта-туни (город-крепость), Карагадж (город-крепость), Годжи (город-крепость), Цуна (город-крепость), Хорнабудж (город-крепость) и др.; d) более мелкие города: Опрэти (город-малая крепость), Лори (город-малая крепость), Фанаскерти (поселение-крепость), Цирквали (поселение-крепость); е) малые крепости: Цофа (крепость — малая), Шулаверп (крепость — малая). «Малая крепость» соответствует урартскому *Ē*.

В урартском *Ē.GAL* в значении «крепость» употребляется (как и в грузинском) для определения: крепости-замка (груз. *цихэ-дарбази*), крепости-города (груз. *цихэ-калаки*), причем, как в грузинском, «населенный пункт» различается от «малонаселенного пункта». «Малые крепости» (груз. *цихэ-мцире* «крепость малая») определяются идеограммой *Ē*.

В центре города Тушпа, как предполагают, существовали укрепления разных времен, связанные с именами разных правителей; аналогичные факты наблюдаются и в армянской топонимике, *Ē.GAL*, кроме укрепления, обозначает, как уже говорилось выше, «дворец». *Ē.BAR* храм (ср. груз. *цихэ-эклэсиа* — «крепость-церковь»), а идеограмма *Ē*, после анализа всех урартских эпиграфических памятников, обозначает в разных контекстах еще: «дом, вид жилого помещения, постройка, крепость, храм» *Ē* является детерминативом следующих построк: 1) *Ē gi*; 2) *Ē ú-ri-[iš-ḥu-si-ni]* парал. *ú-ri-iš-ḥu-si*, *ú-ri-iš-ḥu-si-e*, *ú-ri-iš-ḥi*; 3) *Ē²-a-r[i]*; 4) *Ē.šur-i[š]-ḥi*; 5) *Ē si-ri-ḥa-ni-ni* || *si-ri-ḥa-ni*; 6) *Ē [bar-zu]-di-[i]-bi-i-du-ni*, *bar-zu-di-i-bi-i-du-ú-ni*; *bar-zu-di-bi-du-ni*, *bar-zu-d[i-bi-d]u-ú-ni*; 7) *Ē mu-ri-e* || *mu-ri-li*; 8) *Ē.ḥu-lu-[ú]-ri-[ni]*.

Ē лежит в основе идеограмм: *Ē.BAR*, *Ē.BAR.SĀ.DI*, *Ē.GAL*.

Таким образом, *Ē* и *Ē.GAL* в урартском письме полисемантчны, и для определения их значения должно исходить из контекста.

В. А. Гвазария

НЕРАЗРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВАВИЛОНСКОЙ МЕТРОЛОГИИ

ОЧЕРК I

I. *О делении времени и нормах выработки в древней Вавилонии.* До середины VIII в. до н. э. вавилонский месяц содержал всегда 30 дней¹. Хозяйственная отчетность в Вавилонии приурочивалась обычно к месяцу в 30 дней, но в отдельных случаях, когда требовалось дробить отчетность на более короткие сроки, в качестве последних фигурировали декады. Например, в тексте Рифтин, № 126, содержится отчет по расходу кормов по дням с 1-го по 21-е число месяца Гишрита, а в следующем тексте Рифтин, № 127, от 21-го числа того же месяца, приведена смета расходования тех же кормов на следующую декаду.

Текст эпоса о Гильгамеше также подтверждает счет времени по декадам: «Прошло не пять дней, прошло не 10 дней, как Агга осадил Эрех» (FTS, стр. 26).

Вопрос о делении времени имеет определенный метрологический аспект, с которым мы встретимся в нашей дальнейшей работе.

Здесь нас интересует, был ли последний день декады в Вавилонии днем отдыха от производственной деятельности, ибо, хотя неделя-семидневка и существовала в Вавилонии и отмечена в храмовом ритуале дополнительными жертвоприно-

¹ G. S o n t e n a u, *La vie quotidienne à Babylone et en Assyrie*, P., 1950, стр. 233; R. P a r k e r and W. D u b b e r s t e i n, *Babylonian Chronology* 626 B.C.—A. D. 75, Providence Brown, 1956, стр. 1.

шениями в 7, 14, 21 и 28-й дни месяца², но, как указывает Ф. Г. Пинчс (ERE, X, стр. 890—891), нет никаких намеков, что перечисленные дни мыслились как дни отдыха.

Подходя к вопросу о последнем дне декады как о возможном дне отдыха в древней Вавилонии, следует подчеркнуть, что речь идет не об объявленном религией или светской властью общеобязательном дне отдыха, а о фактическом резком ослаблении производственной активности многих членов вавилонского общества под действием чисто экономических факторов.

Начнем с категории временных вольнонаемных рабочих. Их натуральная оплата составляла в старовавилонскую эпоху 8—10 *ка* в день, или 48—60 кг ячменя в декаду, и за вычетом 2 *ка* в день на пропитание во время работы у рабочего оставалось 37—48 кг, что представляло собой предельное количество зерна, которое рабочий мог снести на себе домой или на базар³.

Поэтому оплата вольнонаемных временных работников должна была производиться (и действительно производилась) подекадно, и обычные нормы выработки, применительно к которым устанавливалась ставка оплаты «человеко-дня» (дневной нормы выработки), устанавливались на таком уровне, что исправный работник мог выработать 10 договорных норм за девять дней и использовать десятый день декады для того, чтобы сходить домой или на базар, и в первый же день новой декады опять приступить к работе.

Действительно ли, однако, о б ы ч и ы е нормы выработки в древней Вавилонии перевыполнялись на практике?

Согласно текстам Никольский, II, от эпохи III династии Ура (№№ 289, 292, 293, 297, 298, 307, 308), некий Лагаб сдавал небольшие количества ячменной муки, которые записывались за ним как сдачи за определенные числа месяца. Изюм дня в день количества сильно варьировали, но по последнему из перечисленных выше текстов Лагаб сдавал в счет 10 чисел месяца (с 13-го по 22-е) в среднем по 59,7 *ка* муки за каждое число, а в тексте № 298 к цифре сдачи в 60 *ка* муки за 19-е число месяца сделана приписка: «положенную норму на 19-е число». Очевидно, что нормой помола и сдачи муки за день служило количество в 60 *ка*.

Мы не знаем социального положения Лагаба, но, судя по тому, что он в известных пределах свободно располагал своим временем, он был не рабом, специально поставленным на помол зерна, а, вероятно, мелким арендатором, который «отрабатывал» арендную плату за землю помолом.

В перечисленных текстах, относящихся к разным месяцам, мы находим записи о сдачах муки всего за 31 день, из которых в семь дней норма была перевыполнена, и сдачи составляли от 61 до 85 *ка* в день, а в среднем — 72 *ка* в день, т. е. на 20% выше нормы. Среди тех же 31 дни фигурируют и три «базарных» в указанном выше смысле дня (10-е, 20-е и вторично 20-е числа месяца), за которые Лагаб сдал в среднем всего по 35 *ка* (26, 36, 43).

По другому тексту (Рифтин, № 38) раб был нанят у его владельца на два месяца для ручного помола зерна, причем также по 60 *ка* в день, и для нанесения сверх того по 10 [...] воды в день. Владельцу раба уплачивалось по 11 *ка* ячменя в день, а рабу выдавалось продовольствие в количестве обычного в старовавилонскую эпоху рабского зернового пайка в 2 *ка* ячменя в день и сверх того еще 3 *ка* пива в день. Последние, очевидно, должны были вознаградить раба за добавочную нагрузку сверх «обычной» нормы в 60 *ка* помола в день. 3 *ка* простого пива расценивались в древней

² М. В. Никольский, II, № 372, 373 — от эпохи III династии Ура, и А. F. Clay, «Jale Oriental Series, Babylonian Texts», I, 1915, стр. 75—81 — от персидской эпохи.

³ Когда Руфь ушла от Боазы домой, в город, он «нагрузил на нее 6 *сеа* ячменя» как подарок для ее свекрови (Ruth, III, 15). Мы ниже определяем вес этой ноши в 36,1 кг.

Вавилонии как 3 *ка* ячменя, что видно из одного текста эпохи III династии Ура, согласно которому 1 *ка* простого пива оценивается в 1 *ка* ячменя, а 1 *ка* пива высокого качества — в 1,5 *ка* ячменя⁴.

Соответственно добавочная нагрузка нанятого раба оценивалась в 23% ($\frac{3}{13}$) от основной его нагрузки по помолу 60 *ка* муки в день, а вся нагрузка раба была эквивалентна помолу 74 *ка* ячменной муки в день.

Выходит, таким образом, что весьма важная в экономической жизни древней Вавилонии «обычная» норма помола в день допускала перевыполнение, при котором рабочий мог «заработать» себе оплачиваемый выходной день в декаду для того, чтобы отнестись на себе домой или на базар заработанную натуроплату.

Перед рабами, конечно, «транспортная» проблема не стояла, но, поскольку и рабы, несомненно, должны были выполнять твердые нормы выработки, которые вряд ли были выше, чем для вольнонаемных рабочих, трудно усмотреть, почему бы и рабы не могли «заработать» себе выходной день раз в декаду.

К сожалению, полностью разрешить данный вопрос по материалам хозяйственной отчетности трудно, как ни многочисленны эти материалы. Причина этого в том, что администраторов крупных рабовладельческих хозяйств, как, например, царского хозяйства при III династии Ура, прежде всего интересовало валовое число человеко-дней рабов в распоряжении того или иного надсмотрщика, ибо все работы, в выполнении которых отчитывались надсмотрщики, представляли собой определенные количества норм выработки, равные валовым количествам человеко-дней (10 норм в человеко-декаду, 30 норм в человеко-месяц), а продовольствование рабов и начисление процентов на их капитальную стоимость были тем более связаны с валовым, а не с чистым числом человеко-дней в распоряжении надсмотрщика.

Предоставление выходного дня рабу, выполнившему декадную норму за 9 дней, несомненно, рассматривалось как средство воздействия на поведение раба, но пользование этим средством с должной осторожностью всецело предоставлялось надсмотрщику.

Поэтому нельзя считать достаточно обоснованным утверждение акад. А. И. Тюменева⁵, что рабы в царском хозяйстве III династии Ура работали круглый год без выходных дней, ибо это свое утверждение автор обосновывает только тем, что, согласно тексту ТЕО, № 5675, постоянная рабочая сила отряда Лагульгуды в составе 24 рабов учтена за год (имевший добавочный тринадцатый месяц) как $24 \times 13 \times 30 = 9360$ человеко-дней. Это было именно то валовое число человеко-дней, которое могло интересовать администрацию и которое имело «бухгалтерскую значимость».

Что касается свободных земледельцев и ремесленников, то можно было бы сослаться на Хаттона Вебстера, который, резюмируя итоги изысканий современной этнографии, пишет: «Большая часть случаев соблюдения периодического отдыха от работ у земледельческих народов на низших ступенях культуры связана с институтом рынка» (ERE, X, стр. 885).

Мы не располагаем документальными данными, свидетельствующими, что именно десятый день десятидневки был в древней Вавилонии регулярным «большим» базарным днем. Однако более подходящего дня по числу и регулярности повторений в году нельзя себе представить. Нам кажется, что даже у евреев, по крайней мере до конца персидского периода и начала периода эллинизма днем отдыха на селе был базарный день в конце декады. В самом деле, библейским текстом, в котором еврейская суб-

⁴ В тексте простое пиво в количестве 2 *гур* 225 *ка* включается в итоговую сумму, выражающую в «ячменной валюте» без наценки, как и натуральный ячмень, а высококачественное пиво в количестве 1 *гур* 101 *ка* включается в ячменный итог с наценкой в 50% (*še-pal-bi* 2 *гур* 1 $\frac{1}{2}$ *ка*). Наряду с этим сортом пива в ячменный итог включены с наценкой в 50% и разные сорта пшеницы (L. Legrain, Textes Cuneiformes, Collection L. Cugnin, RAss, X, 1913, № 1—2, стр. 53).

⁵ ВДИ, 1954, № 1, стр. 19 сл.

бота фигурирует как бытовое явление, а не как заповедь Иеговы, является *Amos*, VIII, 4—5 (начало VIII в. до н. э.), где пророк гневно бичует владельцев хлебных лабазов, «пожирателей бедного люда», которые «с нетерпением ждут, чтобы кончилась суббота или день новолуния», чтобы они могли возобновить торговлю и наживаться на лжи и обмане. Из этого текста можно с несомненностью заключить, что в указанные дни базарная торговля в городе не допускалась в административном порядке, либо для того, чтобы хотя бы эти дни «торжественных собраний» в храме не осквернялись обманом, не отделимым от торговли, либо для того, чтобы базар не отвлекал горожан от храмовых собраний. Видеть в этом тексте доказательство того, что уже в VIII в. суббота являлась у евреев «нерабочим» днем, как это делают Велгаузен (в 1878 г.) и Мартин Нот в (1956 г.)⁶, является преувеличением, ибо в торжественном обязательстве соблюдать заповеди Иеговы, которое взяла на себя иерусалимская община в половине V в. до н. э. (*Nehem.*, X, 31), в пункте относительно субботы совершенно обойдено воздержание от работ, а только упомянуто воздержание от покупки у сельских жителей продовольственных продуктов, которые те привезут в город в субботние дни.

Но если базары в субботу у евреев действительно не допускались, то тем больше имеется основания считать, что в качестве базарного дня фигурировал последний день декады, причем только четыре раза в год (30-го числа месяцев II, V, VIII и XI) базар переносился на другой день, чтобы не столкнуться с субботой.

Как известно, Неемия, с одной стороны, считает своей заслугой, что как областеправитель он не совершал поборов в свою пользу хлебом и вином, как это делали его предшественники (*Nehem.*, V, 15), а с другой стороны, указывает, что у него к столу «заготавливались вина всех сортов на всю декаду» (*Nehem.*, V, 18). Это место может быть истолковано в том смысле, что вино закупалось в большой базарный день в конце декады на всю следующую декаду.

II. *О нормах пахоты и нормах высева в старовавилонский период.* Вплоть до ново-вавилонской эпохи земельными мерами в Вавилонии служили: *бур* в 3 *эблу*, *эблу* в 6 *ику*, *ику* в 100 *гар*, или *сар* в *сар* в 144 кв. локтя. Один линейный локоть равнялся 0,495 м по масштабу Гудеа, а 1 кв. локоть равнялся 0,245025 кв. м. Соответственно, *бур* = 6,35 га, *эблу* = 2,117 га, *ику* = 0,353 га, *гар* = 35,3 кв. м. (T-D, I, II, III).

В настоящем разделе мы попытаемся доказать, что основные две земельные меры — *бур* и *эблу* были связаны не только, как принято считать, с определенными нормами высева, но и с определенными нормами пахоты, а именно: *бур* представлял собой норму пахоты однопарной бычьей упряжкой в один след в один календарный месяц, а *эблу* — соответствующую норму выработки в одну декаду или, предполагая, что фактически в декаде было только девять рабочих дней, норма выработки в один рабочий день составляла 0,235 га.

Что обычная норма пахоты в одну декаду составляла 1 *эблу*, или 6 *ику*, подтверждается, по-видимому, текстом Рифтин, № 90, в котором дана следующая характеристика двух переданных в другое хозяйство партий плужных быков (*alap erinni*): первая партия из 16 быков характеризуется выражением 6-та «по шести», а вторая — 7-та «по семи». Эти выражения при качественной характеристике плужных быков не могут служить указаниями на число быков, запрягаемых в одну упряжку, ибо последнее не зависит от качества быков, тем более что упряжек из нечетного числа пахотных быков (семи) на практике вообще не бывает. Очевидно, что данные выражения указывают в первом случае на то, что быки были заурядные, способные вспахать 6 *ику* (= 1 *эблу*) в декаду, при обычной работе в однопарной упряжке, а во втором случае быки были отборные, способные на вспашку 7 *ику* в одну декаду. Ниже мы приведем другой текст, более адекватно подтверждающий ту же концепцию. Но раньше разберемся в вопросе о нормах высева в древней Вавилонии.

⁶ M. Noth, *Geschichte Israels*, 3 Aufl., B., 1956, стр. 297.

В тексте TUT, № 5, столбец IX, дается структура посевной площади некоего комплекса хозяйств в древней Вавилонии и вместе с тем указываются основные высевные нормы в «гурах» на 1 *бур*.

Текст касается огромной площади в 3675 *бур* (23 221 га), из которых 98,58% приходилось под ячменем и только 1,2% — под эммером и 0,13% — под пшеницей. Это означает, что на огромном земельном массиве, охватываемом текстом, практиковалась монокультура ячменя. О монокультуре ячменя в древней Вавилонии свидетельствуют и выдачи зерна с царских складов при III династии Ура, согласно серии текстов Никольский, II (№№ 274; 266; 308; 257; 256; 261), из которых видно, что было выдано, по семи текстам: ячменя — 1408 *гур*, эммера — 52 *гур*, пшеницы — 2,4 *гур*, т. е. на долю ячменя падало 96% всех выданных зерн. С другой стороны, из всей площади под ячменем по тексту TUT, № 5, столбец IX, 1915 *бур*, или 53,1%, отмечены припиской слов «1,5 *гур*», 1135 *бур*, или 31,5%, — припиской слов «1,8 *гур*» и 555 *бур*, или 15,4%, — припиской слов «1,2 *гур*». Даймель⁷ считает эти приписки за указания на нормы высева на 1 *бур* на соответствующих трех земельных массивах. В таком случае самой распространенной нормой высева в искусственно орошенной зоне древней Вавилонии была норма в 1½ *гур* на 1 *бур*. Поскольку в 1908—1909 гг., когда Даймель опубликовал свою работу, объем вавилонского *гур* определялся ассириологами только в 121,2 л, названная норма высева переводилась в современные меры как 28,7 л/га, что примерно в семь раз меньше, чем применяется в настоящее время в Западной Европе. Мизерность нормы высева в 1,5 *гур* на 1 *бур* зависела частично от неправильности перевода старовавилонского *гур* в 121,2 л, ибо, как мы увидим ниже, этот *гур* равнялся в действительности 291 л. Соответственно, норма высева должна была быть исчислена не как 28,7 л/га⁸, а как 68,7 л/га.

Но и последняя норма высева все еще очень низка, учитывая, что в аналогичных почвенных условиях Ферганской долины в начале нынешнего века высевалось 170 л/га⁹. В самой Вавилонии, начиная с нововавилонской эпохи, норма высева составляла 137 л/га.

Чтобы объяснить, почему в старовавилонский период норма высева на искусственно орошаемых землях составляла только 68,7 л/га, необходимо учесть, что там действовало уникальное в своем роде сочетание условий, а именно: а) монокультура ячменя, б) применение сезонного (не-годового) парования полей, в) почти полное бездождье, парившее в период года с мая по октябрь-ноябрь¹⁰. При этом комплексе условий падалица, оставшаяся на поле от предыдущего урожая, лежала непроросшей до поздней осени, т. е. до вторичного подъема уровня воды в Тигре и Евфрате, и удваивала собой норму высева под следующий урожай ячменя до 137,4 л/га.

При этом следует полагать, что в целях сохранения через лето падалицы и в целях максимальной аэрации почвы, оставляемой под сезонным паром, первая перепашка стерни производилась немедленно вслед за уборкой, что, по-видимому, подтверждается описанием уборки урожая в «Наставлении хлебороба своему сыну», в переда-

⁷ A. D e i m e l, ZA, XXIII (1909), № 1—3, стр. 107—144.

⁸ Для характеристики сумятицы, которая еще царит в настоящее время в изучаемой области, достаточно указать, что еще в 1956 г. в специальной работе о Шумере указано, что норма высева там составляла 28,7 л/га (H. S c h m ö k e l, Das Land Sumer, 2-е изд., 1956, стр. 92).

⁹ А. И. Шахназаров, Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908, стр. 118; «Бюджеты 45 крестьянских хозяйств в Ферганской обл. по обследованию 1915 г.», Изд. Туркестанского экономсовета, М., 1924.

¹⁰ К дополнительным факторам монокультуры ячменя в Вавилонии следует отнести: высокую устойчивость ячменя против вредного влияния засоления почвы, оставление весенним паводком на полях большого количества плодоносного ила и хорошую аэрацию почвы благодаря глубоким трещинам, образующимся в последней под жугом вавилонским солнцем.

че содержания этого текста Н. Крамером (FTS, стр. 61), который пишет: «Когда приходит время уборки, хлебороб должен сжинать ячмень в день его силы. Над стоящим на корню урожаем работали три человека: жнец, вязальщик снопов и третий, роль которого не ясна». Эта роль, очевидно, заключалась в уборке снопов с поля, с тем чтобы они не мешали при пожнивной вспашке стерни, которая шла по следам уборки урожая¹¹.

Согласно тексту TUT, № 5, стб. IX, следует считать, что из ряда применявшихся на практике норм высева в основу земельных мер клалась только одна, самая распространенная в стране норма высева, а именно: в старовавилонский период 1,5 гур на 1 бур и, соответственно, 0,5 гур на 1 аблу и 25 ка на 1 ику, или, в переводе на современные меры, во всех случаях — 68,7 л/га.

Возвращаясь к нормам пахоты в древней Вавилонии, остановимся на тексте TUT, № 17, стб. № 1; здесь идет речь о земельном массиве, для обработки которого было затрачено 2370 человеко-дней работы рабов. Так как всего было обработано $197\frac{1}{2} \times 200$ сар, то на каждые 200 сар было затрачено по 12 человеко-дней ($2370 : 197,5 = 12$), что эквивалентно затрате 108 человеко-дней на 1 бур, равный 1800 сар.

Даймелль, разбирая этот текст, считал, что обработка заключалась в мотыжении почвы при норме выработки в $16\frac{2}{3}$ сар за один человеко-день ($200 : 12$), и сам характеризует эту норму как «весьма трудную». Однако по данным, приводимым акад. А. И. Тюменевым (ГХДШ, стр. 303), обычные нормы мотыжения в царском хозяйстве при III династии Ура составляли для гурушей 4—8 сар в день. По современным литературным данным, норма выработки при несколько более трудной, чем мотыжение, операции перекапывания почвы составляет 160 кв. м за 8 часов, или, в переводе на сар и на 10-часовой рабочий день, $5\frac{2}{3}$ сар (LF, стр. 13). Можно поэтому считать, что средняя норма мотыжения в один рабочий день составляла примерно $6\frac{2}{3}$ сар. Тем самым не может быть и речи о том, что в цитированном тексте имеется в виду обработка поля мотыжением.

С другой стороны, норма расходования труда рабочих в количестве 108 человеко-дней на 1 бур адекватно подходит к обработке поля пахотой в два следа при помощи однопарной бычьей упряжки, обслуживаемой двумя работниками (пахарем и погонщиком быков), считая норму пахоты такой упряжки в 1 бур в один след за 27 рабочих дней, или один календарный месяц ($27 \times 2 \times 2 = 108$ человеко-дней).

III. Эволюция мер емкости в древнейшие эпохи истории Вавилонии. Меры емкости, земельные меры и деление времени на декады и пятidineвки («Fingerwoche» по С. Опенгейму¹²), по-видимому, уже существовали в Вавилонии в период, непосредственно предшествовавший так называемой досаргоновской эпохе. В этот период уже изготовлялись сосуды для хранения жидкостей и зерна, существовало мотыжное земледелие, но в связи с отсутствием развитой системы искусственных каналов (оросятельных и дренажных) численность населения Шумера еще была очень незначительна, а основными его промыслами были рыбная ловля, отгонное животноводство и охота. При этих условиях представляется вполне вероятным, что именно в эту эпоху применялась система мер емкости по вазе Энтемены (энси Лагаша примерно в половине IV тыс. до н. э.), а в следующее раннедосаргоновское время эта система мер уже перестала применяться в быту и продолжала существовать только как архаическая система в культовом ритуале.

¹¹ Так как поля были разделены земляными валами на секции, которые затоплялись с известною последовательностью, то созревание урожая и сроки его уборки растягивались на целый месяц, но необходимость предельно спешить с первой перепашкой стерни не позволяла крупным хозяйствам обходиться в месяц уборки только постоянной рабочей силой и вынуждала их привлекать дополнительную рабочую силу со стороны.

¹² S. Oppenheim, Das astronomische Weltbild im Wandel der Zeit, Lpz. 1912, стр. 11.

Система мер по вазе Энтемены слагалась из следующих единиц: *ка* объемом 0,404 л¹³ (= $\frac{1}{4}$ кг ячменя), представлявшее зерновой рацион взрослого человека на один день; *нигин* объемом в 4,04 л — зерновой рацион на одну декаду; *дуг* объемом в 12,12 л — зерновой рацион на один месяц; двойной *дуг* — объемом в 24,24 л — норма высева на площади одного *ику* (= 0,353 га), причем в то время *ику*, вероятно, было высшей земельной мерой, представлявшей собой норму мотыжения одного работника за 15 дней ($6\frac{2}{3}$ сар \times 15). В современных мерах норма высева двойной *дуг* на 1 *ику* составляет 68,7 л/га.

Обращаясь к досаргоновской эпохе, а именно к начальному ее периоду, следует предположить, что в результате интенсивного развития оросительной и дренажной сети и начала применения пахоты при помощи животной тяги произошла революция в питании населения Шумера, вследствие чего зерновые рационы удвоились, а крупная земельная мера поднялась с 1 до 3 *ику*, т. е. до нормы пахоты при помощи «легкой» сохи в один месяц или 27 рабочих дней. Упряжка состояла из одного быка или двух ослов, соха удерживалась пахарем в борозде одной рукой, а другой рукой он же погонял тягло¹⁴.

Вся система мер этой эпохи складывалась из следующих единиц: *ка* в 0,808 л; *нигин* в 8,08 л, *дуг* в 24,24 л; тройной *дуг* в 72,72 л (= норме высева 68,7 л/га на площади в 0,5 *эблу* или 3 *ику*).

Эта система в более поздний период досаргоновской эпохи также вышла из употребления, но мы с ней еще встретимся вплоть до селевкидской эпохи в архаических мерах храмовых культов.

В более поздний период досаргоновской эпохи в связи с развитием крупного рабовладельческого хозяйства стала развиваться пахота при помощи «тяжелой» сохи с упряжкой из двух быков. Эта соха имела две «ручки», и пахарь двумя руками удерживал соху в борозде, а быков погонял второй работник. Норма пахоты удвоилась и составила 18 *ику* в месяц и 6 *ику* в декаду. Площадь в 6 *ику* стала новой земельной мерой, названной *эблу*, а объем семян, высеваемых на 1 *эблу*, стал новой высшей единицей объемных мер, получившей название *гур-саг-гал*. Низшей же единицей системы стал дневной зерновой рацион в 1,01 л. Таким образом, в 1 *гур-саг-гал* содержалось 144 *ка* \times 1,01 л = 145,4 л. Между *гур-саг-гал* и *ка* располагались промежуточные

¹³ В вазе Энтемены широкая часть незаметно переходит в горловину, и поэтому полезный объем вазы определяется метрологами в 4,04—4,17 л. Мы считаем правильным объем *нигин* в 4,04 л и *ка* в 0,404 л, поскольку при таком объеме на 1 *ка* ячменя приходится вес в 30 сиклей по 8,37 г. По древнейшим дошедшим до нас эталонам гирь на один сикль не приходится веса больше 8,37 г. Таковы эталоны, надписанные именем Шульги (2 минны, 7,5 мин) и Гимиль-Сина (5 мин), дающие вес сикля в 8,33 г, 8,20 г и 8,37 г, а также два эталона от середины III тыс. из Теллоха в 10 и 5 сиклей, дающие вес одного сикля в 8,25 и 8,37 г (А. С е г р е, МСМА, № 2, 3, 4, 19, 20, стр. 177—178). *Энси* Лагаша Энтемена, вероятно, пользовался своим серебряным *нигин*'ом, надписанным его именем, для ритуального «пития молока богини» Нингирсу. В этой связи можно указать на сцену доения жрецами «священных» коров, символизировавших само божество, молоком которого кормился царь (L. W o l l e y, Excavations at Ur, L., 1957, стр. 95).

¹⁴ Тяговая сила животных составляет 13—14% от их живого веса. (В. П. Г о р я ч к и н, Работа живых двигателей, 1914, стр. 16—28). Порода быков, применявшихся на пахоте в древней Вавилонии, была, весьма вероятно, идентична с нашей киргизско-казахской породой, у которой живой вес быка-четырёхлетки принимался четверть века назад в 342 кг («Энциклопедия сельского хозяйства», т. III, 1934, стр. 54). Порода ослов в древней Вавилонии следует, вероятнее всего, идентифицировать с мелкой нубийской породой, которая у нас на Кавказе имеет средний живой вес в 110 кг, или 220 кг для пары ослов. Так как скорость передвижения быка 0,7 м/сек, а осла 1,1 м/сек, то один бык и два осла могли дать в древней Вавилонии одинаковую выработку в единицу времени.

объемные меры, перестроенные по сравнению с предыдущим периодом по принципу наиболее равномерного размещения: *гур-саг-гал* (145,44 л) = 4 *ул* (36,36 л) × 6 *маш* (6,06 л) × 6 *ка* (1,01 л)¹⁵.

В следующую, старовавилонскую эпоху имел место расцвет в Вавилонии городской культуры и внутренней и внешней торговли, а также огромный рост государственного аппарата, в результате чего крупная мера емкости снова удвоилась, и вместо *гур-саг-гал* в 145,44 л (144 *ка* по 1,01 л) стал применяться *гур-лу-гал* в 291 л (300 *ка* по 0,97 л).

Промежуточные меры были перестроены на базе целевого их применения, и вся система стала: *гур-лу-гал* = 5 *ни* × 6 *суту* × 10 *ка* = 300 *ка* × 0,97 л. *Ни* представляло собой месячный зерновой паек раба в старовавилонскую эпоху, а *суту* — декадный паек рабыни и дневную оплату временного вольнонаемного работника.

Кроме того, как мы увидим дальше, 1 *гур-лу-гал* составлял три ослиных вьюка ячменя, 4 *ни* от него составляли три ослиных вьюка пшеницы или эмера, а 20 *суту* равнялись трем ослиным вьюкам сезамового масла.

Тара (плетеная), которую заказывали для своего употребления царские склады в эпоху III династии Ура (Никольский, II, №№ 214; 217; 220; 226; 227), состояла из емкостей в 1 *ни* и в 0,5 *ни* (= 3 *суту*), а также (на вес) в 12 *мин* (= 1 *суту*). Встречаются и заказы на плетенки на вес в 24 сикля (= 1/3 *ка*). Вероятно, что мелкие выдачи продуктов производились весом, а это было возможно при простых отношениях между мерами емкостей и мерами веса.

Остановимся подробнее на этом вопросе.

По экспертным оценкам в восьми районах Армянской ССР в 1928 г., средний вес ослиного вьюка определялся в 62 кг. Это наводит нас на предположение, что стандартным весом ослиного вьюка в караванной торговле Месопотамии был вес в 2 таланта, но одному с каждого бока животного.

Таланты («дарики»), найденные при раскопках в Месопотамии, Фл. Питри разбил на три группы по среднему их весу, а именно: Д I = 29,5 кг; Д II = 30,12 кг, и Д III = 30,6 кг¹⁶. Мы, очевидно, сделаем наименьшую ошибку, исходя в дальнейшем из веса таланта в 30,12 кг (Д II).

Объем ослиного вьюка, конечно, зависит от удельного веса перевозимого груза. В древней Вавилонии, где господствовала монокультура ячменя, в основе мер емкости лежал объем ослиного вьюка ячменя.

Ячмень, собственно, лежал и в основе вавилонских мер веса, как можно судить по тому, что слово *ше* обозначало одновременно ячменное зерно и мельчайшую единицу в системе вавилонских мер веса. Принимая меру *ше* за вес одного зерна ячменя, получаем, что в одном ослином вьюке ячменя содержалось 1 296 000 зерен ячменя (1 *ше* × 180 = 1 сикль; 60 сиклей = 1 мине, 60 мин = 1 таланту, 2 таланта = 1 ослиному вьюку). Соответственно, в 1 кг ячменя должно содержаться 21 966 зерен, если исходить из Д I = 29,5 кг, и 21 176 зерен, если исходить из Д III = 30,6 кг. По современному германскому стандарту на пивоваренный ячмень в 1 кг его должно содержаться 22 200 зерен¹⁷. В среднем по всем сортам ячменя на 1 кг в Германии при-

¹⁵ *Гур-саг-гал*, или «гур в 4 *ул*» уже применялся при Урукагине. Например, пастихи получали месячное вознаграждение за 23 овцы по $\frac{5}{24}$ и за одного козленка $\frac{3}{24}$, а всего 4 $\frac{22}{24}$, очевидно, *гур*'а в 4 *ул* × 6 *маш* (M. L a m b e r t, Documents pour le § 3 des réformes d'Ouroukagina, RAss, 1957, № 3, стр. 143—144). Возможно, что увеличение зернового дневного пайка с 0,808 до 1,01 л было произведено в связи с реформами этого правителя. Незадолго до Урукагины упоминается одновременно с *гур-саг-гал* «гур в 2 *ул*», объемом, очевидно, в 72,72 л, т. е. в «тройной дуг» (W. A l l o t t e de la F u y c, Mésures des capacités dans les textes archaïques de Telloh, JA, sér. X, т. XII, 1909, март-апрель, стр. 234—247).

¹⁶ W. M. F e. P e t r i e, Ancient Weights and Measures, L., 1926; «Mémoires de la mission archeologique de Perse», т. XXV, P., 1934, стр. 134.

¹⁷ O. P e i n i s h, Das landwirtschaftliche Saatgut, 2-е изд., 1955, стр. 173 и 176.

ходится 22 500 зерен¹⁸. Мы видим, что порядок цифр в наше время очень близко подходит к древневавилонскому, хотя их разделяют около 6000 лет. Даже вавилонские меры длины, которые, судя по их названиям, первоначально базировались на размерах локтя, ладони и перста, также увязаны простыми отношениями с объемными мерами на базе ячменя. Например, 6 перстов (= 1 ладонь) представляли собой в старовавилонскую эпоху ребро куба, вмещающего 1 ка ячменя.

В дальнейших наших расчетах мы примем удельный вес ячменя, согласно американскому стандарту, в 0,62¹⁹. Соответственно, 1 ослиный вьюк ячменя весом в 60,24 кг должен иметь объем в 97 л (60,24 : 0,62).

Из известных нам древних крупных мер емкости одному ослиному вьюку ячменя, несомненно, равнялся ассирийский *имер*, получивший свое название от наименования породы ослов. Так, мы читаем в тексте из переписки Мари: «Пусть ослы imêrût заберут 300 *имер* (imêrût) ячменя» (ARM, II, № 52). С другой стороны, *имер* делился на 100 старовавилонских *ка* (*сила*). Следовательно, объем старовавилонского *ка* равнялся 0,972 л.

Этот вывод очень важен потому, что он подтверждает математический текст из коллекции Пэйльского университета (JBC, № 4669), опубликованный в 1937 г. Нейгебауэром²⁰. В этом тексте дано геометрическое определение объема *ка* старовавилонской эпохи (10 *акалу*) в следующих словах: «ширина (*пиркум*) — 6 перстов, «высота» — 6 перстов, причем, по толкованию Нейгебауэра, с которым согласился и Тьюр-Данжен (T-D, III, стр. 86), *пиркум* означал лишню, соединяющую середины противоположных сторон четырехугольного основания призмы. Поэтому, принимая длину 6 перстов по масштабу Гудеа в 9,9 см (6 × 1,65), объем *ка* старовавилонской эпохи определен Тьюр-Данженом в 1937 г. в 9,9³ = 0,97 л.

Поскольку ассирийский *имер* в 100 старовавилонских *ка* равнялся одному ослиному вьюку ячменя, то ровно втрое больший, чем он, старовавилонский *гур-лу-гал* равнялся трем ослиным вьюкам ячменя, а *гур-саг-гал* позднесаргонской эпохи равнялся полутора ослиным вьюкам ячменя.

Если бы в основе *гур-лу-гал* объемом в 291 л (= 300 × 0,97 л) лежал объем воды, а не ячменя, то 60 *гур*, составлявшие в Вавилонии обычный урожай ячменя на 1 бур орошаемой земли (согласно § 58 и 255 Кодекса Хаммурапи), составляли бы не 17 ц/га, а 27,4 ц/га или на 3,4 ц/га больше, чем составлял в довоенной Германии средний урожай ячменя с 1 га самой плодородной почвенной разницы (№ 80 — наивысший номер при бонитировке почв!) в условиях обильного органического и минерального удобрения севооборота²¹.

Исходя из веса ослиного вьюка в 60,24 кг, отношения между вавилонскими системами мер емкости и мер веса вплоть до нововавилонской эпохи были:

А. Система мер периода, непосредственно предшествовавшего досаргонской эпохе: *ка* (0,404 л) = 30 сиклей, *нигин* (4,04 л) = 5 мин, *дуг* (12,12 л) = 15 мин, двойной *дуг* (24,24 л) = 0,5 таланта = 1/4 ослиного вьюка ячменя = 1,5 куб. локтя Гудеа.

¹⁸ G. K l a u d e r, Landwirtschaftliche Faustzahlen, 4-е изд., 1957, стр. 99.

¹⁹ «U. S. Dpt. of Commerce, Bureau of Standards, Circ. № 10, Legal Wights of the Bushel», 1924. По этому же источнику удельный вес пшеницы обыкновенной 0,775; эмера неочищенного 0,516 (очищенного — 0,775, исходя из цитируемого Грозным «Illustriertes Landwirtschaftslexikon»³, В., 1900, стр. 241, по которому при очистке выходит одинаковые объемы зерна и «остатков». Удельный вес остатков приравниваем к удельному весу отрубей в 0,258). Удельный вес растительного масла 0,91—0,93 («Webster's New International Dictionary» 1948, стр. 1693).

²⁰ O. N e u g e b a u e r, Mathematische Keilschrifttexte, III, В., 1937, стр. 26; F. T h u r e a u - D a n g i n, La mesure de qa, RAss, 1937, № 2, стр. 86.

²¹ H. A. B o t h, Untersuchungen über die Beziehungen zwischen den von der Bodenschätzung erfassten natürlichen Ertragsbedingungen und den Ernteerträgen des Ackerlandes, D. Akad. d. land.-wirt. Wiss. Abh., № 19 (В., 1956).

Б. Система мер раннедосаргоновской эпохи: *ка* (0,808 л) = 60 сиклей, *нигин* (8,08 л) = 10 мин, *дуг* (24,24 л) = 30 мин, тройной *дуг* (72,72 л) = 1,5 таланта = $\frac{3}{4}$ ослиного вьюка ячменя = $\frac{3}{5}$ куб. локтя Гудеа.

В. Система мер позднедосаргоновской эпохи: *ка* (1,01 л) = 75 сиклей, *маш* (6,06 л) = 7,5 мин, *ул* (36,36 л) = 45 мин, *гур-саг-гал* (145,44 л) = 3 таланта = 1,5 ослиных вьюков ячменя = $\frac{6}{5}$ куб. локтя Гудеа.

Г. Система мер старовавилонской эпохи: *ка* (0,97 л) = 72 сикли, *суту* (9,7 л) = 12 мин, *ни* (58,42 л) = 72 мины, *гур-лу-гал* (291 л) = 6 талантов = 3,0 ослиных вьюка ячменя = $\frac{4}{5}$ куб. локтя Гудеа.

IV. Роль мотыжной обработки почвы в старовавилонскую эпоху. Акад. А. И. Тюменев подчеркивает большую роль мотыжной обработки почвы в царском хозяйстве при III династии Ура. Он пишет: «В период посевных работ гуруши заняты были вскапыванием и рыхлением почвы с помощью мотыг на полях, причем обычную норму составляла обработка 4—8 саров...». Особенно широко использовался наемный труд во время посевных работ по рыхлению и мотыжению вспаханной почвы (ГДХШ, стр. 302—303 и 306). Автор даже утверждает, что «во всех первичных и отчетных документах при расчете использованной во время пахоты рабочей силы учитывался труд трех участвовавших в этой работе человек» (там же, стр. 302); это можно понять в том смысле, что соха применялась только во время операции рядового посева «под соху», а не для обычной пахоты.

Постановку вопроса о роли мотыжного земледелия в эпоху III династии Ура следует считать очень важной для познания организации сельскохозяйственного производства в древней Вавилонии. В этой связи мы вернемся к частично затронутому нами выше (стр. 6) тексту ТЕО, № 5675, и разберем приведенное акад. В. В. Струве в 1949 г. распределение работы отряда Лагульгуда по выполненным этим отрядом операциям²². Этот отряд, в котором, по Тюменеву (ВДП, 1954, № 1, стр. 19), работало 24 человека в течение 13 месяцев (или одного года, имевшего вставной месяц), затратил валовых человеко-дней: на «пахоту, бороньбу и посев» — 3232; «на уборку жатвы» 1309; «на длительные работы, выполняемые теми же пахарями» — 1365; на «другие работы» — 3454 а всего 9360. Число человеко-дней, выработанных сезонной рабочей силой, составляло в дополнение к этому: по Струве — 2606 «наемных людей и поставленных со стороны», а по Тюменеву — 2605 $\frac{5}{6}$ «временно полученных от других бригад» и «наемной рабочей силы» — 630.

Начнем наш анализ с 1309 человеко-дней, затраченных на «уборку жатвы», и разделим 1309 на 720 (24 постоянных члена бригады × 30 дней). Получится общая длительность уборки в 1,8 месяца, откуда вероятно, что уборка производилась в два срока в результате того, что часть площади орошалась от весеннего паводка, а другая — от осеннего подъема уровня воды в реках.

Что касается норм выработки при уборке, то мы прежде всего имеем свидетельство текста, изданного Легреном (ук. соч., стр. 47): «жатва 6 бур (6 hur-gan šekin) потребовала 124 дня работы жнеца (kal-bi 124)», т. е. 20 $\frac{2}{3}$ человеко-дня на 1 бур.

Если эту норму перевести на жнеца и его напарника, вязальщика снопов, то в расчете на 1 га в Вавилонии потребовалось бы 6,5 человеко-дней (41 $\frac{1}{3}$: 6,35) против 50 человеко-часов (= 5 человеко-дней, которые в тридцатых годах прошлого века расходовались в зоне Великих равнин США на 1 га при уборке пшеницы серпами с участием жнеца и вязальщика снопов²³). С другой стороны, в отряде Лагульгуда при участии еще и относчика снопов (см. выше, стр. 105), расход труда на 1 бур составлял 20 $\frac{2}{3}$ × 3 = 62 человеко-дня, а следовательно, при общей затрате 1309 человеко-дней площадь уборки может быть рассчитана в 21 бур, или почти 1 бур на каждого

²² Акад. В. В. Струве, Новые данные об организации труда общества Сумера, СВ, VI, 1949, стр. 177.

²³ «U. S. Dpt. of Agriculture, Misc. Publ.», № 157, 1933; В. Ф. Касторский, Основные вопросы экономики машиноиспользования в сельском хозяйстве, 1939, стр. 150.

постоянного работника отряда. Но, как мы увидим ниже, следует предположить, что сверх 21 бур, которые убирались ежегодно, 3 бур оставались под годичным паром, так что 24 постоянным работникам отряда соответствовали 24 бур отведенной отряд пахотной площади.

Обратимся теперь к затрате 3232 человеко-дней на «пахоту, боронование и посев». На вспашку 18 бур в два следа требовалось 2160 человеко-дней (18 бур × 2 следа × 30 дней × 2 работника). На рядовой посев «под соху» на 21 бур (18 бур, оставляемых под сезонным паром, и 3 бур, вышедших из-под годичного парования) требовалось 700 человеко-дней. В последнем случае расчет следующий: согласно тексту «Наставление хлеборобу своему сыну» (FIS, стр. 61), рядовой посев производился в два следа, вдоль и по диагонали, с проведением восьми борозд на каждые 12 локтей (=5,94 м) ширины загонки и при обслуживании агрегата тремя работниками: пахарем, погонщиком быков и сеятелем, опускавшим семена на дно борозды (через монтированную на сохе позади сошников воронку с насаженной трубкой). При обычной пахоте простой русской сохой²⁴ восемь борозд проводились на ширине загонки в 2,2 м. Если так же проводилась простая пахота и в Вавилонии, то при рядовом посеве «под соху» общая густота борозд составляла 37% по сравнению с простой вспашкой почвы. Что касается затраты тяговой силы на каждую проведенную борозду, то она могла составить 50% той же затраты при первой в году вспашке почвы, за которой рядовой посев следовал третьей или четвертой операцией²⁵.

С учетом всех изложенных обстоятельств формула расчета затраты человеко-дней на рядовой посев будет: $0,50 \times 0,37 \times 3 \text{ работника} \times 21 \text{ бур-месяцев} \times 2 \text{ следа} = 700 \text{ человеко-дней}$.

По вычете из 3232 человеко-дней 2860 человеко-дней (2160 + 700) остается 374 человеко-дня на двукратное боронование полей одним работником при помощи однопарной упряжки, считая сопротивление почвы в 40% по сравнению с первой в году вспашкой.

Обратимся теперь к затрате 1365 человеко-дней на «длительные работы, выполняемые теми же пахарями». Деля 1365 на 21 бур, получаем 65 человеко-дней на 1 бур, или 10,2 человеко-дня на 1 га. Эта статья, вероятно, имеет в виду все работы на току. Об этом мы судим по следующему совпадению. В уже цитированном исследовании департамента земледелия США затрата труда на обработку на току урожая с 1 га пшеницы при размере урожая в 17,62 гектолитра составляла в тридцатых годах минувшего века в условиях примитивной техники (обмолот цепами, кладка соломы вилами, веяние и уборка зерна лопатами) 58,2 человеко-часа, что можно считать за 5,8 человеко-дня.

Если учесть, что в древней Вавилонии урожай ячменя был на 56,2% больше, чем 17,62 гектолитра с 1 га, а именно 27,5 гектолитра, то затрата труда на току могла составить 9,1 человеко-дня на 1 га, что достаточно близко подходит к действительной затрате в Вавилонии в 10,2 человеко-дня на 1 га.

Что касается затраты постоянной рабочей силы бригады в количестве 3452 человеко-дней на «другие работы», то под последними следует, очевидно, разуметь разные работы, не относящиеся к зерноводству и проводимые в течение периода от 15 июля по 15 октября, когда летний зной достигал своего апогея и почва настолько высыхала, что не поддавалась обработке без орошения, и к тому же не было необходимости в борьбе с сорняками, поскольку вся вегетация в это время затихала. Работами этого периода могли быть: ремонт и очистка оросительной сети, уборка плодов и овощей, заготовки камыша по высохшим болотам, строительные работы, помол зерна и т. п.

²⁴ «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства», изд. А. Девриена, 1903 г., статья В. П. Горячкина «Соха».

²⁵ «Главный хлопковый комитет, БКХ за 1927—1928 гг.», вып. 4, таблицы на стр. 316—317, группа середняцких хозяйств, число коне-дней, затраченных на последовательные вспашки омачем 1 га под хлопок: 1-я — 5,16 (100%), 2-я — 5,19 (100%), 3-я — 3,16 (60%), 4-я — 2,25 (50%), 5-я — 2,19 (40%).

За указанные три месяца и за вставной тринадцатый месяц в году отряд выработать $24 \times 30 \times 4 = 2880$ человеко-дней. Недостающие 632 человеко-дня при- ходились, очевидно, на другое время года (см. ниже).

Остается расшифровать затрату 2606 человеко-дней временной рабочей силы, назначение которой вовсе не указано в тексте.

Как мы уже сказали выше, есть серьезное основание полагать, что эта рабочая сила была использована на обработку дополнительно к 21 бур уборочной площади еще 3 бур под годичным паром, причем обработка состояла в трехкратном мотыжении почвы в период весеннего паводка, при средней норме выработки по формуле

$$\frac{1800 \text{ сар} \times 3}{2606 \text{ человеко-дней}} = 6,2 \text{ сар за 1 человеко-день.}$$

Дело в том, что в эпоху III династии Ура могли уже сказываться засоление и деградация почв в орошенной зоне древней Вавилонии, для борьбы с чем каждый год, после уборки урожая в мае, $\frac{1}{8}$ всей пахотной площади, вероятно, оставлялась поочередно на год без засева. До весеннего паводка в феврале — мае это поле служило, по-видимому, пастбищем; во время весеннего паводка, когда вода имела в изобилии, поле попеременно осторожно орошалось (чтобы только промыть верхний горизонт почвы от накопившихся в нем вредных солей) и промотыживалось. Судя по «Наставлению хлебороба своему сыну», мотыжение проводилось трехкратно.

Попытаемся уложить все работы отряда Лагульгуды в календарные сроки согласно следующей схеме оргплана:

Сроки работы	15.X—15.I	15.I—15.II	15.II—15.IV	15.IV—15.VII	15.VII—15.X	Итого	Всего
A. Постоянная рабочая сила на работах							
1. пахоты							
Число бур/следов	12 6			12 6			
человеко-дней	720 360			720 360		2160	
2. боронования							
Число бур/следов	12 6+3						
человеко-дней	214 160					374	A. 3234
3. рядового посева							
Число бур/следов	12 6+3						
человеко-дней	400 300					700	
4. уборки в поле							
Число бур/следов			12	6+3			
человеко-дней			748	561		1309	B. 1309
5. работы на току							
Число бур			12	6+3			
человеко-дней			780	519	66	1365	B. 1365
6. другие работы							
Число человеко-дней		720	632		2094	3446	Г. 3454
7. всего человеко-дней за период	2160	720	2160	2160	2160		
B. Временная рабочая сила							
8. мотыжение			2606			2606	Д. 2606
9. разные работы			630			630	Е. 630

Мы исходим из предположения, что из 18 бур, которые вспахивались, 12 бур орошались от осеннего подъема уровня рек и каналов и находились под растущим уро-

жаем с половины ноября до половины февраля, остальные 6 бур орошались от весеннего паводка и находились под растущим урожаем с половины февраля до половины мая.

Возможно, что столь широкое пользование орошением не в период весеннего паводка представляло собой привилегию царского хозяйства. Также и обработка троекратным мотыжением поля в 3 бур под годичным паром была, быть может, также связана со специфическими условиями царского хозяйства, которое представляло собой многоотраслевое агро-индустриально-строительное предприятие, перебрасывавшее временно свободную рабочую силу из одной отрасли в другую.

В нашей схеме оргплана мы приурочиваем работы по мотыжению к периоду первых двух месяцев весеннего паводка, поскольку подготовка почвы поля под годичным паром включала не только разрыхление почвы и уничтожение сорняков, но и промывку верхнего горизонта почвы от накопившихся вредных солей. В это время, как значится в схеме, постоянная рабочая сила была занята уборкой урожая на поле в 12 бур и обработкой этого урожая на току. Эти работы нельзя было отодвинуть на более позднее время, но быки были в это время слабо загружены (только работой на току). При таких условиях частное хозяйство, вероятно, предпочло бы нанять сезонных рабочих для уборки урожая (вернее, для помощи при уборке его) и выделить 18 быков (их было всего, очевидно, 24) и 18 работников для трехкратной вспашки поля в 3 бур в каких-нибудь 25 дней вместо трехкратного мотыжения его при помощи 30 работников в течение трех месяцев. Получился ли бы при этом тот же самый агротехнический эффект, как при обработке мотыжением, сомнительно. Соха без «резака» впереди сошника — плохое орудие борьбы с сорняками, а поле, служившее в течение трех четвертей года пастбищем, требовало более тщательной механической обработки, чем поле, бывшее только под сезонным паром.

Все сказанное выше заставляет думать, что роль мотыжной подготовки почвы, которая бросилась в глаза акад. Тюменеву, во-первых, ограничивалась полем, оставленным под годичным паром, а во-вторых, в известной мере отражала специфику царского хозяйства в эпоху III династии Ура.

И. Г. Гершман

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРМИН АФШИН

По сведениям арабских авторов (Белаури, Табари, Ибн Руста, Хордадбе, Истахри, Масуди и др.), домусульманские правители области Усрушана в Средней Азии носили титул *афшин* (afšīn). При Ахеменидах Усрушана входила в сатрапию Согдианы. Она была завоевана Киром, который построил здесь, для защиты от массагетов, несколько крепостей. Главную из них греческие авторы (Арриан и др.) называют Кирополем. Усрушанцы вместе с согдийцами мужественно боролись с войсками Александра Македонского. Последние афшины Усрушаны Харабугра, Харахура и Кавус оказали упорное сопротивление арабскому завоеванию, и Усрушана была покорена окончательно только в 822 г.¹

Сын Кавуса Хайдар подчинился халифу, но сохранил титул афшина. У арабских авторов он так и зовется al Afšīn. На службе у халифов Ма'муна и Мутасима Хайдар показал себя способным полководцем, был осыпан почестями и назначен наместником Азербайджана и Армении. Однако втайне он оставался усрушанским патриотом и готовил заговор с целью свержения арабского ига. Его антиарабская деятельность стала известной халифу, и он был отдан под суд и заключен в темницу, где и скончался

¹ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 2, 1900, стр. 216—217; Н. Н. Негматов, Усрушана в борьбе с арабским нашествием, «Изв. Отдел. общественных наук Таджикской АН», 5 (1954), стр. 117—125; он же, Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э. МИА, № 37, Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II, 1953, стр. 231—252.

этой дни в 842 г. После Хайдара имя Afšīn носит еще один из наместников халифа в Азербайджане и некоторые другие лица².

Но появление имени Afšīn в Азербайджане или западном Иране не дает права говорить о западноиранском происхождении этого титула, так как там эти имена призывались только после знаменитого афшинна Хайдара и, очевидно, в честь последнего. Происхождение титула *афшин* надо искать только в восточном Иране.

Есть основания считать, что титул *афшин* не был связан исключительно с Усрушаной, а имел более широкое распространение, в частности был известен в соседней Согдиане. По свидетельству Якуби, согдийский правитель Гурек в договоре с арабским военачальником Кутейбой ибн Муслимом именуется себя *кишид* Согда, *афшин Самарканда*³.

И Усрушана, и Согдиана — древние иранские области, и естественно думать, что титул *афшин*, обозначающий перховных правителей некоторых областей восточного Ирана, имеет иранскую этимологию. Однако до сих пор он не получил удовлетворительного объяснения.

Юсти выводил afšīn из авестийского собственного имени Pisīna. Так называется в Авесте один из представителей легендарной династии «Кайанидов».

Оставляя в стороне фонетические натяжки, с которыми связано превращение Pisīna в afšīn, следует обратить внимание на следующее. Если бы данное разъяснение было правильным, мы встречали бы afšīn сперва как собственное имя и лишь потом как титул. В действительности имеет место обратное. В выражении *афшин Самарканда* ясно выступает нарицательное значение термина: «правитель», «господин». У царей Усрушаны *афшин* также был титулом, а не собственным именем. Лишь натяжная с Хайдара, которого арабы знали по его титулу al Afšīn, *афшин* начинает входить в состав собственного имени. Все это делает разъяснение Pisīna → afšīn крайне сомнительным.

Другая этимология слова afšīn принадлежит известному иранисту Геннингу (Henning) и приводится Гершевичем в его «Грамматике манихейско-согдийского языка»⁴. Согласно этому разъяснению, afšīn получилось из xšēvan «царь», «правитель.» Здесь встают серьезные фонетические трудности. Приходится допускать перебой xš → fš и стяжение -šva- в -i-. Ни то, ни другое не может быть поддержано аналогичными случаями. Восточноиранские языки дают примеры перебора fš → xš (осетинское äxsärfars из äfsärfars «щека», сакское kšarǵma из fšarǵma- «стыд», согд. *xšurape из *fšurapaka «шастух» и др.). Но для обратного перебора (xš → fš) вряд ли можно подыскать хоть один надежный пример.

Других более убедительных этимологий для термина afšīn не предлагалось. В частности, никто, насколько нам известно, не обратил внимания на полное звуковое тождество этого слова с осетинским äfsīn «хозяйка»⁵. Между тем трудно пройти мимо этого разительного совпадения и признать его случайным. Можно ли, однако, осмыслить его исторически и лингвистически? Нам думается, что можно.

Чтобы восстановить исторические нити, связывающие Усрушану с Осетией, достаточно взглянуть на географическую карту. Территория Усрушаны располагалась на восток от Согда и имела северной границей Сыр-Дарью⁶. Это значит, что ближайшими ее соседями были массагетские (сакские) племена, в древности жившие за Сыр-Дарьей. Одним из этих племен были предки осетип—аланы. Дион Кассий (XIX, 15) ставит знак равенства между аланами и массагетами («аланы или массагеты»). Аммиан

² F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, 1895, стр. 253; Н. Н ü b s c h m a n n, *Armenische Grammatik*, I, 37.

³ W. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen*, 1899, стр. 11; В. В. Бартольд, Afšīn, «Энциклопедия ислама», т. 1.

⁴ I. Gershevitich, *A Grammar of Manichean Sogdian*, Oxf., 1954, стр. 48.

⁵ В осетинском s совпали исторические š и s.

⁶ Бартольд, *Туркестан*, ч. 2, стр. 165 сл.; Негматов, *Усрушана...*, стр. 117 сл.

Марцеллин (XXXI, 2, 12) также считает алан массагетским племенем («аланы, прежние массагеты»). Родство алан с массагетами получило в недавнее время и археологическое подтверждение⁷.

Если так, то совпадение осетинского социального термина *äfsin* и усрушанского титула *aššin* может получить реальную историческую интерпретацию. Оно могло быть результатом древних и исторически несомненных связей и сношений согдо-бактрийских племен с массагетскими⁸.

Вопрос в том, кто у кого заимствовал этот термин и как объяснить семантическое развитие «хозяйка» → «титул правителя».

Осетинское *äfsin* имеет надежную иранскую этимологию. Оно восходит к **abišaišni* «обитательница», «хозяйка» от *šau-* «обитать»⁹. Звуковое развитие *ai(š)ni* → *-in* характерно именно для осетинского; ср. иран. *šaišni* → *äxšin* «госпожа», *agašni* → *ägin* «локоть» (мера длины) и др. Стало быть, у нас есть полное основание утверждать, что в скифском (массагетском, аланском) *aššin* было оригинальным, не заимствованным словом. Но если так и если созвучие осетинского слова с усрушанским мы считаем неслучайным, то вывод остается один: термин *aššin* был заимствован из массагетского в те иранские наречия, на территории которых образовалась Усрушана¹⁰.

Но как объяснить, что термин, который в массагетском означал что-то вроде «хозяйка» и применялся к женщине (окончание *-ni* само указывает на женский род), превратился в Усрушане в титул правителей мужчин?

Чтобы разобраться в этом, надо предварительно остановиться на употреблении термина *äfsin* в осетинском. В осетинском быту наименование *äfsin* присвоено старшей жещине в семье, хранительнице домашнего очага, которая руководит всем домашним хозяйством, ведает запасами и распределением провизии и пр. В своей сфере *äfsin* пользуется непрерываемым авторитетом. Она окружена почетом и уважением. Все младшие, как мужчины, так и женщины, прислушиваются к ее слову и выполняют ее волю.

В устах невесток *äfsin* означает «свекровь». Этим же именем обычно муж называет жену, так как называть ее женой (*üs*) считается неприличным. Так, в одном из эпических («нартовских») сказаний осетин герой Дедедаг говорит о своей жене: *Ne 'fsinä cidäg känuj* «с нашей афшиной что-то происходит»¹¹.

В нартовском эпосе есть замечательный женский образ — Сатаны. Сатана — мать народа, центр и средоточие нартовского мира. К ней сходятся все нити. Без ее участия и совета не обходится ни одно знаменательное событие¹². Все исследователи признают, что образ Сатаны восходит к матриархату. Постоянным эпитетом Сатаны является знакомое нам *äfsin*.

⁷ Л. Г. Нечаева, Могильник Алхан-кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореферат диссертации, 1956, стр. 20—21. Подробное обоснование этой точки зрения Л. Г. Нечаева дает в еще не опубликованной работе, с которой мы имели возможность познакомиться благодаря любезности автора.

⁸ О тесных связях массагетов с их южными соседями говорит, между прочим, наличие общего фамильного имени в Авесте (*Spitamana* — фамильное имя Зороастра), согдийском (*Σπιταμένης* = *Spitamana* — вождь согдийцев в борьбе с Александром) и осетинском (*Sidāmon* из *Spitamāna* — название древнейшей осетинской фамилии, по народным преданиям); см. В. И. Абаев, *Ар. Ор.*, XXIV, 1956, № 1, стр. 51.

⁹ E. V e n e n i s t e, «Bulletin de la société de linguistique», т. 52 (1956), стр. 18.

¹⁰ Не исключена и такая возможность, что массагетский элемент входил в какой-то мере в состав населения самой Усрушаны.

¹¹ «Памятники народного творчества осетин», вып. 2, Владикавказ, 1927, стр. 34.

¹² См. В. И. Абаев, Нартовский эпос, «Изв. Сев.-Осет. научно-исследовательского ин-та», т. 10, вып. 1 (1945), стр. 36.

Когда невесту пригнали в дом жениха и подводили к домашнему очагу, исполнялась песня со следующим постоянным припевом:

Wä ne 'fsîn, wä ne 'styg nyfs,

Mady Majräm!

«О, наша афшина, наша великая надежда,

Мать Мария!»

Mady Majräm «Мать Мария» — название богоматери. В данном случае она выступает как богиня домашнего очага, под покровительство которой отдают молодую невесту. Как и в других случаях, за христианским образом богоматери скрывается древнее языческое женское Сожество, Богиня — покровительница домашнего очага, быть может, та самая скифская Тацити, которую Геродот отождествляет с греческой Гестией. И эта Богиня зовется, как это видно из приведенного гимна, äfsîn. Отметим попутно, что греко-латинское название Богини домашнего очага Ἑστία, Vesta происходит от *wes- «жить», «обитать», совершенно так же, как äfsîn является производным от šay-, ši- «жить, обитать».

Мы видим, что äfsîn в осетинском — важная и значительная социальная категория, которая выступает в быту, в эпосе, в культуре. Истоки ее с несомненностью ведут к матриархату, к той особой и исключительной роли, которую играла женщина у массагетских и сарматских племен. «Афшина» в матриархальном быту играла ту же роль, какую в условиях патриархата играл ведийский dāmpati «глава дома» (применяется и к хозяину, и к хозяйке). О необыкновенно высоком положении женщины у массагетов и сарматов мы знаем из сообщений Геродота, Ктесия, Псевдо-Гиппократы, Эфора, Псевдо-Скилака. Последний определяет общественный строй савроматов как «гинекократию», власть женщины. Б. Граков показал, что эти сведения подтверждаются данными археологии¹³.

Не будет поэтому ошибкой утверждать, что äfsîn — это термин массагетского матриархата, донесенный до наших дней осетинами в непрерывной бытовой, эпической и религиозной традиции.

Обозначая первоначально женщину как хранительницу домашнего очага (*abi-šaiñpi-), а также богиню домашнего очага, термин äfsîn менял свое содержание вместе с развитием общественных отношений. В эпоху военной демократии афшинами назывались, как можно предполагать, знаменитые массагетские и сарматские правительницы, такие, как Томирис (Геродот), Спаретра (Ктесий), Зарина (Ктесий), Амага (Полиэн). Образы и деятельность этих знаменитых женщин должны были производить огромное впечатление на соседей. Массагетская «царица» Томирис разбила непобедимого Кира, покорителя всей Малой и Средней Азии. Прославленный завоеватель, сокрушивший великие царства древнего мира, сложил голову в борьбе с массагетской «афшиной». Можно представить, какой оглушительный резонанс дало это событие во всем тогдашнем мире. Впечатление, которое производила на соседей социальная и военная организация массагетов, благоприятствовало заимствованию массагетского термина äfsîn в соседние бактрийские и согдийские наречия в значении «правитель». То, что в Усрушане и Согде термин применялся к правителям-мужчинам, вполне понятно: этимологическая связь слова äfsîn с женским родом была очевидна только в массагетском языке; она была чужда другим иранским языкам, которые воспринимали его как нейтральное в отношении грамматического рода. Имеется указание на то, что и на аланской почве в более позднее время термин äfsîn мог применяться и к мужчине. Византийский писатель Цец (XII в.) в записанных им аланских фразах приводит аланское обращение μέσφιλι, что значит αὐθέντα μου «господин мой»¹⁴. Если μέσφιλι представляет искажение аланского me'fsîn «мой афшин», то перевод «господин мой» указывает, что äfsîn могло применяться к мужчине.

¹³ Б. Н. Г р а к о в, ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов), ВДИ, 1947, № 3, стр. 100—121.

¹⁴ J. M o r a v c s i k, Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes, «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher», VII (1930), Heft 3—4, стр. 352—365.

Итак, среднеазиатский титул *ašīn* оказывается по происхождению матриархальным массагетским термином. Вместе с народами Средней Азии он прошел ряд ступеней общественного развития, наполняясь каждый раз новым содержанием: от хранительницы домашнего очага в первобытном матриархальном роде, через женщину-племенного вождя в период военной демократии до правителя рабовладельческого и феодального государства.

Ф. Энгельс, указывая, что многие термины государства восходят к понятиям родового строя, приводит, в частности, германское *king* «король», которое восходит к *kin* «род», а последнее — одного корня с *kun* «женщина»¹⁵. История слова *ašīn* могла бы послужить столь же прекрасной иллюстрацией мысли Энгельса.

Любопытно в этом отношении также история иранского слова *xšān*га. В осетинском (в форме *āxsaŋ*) оно означает «военная доблесть». В персидском — «власть, государство, государство-город» (новоперс. *šahr*). В осетинском сохранилась, очевидно, догосударственная (скифо-массагетская) семантика слова. В персидском отражено значение, приобретенное словом в условиях существования государства и государственной власти.

В новое время осетинский заимствовал персидское *šahr* в форме *saħar* «город». Но ни один осетин не осознает, конечно, что *āxsaŋ* «добрлесть» и *saħar* «город» исторически одно и то же слово.

В. И. Абеев

О «ЦАРСКОМ ГОРОДЕ», ИЛИ «ВТОРОЙ СТОЛИЦЕ» СОГДИАНЫ

Древняя Согдиана была одной из основных сельскохозяйственных областей Средней Азии. Одним из древнейших ее городов была Мараканда — современный Самарканд¹.

Наиболее раннее упоминание этого города в письменных источниках имеется в «Географии» Страбона (I в. н. э.), который сообщает (XI, 11, 4), что «Мараканда — город Согдианы» был в числе городов, разрушенных Александром Македонским в Средней Азии.

Краткое описание города Мараканды времени Александра имеется у Квинта Курция Руфа (середина I в. н. э.): «Отсюда на четвертый день Александр пришел к городу Мараканде, — стена в 70 стадий окружала город, цитадель была окружена другой стеной, — и, оставив гарнизон в городе, (он) опустошил и сжег соседние селения» (VII, 6, 10).

Арриан (первая половина II в. н. э.) пишет о Мараканде как о «столице страны Согдианы» (Anab., III, 30, 6). В «Дорожнике Александра», составленном неизвестным автором в середине IV в. н. э., тоже сказано, что *Maracunda Sogdianis est regia* — «Маракунда — столица согдийцев» (Itiner. Alex., 79)².

Раскопки послевоенных лет на городище древнего Самарканда — Афрасиаба подтвердили письменные данные о Мараканде. В VI—IV вв. до н. э. Самарканд, как это точно доказано стратиграфически, — пишет А. И. Тереножкин, — помещался на всей площади современного городища Афрасиаба, окружность которого достигает 3,5 км (площадь 218,9 га). Обширность размеров городища и его древность подтверждают правильность идентификации Самарканда с Маракандой античных авторов³.

¹⁵ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 272, 273, 265 сл. (прим.).

¹ RE, V, 1927, стб. 790, s. v. Sogdiana (K. K r e t s c h m e r); RE, XIV, 1930, стб. 1421—1422, s. v. Marakanda (W e i s s b a c h).

² A g r i a n i Anabasis et Indica, em. Fr. D ü b n e r ... et Itinerarium Alexandri adiecit Car. M ü l l e r, P., 1846.

³ А. И. Тереножкин, Согд и Чач (автореф. дисс.), КСИИМК, вып. XXXIII (1950), стр. 156.

Таким образом, письменные данные, подтвержденные данными археологии, называют столицей Согдианы Мараканду.

Однако, начиная со второй половины XIX в. и до настоящего времени, в литературе, посвященной походу Александра Македонского в Среднюю Азию, неоднократно высказывалось мнение о существовании тогда в Согдиане некоего «царского города» — «Басилейи», причем одни исследователи называют его «царской крепостью», а другие даже считают «второй столицей» Согдианы.

Так, Шпигель писал, что «главный город Согдианы — царский город»⁴, Дройзен полагал, что «может быть, в этой стороне лежала вторая царская крепость»⁵. В. В. Григорьев считал, что во время Александра, «кроме Мараканды, был в Согдиане еще другой большой город, тоже претендовавший на титул столицы — Βασίλεια»⁶. По мнению В. В. Бартольда, другой «царский» город согдийцев был расположен ниже по течению Зеравшана⁷.

Тарн писал о Мараканде (Самарканде) как о «летней царской резиденции Согдианы», а о Басилеи, которую он безоговорочно называет Бухарой, как о «зимней царской резиденции Согдианы»⁸. Этим Тарн пытается объяснить возможность одновременного существования в Согдиане двух столиц.

О «царском городе» согдийцев где-то в низовьях Зеравшана упоминает и С. П. Толстов⁹.

По мнению К. В. Тревер, Басилейя, «царский город» Согдианы, находился «может быть, в районе Бухары»; «название Басилейи является... переводом на греческий язык местного древнего названия „ката“ — стольный город»¹⁰. На этой точке зрения К. В. Тревер настаивала неоднократно¹¹.

У В. М. Массона читаем, что «Спитамен удалился в „столицу Согдианы“, относительно положения которой можно строить различные предположения, но которая, видимо, также была городом»¹². В другой работе он снова упоминает «какой-то царский город (базилейя), видимо, в низовьях Зеравшана... Трудно сказать, следует ли здесь видеть разделение уже в IV в. до н. э. долины Зеравшана между двумя политическими центрами крупных областей (позднее Бухарской и Самаркандской) — или что-либо другое»¹³.

Как мы видим, относительно локализации «Басилейи» существует ряд предположений: ее помещают западнее Самарканды в низовьях реки Зеравшан (Бартольд, Толстов, В. Массон), в районе Бухары (Тревер) или даже в самой Бухаре (Тарн). Н. Негматов пытается дать новую локализацию Басилейи, отождествляя «царский» город с развалинами городища Ширин, близ селения Куркат в Лепинабадской области Таджикской ССР¹⁴.

⁴ Fr. Spiegel, *Eranische Alterthumskunde*, II, Lpz, 1873, стр. 551, прим. 3.

⁵ J. G. Droysen, *Geschichte des Hellenismus*, 2-е изд., I, 2, Gotha, 1877, стр. 58, прим. 2.

⁶ В. В. Григорьев, *Поход Александра Великого в Западный Туркестан*, ЖМНП, ССХVII, сент. 1881, стр. 65.

⁷ В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 2.

⁸ САН, VI, 1927, стр. 392 и 394.

⁹ «История СССР» (макет), ч. II, М.—Л., 1939, стр. 276.

¹⁰ К. В. Тревер, *Александр Македонский в Согде*, ВИ, 1947, № 5, стр. 116, прим. 32.

¹¹ К. В. Тревер, *История народов Узбекистана*, т. I, Ташкент, 1950, стр. 74; *она же*, *История Узбекской ССР*, т. I, книга 1-я, Ташкент, 1955, стр. 62.

¹² В. М. Массон, *К локализации Согды*, «Труды САГУ», XI (1950), стр. 75.

¹³ В. М. Массон, *Из истории древнего Согды*, «Сб. студ. работ САГУ», вып. III (гум. науки), Ташкент, 1951, стр. 66.

¹⁴ Н. Негматов, *Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в.*, «Труды ТАЭ», т. II, МИА, № 37, 1953, стр. 235. По мнению автора,

В «Очерках истории СССР» А. М. Мандельштам пишет, что «Спитамен... отступил вниз по долине Зеравшана к „царскому городу“ Согда, местонахождение которого точно неизвестно»¹⁵.

Этот краткий перечень упоминаний «царского города», или так называемой «второй столицы» Согдианы, приведен здесь не случайно. Дело в том, что предположение о существовании этого города основано, как я постараюсь доказать, на недоразумении, которое ведет свое начало от одного высказывания в «Анабасисе Александра» Арриана. В IV книге «Анабасиса» рассказывается, как вождь восставших согдийцев Спитамен попеременно то отбывал у отрядов Александра захваченную ими Мараканду, то, узнав о приближении к Мараканде самого Александра и не желая рисковать своим войском, состоящим из согдийцев и массагетов, быстро отступал куда-то в сторону от Мараканды и, дождавшись ухода Александра, снова осаждал столицу Согдианы Мараканду.

Арриан (IV, 5, 3) описывает очередное отступление Спитамена, когда он, сняв осаду Мараканды, удаляется в «столицу Согдианы» — αὐτὸς δὲ ὡς ἐς τὴ βασιλεῖα τῆς Σογδιανῆς ἀνεχώρησεν. «сам же (Спитамен.— Е. М.) таким образом удалился в столицу Согдианы»¹⁶.

Сразу же возникает вопрос, как мог Спитамен, идя из Мараканды, которая, по Арриану, была «столицей Согдианы» (III, 39, 6), удалиться в «столицу Согдианы» (IV, 5, 3)? Нет ли здесь ошибки?

Действительно, еще в первой половине XIX в. ряд издателей текста Арриана обратили внимание на смысловое противоречие, имеющееся в этом месте текста, и пришли к заключению, что текст здесь испорчен и что в словах ἐς τὴ βασιλεῖα τῆς Σογδιανῆς имеется ошибка. Синтенис, заново издавая текст Арриана в 1849 г., указывает в специальном примечании на имеющееся здесь противоречие, присоединяясь в данном случае к мнению более ранних издателей Шмидера и Крюгера. Он предлагает внести следующую поправку в испорченный текст: вместо ἐς τὴ βασιλεῖα читать или ἐς τὰ ὅρια (т. е. к границам, к пограничной области) или ἐπὶ τὴν ἔρημον в пустыню, страну пустыю или покинутую людьми), поскольку эти выражения встречаются в других частях IV книги¹⁷.

Это исправление текста было принято уже в XIX в. некоторыми переводчиками Арриана. Например, в русском издании «Военная библиотека» переведено: «Спитамен удалился к границам Согдианы»¹⁸. В последнем из известных мне переводов Арриана В. Капелле перевел слова τὰ βασιλεῖα τῆς Σογδιανῆς как «Dies ist die Königsburg des Landes Sogdiana», т. е.: «Это — царская крепость Согдианы»¹⁹. Именно так предлагал переводить это место и Дройзен, который тоже призывал, что «слова ἐς τὴ βασιλεῖα τῆς Σογδιανῆς в тексте Арриана (IV, 5, 3) считаются испорченными»²⁰.

В хрестоматии «Древние авторы о Средней Азии» под редакцией Баженова дается перевод: «Спитамен... удалился в столицу Согдианы», хотя редактор и делает следующее примечание: «Неизвестно, в какую „столицу Согдианы“ собрался,

«название „Куркат“ (город Кира) также подтверждает то, что царский город, очевидно, позже получил свое уточненное название от имени своего основателя и является одним из семи городов, построенных Киром на севере своих границ».

¹⁵ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР», под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайт, М., 1956, стр. 261.

¹⁶ Arriani Anabasis, Erklärt von C. Sintenis, II, Lpz, 1849.

¹⁷ Sintenis, ук. соч., стр. 10.

¹⁸ Арриан, Походы Александра, СПб., 1837, стр. 465.

¹⁹ Arrian, Alexanders des Grossen Siegeszug durch Asien, Eingeleitet und neu-übertragen von W. Capelle, Zürich, 1950, стр. 246.

²⁰ Droysen, ук. соч., стр. 58, прим. 2.

по мысли Арриана, удаляться Спитамен, идя от Мараканды, которая и была главным городом Согдианы»²¹.

Какое же слово вместо βασιλεια τῆς Σογδιανῆς могло первоначально иметься в рукописи Арриана и каким образом вместо него могло появиться слово βασιλεια?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо заново пересмотреть некоторые из тех скудных известий античных авторов о Согдиане, которые касаются района древнего Самарканда.

Интересные данные сообщает Диодор Сицилийский (вторая половина I в. до н. э.) в 17-й книге «Исторической библиотеки». Сведения о пребывании Александра в Средней Азии Диодор, по всей вероятности, почерпнул из не дошедших до нас источников, которыми другие историки походов Александра или не располагали, или не пользовались. К сожалению, главы 17-й книги Диодора, относящиеся к Средней Азии и Согдиане, не сохранились. Однако о содержании этой книги дает представление сохранившееся ее оглавление, в котором, в частности, читаем: Περὶ τοῦ ἐν Βασισταῖς κυνηγίου καὶ τοῦ πλῆθους τῶν ἐν αὐτῷ θηρίων «Об охоте в Басистах (может быть, в местности Басистов) и о множестве зверей, (находящихся) там (в ней)» (Diod., XVII, prol. 26)²².

Ясно, что речь здесь идет об охоте Александра в местности под названием Басиста, где было множество зверей. Квинт Курций Руф описывает ту же охоту Александра в местности в районе Самарканда, которую он называет по-своему — «Базайра». «(10) Александр пришел в местность²³, которая называется Базайра (Bazaïra). (11) В тех местах наибольшим признаком богатства варваров, без сомнения, являются стада благородных животных, запертые в обширных лесах (рощах) и горных пастбищах (выгонах) (12) Для этого выбирают большие прекрасные леса с обильными источниками постоянно текущих (неиссякающих) вод; леса (рощи) окружаются стенами и имеют башни — убежища охотников. (13) Утверждается, что (это) горное пастбище было нетронуту в течение четырех поколений; Александр, вступив туда со всем своим войском, велел со всех сторон гнать зверей» (VIII, 1, 10—13).

По словам Курция Руфа, Александр убил в этом охотничьем парке четыре тысячи зверей. Вполне возможно, что Диодор и Курций Руф говорят об одном и том же охотничьем заповеднике, расположенном недалеко от Мараканды. По мнению Томашека и Григорьева, речь идет об одной и той же местности: Bazaira-Bazista²⁴.

У Страбона (XI, 11, 5) имеется вполне заслуживающее доверия указание, что греки и македонцы, придя в Среднюю Азию, не только искажали местные названия рек и местностей, но зачастую давали им новые наименования. «Реку, протекающую через Согдиану, — пишет Страбон, — Аристобул называет Политиметом; это имя дали ей македоняне, подобно тому, как они вновь сочинили или изменили многие другие названия».

То, что одна и та же местность носит у разных авторов разные наименования, не должно нас смущать, если мы примем во внимание свидетельство Страбона. Это дает основание присоединиться к мнению Томашека, который в 1899 г. в специальной статье о Басисте писал, объединяя данные Диодора и Кв. Курция Руфа, что «Басиста... — это горная область, богатая лесами и источниками, в области Мараканды (Самарканд),

²¹ «Древние авторы о Средней Азии», Хрестоматия под ред. Л. В. Баженова, Ташкент, 1940, стр. 52 и 156, прим. 123.

²² Цит. по изд. Diodori Siculi Bibliothecae historicae quae supersunt ex nova recensione G. Dindorfii et C. Müllerus, II, P., 1844.

²³ regio — перевозку здесь как местность, так как все другие значения (страна, край, область, округ) не подходят по смыслу; silva — лес; nemora — леса или рощи; saltus — горное или предгорное пастбище. Точнее перевести трудно, так как латинские термины недостаточно точно передают определенные греческие понятия, сохранившиеся в первоисточниках Квинта Курция Руфа.

²⁴ W. Tomasek, Centralasiatische Studien. I. Sogdiana, Wien, 1877, стр. 80 (отд. отт. из SBAWV, LXXXVII, с. р. 144); Григорьев, ук. соч. (см. прим. 6), стр. 185.

с огороженным стеной охотничьим парком, где Александр со своим войском убил 4 тысячи зверей; в иранском *Bazista* — „весьма обильная“. Хотя ее точное местоположение определить невозможно, предположительно ее можно локализовать в Пенджикенте, в Магиане, в богатой платанами речной долине Ургута...»²⁵.

Курций Руф обозначает этот заповедник, или охотничий парк, терминами *πεποιγα* «леса, рощи» и *salvus* «горы, покрытые лесами, горное или предгорное пастбище, лесной выгон». В греческом же языке для него существует специальное слово, «заимствованное греками из иранского, но не из персидского языка»²⁶. Этот термин — *ὁ παραδεισος* «парадиз». Первоначально это слово обозначало ограду или обнесение оградой (огороженное место), а затем стало обозначать зверинец или парк, огороженный стеной, в котором содержались животные, предназначенные для охоты. Подобные заповедники известны сначала в Мидии, а потом их стали устраивать для себя Ахемениды. Один из персидских сатрапов Согдианы создал, по всей вероятности для себя, подобный мидийским и персидским «парадиз» в районе Мараканды, в гористой и лесистой местности.

Вопрос о «парадизах» Средней Азии очень интересен, но, к сожалению, еще недостаточно изучен.

Упоминание «парадиза» в районе Мараканды имеется и у Арриана (*Anab.*, IV, 6, 1), но оно почему-то ускользнуло от исследователей, занимавшихся вопросом об «охотничьих парках» Средней Азии. Нет его ни в статье Галлинга «*Paradēisos*», ни в специальной работе М. Е. Массона²⁷.

Арриан (*Anab.*, IV, 6, 1) приводит рассказ Аристула (одного из участников похода Александра, лично побывавшего в Согдиане) о той засаде согдийцев и массагетов, которую недалеко от Мараканды устроил Спитамен, отступивший от этого города при известии о приближении одного из отрядов Александра. Во всех трудах по истории похода Александра в Среднюю Азию по этому поводу говорится об устройстве засады в лесу²⁸.

Томашек, между прочим, упоминает «in der Nähe von Samarkand gelegenen Tiergarten (*παράδεισος*) von *Bazista*»²⁹.

Дройзен (ук. соч., стр. 60, прим. 1), говоря о том, что Спитамен устроил засаду в роше на берегу реки, приводит тот термин, которым Арриан называет место засад, — *ἐν Παραδείσῳ* (*Arr.*, *Anab.*, IV, 6, 1), т. е. «в парадисе».

Таким образом, Спитамен устроил засаду в охотничьем заповеднике — «парадизе», который находился в местности под названием Басиста (Базайра). Напрашивается вопрос: если Спитамен мог устроить засаду в «парадизе» в местности Басиста, недалеко от Мараканды, то зачем, отходя от Мараканды, он должен был обязательно удалиться в некий «царский город» — Басилейю. Почему он не мог пойти в местность, лесистую и гористую, обильную водой, где так удобно было прятаться, где были особые «убежища для охотников», т. е. в Басисту. Не следует

²⁵ RE, III, 1899, стб. 178, s. v. *Bazista* (Т о м а с х е к); ср. о н ж е, *Sogdiana*, стр. 81.

²⁶ И. М. Дьяконов, К вопросу об общественном строе Мидийской державы, «Труды АН АзССР», т. VI (1955), стр. 14, прим. 1; о н ж е, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 330, прим. 1.

²⁷ RE, XVIII, 3, 1949, стб. 1131—1134 (G a l l i n g); М. Е. М а с с о н, О былых охотничьих парках в Средней Азии, «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», XVII (1953), стр. 145—150.

²⁸ Г р и г о р ь е в, ук. соч. (см. прим. 6), стр. 64; Т р е в е р, Александр Македонский в Согде., стр. 117; о н а ж е, История народов Узбекистана..., стр. 75; о н а ж е, История Узбекской ССР..., стр. 63 (см. прим. 9—11). Сходное толкование в русском переводе: А р р и а н, Анабасис Александра, пер. с греч. Н. К о р е н ь к о в а, Ташкент, 1912, и в немецком переводе С а р е л л е (см. прим. 19), стр. 226. В русском переводе 1837 г. (см. прим. 18), стр. 466, говорится об устройстве засады «в саду».

²⁹ Т о м а с х е к, *Sogdiana* (см. прим. 24), стр. 81.

ли в испорченном месте текста Арриана (Anab. IV, 5, 3) читать не βασιλεια τῆς Σοῦδιανῆς, а Βάσιστα τῆς Σοῦδιανῆς? Тем более, что в словах βασιλεια и Βάσιστα совпадают четыре первые и последняя буквы, а изменение промежуточных двух букв (στ → λει) могло произойти по вине переписчиков³⁰.

Если принять эту поправку, то тогда текст Арриана будет выглядеть так: αὐτὸς δὲ ὡς ἐς τὰ Βάσιστα τῆς Σοῦδιανῆς ἀνεχώρει — «сам же, таким образом, удалился в Басисту Согдианы».

В данном тексте Арриана, если учесть поправку, не вполне ясно, зачем понадобилось автору подчеркивать принадлежность Басисты Согдиане. Возникает вопрос, не является ли Басиста (Basista или Bazista у Томашека) грецизированной передачей иранского названия Багистан (Bagistan)³¹. Местности под таким названием были известны и в Малой Азии и в Мидии³². В Мидии, например, по Ктесию (у Диодора), легендарная Семирамида основала парадис на горе Багистан.

Возможно, что в отличие от знаменитого мидийского парадиса в Багистане, Арриан и назвал среднеазиатский парадис в районе Мараканды «Басистой (или Багистаном) Согдианы», т. е. согдийским. Однако это предположение очень трудно объяснить, если принять во внимание более поздние китайские источники, рассмотрение которых не входит в задачу данной статьи.

Остается все же неясным, что следует понимать под «Басистой». Название ли самого «парадиса» или той местности, где был построен «парадис», или же это древнее название района Согдианы недалеко от Мараканды?

Если догадка относительно ошибки в слове βασιλεια в тексте Арриана и восстановление первоначального слова как Βάσιστα правильны, то вопрос о так называемой «второй столице» Согдианы, о «царском городе» и о его локализации должен отпасть.

Е. А. Мончадская

РАЗМЕРЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В АТТИКЕ В IV в. до н. э.

Важнейший вопрос в исследовании аграрных отношений — это вопрос о том, кому принадлежит земля, о фактическом распределении земельной собственности. Чтобы судить об аграрных отношениях, сложившихся в древней Аттике в IV в. до н. э., мы прежде всего должны выяснить, каким количеством земли владели афинские граждане — бедные, состоятельные и богатые. Каковы были средние размеры земельных владений различных слоев афинского гражданства? Каковы были численные соотношения между мелкими, средними и крупными (по аттическим масштабам) землевладельцами?

Определение этих величин создает основу для изучения аграрного строя древней Аттики в целом. Оно и является предметом настоящей работы.

Поставленная здесь проблема еще не являлась объектом основательного исследования (отчасти в силу недостатка материала). Она затрагивалась лишь попутно, в связи с общими характеристиками аграрных отношений в Греции IV в. до н. э. К настоящему времени бесспорны и общепризнаны две особенности аттического землевладения, относящиеся, в частности, и к IV в. до н. э.

³⁰ Если попытаться проследить возможную последовательность ошибок переписчиков в слове Βάσιστα в данном тексте Арриана, то ошибка должна была быть сделана еще в римский период: первая ошибка писца, забывшего поставить черточку над тау, заставила его прочесть слово как βασιετα (где σ, написанную Σ, он принял за ε), а следующий переписчик решил, что здесь пропущена буква λ, и вставил ее; таким образом, из Βάσιστα → βασιλεια могла получиться следующим образом: Βασιετα → Βασιεια → Βασιεια → βασιεια → βασιλεια.

³¹ На это мне любезно указал А. М. М а н д е л ь ш т а м, за что приношу ему глубокую благодарность.

³² Di o d. Si c u l., Bibl. hist., XVII, 110, 5; II, 13, 1—2.

1. Крупные земельные владения в Аттике были немногочисленны и по своим абсолютным размерам далеко уступали, например, римским латифундиям.

2. Большое число граждан владело очень мелкими участками земли.

Иначе говоря, земельная собственность в Аттике была сильно раздроблена, небольшая территория распределялась среди относительно значительного числа землевладельцев¹.

Однако на этой общей основе возможны большие расхождения во взглядах. Так, А. И. Тюменев считал «преобладающими» в Аттике земельные участки, не превосходящие величиной 1 га². Наоборот, Шванн принимал в своей работе об эйфоре, что средний «крестьянский» участок составлял 10 га³.

Обычная точка зрения располагается между этими крайними концепциями. Она основана на соотношении двух более или менее твердо установленных цифр. Одна цифра определяет площадь обрабатываемых земель Аттики, другая — численность афинских землевладельцев.

Древняя Аттика без области Оропа занимала около 2 400 км², с островами и Оропом — около 2 650 км². Площадь возделанных земель составляла около 1/4 всей поверхности (может быть, несколько больше), т. е. 600—650 км², 60 000—65 000 га.

Число граждан, не имевших земли, известно из «Введения» Дионисия Галикарнасского к XXXIV речи Лисия. Дионисий сообщает о 5 тыс. безземельных в конце V в. до н. э. (Lys., XXXIV, $\nu\tau\theta$). Общая численность граждан в конце V в. определяется примерно в 20 тыс.⁴. Таким образом, получается, что около 15 тыс. граждан имели землю. Вероятно, количество земельных владений было несколько меньшим, так как некоторые граждане не вели самостоятельного хозяйства. С другой стороны, число граждан в 20 тыс. — минимальное. Это, если не устраняет, то уменьшает погрешность.

Иногда считают, что в число 15 тыс. входили собственники городских участков⁵. Однако текст Дионисия не дает оснований для подобного предположения.

Таким образом, мы можем оперировать цифрами в 60 тыс. га (или несколько больше) и 15 тыс. землевладельцев: в среднем получается не больше 4 га на одно владение. Это соотношение принято, например, Бузольтом⁶. Следует отметить, что Бузольт не учитывал наличия общественных земель. Какую часть всей земли составляли общественные владения — мы не знаем. Во всяком случае, размер среднего земельного участка должен быть несколько понижен.

Средние цифры такого рода имеют значение в качестве контрольных, но они не дают представления о фактическом распределении земли. Очевидно, что на их основе оказываются возможными различные точки зрения на предмет. Кому принадлежала большая часть земли? Она могла быть распределена между 2—3 тыс. «крупных» землевладельцев, в среднем имевших, скажем, по 25 га. В этом случае остальная пригодная для обработки земля была разделена на 10 тыс. парцелл, принадлежавших мелким крестьянам и бедному городскому населению. Или же большая часть земли сосредоточивалась в руках 8—10 тыс. собственников, имевших в среднем, например, по 5 га, к этому ядру примыкали, с одной стороны, немногочисленные магнаты, с другой — несколько тысяч малоземельных.

¹ P. Guignaud, La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine, P., 1893, стр. 388 сл.; G. Busolt, Griechische Staatskunde³, I, München, 1920, стр. 180; G. Glotz, Le Travail dans la Grèce Ancienne, P., 1920, стр. 296—300; A. Jardé, Les céréales dans l'antiquité grecque, P., 1925, стр. 120—122 и т. д.

² А. Тюменев, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, I, Пгр., 1920, стр. 168.

³ W. Schwan, Die Attische ΕΙΣΦΟΡΑ, «Rhein. Mus.», 28 (1933), стр. 264—265.

⁴ A. W. Gomme, The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C., Oxf., 1933, стр. 26.

⁵ Тюменев, Очерки..., III, стр. 31—32.

⁶ Busolt, Gr. Staatskunde..., I, стр. 180.

Дилемма может быть представлена в несколько ином виде. Или численно преобладали «мелкие», или же «средние» землевладельцы. Если большинство составляли «мелкие» (с владениями до 2 — 3 га), это уже само по себе предполагает наличие значительного числа «крупных», а также существенные различия в величине участков, разрыв между этими крайними группами владельцев. Избыток собственности на одном полюсе означает ее недостаток на другом (и наоборот). Если же основная масса землевладельцев относилась к категории «средних», существование многочисленных «крупных» землевладельцев исключено: для них просто нет места.

Короче говоря, возможны две точки зрения на распределение земельной собственности среди афинских граждан: или резкое неравенство и контрасты, или же относительная равномерность. Они противоположны друг другу и вместе с тем обе имеют право на существование. Литературные источники допускают как ту, так и другую концепцию. Между тем очевидно, что весь этот вопрос имеет принципиальное значение для понимания экономической и политической истории Афин в IV в. до н. э. Он связан с проблемами «кризиса полиса», классовой борьбы в древности и т. д.

Метод решения нашей проблемы определился уже в XIX в. Он заключался в подборе более или менее полной коллекции данных о величине и ценах земельных участков. Со времен Бека подобная коллекция переходит из одной работы в другую, постепенно пополняясь⁷. Иногда она сопровождается выведением средних цифр по той или иной группе источников⁸. Поскольку наши сведения неполны и отрывочны, такой подбор цифровых материалов был в свое время оправдан и неизбежен. Но этим путем мы не можем прийти к решению. Размеры и цены отдельных участков выступают здесь как иллюстрации, а иллюстрировать они могут любую точку зрения. Действительно, имеются сведения и о крупных, и о средних, и о мелких участках.

По-видимому, при современном состоянии литературных источников метод статистических подсчетов является единственным методом, приближающим нас к решению поставленной выше проблемы. Представим себе, что нам известны цены всех земельных участков Аттики в какой-либо период IV в. до н. э. Было бы легко определить их относительную и даже абсолютную величину. Соотношения в размерах земельных участков могут быть с большой вероятностью установлены и на основе значительно меньшего количества данных. Невозможно определить, с какого именно количества цифр следует начать, на каком уровне набор случайных цифр приобретает значение правила, типичного для Аттики в целом числового ряда. Этот уровень зависит от характера источников. Разумеется, степень точности исследования будет возрастать по мере накопления материала.

Ныне имеется около 150 цифр, извлеченных преимущественно из эпиграфических текстов и обозначающих размеры и цену земельных участков. Эти цифры относятся к периоду примерно с последней трети V в. до н. э. до первой трети III в. до н. э. включительно. Вероятно, такое количество примеров, взятых как статистическое целое, в какой-то мере отражает средние соотношения в размерах земельных участков в течение указанного периода.

Было бы, конечно, желательно и полезно расположить цифровые данные в хронологическом порядке и проследить ход и з м е н е н и й (поскольку таковые имели место) в величине участков на протяжении IV в. Но значительная часть источников не может быть датирована, а остальные, рассматриваемые изолированно, случайны и зачастую вообще несравнимы. Поэтому приходится использовать источники IV (частично V и III) в. до н. э. вместе. Получаются очень обобщенные результаты, а изменения в течение всего периода не принимаются в расчет.

⁷ A. B o e c k h, Die Staatshaushaltung der Athener³, I, В., 1886, стр. 80 сл.; G u i g a u d, Propriété..., стр. 392 сл.; J a r d é, Céréales..., стр. 121; J. D a y, An Economic History of Athens under Roman Domination, N. Y., 1942, стр. 226 сл.; K. P r i t c h e t t, The Attic Stelai, «Hesp.», XXV (1956), стр. 273 слл.

⁸ G l o t z, Travail..., стр. 297.

* * *

Наши источники делятся на несколько категорий. Самую многочисленную группу составляют надписи на закладных камнях (ἔρροϊ). В этих кратких надписях указывался характер заложенной собственности, вид залога, часто также имя кредитора и сумма долга. Лишь немногие *horoï* датированы, и это, конечно, затрудняет их использование. Но почти все они, как полагают, относятся к периоду IV и первой половине III в. до н. э. Внутри этого периода более точное хронологическое распределение надписей невозможно.

Horoï привлекались для характеристики ценности земельных участков уже в XIX в. Но их количество быстро растет в связи с новыми находками, и ныне они стали самостоятельным объектом исследования. Недавно были изданы две работы, основанные на этом материале,— работы Финли и Файна⁹. Для исследуемой здесь темы большее значение имеет книга Финли. Некоторые выводы этого автора я использую ниже. Финли уделил известное внимание реальным имущественным отношениям, отраженным в долговых камнях. Надписи подвергнуты им некоторой статистической обработке; указанные в них денежные суммы, состав заложенной собственности, количество кредиторов и другие данные представлены в нескольких таблицах. Но в само исследование Финли, ни составленные им таблицы не относятся специально к земельной собственности (если не считать очень общего очерка на стр. 56—59).

Я использую собранные Финли тексты надписей, принимаю его распределение *horoï* по типу залога. Сохранена нумерация надписей, приложенных к этой работе.

Файн совсем не касается вопроса о величине земельных участков. Здесь могут быть использованы лишь те его выводы, которые относятся к соотношению суммы долга и ценности заложенной собственности.

Horoï по форме залога разделены Финли на три основные категории. Залог обозначен в них или как собственно ипотека, или как *πρῶσις ἐπὶ λυσει*, или, наконец, как *ἀποτίρωμα*.

А) Нам удобнее начать с последней группы (табл. 1, №№ 1—13). Глагол *ἀποτίρω* буквально означает «делаю оценку, оцениваю». Закладные камни этого типа применялись в двух случаях. Они отмечали, во-первых, предоставляемое арендатором имущества сирот обеспечение (гарантирующее возврат этого имущества и выплату процентов). Во-вторых, они указывали обеспечение, которое предоставлял муж, получивший приданое: тем самым гарантировалось возвращение приданого в случае развода, смерти жены и т. п. Иногда они обеспечивали доплату приданого тестем. Цифры, могущие нам пригодиться, имеются только в надписях второго типа. Рассмотрим их по порядку, начиная с самых крупных сумм и кончая самыми мелкими. Залоговые надписи вообще очень однообразны и лаконичны: это дает возможность представить их в виде таблицы, в которую войдут лишь самые необходимые данные, и тем избежать ненужных повторений.

№№ 6—13 представляют надписи со смешанными объектами: земля включена здесь в сделку вместе с домом. Термины везде одни и те же: земельный участок (*χωρίον*) и дом (*οἰκία*). Эти же термины повторяются почти во всех остальных *horoï*.

Б) Надписи (№№ 14—17) следующей группы собраны у Финли под общим названием «ипотечных». Они характеризуют собственно залог недвижимости за определенную сумму денег. Эти надписи сообщают состав заложенного объекта, указывают размеры долга, иногда дают имя кредитора и некоторые дополнительные сведения.

В двух случаях земля составляла залог не отдельно, а вместе с домом (№№ 16—17).

В) Третью, самую многочисленную группу составляют надписи, фиксирующие сделки типа *prasis epi lysei* (№№ 18—56). Буквально эта формула означает «продажа на условии освобождения (выкупа)». Природа этого типа залога не вполне ясна, но

⁹ M. J. Finley, *Studies in Land and Credit in Ancient Athens*, 500—200 B. C., New Brunswick — New Jersey, 1952; J. V. A. Fine, *Horoï. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens*, «Hesp.», Suppl. IX, 1951.

Таблица 1

№	№ по Фивли	Публикация	Объект	Сумма оценки	Примечания	
1	146	IG, II ² , 2670	Земельный участок	1 талант	Сумма минимальная	
2	141	AJP, 69 (1948), 202, № 2	»	5 200 драхм		
3	142	IG, II ² , 2668	»	1 800 »		
4	163	IG, II ² , 2767	»	750 »		
5	143	IG, II ² , 2676	Строительные (?) участки (οικοπέδα)	500 »	Юридический смысл подписи не совсем ясен	
6	133	IG, II ² , 2659	Земельный участок и дом	1 т. 2 000 драхм		
7	134	IG, II ² , 2662	То же	4 500 драхм		
8	132	IG, II ² , 2679	Зем. участки и дома	4 000 »		
9	135	IG, II ² , 2660	Зем. участок и дом	3 000 »		Дата: 305/4 г. до н. э. 4 000 др. — вероятная стоимость объектов
10	135A	«Hesp.», XIX (1950), 23	»	3 000 »		
11	136	IG, II ² , 2661	»	2 000 »		Дата 340/39 или 313/2 г. до н. э.
12	153	IG, II ² , 2675	Дом и сад (κῆπος)	1 700 »		
13	137	IG, II ² , 2663	Зем. участок и дом	1 500 »		
14	3	IG, II ² , 2762	Зем. участок	2 000 драхм		
15	2	IG, II ² , 2759	Зем. участок, сад (κῆπος) и источник (Χρῆνη)	300 драхм		
16	3A	«Ath. Mitt.», 67 (1942), № 43	Зем. участок и (дом)	1 000 драхм	Дата 259/8 г. до н. э.	
17	1	IG, II ² , 2758	Зем. участок и дом	800 драхм		
18	45	IG, II ² , 2713	Зем. участок	1 талант	Юридически не вполне ясная надпись	
19	40	IG, II ² , 2721	»	3 000 драхм		
20	46	IG, II ² , 2705	»	2 800 »		
21	41	IG, II ² , 2723	»	2 550 »		
22	47	IG, II ² , 2703	»	2 000 »		
23	42	IG, II ² , 2719	»	1 200 »		
24	48	«Hesp.», X (1941), стр. 53, № 16	»	1 100(+?) »		
25	49	IG, II ² , 2681	»	1 050 »		
26	50	IG, II ² , 2702	»	1 000 »		
27	51	IG, II ² , 2712	»	1 000 »		
28	52	IG, II ² , 2711	»	900 »		
29	51A	«Ath. Mitt.», 67 (1942), 35—36, № 40	»	900 »		
30	53	«Hesp.», VII (1938), 93, № 14	»	600 »		
31	54	«Δελт.», XI (1927/8), παρ. 31 № 163	»	500 »		
32	55	IG, II ² , 2704	»	150 »		
33	57	IG, II ² , 2658	»	100(+?) »		
34	15	IG, II ² , 2687	Дом, земельный участок	(7 000) драхм	Сумма читается плохо, 7 000 драхм приняты условно	
35	30	IG, II ² , 2699	Зем. участок и дом	1 талант		
36	13	IG, II ² , 2724	Зем. участок, дом и сад	5 000(+?) драхм	Дата 319/8 или 314/3 г. до н. э.	
37	16	IG, II ² , 2694	Зем. участок и дом	4 000 »		
38	17	«Ελληνικά», VIII (1935), 223, №3	»	3 240 »		

Продолжение таблицы 1

№	№ по Финли	Публикация	Объект	Сумма оценки	Примечания
39	14	AJP, 69 (1948), 203, № 3	Дом, зем. участок и «дом в городе»	3 000 драхм	Дата 315/4 г. до н. э.
40	18A	Fine, I, № 17	Зем. участок и дом	3 000 »	
41	18	«Ath. Mitt.», 59 (1934), 42, № 4	»	3 000 »	
42	19 и 20	IG, II ² , 2693	»	2 200 »	Из двух сумм оставляю большую
43	21A	Fine, I, № 12	Зем. участок и дом	2 000 »	
44	31	IG, II ² , 2700	»	2 000 »	
45	21	IG, II ² , 2696	(Зем. участок) и дом	2 000 (+?) »	
46	22	«Hesp.», XIII (1944), 19	Зем. участок и дом	2 000 »	
47	23	REG, 54 (1941), 245, № 48	»	2 000 »	
48	24	AJP, 69 (1948), 201, № 1	»	1 500 »	
49	25	IG, II ² , 2688	»	1 500 »	
50	31A—B	Fine, I, № 26	Строительный (?) участок (οικδο-εδωο) и (дом?)	1 300 »	
51	26	IG, II ² , 2685	Зем. участок и дом	1 130 »	
52	32	IG, II ² , 2701	»	630 (+?) »	
53	27	IG, II ² , 2726	»	420 »	
54	28	IG, II ² , 2686	»	400 »	Оставляю большую сумму
55	29	IG, II ² , 2684	»	300 »	
56	32A	Fine, I, № 19	Дом, лавка и сад (κῆπος)	500 »	
57	106	REG, 62 (1949), 42	Зем. участок	500 »	Надписи датруются серединой и концом IV в. до н. э.
58	109	IG, XII, 8, 21	»	400 »	
59	104	IG, XII, 8, 18	Зем. участок и дом	2 300 »	
60	107	IG, XII, 8, 19	»	1 000 »	
61	112	IG, II ² , 2763	Зем. участок	420 »	
62	113	IG, II ² , 2764	(Зем. участок) и дом	3 000 »	Термин χωρίον восстановлен
63	115	IG, XII, 8, 22	Зем. участок и дом	800 »	Камень найден на о. Лемносе
64	177	IG, II ² , 2680	Зем. участок	5 100 »	Дата 313/2 г. до н. э.
65	127	IG, II ² , 2654	(Зем. участок и дом?)	800 »	
66	171	Kerameikos, 21	(Зем. участок?)	500 »	

для нас пока существенно лишь то обстоятельство, что и в этом случае земля выступает как эквивалент некоей денежной суммы. Надписи типа *prasis epi lysei* содержат примерно те же сведения, что и надписи типа ипотеки: обозначение объекта, имя кредитора («покупателя»), сумму залога («продажную цену»).

№№ 34—56, представляющие *horoi* типа *prasis epi lysei*, содержат сведения о земельных участках и домах вместе.

Г) К этим надписям можно добавить еще несколько документов (№№ 57—60). Долговые камни обнаружены на территории, в IV в. принадлежавшей Афилам, — на острове Лемносе. Кредиторами и, надо полагать, должниками в этих надписях выступали афинские граждане. Надписи отмечают сделки типа *prasis epi lysei*.

Надпись № 60 нуждается в дополнительных комментариях. Здесь два текста на одном камне, следующих непосредственно один за другим и относящихся, по-видимому, к одной и той же собственности. Объектом являются земельный участок и дом. Кредитор в обоих случаях один тот же: оргоны храма Геракла (на Лемносе). Над-

писи помечены годами правления двух разных архонтов; может быть, сделка была продлена. Но суммы различны: в первом случае 1000 драхм читаются точно, во втором сохранился лишь знак 100 драхм. Это значит, что во втором случае сумма безусловно была другая. Судя по числу пропущенных знаков (...H), она могла составлять 800 или 1 300 драхм (может быть 700, 1200 и т. п.). Для расчетов я оставил цифру в 1 000 драхм как вполне надежную.

Д) Некоторые надписи (№№ 61—64) опускают часть обычной формулы залога типа *prasis epi lysei* (именно слова *epi lysei*) и, если понимать их буквально, сообщают о продаже собственности. Но подобная регистрация продажи в Аттике вообще неизвестна, а все остальные признаки в этих надписях и в остальных залоговых текстах совпадают. Можно предполагать, что часть формулы была «сокращена» или пропущена по недосмотру. С другой стороны, ничто не препятствовало и тому, чтобы некоторые афиняне отметили в надписях акт продажи и поставили соответствующий камень на свое поле, как резонно полагает Финли¹⁰.

Таким образом, эти надписи остаются сомнительными по своему юридическому значению. Но, поскольку они сохранили сумму, за которую земля заложена или продана, их вполне можно использовать.

Особый случай представляет собой надпись, датированная 313/2 г. до н. э. — № 64. Объектом в ней является земельный участок «из части земли» (*ἄρος χωρίου ἀπὸ τοῦ μέρους τοῦ χωρίου*). Какова природа сделки и была ли здесь вообще совершена какая-то сделка — неясно. Но во всяком случае, перед нами — денежная оценка земельного участка. Надпись может быть использована.

Е) Следует остановиться на нескольких надписях, чтение которых предположительно ввиду утраты существенных частей текста.

Одна из этих надписей (№ 65) найдена в Спате (Месогей). Начало текста испорчено. Оно восстанавливается Кирхнером в IG как фиксирующее сделку типа *protimoma*. Обеспечение получают Дорофей и Филодем из Гипотамадов. В конце надписи в какой-то связи указана дата — 363/2 г. до н. э.

Другая надпись (№ 66) обнаружена в Керамике. Сохранилась лишь заключительная часть текста. Издатель (Реек) полагал, что речь идет о сделке типа *prasis epi lysei*.

Эти реставрации не бесспорны в той части, которая относится к объектам залога (даже если мы согласимся, что надписи определенно отмечают залог). Но цифры сохранились полностью, восстановления все же очень правдоподобны, поэтому я включаю обе надписи в таблицу.

Ж) Помимо надписей на долговых камнях, мы располагаем некоторыми сведениями о закладе земли из литературных источников. В нескольких случаях известна сумма залога.

Так, в 363/2 гг. до н. э. Демосфен судился со своими опекунами. В ходе этого дела опекун Афоб был присужден к уплате 10 талантов в пользу Демосфена. Афоб постарался избежать уплаты. В частности, принадлежавший ему участок земли (*χωρίον*) захватил брат его жены Онетор. Онетор утверждал, что этот участок являлся обеспечением приданого и фиксировал его соответствие сумме приданого в 1 талант (Dem., XXXI, 6—7).

Около 360 г. до н. э., выполняя триерархию и нуждаясь в деньгах, сын Пасивона Аполлодор заложил земельный участок (*χωρίον*) Фраспиху и Археню, заняв у них 30 мин (3 000 драхм) ([Dem.], L, 13. Ср. 28). Это был, возможно, один из участков Аполлодора, не составлявший всей его земельной собственности. Что касается формы сделки, то мы можем о ней только догадываться. Возможно, что здесь имела место «продажа с правом выкупа».

Суда под залог земли, связанная с именем Дидота (Lys., XXXII, 15), не может быть включена в таблицу, так как неясно, сколько участков выступало в качестве залога. Кроме того, чтение отрывка не является несомненным¹¹.

¹⁰ Finley, Studies..., стр. 103—104.

¹¹ Fine, Horoi..., стр. 168—169.

11 талантов, отданные под залог земли и домов Пасионом, скорее всего имели обеспечение в виде ряда отдельных объектов (Dem., XXXVI, 5—6).

Наконец, рассказ о закладе полководцем Тимофеем его имущества за сумму более чем 7 талантов ([Dem.], XLIX, 11) также не вполне точен. Невозможно определить, какую часть суммы обеспечивали земельные владения Тимофея. Таким образом, включить в таблицу следует лишь данные об участках Афоба и Аполлодора.

Таблица 2

№	Владелец	Период	Объект	Сумма
67	Афоб	2-я четв. IV в.	Зем. участок	1 талант
68	Аполлодор	»	»	3 000 драм

Итак, перед нами 68 цифр, частично или полностью относящихся к цене земельных участков. Первое производимое ими впечатление сводится к следующему:

1) Они все соответствуют сравнительно небольшим денежным суммам. Крупнейшая из этих сумм достигает лишь 8 000 драм (притом она частично отражает залог дома).

2) Денежные суммы отличаются известной равномерностью. Переход от мелких к крупным цифрам постепенен и не обнаруживает существенных разрывов. Вместе с тем преобладают цифры «средних» размеров. Так, половину всего списка составляют суммы от 1 000 до 3 000 драм включительно.

Это впечатление относится к суммам займов, а не к ценам заложенных объектов. Чтобы перейти непосредственно к ценности земельных участков, мы должны выяснить, в какой мере сумма долга, указанная в надписях, отражала реальную продажную цену объекта, установить соотношение между этими величинами.

Финли занимался подобным вопросом лишь в связи с анализом отдельных документов, и его замечания на этот счет очень нерешительны. «Нет готовой формулы, которая устанавливала бы отношение между суммой долга и ценностью заложенной собственности», — пишет он на стр. 80. С другой стороны, на стр. 116—117 он замечает: «Было бы велепо полагать, что сумма долга... и цена заложенной собственности... вообще не имели отношения друг к другу». Финли присоединяется к господствующему мнению, согласно которому заложенная собственность могла иметь значительно большую ценность, чем сумма долга¹². Он ссылается на ряд примеров. Так, в одной из речей Демосфена сообщается о некоем Пантенете (Dem., XXXVII). Имущество, под залог которого Пантенет получал 100 мин, он в конце концов продал за 3 таланта 2 600 драм, т. е. примерно за вдвое большую сумму (там же, 50. Речь относится к середине IV в. до н. э.).

В отчете полетов 367/6 г. до н. э. («Hesp.», X (1941), стр. 14) содержатся сведения о продаже имущества (дома) некоего Теосебеса из Ксипете. Оказывается, под залог дома были в разное время заняты суммы в 150, 100 и 24 драмы, всего 274 драмы. Кроме того, была заявлена еще одна претензия на 30 драм, не связанная с залогом. Продажа дома с торгов принесла 575 драм, вдвое с лишним больше суммы непосредственных долгов. Впрочем, этот случай не может считаться достаточно ясным в интересующем нас смысле.

Надписи на закладных камнях содержат сходные данные. Прежде всего, они вообще, как правило, относятся к какому-то объекту в целом и лишь в исключительных случаях сообщают о залоге части объекта. Между тем ясно, что суммы займов могли быть самыми различными; получается, что под залог дома ценой, допустим, в 1 000 драм можно занять или 600 драм, или 500, или 300,— «сколько дадут».

И действительно, в текстах залоговых надписей встречаются изменения и вычер-

¹² Finley, Studies..., стр. 70.

квивания цифр, свидетельствующие об изменении суммы долга при неизменном объекте. В № 28 по Финли (IG, II², 2686), где объектом являлся земельный участок, из (первоначальной?) суммы в 400 драмах вычеркнуты 200 драм, а в остальном тексте изменений не произведено. Аналогичное уничтожение части цифр имело место на Аморгосском долговом камне (IG, XII, 7, 56): вместо 3 000 драм там оставлена сумма в 1 000 драм. Устранена также часть текста. Возможно, что изменение в цифре было сделано также в № 163 по Фипли (IG, II², 2767).

Нужно отметить, правда, что подобные изменения могли иметь целью устранение какой-либо ошибки, допущенной в первоначальном тексте.

№№ 107 и 108 по Финли (IG, XII, 8, 19), представляющие две последовательно расположенные на одном камне надписи, относятся, видимо, к одной и той же собственности. Они содержат две различные цифры долга для разных лет (кредитор остался прежний). №№ 19 и 20 по Финли (IG, II², 2693) также, вероятно, отмечают сделки с одной и той же собственностью. В одном случае здесь появляются два кредитора на сумму в 1 100 драм, в другом — лишь один из этих двух на вдвое большую сумму. Наконец, № № 4 и 5 по Финли (IG, II², 2761 A и B) также занимают один камень и относятся, возможно, к одной и той же собственности. В первой надписи находилась (выскобленная) цифра 1 000 (драм), во второй 200 (драм). Кредиторы различны, и нет уверенности, что объект (дом) в обоих случаях тот же самый.

Таковы случаи изменения цифр в залоговых надписях. Каждый из них в отдельности можно поставить под сомнение, но все вместе они все-таки внушают мысль об известной «подвижности» суммы долга при неизменной цене заложенной собственности. Каковы могли быть границы этой подвижности? Каково было среднее соотношение между залогом и ценой объекта? Опираясь на общегреческий материал, Гиро пришел к выводу, что правилом являлось требование двойного залога¹³. Это безусловно довольно правдоподобная цифра, но она едва ли может быть применена ко всем видам залога без различия.

Остановимся на первом типе рассмотренных сделок — обеспечении возврата приданого (аротимема). Характерной чертой этой формы залога являлась денежная оценка. Такая оценка, очевидно, производилась для того, чтобы определить, является ли достаточным предоставляемое обеспечение. Достаточным было уже обеспечение, равное по своей ценности приданому. Теоретически совпадение ценности того и другого должно было считаться нормой.

В речи Демосфена против Онетора имеются ясные указания на этот счет. Демосфен постоянно ссылается на сделанную Онетором оценку земельного участка Афоба (Онетор предъявлял требования на участок, будто бы обеспечивавший возврат приданого его сестры). Для нас здесь совершенно безразлично, что требования Онетора, возможно, были чистой фикцией. Онетор оценил участок в 1 талант, и эта оценка принимается Демосфеном как точная. Во всяком случае, Демосфен считает, что если участок стоит талант, то он тем самым является достаточным обеспечением такой же суммы приданого. Он допускает, что если приданое составляло 80 мин (как одно время утверждал его оппонент), Онетор имел право, кроме участка, получить в залог за оставшиеся 2 000 драм еще и дом (и поставить ногой на эту сумму). Если же участок стоил больше таланта, сумму в 2 000 драм следовало обеспечить, не вовлекая в сделку дом, а поставив дополнительно ногой на тот же участок. Оценка, зафиксированная в надписи на ногой, должна быть равна величине имущества, выступающего в качестве обеспечения, — такова предпосылка, из которой исходит Демосфен во всех своих рассуждениях (Dem., XXXI, 1—7).

Любопытны в этой связи ногой №№ 146 и 147 по Фивли (IG, II², 2670; «Hesp.», Suppl. 7 (1943), I, № 1). В этих надписях указана сделка типа аротимема — приданое обеспечивается в первом случае земельным участком, во втором — домом. В той и в другой надписи имеется дополнение: «насколько же стоит больше... (ὅσῳ πλείονος ἔτιον...)» и предполагается вовлечение остатка в другие сделки (типа ипотеки). Таким

¹³ Guignard, Propriété..., стр. 391; см. Syll.², 306, стк. 30.

образом, предусматривалась возможность несовпадения ценности заложенного имущества и суммы залога.

Что доказывают эти *hōroi*? Во-первых, что на практике соответствие между ценой имущества — обеспечения и суммой приданого иногда нарушалось. Во-вторых, что в подобных случаях остатком можно было распоряжаться свободно. В-третьих, что вообще равноценность обеспечения и приданого была образцом: умолчание об остатке во всех остальных случаях можно объяснить тем, что остатка там не было.

Попробуем взглянуть на дело с позиции самих афинян. Процедура обеспечения приданого на практике часто была простой формальностью: возвращать приданое не приходилось. С этой точки зрения было все равно, на какую часть собственности поставить *hōroi*. Далее, в случае развода можно было просто вернуть приданое деньгами, а если дело доходило до предоставления обеспечения взамен приданого, то «должник» рисковал лишь той частью заложенной собственности, которая соответствовала отмеченной в надписи сумме приданого.

Однако несомненно — как бы мы ни объясняли этот факт — что афиняне постоянно вовлекались в сложные и запутанные тяжбы, грозившие им серьезными материальными потерями. В таких условиях они, надо полагать, стремились к четкости в своих имущественных обязательствах. Вероятно, обе стороны (т. е. муж и теща) предпочитали установить такое обеспечение, которое в дальнейшем не вызвало бы никаких споров. Кроме того, обеспечение в виде объекта, превышающего по ценности сумму обязательства, имело бы существенные недостатки. Как, например, можно было реализовать приданое, обеспеченное частью дома? Неудобно и делить дом на части и продавать его с целью раздела вырученных денег. Наконец, *protimēta* отличалась от других форм залога тем, что здесь, как правило, отсутствовала обстановка «безвыходного положения», внезапной нужды в деньгах (вероятная причина многих залоговых сделок). Наоборот, обе стороны имели время подумать и могли договориться обо всем заблаговременно, задолго до фактического заключения контракта.

В этом смысле показательны тексты самих надписей. 8 сделок типа *protimēta proikōs* из 13 включают в качестве обеспечения землю вместе с домом или домами. Например, в № 133 по Финли (IG, II², 2659) обеспечением являются земельный участок и дом, сумма обязательства равна 1 таланту 2 000 драхмам. Предположим — точно так, как это было в случае с Афобом, — что участок обеспечивал 1 талант, а дом — 2 000 драхм. Если бы участок стоил существенно больше таланта (скажем, 1 талант 3 000 драхм), мы были бы вправе повторить вопрос Демосфена к Онетору: почему же «должник» не указал в надписи только земельный участок, если последний уже являлся достаточным обеспечением? Ответ может быть только один: участок стоил меньше 1 таланта 2 000 драхм, поэтому в сделку был вовлечен также и дом. Эти 8 *hōroi* с «комплексным» объектом залога ясно свидетельствуют о том, что в сделках типа *protimēta proikōs* расхождение между залоговой суммой и продажной ценой объекта было, как правило, незначительным.

Трудно определить эту «незначительность» математически. Любая цифра окажется до известной степени произвольной. Пожалуй, полуторное превосходство продажной цены над суммой обязательства составит высшую границу интересующего нас соотношения, совпадение этих величин, естественно, явится нижней границей. Возьмем условно середину — отношение продажной цены к сумме обязательства как 1,25 к 1.

Иначе обстоит дело с залоговыми операциями типа *prasis epi lysei* и ипотеки. Низшая граница продажной цены объекта здесь также определяется без труда: она равна сумме обязательства. Установление высшей границы — дело значительно более сложное. Прежде всего мы сталкиваемся с наличием двух форм залога — ипотеки и *prasis epi lysei*. Проблема происхождения и юридического значения этих форм породила обширную литературу и противоположные точки зрения. Финли, не занимаясь этим вопросом специально, исходит из одновременного существования ипотеки и *prasis epi lysei* в IV в. до н. э. Если принять его точку зрения, реальный аспект различия будет сведен к вопросу: переходило ли в сделке типа *prasis epi lysei* заложенное имущество в руки кредитора? Гиро и Вайс решали этот вопрос положительно. Финли — отри-

ательно¹⁴. Файн считал возможными оба варианта, в зависимости от конкретных условий соглашения¹⁵.

Между тем тот или иной характер сделки оказывал бы сильное влияние на интересующее нас соотношение. Если имущество после подписания контракта переходило к кредитору, это означало бы для должника более тяжелые условия, чем при обычной ипотеке. Какой смысл был для должников в такой сделке (при наличии других возможностей), если они не получали какой-то компенсации? Компенсацией мог являться залог по более высокой, близкой к продажной, цене. В этом случае ценность объекта и сумма обязательства в сделках типа *prasis epi lysei* примерно совпадали. Если же сделка типа *prasis epi lysei* оставляла имущество в руках должника, — остается непонятным, в чем же ее отличие от собственно ипотеки.

Файн переносит проблему в несколько иную плоскость. По его мнению, ипотека развилась позже *prasis epi lysei* и вторая форма залога преобладала в течение IV в. до н. э.¹⁶ С этой точки зрения понятно, что условия сделки второго типа могли быть тяжелее. Главное различие между обеими формами Файн видит в том, что при ипотеке кредитор имел право лишь на ту часть заложенной собственности, которая соответствовала сумме долга: остаток в случае неуплаты сохранялся за должником¹⁷. Напротив, в *prasis epi lysei* кредитор получал временные (а в случае неуплаты постоянные) права собственности на все заложенное имущество, а не только на ту его часть, которая покрывала сумму долга¹⁸.

Нельзя считать ту или иную точку зрения окончательно доказанной. По-видимому, при современном состоянии источников решающих доказательств вообще нет. Для нас здесь имеет важнейшее значение то обстоятельство, что в сделках типа *prasis epi lysei* кредитор в случае неуплаты мог захватить в с ю заложенную собственность. Такова точка зрения большинства исследователей¹⁹.

Очевидно, что при этих условиях ценность закладываемого имущества не могла безгранично превосходить сумму долга. Должники, конечно, стремились поставить *horoi* на минимальную часть собственности. Едва ли были обычными сделки, при которых ценность объекта в несколько раз превышала сумму долга (хотя, разумеется, всегда обстоятельство не давали должнику возможностей для выбора). Отмеченное выше двойное превосходство цены объекта над суммой займа представляется очень правдоподобным для сделок типа *prasis epi lysei*. В частности, оно подтверждается упомянутым выше случаем с Пантеном (*Dem.*, XXXVII).

Итак, для *apotimema* примем как среднее соотношение продажной цены и суммы залога 1,25 : 1. Для *prasis epi lysei* примем 2 : 1 — очень ориентировочное среднее соотношение в рамках точки зрения Файна. Разумеется, могли быть всякого рода исключения, но они не поддаются учету и не имеют большого значения. Поскольку мы оперируем массовым материалом, мы вправе ограничиться средними цифрами.

Что касается ипотеки, то соотношение между продажной ценой и суммой залога здесь вообще невозможно определить, если принять концепцию Файна и ряда других исследователей, считающих особенностью ипотечных сделок ограниченные права кредитора на заложенное имущество (см. выше).

Невозможно применить полученные пропорции ко всем цифрам в залоговых надписях без учета еще одного обстоятельства. Как мы видели, многие тексты указывают одип нерасчлененный объект — дом и земельный участок вместе. Чтобы узнать долю земли, нужно вычесть из общей суммы цифру, соответствующую ценности дома. Но последняя сама есть неизвестная величина. Цены домов в литературных источниках ко-

¹⁴ G u i g a u d, *Propriété...*, стр. 281; W. W y s e, *The Speeches of Isaeus*, Cambridge, 1904, стр. 430—431; F i n l e y, *Studies...*, стр. 10—13.

¹⁵ F i n e, *Horoi...*, стр. 143.

¹⁶ F i n e, *Horoi...*, стр. 91—92.

¹⁷ F i n e, *Horoi...*, стр. 94.

¹⁸ F i n e, *Horoi...*, стр. 143.

¹⁹ F i n e, *Horoi...*, стр. 143; F i n l e y, *Studies...*, стр. 203.

леблются от 300—500 до 10 000 драхм. Обычная цена, по-видимому, не превышала 1 000—3 000 драхм. Эти сведения могут быть проверены и подкреплены данными самих надписей на долговых камнях. Если часть этих надписей сообщает только о земле, другая часть — о земле и домах вместе, то немало их посвящено специально домам. Остановимся на них здесь вкратце.

1) Тексты типа *arotimeta* дают следующие цифры для домов: 2 000, 1 500, 1400+?, 500, 300 драхм²⁰. Средняя цифра — 1 140 драхм.

2) Тексты типа ипотеки: 1 000, 200, 200 драхм²¹. Средняя цифра — 467 драхм.

3) Тексты типа *prasis epi lysei*: 3 000, 3 000, 2 000, 1 800, 1 500, 1 000, 1 000, 800, 800, 700, 700, 500, 400, 290, 270 драхм²². Средняя цифра — 1 154 драхмы.

4) Два текста — может быть, вообще не относящиеся к ипотеке, а фиксирующие продажу и оценку приданого, — сообщают соответственно цифры 2 000 и 500 драхм²³. Средняя цифра — 1250 драхм.

Если применить к этим средним цифрам выведенные ранее соотношения, получатся следующие суммы:

1) По группе с *arotimeta* — 1 425 драхм.

2) По группе с *prasis epi lysei* — 2 308 драхм.

3) По группе сомнительных текстов — 1 250 драхм.

Приведенные здесь цифры до некоторой степени подтверждают, что соотношение продажной цены и суммы долга в сделках типа *prasis epi lysei* в среднем вряд ли могло быть выше, чем 2 : 1. Приняв, например, отношение 3 : 1 или 4 : 1, мы получили бы необъяснимо высокую среднюю, а в некоторых случаях и абсолютную, цену домов в сделках указанной категории. Скорее можно предполагать, что эти дома закладывались за суммы, значительно более близкие к их продажной цене. Объяснение, по-видимому, заключается в том, что ценность городских строений легче определялась и была более известна заинтересованным лицам, чем ценность сельских участков.

Полученные цифры, вероятно, довольно точно отражают среднюю ценность заложенных домов. Однако обратный переход от средней цены к конкретным случаям не может быть совершен на их основе. Во-первых, почти все эти надписи (во всяком случае, те, место обнаружения которых известно) найдены в Афинах, Пирее и Элевсине. Это значит, что они относятся к домам городского типа. Между тем, большая часть надписей, в которых упоминаются земля и дом вместе, наоборот, найдена в сельской местности. Конечно, и в IV в. до н. э. имелись богатые дома, расположенные за городом, как это было в V в. (см. *Thuc.*, II, 65, 2). Однако средняя цена деревенских домов была, надо полагать, значительно ниже средней цены городских. Во-вторых, невозможно принять цену дома одинаковой по всем категориям участков. Ясно, что мелким участкам соответствовал, как правило, более дешевый дом. Напротив, крупные участки включали более дорогие дома. По-видимому, мы будем гораздо ближе к истине, если попытаемся установить долю дома в общей ценности заложенной собственности.

Возможность этой статистической операции содержится в цифрах, вошедших в нашу таблицу. Действительно, налицо 66 цифр, извлеченных из надписей. Средняя цена всех этих объектов равна 2 119 драхам. Средняя цена 38 земельных участков, вовлеченных в сделку вместе с домами, — 2 408 драхм. Средняя цена 28 земельных участков, выступающих в качестве самостоятельных объектов, — 1 726 драхм. Разница между средними ценами, видимо, получилась за счет домов. Она равняется 682 драхам, т. е. доля домов относится к доле земли как 1 : 2,5.

Эта средняя разница не является показательной, поскольку она относится ко всем домам без различия. Подойдем к вопросу иначе: попытаемся определить среднюю долю домов для района Афин и для сельской местности отдельно. При этом будем ис-

²⁰ №№ 162, 148, 147, 149, 150 по Финли.

²¹ №№ 4, 5, 6 по Финли.

²² №№ 68, 67А, 69, 70, 72, 73, 66А, 74, 86, 71, 75, 76, 77, 78, 79, 80 по Финли.

²³ №№ 114, 175А по Финли.

ходить из достаточно резонного предположения, что в Афинах и Пирее найдены камни, в свое время поставленные в самом городе и в пригородных районах. Камни из отдаленных местностей, несомненно, перемещались в Афины гораздо реже. И, конечно, лишь в исключительных случаях они могли транспортироваться из города в отдаленные деревни.

Всего имеется 15 ногоі, более или менее определенно найденных в районе Афин и Пирея; из них 6 указывают в качестве объекта залога только землю, 9 — землю и дом. Средняя цена первых составляет 508 драхм, вторых — 2270 драхм, разница между ними равна 1762 драхам, предположительная доля дома — 78%. Доля земли, таким образом, равна примерно $\frac{1}{5}$ общей ценности.

Среди 31 определенно сельской надписи 11 относятся к земельным участкам, 20 — к земельным участкам и домам вместе. Средняя цена объектов в первых равна 2009 драхам, во вторых — 2863 драхам, разница — 854 драхам, ориентировочная доля дома — 30%.

Можно, конечно, оспаривать типичность этих пропорций. Во всяком случае они хорошо соответствуют тому, чего вообще следовало ожидать. Естественно, что мелкие пригородные участки имели незначительную ценность по сравнению с домами. Понятно также, почему в сравнительно отдаленных сельских местностях относительная и абсолютная ценности домов были намного меньше.

Было бы нецелесообразно приводить здесь все дальнейшие вычисления. Я провел большое количество подсчетов как по различным типам залога, так и по группам ногоі в зависимости от мест их находки. По тому же принципу, что и прежде, доля домов в лемносских надписях определена в $\frac{2}{3}$. В надписях неизвестного происхожде-

Таблица 3

№	Сумма долга в драмах	Ориентировочная цена участка в драмах	№	Сумма долга в драмах	Ориентировочная цена участка в драмах
1	6 000+?	7 500	36	5 000+?	7 000
2	5 200	6 500	37	4 000	4 000
3	1 800	2 250	38	3 240	4 536
4	750	937,5	39	3 000	3 000
5	500	625	40	3 000	1 200
6	8 000	7 000	41	3 000	4 200
7	4 500	3 932,5	42	2 200	3 080
8	(4 000)	3 500	43	2 000	800
9	3 000	2 625	44	2 000	2 800
10	3 000	2 625	45	2 000+?	2 000
11	2 000	1 750	46	2 000	2 800
12	1 700	425	47	2 000	2 000
13	1 500	1 312,5	48	1 500	2 100
18	6 000	2 000	49	1 500	2 100
19	3 000	6 000	50	1 300	520
20	2 800	5 600	51	1 130	452
21	2 550	5 100	52	630+?	882
22	2 000	4 000	53	420	420
23	1 200	2 400	54	400	560
24	1 100+?	2 200	55	300	300
25	1 050	2 100	56	500	100
26	1 000	2 000	57	500	1 000
27	1 000	2 000	58	400	800
28	900	1 800	59	2 300	1 534
29	900	1 800	60	1 000	666
30	600	1 200	61	420	420
31	500	1 000	62	3 000	600
32	150	300	63	800—Лемнос	267
33	100+?	200	64	5 100	5 100
34	(7 000)	2 800	65	800	700
35	6 000	8 400	66	500	1 000

ния доля домов принята в $\frac{1}{2}$ (поскольку эти надписи равно могли относиться к району Афин и к сельской местности).

Итак, преобразуем нашу таблицу на основе следующих подсчетов:

1. Из общей суммы (для объектов смешанного состава) вычитается доля дома (ногой из района Афин — 80%, ногой из сельской местности — 30%, ногой с Лемноса — 33,3%, ногой неизвестного происхождения — 50%. Доля двух домов в № 39 принята в 50%, доля дома и лавки в № 56 — в 90%).

2. Суммы в залоге типа *apotimema* умножаются в 1,25 раза, в сделках типа *prasis epi lysei* — в 2 раза. Суммы в №№ 61, 62, 63 оставлены без изменения, так же как и в № 64. Сделка в № 65 рассматривается как *apotimema*, в № 66 — как *prasis epi lysei*.

Сделки типа ипотеки в таблицу не включены. Два случая, извлеченные из литературных источников, также опущены. Дело в том, что они заведомо относятся к крупным участкам: здесь, таким образом, отсутствует элемент случайности, необходимый для дальнейших подсчетов.

Остаются всего 62 цифры. Надписи приводятся в том же порядке, что и прежде. Сохранены прежние номера. Несовпадение общего количества рассматриваемых ногой и номеров (начиная с 18-го) объясняется исключением сделок типа ипотеки (№№ 14—17) — см. табл. 3.

В этом преобразованном виде общая предположительная ценность всех участков, вместе взятых, составляет 158 829,5 драхмы, средняя цена — 2 561,8 драхмы. Общая сумма залога по участкам и домам в целом составляла 135 740 драхм, при средней цене в 2 189,4 драхмы.

Средняя цена ничего не говорит об отношениях между заложенными участками. Поэтому оказывается необходимым разделить все участки на группы в зависимости от их ценности. Участки распределяются следующим образом:

Участков ценой до	500 драхм	— 8	(с лемносскими	9)
»	1 000	» — 8	(» 10)
»	1 500	» — 5	(» 6)
»	2 000	» — 3	(» 4)
»	2 500	» — 10		
»	3 000	» — 5		
»	3 500	» — 2		
»	4 000	» — 2		
»	4 500	» — 3		
»	5 000	» — 1		
»	5 500	» — 2		
»	6 000	» — 1		
»	6 500	» — 1		
»	7 000	» — 1		
»	7 500	» — 2		
»	8 000	» — 1		
»	8 500	» — 1		
»	в 12 000	» — 1		

Без лемносских имеется 57 участков — это минимальный статистический материал, которым мы можем оперировать. Их общая предположительная ценность равна 154 552,5 драхмы, а средняя цена — 2 711,3 драхмы (сумма цен пяти лемносских участков — 4 267 драхм, средняя цена — 853,4 драхмы. Возможно, что на этом основании допустим вывод о сравнительно небольшой величине лемносских участков).

Все суммы располагаются в пределах от 100 до 12 000 драхм. При этом сохранилась отмеченная выше постепенность перехода от мелких к крупным цифрам. Действительно, цены участков можно представить в виде медленно, без скачков повышающейся кривой. Как правило, каждый более дорогой участок отличается от соседнего, более дешевого, лишь незначительно. Существенный разрыв имеет место только в конце этой кривой, между участками ценой в 8 400 и 12 000 драхм. Этот разрыв совершенно естественен, поскольку по самой логике вещей крупные участки должны были обнаруживать между собой большие различия, чем мелкие.

Сохранилось также преобладание средних цифр, выступающее здесь как очень значительная численность участков средней ценности. Мы не получаем «пирамиды», при которой самые мелкие участки были бы самыми многочисленными, а численность участков была бы обратно пропорциональна их ценности. Тем более мы не находим «таяния» участков средней ценности. Напротив, самую многочисленную группу (в 10 единиц) составляют участки ценой от 2 000 до 2 500 драхм. Средняя цена всех участков равна, как сказано, 2 711,3 драхмы. Это значит, что количественно важное место занимают участки, по своей ценности близкие к средней цене, но не достигающие ее (в действительности средняя цена земельного участка в Аттике приближалась скорее к 2 000, чем к 2 700 драхам. Заложенные земли дают несколько завышенные средние цифры).

Таким образом, среди должников-землевладельцев земельная собственность, по-видимому, была распределена сравнительно равномерно. Очень значительную часть их составляли владельцы средних по ценности участков.

* * *

Ногой доставляют наиболее массовый и доброкачественный, самый удобный для статистической обработки материал. Но в нашем распоряжении имеются также некоторые другие источники, содержащие сведения о земельных участках. Так, к концу V в. до н. э. относятся надписи, перечисляющие конфискованное и проданное имущество афинских граждан, осужденных по процессу гермокопидов. Фрагменты этих надписей были недавно собраны и опубликованы Причетом под названием «аттических стелы»²⁴

Рассмотрим цифровые данные, имеющиеся на стелах. Они также могут быть представлены в виде таблицы (см. табл. 4).

Из приведенных случаев № 8 относятся к началу IV в. до н. э., №№ 9—13 — ко времени несколько раньше середины IV в., №№ 14—16 — к периоду около 342/341 гг. до н. э. Надпись IG, II², 1 580 по ряду признаков принадлежит скорее к *rationes septesimarum*, надписям о продаже недвижимости с уплатой однопроцентного налога, чем к отчетам полетов. Включая ее в эту таблицу, я лишь следовал общепринятому взгляду. С другой стороны, стелы и отчеты полетов содержат несколько цифр, характеризующих продажу неизвестных объектов. С большой вероятностью в этих случаях можно предполагать продажу недвижимости. Я не включил эти цифры в таблицу, но учитывал их при некоторых подсчетах.

Прежде чем суммировать полученные данные, необходимо установить, в каком отношении находятся имеющиеся в них цифры к реальной продажной цене объектов. Продажа конфискованных имуществ производилась путем аукциона. Кто предлагал большую сумму, становился покупателем. Ясно, что определить конкретные соотношения цен мы не в состоянии. Но нам достаточно, как и прежде, вывести общее, среднее соотношение — в данном случае соотношение «аукционной» и продажной, «рыночной» цен.

Наиболее вероятно, что с торгов имущество (особенно такое, как недвижимость) продавалось в общем дешевле, чем в иных случаях. Данные источников подтверждают это предположение. Так, Лисий прямо свидетельствует, что конфискованное имущество очень дешево продавалось государством (*πολλοῦ ἕξια ἔντα ὀλίγου τιμᾶσμεται*) (Lys., XVIII, 20).

Насколько обычная продажная цена превышала «аукционную» цену? Стелы отмечают продажу множества самых разнообразных предметов. Как правило, их цена весьма близка к рыночным ценам конца V — начала IV вв. Занимавшийся этим вопросом Причетт сравнивает те и другие цены, ничуть не сомневаясь в правомерности такой операции²⁵. Так, средняя цена рабов по стелам составляла 179 драхм²⁶. Это

²⁴ «Hesp.», XXII (1953), стр. 225—299.

²⁵ K. P r i t c h e t t, *The Attic Stelai*, II, «Hesp.», XXV (1956), *passim*.

²⁶ Там же, стр. 276—277.

Таблица 4

№	Надпись	Владелец	Место	Объект	Продажная цена
1	Стела VI, стк. 94—107	Ферекл из Фемака	Пифион, Кикала, Бате, Λαυ...	4 земельных участка, дом, строительный (?) участок, «священный участок»	1 200 драхм
2	Стела VII, стк. 72—74	?	Вне Аттики?	Поле, дом, незасаженная земля, виноградник	1 900 »
3	Стела VII, стк. 75—77	?	Вне Аттики?	(Поле?), виноградник, дом + ?	6 100 »
4	Стела X, стк. 1—2	Адимап из Скамбонидов	?	Дубовая и сосновая рощи, дом и 8 пифосов	1 800 »
5	Стела X, стк. 16	Эвфилет из Кидафенеона	Гаргетт	Зем. участок	105 »
6	Стела X, стк. 17	»	Мирринутте	Зем. участок, сад и дом	205 »
7	Стела X, стк. 18	»	Афидна	Зем. участок	10 »
Надписи IV века — отчеты полетов о продаже конфискованных земель и домов — также содержат несколько цифр, могущих быть использованными.					
8	«Hesp.», V (1936), № 9, стк. 6—10	?	Фрия	(Дом — <i>συνολικία</i> , окраинный участок — <i>ἐσχατια?</i>)	610 »
9	IG, II ² , 1580, стк. 1—3	?	?	Зем. участок и дом	500 »
10	IG, II ² , 1580, стк. 4—7	? — из Афмoнoнa	Прасии	»	2 375 »
11	IG, II ² , 1580, стк. 8—10	?	Прасии	»	2 012,5 »
12	IG, II ² , 1580, стк. 11—13	? — из Мирринунта	?	»	5 000 »
13	IG, II ² , 1580, стк. 24—27	?	Тифрасии	Зем. участок	1 талант 3 050 драхм
14	«Hesp.», V (1936), № 10, стк. 29—34	Филократ из Агноса?	Агнос?	(Зем. участок?)	1 000 драхм
15	Там же, стк. 61—66	?	?	Окраинный участок + ?	600 »
16	Там же, стк. 153—185	Никодем из Энон	Афидна	Зем. участок	680 »

несколько меньше средних цен IV в. Есть основания предполагать, что в случаях продажи недвижимости расхождение могло быть более значительным. Причетт отмечает, что стелы дают для домов и земельных участков меньшие цифры, чем остальные источники. Кроется ли объяснение в очень маленьких размерах участков или в общей экономической ситуации военного 414 г. до н. э. — он не берется определить²⁷. Мне кажется, объяснение заключается прежде всего в различии «аукционных» и «рыночных» цен.

Мы можем опереться при решении этого вопроса на одно литературное свидетельство — именно на некоторые связанные между собой места в речи Лисия об имуществе Аристофана. Лисий намекает, что от продажи собственности Аристофана государство не получило и 4 талантов (Lys., XIX, 34). Эту цифру можно сравнить с общей ценностью имущества Аристофана, насколько последняя нам известна. В самом деле, мы знаем, что Аристофан не оставил ни золота, ни серебра (*οὐ κατέλιπεν... ἀργύριον οὐδὲ χρυσίον*) (там же, 27). Домашних вещей (*ἐπιπλα*) оказалось

²⁷ Там же, стр. 275.

на сумму более чем в тысячу драхм (там же, 31), т. е. по отношению к четырем талантам немного. Ничего не слышно также о деньгах, данных в долг, о рабах, мастерских, торговых предприятиях или стадах скота. Между тем Лисий должен был бы непременно упомянуть эти статьи по самому смыслу речи: его целью было показать, что Аристофан вложил много денег в приобретение имущества. Лисий указывает лишь покупку Аристофаном земли и дома за 5 с лишним талантов (там же, 29, 42). Прежде же Аристофан не имел состояния (*πρῆτερων μὴ βλαρῆδοῦς οὐσίας*, там же, 29). Все это значит, по-видимому, что за четыре без малого таланта было продано имущество, приобретенное на «рыночных» ценах за пять с лишним талантов (и, кроме того, какие-то относительно небольшие статьи). Общая «рыночная» цена имущества Аристофана во всяком случае не превышала 5,5 — 6 талантов. Таким образом, «аукционная» цена оказалась приблизительно в полтора раза ниже обычной продажной цены.

Этот результат очень правдоподобен. Действительно, если цена предметов, проданных с торгов, должна была в среднем быть ниже их обычной цены, то все же она не могла опускаться ниже какой-то нормы (если отвлечься от всегда возможных исключений). Конечно, теоретически трудно установить низшую границу, но можно предполагать, что средняя продажная цена не превышала среднюю «аукционную» цену больше чем, скажем, в полтора-два раза: более резкое расхождение вряд ли допустимо в обществе, доросшем до аукциона. Легко представить себе, какую дезорганизацию вносили бы торги в хозяйственную жизнь, если бы дело обстояло иначе.

Итак, всякое реально возможное соотношение «рыночной» и «аукционной» цен будет располагаться в пределах от 1 : 1 до 2 : 1. Остановимся на этих пропорциях, приняв их как минимум и максимум.

Из наших 16 цифр 10 отмечают цену земельных участков и домов вместе. Используя результаты, полученные выше по материалам *hогоi*, примем долю домов в общей продажной цене равной приблизительно 1 : 3. В окончательно преобразованном виде цифры будут выглядеть следующим образом (учитывается только цена земли):

1	800—1 600	драхм	9	333—	667	драхм
2	1 267—2 533	»	10	1 583—	3 167	»
3	4 067—8 133	»	11	1 342—	2 683	»
4	1 200—2 400	»	12	3 333—	6 667	»
5	105—	210	»	13	9 050—	18 100
6	137—	273	»	14	1 000—	2 000
7	10—	20	»	15	600—	1 200
8	407—	813	»	16	680—	1 360

Построим два варианта расчетов. В первом варианте принимается минимальная цена земли (при соотношении продажной и «аукционной» цен как 1 : 1), во втором — максимальная (то же отношение здесь — 2 : 1). Распределим цифры по группам, в зависимости от их абсолютной величины. Получается:

		1 вариант		2 вариант	
Участков	ценной	до 500	драхм—	5	3
»	»	1 000	» —	3	2
»	»	1 500	» —	4	2
»	»	2 000	» —	1	1
»	»	2 500	» —	0	2
»	»	3 000	» —	0	2
»	»	3 500	» —	1	1
»	»	в 4—5 000	» —	1	0
»	»	в 6—7 000	» —	0	1
»	»	в 9—10 000	» —	1	1
»	»	в 18—19 000	» —	0	1

При этом не учитывалось то обстоятельство, что в случае с № 2 фактически были проданы шесть участков, а в случаях с №№ 5, 6, 7 три участка составляли владение

одного и того же лица. Если мы введем единый принцип и станем учитывать величину владений, а не участков, начало таблицы примет следующий вид:

владений ценой до 500 драм — 3 0
 » » » 1000 » — 3 3

и далее без изменений.

Средняя цена владения в первом варианте расчета равна 1851, во втором варианте — 3702 драмам.

Мы могли бы добавить сюда 8 (или 6, по числу владений) сомнительных случаев, не включенных в таблицу ²⁸. В этом случае средняя цена владения понизилась бы до 1587 (первый вариант) или до 3 174 (второй вариант) драм.

Мы видим, что результаты вычислений по заложенным и конфискованным земельным участкам совпадают во многих существенных чертах. Участки (и владения) средней ценности (от 500 до 5 000 драм) преобладают, они составляют больше половины общего числа объектов. При среднем полуторном превосходстве реальной продажной цены над «аукционной» средняя цена участка составляет 1 851 драм, средняя цена владения — 2 776,4 драмы. Переход от мелких участков к крупным даже при этом очень ограниченном количестве цифр постепенен. Участки и владения дороже 10 000 драм или отсутствуют, или единичны. Таким образом, выведенные на основе залоговых надписей пропорции не представляются чем-то исключительным; наоборот, сходные пропорции обнаруживаются в источниках совсем иной категории. Это значит, что соотношения среди заложенных участков являются в общем типичными.

Некоторые дополнительные данные можно извлечь из речей ораторов IV в. Иногда в них встречаются денежные оценки земельных владений (см. табл. 5).

Таблица 5

№	Владелец	Место	Объект	Оценка	Источник
1	Эрасистрат	Сфетт	Зем. участок	500 драм	Lys., XVII, 5,6—8
2	»	Кикинна	Зем. участок и дом	1 000 »	Там же
3	Феопомп	Эноя	Зем. участок	5 000 »	Isaeus, XI, 44
4	»	Проспальта	»	3 000 »	Там же
5	Стратокл	Фрия	Поле (ἀγρός)	2,5 талапта	Там же, 42
6	Феофон	Элевсин	Поле	2 »	Там же, 41
7	Менекл	?	Зем. участок	7 000 драм	Isaeus, II, 28—29
8	Брат Менекла	?	»	1 000 »	Там же, 35
9	Кирон	Флия	Поле	1 талант + ?	Isaeus, VIII, 35
10	Пасион	?	Земельная собственность (ἐγγυεῖος οὐσία)	20 талантов	Dem., XXXVI, 5
11	Эвктемон	Афмонон	Поле	7 500 драм	Isaeus, VI, 33
12	Тимарх	Алопека	Зем. участок	2 000 »	Aeschines, I, 99
13	Аристофан	?	«Земля» (γῆ) и дом	5 талантов + ?	Lys., XIX, 28—29, 42

Все эти цифры относятся к концу V и первой половине IV вв. до н. э. Как видно, большая часть земельных владений в этом перечне по ценности превышает талант. Но цифры, взятые из речей ораторов, не могут быть использованы как статистический материал: они относятся к участкам богатых и состоятельных граждан. Зато они позволяют судить о средней ценности земельных владений высших слоев афинского гражданства и тем самым создать критерий, отсутствующий в других источниках.

Цифры из речей ораторов, в сущности, подтверждают те соотношения, которые были установлены с помощью надписей на долговых камнях. В самом деле, Пасион был совершенно исключительной личностью как по богатству, так и по предприимчивости.

²⁸ Стела VI, стк. 55—56, 117, 119; стела VII, стк. 67, 78, 79, 81; IG, II², 1580, стк. 14.

Таблица 6

№	Покупатель	Место	Объект	Цена	Источник
1	Эвклея из Гал	Порос	Два окраинных участка (ἑσχατιαί)	125 драм	IG, II ² , 1594A—B
2	? из Афидны	Афидна	Окраинный уч-к	150 »	«
3	»	»	»	50 »	»
4	»	»	»	50 »	»
5	»	»	»	50 »	»
6	»	»	»	500 »	»
7	Молотт из Афидны	»	»	50 »	»
8	Анаксикл из Колона	»	Два окраинных уч-ка	50 »	»
9	Алкиадиз Афидны	»	Окр. уч-к и зем. уч-к	500 »	»
10	? из Эноя	Эноя	οἰκὸπέδα τὸ χῶριον	550 »	»
11	То же	»	Зем. уч-к	300 »	»
12	Дорофей из Ойона	Саламин	То же	2000 (+?) драм	IG, II ² , 1596A—B
13	? из Паллены	Паллена	Сад (κῆπος)	250 »	»
14	То же	»	Зем. уч-к	50 »	»
15	? из Суния	Анафлист	То же	800 »	»
16	Никокл из Кидантидов	Кидантиды	Окр. уч-к	162,5 »	IG, II ² , 1597
17	Никохар из Кидантидов	»	Зем. уч-к	1000 »	»
18	Антиклид из Кидантидов	»	То же	1375 »	»
19	Никомах из ?	Кефале	Окр. уч-к	62,5 »	»
20	Стратон из Кофокидов	Кофокиды	Зем. уч-к	100 »	»
21	Мнесимах из Кофокидов	»	Зем. уч-к	250 »	»
22	?	Фалер?	То же	100 »	IG, II ² , 1598A—B
23	Никий из Ксипете	Фалер	» »	100 (+?) драм	»
24	? из Пирея	»	» »	700 драм	»
25	? из Фимойтадов	»	Зем. уч-к и строит. уч-к	1 талант 5600 драм	»
26	? из Пирея	»	Зем. уч-к	440 драм	»
27	Филипп из Гал	Галы?	Два зем. уч-ка	4 таланта	»
28	Эпиген из Ламптр	?	Окр. уч-к	1875 драм	«Hesp.», IX (1940), № 38
29	? из Ахарн	Лусия	Зем. уч-к	2600 »	»
30	? из Холарга	Холарг?	?	70 »	IG, II ² , 1601
31	То же	»	?	97 (+?) драм	»
32	» »	»	?	115 (+?)	»
33	» »	»	?	70 »	»
34	?	»	?	62 ¹ / ₃ »	»
35	? из Холарга	»	?	512 »	»
36	То же	»	?	25 »	»

Продолжение таблицы 6

№	Покупатель	Место	Объект	Цена	Источник
37	? из Холарга	Холарг?	?	50 драхм	IG, II ² , 1601
38	? из Пеаннии	Флия	Зем. уч-к? +?	2 таланта 3000 драхм	IG, II ² , 1602B
39	? из Скамбонидов	?	? и дом (οἶκος)	2850 (+?) драхм	»
40	? из Эвонимии	?	Зем. уч-к?	4005 драхм	IG, II ² , 1603
41	?	?	Окр. уч-к	4 таланта 3100 драхм	»

Аристофан — быстро разбогатевший выскочка, стремившийся создать себе «положение в обществе». Владение недвижимостью было чем-то вроде предпосылки политического влияния. В обоих этих случаях, надо полагать, земельные владения состояли из нескольких или даже многих участков. Что касается остальных землевладельцев, то цены их участков хорошо согласуются с цифрами *hoioi*. Феопомп, Стратокл, Феофон, Кирон, Эвктемон принадлежали к числу богатых граждан — тех, кто выполнял литургии. Их земельные владения стоили по 6—15 тыс. драхм. Очевидно, немногочисленные участки такой же ценности по материалам *hoioi* также были собственностью богатых и могут рассматриваться как соответствующие статусу «крупного землевладельца». Можно предположить, что владельцы участков ценой в 3—6 тыс. драхм считались людьми состоятельными и т. д.

Продажа земли зафиксирована также в надписях середины и второй половины IV в., известных под названием *rationes centesimarum*. Это списки земель (и, по-видимому, домов), проданных с уплатой однопроцентного налога. Они содержат цифры, представленные на таблице 6.

46 перечисленных здесь участков распределяются следующим образом:

Ценой до 500 драхм	— 28
От 500 до 1000 »	— 6
От 1000 до 2500 »	— 3
От 2500 до 6000 »	— 5
Свыше 6000 »	— 4

Привлекает внимание то обстоятельство, что при близости средней цены участка в *rationes centesimarum* (составляющей около 2 500 драхм) к средней цене заложенных и конфискованных участков налицо совершенно иные общие соотношения между отдельными группами участков. Действительно, мелкие участки (ценой до 1 000 драхм) составляют подавляющее большинство общего количества объектов. С другой стороны, имеется отчетливо выраженная группа очень значительных по своей ценности участков. Участки же средних размеров немногочисленны. Словом, картина во всех существенных чертах противоположна той, которую мы получали прежде, оперируя другими источниками. Необходимо найти этой противоположности какое-то рациональное объяснение.

Мне кажется, такое объяснение имеется. Уже давно высказывалось предположение о том, что *rationes centesimarum* отмечали продажу земли не частными гражданами, а общественными (в частности, религиозными) организациями. Поскольку массово-владельческих земель не затрагивалась актами продажи, зафиксированными в этих надписях, последние не могут прямо привлекаться для характеристики основных особенностей в распределении частной земельной собственности. Они свидетельствуют, собственно, лишь о том, что отдельные граждане покупали очень различные количества общественной земли. Это значит, по-видимому, что разница в наличных денежных средствах, находящихся в руках граждан, была в среднем гораздо более значительной, чем разница в величине их ископных земельных владений.

Конечно, самая покупка общественной земли повлияла на распределение земельной собственности в целом. Иногда она приводила к появлению новых крупных землевладельцев. Несомненно, она способствовала росту неравенства в распределении земли, по крайней мере к концу IV в. до н. э. Но это влияние лимитировалось уже тем, что размеры общественных земель, могущих поступить в продажу, были, разумеется, ограниченными.

* * *

Нам осталось подвести некоторые итоги. Каковы основные свойства, обнаруживаемые нашими цифрами?

Одним из этих свойств является равномерность в возрастании цен участков, поскольку речь идет о заложенных и конфискованных землях. Здесь особенно показательным сравнение с цифрами, имеющимися в *rationes centesimarum*. Расположенные в возрастающем порядке цены подавляющего большинства участков по *rationes centesimarum* повышаются чрезвычайно медленно до уровня в 1 000—2 000 драм. С этого уровня возрастание цен принимает очень резкий, «скачкообразный», характер. Между тем, цены как заложенных, так и конфискованных земель достигают ступени в 1 000 драм значительно быстрее, но в дальнейшем до гораздо более высокого уровня (в 6 000—7 000 драм) сохраняют медленный темп прироста.

Далее, общим свойством конфискованных и заложенных земель является многочисленность участков средней ценности, в то время как для *rationes centesimarum* характерно отчетливое количественное преобладание мелких участков.

Далее, в *rationes centesimarum* несколько крупнейших участков представляют основную по ценности часть всей земли ($\frac{3}{4}$ или $\frac{4}{5}$). Напротив, из числа заложенных участков средние участки преобладают не только количественно, но и по ценности включаемой ими земли. Участки ценой от 1 000 до 6 000 драм составляют примерно 60% общего количества. Общая их ценность также равна 60% ценности всех участков, вместе взятых (конфискованные земли обнаруживают аналогичные свойства).

Итак, цены конфискованных и заложенных участков проявляют определенную совокупность арифметических свойств, охарактеризованных здесь в самой общей форме.

Цены участков, проданных с уплатой однопроцентного налога, обнаруживают свойства противоположного характера. Главное различие между теми и другими землями состоит в том, что в первом случае перед нами выступают частновладельческие участки, во втором — общественные земли, переходящие в руки частных лиц. Логично предположить, что специфические черты совокупности цен заложенных и конфискованных земель объясняются их первоначальной частновладельческой принадлежностью. Иначе говоря, те же черты были свойственны частному землевладению Аттики рассматриваемой эпохи вообще. Это означает приблизительно следующее.

1) Различия между отдельными слоями землевладельцев и отдельными землевладельцами (в ценности их участков), как правило, не были резко выражены. Имелись многочисленные промежуточные группы, опосредствовавшие переход от мелких к средним и от средних к крупным землевладельцам.

2) Существовал обширный слой средних землевладельцев с участками, скажем, от 1 000 до 6 000 или от 2 000 до 5 000 драм. Весьма вероятно, что такие землевладельцы составляли абсолютное большинство.

3) Основная часть земли находилась, по-видимому, в руках этих средних землевладельцев.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что цифр в нашем распоряжении немного, что они получены случайно, относятся к различным районам Аттики и датируются очень широко и неопределенно. Как раз случайный характер и разбросанность этих цифр позволяют сделать на их основе выводы общего порядка с большей степенью достоверности, чем это было бы возможно при наличии локально и хронологически кон-

центрированных материалов. Беспорядочное скопление единиц, будучи использовано как некая цельная совокупность, в связи и в сравнении с другими данными, открывает в частном — общее, в многообразии — единство, в случайности — необходимость. Относительная равномерность в распределении земли, отсутствие резких контрастов в ценности земельных владений — это, видимо, существенная особенность аграрного строя Аттики IV в. до н. э.

Представляется небесполезной попытка конкретизировать полученный вывод, придав ему числовую внешность (т. е., сделав его более точным по форме, но более гипотетичным и ориентировочным по существу). Попробуем наметить наиболее вероятные пропорции, свойственные аттическому землевладению исследуемой эпохи.

Таблица 7

Группа	Число участков	Средняя цена	Численность от общего числа в %	Ценность от общей ценности в %
I	16	515,1 драхмы	28	5
II	18	1789,6 »	32	21
III	16	3731,2 »	28	39
IV	7	7771,4 »	12	35
Всего	57	2711,3 »	100	100

Здесь надлежит воспользоваться широко распространенным в статистике «выборочным методом». Последний состоит в том, что из некоей «генеральной совокупности» единиц — если всю эту совокупность охватить нежелательно или невозможно — отбирается (здесь — путем случайного отбора) некоторая часть единиц, на основании свойств которой выносится суждение о свойствах всей совокупности. Согласно «закону больших чисел» при достаточном объеме выборки случайные отклонения взаимопогашаются и математические характеристики выборки имеют тенденцию совпасть с математическими характеристиками «генеральной совокупности».

Исследуем сначала этим способом цены заложенных участков (в преобразованном виде). Будем считать их «выборочной совокупностью». Разделим участки на группы. Первую группу составят участки цены до 1 000 драхм, вторую — до 2 500, третью — до 6 000, четвертую — свыше этой суммы. Основные показатели групп (округленно) представлены на таблице 7.

Предположим, что эти отношения точно отражают структуру аттического землевладения. Средняя цена земли в Аттике IV в. была, по всей вероятности, близка к 50 драхам за плетр. Будем считать округленно 500 драхм за гектар. Если принять число самостоятельных землевладельцев в 15 000,

Таблица 8

Группа	Примерная численность землевладельцев	Приблизительная средняя величина участка
I	4500	1 га
II	4500	3,5 га
III	4500	7,5 »
IV	1500	15 »

получатся соотношения, приведенные на таблице 8 (процентные доли округлены до 30, 30, 30 и 10%).

Если же самостоятельных землевладельцев было 10 000, то они распределялись следующим образом: I группа — 3 000, II — 3 000, III — 3 000 и IV — 1 000.

Посмотрим, соответствуют ли эти пропорции земельной площади Аттики.

Площадь возделываемых земель состав-

ляла около 60 000 га. Конечно, упомянутые в источниках земельные участки могли частично включать необработанную землю. Но основную их часть, несомненно, составляла «культурная» земля. Общественные земли вряд ли занимали больше $\frac{1}{5}$ всей площади. Во всяком случае, около 50 000 га во владении частных собственников представляются вполне возможной цифрой.

При численности землевладельцев в 15 000 общая площадь их владений получает-ся равной приблизительно 75 000 га, при численности в 10 000 снижается до 50 000 га. Как мы видим, результаты получились весьма удовлетворительные: ведь площадь обрабатываемых земель Аттики до сих пор совершенно игнорировалась и никак не влияла на расчеты.

Любопытно, что очень сходные с выведенными выше цифры получаются при подсчетах по ко н ф и с к о в а н н ы м участкам. Если принять среднее соотношение продажной и «аукционной» цен как 1,5 : 1 и включить в расчеты 6 сомнительных цифр, то результаты получатся такие (см. табл. 9, подсчет произведен по в л а д е н и я м; итоги по точным и сомнительным цифрам вместе даны в скобках):

Таблица 9

Группа	Число владений	Средняя цена в драмах	Численность от общего числа (в %)	Ценность от общей ценности (в %)
I	4 (7)	596,9 (654,4)	Ок. 30	от 5 до 10
II	7 (10)	1686,8 (1835,6)	» 50	» 30 » 40
III	1 (1)	5000 (5000)	» 7	» 10 » 15
IV	2 (2)	9837,5 (9837,5)	» 13	» 40 » 50
Всего	14 (20)	2776,4 (2380,6)	100	100

Здесь мы видим, правда, совсем иное соотношение между владениями III и IV групп. Но участки этих категорий настолько малочисленны, что полученные для них пропорции едва ли вообще показательны. Зато итоги подсчетов по I и II группам очень близки к тем результатам, которые мы имели выше, оперируя с залоговыми надписями. Интересующая нас в первую очередь доля II группы выглядит здесь еще более значительной.

При этих расчетах средняя цена участка и владения составляет 2 400—2 800 драм. Это означает или, что в среднем заложенные и конфискованные участки по своим размерам несколько превосходили обычную норму, или, что число самостоятельных хозяйств было ближе к 10 000, чем к 15 000. Последнее предположение очень правдоподобно, поскольку часть полноправных граждан не вела самостоятельного хозяйства, входя в состав семей землевладельцев.

Насколько типичны и показательны для аттического землевладения в целом использованные здесь цены нескольких десятков участков? Прибегали ли, в частности, к залогоу земли в одинаковой степени все слои афинских землевладельцев?

Долговые камни ничего не сообщают об имущественном положении владельцев земельных участков. По мнению Финли, нет никакой реальной основы для определения соотношения между заложенной частью имущества и имуществом в целом²⁹.

Вместе с тем Финли отвергает широко распространенную точку зрения, по которой долговые камни свидетельствуют о массовой задолженности мелких крестьян³⁰.

В основном он, по-видимому, прав. Приводимый им материал оправдывает вывод о том, что кредиторами при залоге недвижимости редко выступали ростовщики-профессионалы³¹. Причиной займов часто бывала внезапная нужда в деньгах, вызванная расходами по уплате налогов и штрафов, выполнению литургий и т. п.³² Хозяйственные расходы как причина займов под залог земли неизвестны. Правдоподобно также предположение Финли о том, что для мелких займов применялся преимущественно заклад вещей³³.

²⁹ Finley, Studies..., стр. 268, прим. 37.

³⁰ Там же, стр. 274, прим. 72.

³¹ Там же, стр. 83.

³² Там же, стр. 84.

† ³³ Там же, стр. 87, 96.

Однако вывод Финли, будто мелкие крестьяне (*small farmers*) вовсе не прибегали к ипотеке, является несомненным преувеличением и не подтверждается используемым им же самим материалом. Этот вывод основан главным образом на анализе цифр в сделках типа *apótimema proikos*. Финли показывает, что отмеченные в надписях суммы приданого типичны для богатых афинских граждан³⁴. Но отсюда вряд ли можно делать заключение обо всех видах залоговых операций. Действительно, отмечающие сделки типа *apótimema proikos* надписи содержат самые крупные цифры. Пять таких надписей, относящихся к земельным участкам, дают среднюю цифру 2 850 драхм, при общей средней по всем типам сделок в 1 726 драхм. Восемь, указывающих в качестве залога дом и участок вместе, сообщают среднюю цифру 3 462 драхмы, при общей средней в 2 408 драхм. Между тем, если в других типах залога передок могла закладываться в с я недвижимая собственность должника, то как раз при *apótimema proikos* это маловероятно. Таким образом, к обеспечению приданого недвижимостью в самом деле прибегали преимущественно богатые слои гражданства. Но в других типах надписей немало мелких цифр. Большинство должников, по моим подсчетам, составляли землевладельцы, закладывавшие участки ценностью меньше 2 500 драхм. Подобные участки не могут рассматриваться как «крупные». Средние цифры и в этом случае — самое надежное средство контроля. Средняя цена всех заложенных участков составляла 2 711,3 драхмы. Средняя цена земельного владения в Аттике IV в. равнялась 1 500—2 000 драхам. Это значит, что средний должник в ногой имел примерно в полтора раза больше земли, чем средний афинский землевладелец (здесь не учитывается разница между участком и владением. С другой стороны, цена в 500 драхм за 1 га, из которой я исхожу при определении цены среднего владения, минимальная). Таким образом, залоговые надписи отражают уровень лишь несколько выше среднего.

Итак, соотношения в величине земельных владений, полученные по материалам ногой, нуждаются в поправке. Последняя состоит в том, что необходимо уменьшить число землевладельцев III и IV групп и их долю в общей ценности земли, соответственно увеличив численность и долю II и особенно I группы.

Вторая существенная погрешность проистекает из того факта, что цифры в залоговых надписях относятся, как правило, к одному участку. Между тем в научной литературе неоднократно отмечалась характерная особенность атического землевладения: земельная собственность граждан часто не составляла сплошной территории, а включала в себя отдельные разбросанные участки. Невозможно установить численность владельцев разобнесенных участков. Если бы владение такими участками было в одинаковой степени свойственно всем слоям землевладельцев, пропорции между этими слоями были бы затронуты лишь незначительно, и нам не пришлось бы вносить поправки в расчеты. Но, вероятно, соединение нескольких участков в одних руках было более характерно для высших слоев гражданства (хотя в принципе это вовсе не обязательно). Необходимая поправка состоит в том, чтобы несколько увеличить численность и долю землевладельцев III и IV групп за счет I и особенно II группы. В меньшей степени следует также увеличить II группу за счет I. Тогда наша таблица более точно отразит реально существовавшие пропорции среди афинских землевладельцев.

Нетрудно заметить, что обе главные поправки действуют в основном в противоположных направлениях и отчасти погашают друг друга. Вероятно, в конце-концов влияние этих поправок заключалось бы в некотором сокращении относительной и абсолютной численности и значения землевладельцев II группы, владевших участками ценой от 1 000 до 2 500 драхм. Но такое сокращение не должно быть особенно большим: во всяком случае, не вдвое и не втрое.

Следует учесть также, что в залоговых надписях не встречаются участки ценой свыше 20 000 драхм. В действительности такие участки и тем более владения имелись, конечно, в очень ограниченном количестве.

Не видно таких поправок, которые заставляли бы изменить полученные соотношения к о р е н н ы м о б р а з о м. Я исхожу вообще из естественного предположения

³⁴ Finley, *Studies*... стр. 79—80.

о том, что характерные особенности целого приблизительно повторяются в его частях. Нет оснований считать, что основные соотношения между заложенными участками были почему-то совершенно иными, чем соотношения среди других категорий участков.

Кстати, очень похожие результаты (относящиеся к имущественным различиям в целом) были получены Джонсом в его работе о социальной структуре Афин, хотя Джонс пользовался совсем другим методом и материалами. Джонс пришел к выводу о сравнительно равномерном распределении имущества среди подавляющей массы афинян (не отрицая в принципе процесса концентрации богатства в руках небольшой группы граждан). Распределение имущества, по Джонсу, может быть представлено небольшой таблицей (таблица составлена мной; учитываются только землевладельцы):

Число граждан	Состояние каждого
6 000	До 2 000 драхм
3 000	2 000—2 500 драхм
4 800	2 500—9 000 (12 000) драхм
900	9 000 (12 000) драхм — несколько талантов
200	Несколько талантов -- 15 талантов
100	15 талантов и больше

Эти пропорции представляются вполне аналогичными тем соотношениям, которые были получены выше для аттического землевладения. Учитывая тот факт, что недвижимость была в Аттике основным объектом собственности, мы можем успешно сопоставить цифры, принятые Джонсом, с цифрами, намеченными мной на основе подписей о заложенных и конфискованных участках. Следует заметить при этом, что рост имущественных контрастов в условиях античных Афин должен был начинаться именно с движимого имущества. Поэтому равномерность в распределении земли, если выводы Джонса основательны, является еще более правдоподобной.

Конечно, попытка реконструировать пропорции, существовавшие среди аттических землевладельцев, в настоящее время еще не может претендовать на точность. Не все требования, предъявляемые к выборочному методу, соблюдены здесь полностью. Выведенные мной численные соотношения являются грубо приближенными. Они характеризуют рассматриваемую эпоху в целом, представляя собой вероятные средние для всего периода конца V — начала III вв. до н. э. Исторические изменения в силу необходимости игнорируются.

Однако метод статистических подсчетов в нашей области следует признать не только возможным и допустимым, но и весьма плодотворным. Он позволяет сделать достаточно основательные общие заключения — о равномерности в распределении земли, значительной доле владений средних размеров и т. д. Благодаря ему мы получаем возможность оперировать вместо неопределенных и гадательных понятий «много» или «мало» какими-то более или менее вероятными цифрами. Наконец, такой метод перспективен: с накоплением материала точность выводов увеличится, появится возможность районных и временных разграничений и т. п.

*

Итак, земля была распределена в Аттике IV в. до н. э., по-видимому, относительно равномерно. Крупные земельные владения (ценностью более чем в $2\frac{1}{2}$ таланта, т. е. размером больше 30 га) были крайне немногочисленны. Численно и, вероятно, по общей площади преобладали средние участки («средними» они названы здесь условно; многие из них едва ли обеспечивали прожиточный минимум своим владельцам), ценой в 1 000 — 6 000 драхм (приблизительно 2—12 га). Резкие массовые контрасты среди землевладельцев в этом отношении не наблюдаются.

Это значит, что концентрация земли в Аттике IV в. до н. э. зашла не особенно далеко и что слой «среднего крестьянства», знакомый нам по комедиям Аристофана, в основном сохранился, а не был превращен в городской люмпен-пролетариат или в безземельных арендаторов.

Как вообще можно представить себе аграрное развитие Аттики в IV в.? Общепризнано, что до Пелопоннесской войны это была страна с многочисленным средним крестьянством. Война разорила сельских хозяев и нанесла крестьянскому землевладению сильный удар. IV век обычно расценивается как эпоха продолжающегося неуклонного разорения крестьянства. Крестьянские земли переходили в руки денежно-торговой знати. Этот процесс ускорила прогрессирующая задолженность крестьянства и т. д.

По-видимому, такая точка зрения отражает лишь одну сторону дела и чрезмерно упрощает действительный исторический процесс. Литературные источники, рассмотренные в целом, не дают оснований предполагать массовую продажу крестьянских земель на протяжении по крайней мере первых 75—80 лет IV в. Концентрация земли имела довольно ограниченный характер³⁵. Эти выводы, как мы видели, подтверждаются эпиграфическим материалом и, в свою очередь, дают объяснение последнему.

Устойчивость «среднего» землевладения в Аттике может быть связана со следующими обстоятельствами:

1) Сельское хозяйство сохраняло в значительной степени натуральный характер. В таких условиях продолжала интенсивно действовать традиционная привязанность крестьян к земле, а крестьянское землевладение оставалось весьма стойким и жизнеспособным. Кроме того, земледелие было занятием менее доходным, чем торговля или ростовщичество, торгово-денежная знать едва ли усиленно стремилась к приобретению земель. Стимулы для концентрации земли были ограниченными.

2) Известно, какую большую роль во всей организации полиса играло сохранение земельных владений в руках граждан государства. Общественное мнение и государственная власть везде, где это оказывалось возможным, препятствовали нарушению земельного режима (в той мере, в какой такое нарушение затрагивало исходную относительную равномерность в распределении земли). Это сопротивление принимало разнообразные формы. В демократических Афинах оно выражалось в ограничении концентрации богатства вообще и недвижимости в частности с помощью системы литургий, штрафов и конфискаций.

Итак, можно предположить существование в Аттике многочисленного слоя средних землевладельцев на протяжении IV в. до н. э., — во всяком случае, до переворота Антипатра и последовавших за ним событий.

В. Н. Андреев

КАТЕГОРИЯ ΠΑΡΟΙΚΟΙ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ПОЛИСАХ МАЛОЙ АЗИИ

В эпиграфических памятниках периода эллинизма мы встречаемся с частым упоминанием населения городов и окружающей их территории, которое не пользовалось гражданскими правами. Если для классического времени, в основном, характерны упоминания двух групп неграждан — метеков (постоянных жителей данного города) и ξένοι παρεπιδηοῦντες (временно проживающих иностранцев), то в эллинистический период наряду с этими обозначениями появляется ряд других терминов. Наиболее распространена в надписях для определения негражданского населения формула — οἱ κατοικοῦντες τὴν πόλιν καὶ τὴν χώραν, но встречаются и более определенные выражения — κατοικοί, παροικοί, σύνοικοί, ἔποικοί, ἐνοικοῦντες. Встает

³⁵ См. В. Н. Андреев, Вопрос о концентрации земли и обезземелении крестьянства в Аттике IV в. до н. э., «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 164, ч. III, Л., 1958.

вопрос, чем было вызвано появление этих терминов и какие особенности юридического положения они отражали. Мы остановимся только на одном из этих терминов — *παροίκιον*, который был наиболее распространен в эллинистических надписях Малой Азии и близлежащих островов¹.

Одно из наиболее ранних упоминаний пареков в эпиграфических памятниках встречается в надписях Теоса IV в. до н. э., представляющих собой однотипные договоры с различными городами (LBW, №№ 61—66). В этих договорах указывается, что те люди, которые совершают несправедливость в отношении теосцев или пареков, подлежат наказанию. В III—I вв. до н. э. пареки упоминаются в надписях различных городов; часто этот термин встречается там, где речь идет о празднествах, торжественных жертвоприношениях и раздачах. Так, в надписи Плиума в честь Антиоха I предписывалось принимать участие в жертвоприношении всем гражданам и парекам (OGIS, 219). В надписи Тельмеса III в. до н. э. указывается, что пареки обязаны были присутствовать при жертвоприношениях по случаю освобождения города от чрезвычайных налогов (TAM, I, 1). Довольно многочисленны упоминания пареков в надписях Приены II—I вв. до н. э. — всегда в одном и том же контексте: пареки перечисляются в ряду других категорий населения, принимавших участие в общественных обедах и празднествах (граждане, ксены, пареки, вольноотпущенники, рабы...² или граждане, римляне, пареки, катеки, рабы³). В аналогичных контекстах встречается этот термин и в надписях [карийской Стратоникей того же времени (BSN, XI, 1887, стр. 370 сл., № 47—48). В знаменитом пергамском декрете 133 г. до н. э. гражданские права даруются внесенным в списки пареков (τοῖς ἀνδραπόμοις ἐν ταῖς τῶ[ν] παροίκων ἀπογραφαῖς — OGIS, 328). Гражданские права также получают пареки в эфесской надписи I в. до н. э. (Syll³, 742). Пареки встречаются в надписях родосской Перей (SEG, IV, 178), городов Ликии⁴, островов Эгейского моря⁵. Диодор говорит о том, что на Родосе в 305 г. до н. э. были дарованы права парекам и ксенам (Diod., XX, 84, 2)⁶.

О значении термина «парек» в литературе существуют различные точки зрения. Одна из них сводится к отождествлению термина «парек» с терминном «мстек». Так, Шапо считает, что последний термин не употреблялся в Малой Азии и заменялся там словом «парек»⁷. Этому же мнению придерживаются Джонс⁸ и Тарн⁹. Уэллс считает глагол *παροικέω* синонимом *μετοικέω* (RC, стр. 53).

Другая точка зрения высказана М. И. Ростовцевым в его работе о колонате. По его мнению, зависимые крестьяне, которые оказывались на землях городов, по-

¹ Катеки в надписях городов встречаются реже, чем пареки. Эту группу населения можно связать с катекиями — военно-земледельческими колониями, которые находились не только на царской, но и на городской земле (см. ниже).

² Inschr. v. Priene, №№ 108, 109, 111.

³ Там же, №№ 112, 113, 117, 118, 123.

⁴ TAM, III, 1, №№ 214, 215, 258, 293, 374, 381.

⁵ IGI, V, 721 (Андрос); IGI, VII, 515 (Аморос); Syll³, 398 (Кос); SIG, 2357 (Кеос); IGI, VIII, 56 и др.

⁶ В известных нам надписях о Родосе пареки не встречаются. Они упоминаются только в надписях малоазийских и островных его владений (IGI, I, 1032, 1036 — Карпаф). В надписях Родоса упоминается категория негражданского населения — *οἱ κατοικεῦντες καὶ ὑπογεῦντες* (об этой категории см. И. С. Свенцицкая, Зависимое население на землях городов западной Малой Азии. ВДИ, 1957, № 3 стр. 94). Можно думать, что Диодор назвал распространенным в Эгейском бассейне термином негражданское население Родоса, которое там называлось иначе.

⁷ V. Chapot, La province romaine proconsulaire d'Asie, P., 1905, стр. 179 сл.

⁸ A. H. M. Jones, Greek Cities from Alexander to Justinian, Oxf., 1940, стр. 160.

⁹ В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М. — Л., 1949, стр. 160.

лучили свободу, и к ним применялись названия *παροικοί* или *κατοικοί*¹⁰. В «Социальной и экономической истории эллинизма» Ростовцев называет «пареками» жителей деревень (SEHNW, стр. 1103). Кардинали, исследовавший терминологию эллинистических надписей, не устанавливает какого-либо одного значения этого термина. В одних случаях он считает возможным отождествить его со словом «метеки»; в других — указывает на их различие, как, например, при разборе надписи с о. Феры III в. н. э., где пареки, по его мнению, напоминают *glebae adscripti*¹¹. Г. Шефер в специальной статье о пареках считает, что последние представляли собой группу городского населения, которая не обладала гражданскими правами, но и не относилась к иностранцам. Шефер считает, что эллинистические пареки отличались от метеков классического периода. Он связывает возникновение института паройкии с особенностями эллинистических полисов, когда отношения между городами определялись не автономией и автаркией каждой отдельной городской общины, а взаимной зависимостью городов друг от друга. К парекам, по его мнению, относились вольноотпущенники, различные деклассированные элементы, люди, потерявшие родину, чужеземцы, частично варварского происхождения¹².

В советской литературе этого термина касались очень мало. А. Б. Ранович замечает по поводу пареков: «*παροικοί*, по всей вероятности, представляют прежних сельских жителей, переселившихся в город после присоединения к нему сельской территории, не получивших прав гражданства»¹³. С. Л. Утченко, перечисляя категории крестьян, упоминает в их числе и пареков, добавляя в скобках: «Последние находились в зависимости от полисов»¹⁴.

Как видно из вышеприведенных точек зрения, большинство ученых не устанавливает какого-либо одного, юридически строго определенного значения термина «парек». Нам кажется неправильным отождествлять полностью пареков с метеками. Как правило, пареки не были иностранцами. Часто они упоминаются наряду с *παροικισμένοι ξένοι* (например, IGI, V, 721 bis; Syll³, 398). В малоазиатских городах встречается употребление слова «метеки» и глагола *μετοικέω* — в Ясоте (LBW, №№ 280, 282, 292—296, 298), Магнесии на Меандре (Inscr. v. Magnesia, 65), Илиуме (OGIS, 218), Кавне (SEG, XIV, 639). В одной из надписей Илиума, о которой упоминалось выше, есть и термин «парек». Только в двух известных нам случаях в эпиграфических памятниках из района Малой Азии и Эгеиды глагол *παροικέω* применяется к выходцам из другого города¹⁵.

Недостаточно обоснован и взгляд на пареков как на жителей зависимых от города деревень — во всяком случае, для эллинистического периода. В немногих известных нам эллинистических надписях, в которых говорится о деревнях на территории города, жители их называются *κατοικοῦντες* или *χωρίται* (Inscr. v. Priene, 1;

¹⁰ M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, Lpz, 1910, стр. 262.

¹¹ G. Cardinali, Note di terminologia epigrafica, Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei (Classe di scienze morali, storiche e filologiche), seria quinta, XVII, 1908, стр. 178 сл.

¹² RE, s. v. *παροικοί*.

¹³ А. Б. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э., М.—Л., 1949, стр. 92; ср. он же, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 105.

¹⁴ С. Л. Утченко, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики, М., 1952, стр. 13, прим. 3.

¹⁵ В надписи с о. Кеоса, где речь идет о предоставлении прав гражданства жителю, живущему (*παροικῶν*) в Карфеях (IGI, V, 534) и в сильно фрагментированной надписи с Аморгоса (IGI, VII, 390). Если здесь глагол *παροικέω* употреблен в техническом смысле, то неправ Шефер, исключавший возможность того, что человек, обладающий полными гражданскими правами в одном городе, может быть пареком в другом.

JHS, XXIV, 1904, стр. 22; OGIS, 498). Кроме того, неоднократные упоминания вольноотпущенников, получивших права пареков, указывают на то, что пареками могли быть люди, не связанные с общиной и живущие в городе. Да и весь контекст надписей, в которых говорится о пареках, скорее указывает на какую-то группу, связанную с городской жизнью.

Мы хотим попытаться, собрав различные данные об институте паройкии, уточнить наши сведения о ее месте в системе эллинистических полисов Малой Азии. Бесспорно можно утверждать, что в этих полисах существовала группа негражданского населения — пареки, обладавшая определенным юридическим статусом. Существовали специальные списки пареков; в малоазийских надписях встречаются случаи, когда после какого-нибудь имени стоит указание — парек (обычно, в надписях о различных взносах¹⁶), права пареков в качестве особой милости могли получать вольноотпущенники и общественные рабы (по пергамскому и эфесскому декретам).

Глагол *παροικίω* в собственном смысле слова означает — жить около, быть соседями. В этом смысле он употребляется в текстах классического времени (например, Thuc., I, 71, 2; VI, 82, 1, 2); такое же значение глагол этот сохраняет и в некоторых более поздних документах (RC, 16). Слово «парек» в классическое время употреблялось в значении «сосед»¹⁷. В техническом смысле этот термин начинает употребляться в надписях с IV в. до н. э. и особенное распространение получает в период эллинизма. Выделение этого термина для обозначения группы негражданского населения можно связать с особенностями малоазийских греческих городов, расположенных в гуще местного населения. Мы знаем, что целый ряд полисов Малой Азии и островов контролировал территории с зависимым населением и до греко-македонского завоевания¹⁸. В эллинистический период от полисов зависели обширные земли, на которых находились деревни, катекии, небольшие городки и даже полисы. Так, Стратоникее в I в. до н. э. были подчинены деревни, поселения Керам¹⁹, Пелас, Темесс, земельные участки (*χωρία*), гавани, полясы (OGIS, 411). В хоре карийских городов Афродисия и Пларасы также были деревни и крепости (OGIS, 455 — надпись I в. до н. э.). У Страбона есть сведения о катекии, выведенной городом Атталией (Strabo, XIV, 4, 1)²⁰. На территории Малой Азии, подчиненной Родосу до 166 г. н. э., находились поселения, называемые в надписях *κοινά*, которые имели самоуправление, построенное по типу полисного, но статута полиса не имели (BSN, IX, 1885, стр. 489; BSN, XVII, 1893, стр. 54). Подчиненные полисы были у Клизика (Strabo, XII, 8, 10), Пергама (Strabo, XIII, 4). Вполне естественно, что греческие города должны были урегулировать свои отношения с местным населением, выработать юридический статут для различных групп местного населения²¹.

¹⁶ Например, BSN, XXXVII, 1913, стр. 211 (Хиос); Ath. Mitt., 1902, XXXII, стр. 118, № 124; в надписях ликийских городов упоминаются вольноотпущенники, ставшие пареками (TAM, III, 1, №№ 214, 379, 381 и т. д.).

¹⁷ Thuc., III, 113, 6. У Геродота (VII, 235) это слово употреблено в качестве определения *παροικίος πόλιος*. То же выражение встречается у Плутарха (Crass., 16).

¹⁸ Например, Приена (Inscr. v. Prieno, 1), Зелая (SGDI, 5532), карийские города (Athen., VI, 263d). Негражданское население Родоса также, вероятно, существовало задолго до периода эллинизма.

¹⁹ В одной из надписей II в. до н. э. Керам назван *πόλις* (JHS, X, 1890, стр. 115).

²⁰ О катекиях на территории города см. также D. Magie, *The Roman Rule in Asia Minor*, I, Princeton, 1950, стр. 125.

²¹ Необходимость специальных терминов для обозначения различных групп негражданского населения, отличных от метеков, вызвала в разных районах греческого мира появление таких слов как *ἑτοίκος* (SIG, 2602, Гиерапитна), *σύντοικος*

В более древних городах этого района выработка такого статута должна была происходить раньше, в связи с неизбежными изменениями как внутри самого местного населения, так и в отношениях между городами и окружающей территорией. К сожалению, отсутствие эпиграфических свидетельств не позволяет говорить сколько-нибудь определенно о сущности этих отношений раньше конца IV в. до н. э. Таким образом, существование парекв кажется возможным связывать с существованием на территории эллинистических полисов местного негражданского населения²². В этом отношении интересно, что в надписях Теоса, представляющих собой ряд договоров, построенных по одному и тому же шаблону, наряду с пареками в аналогичных контекстах употребляется и выражение *τὸς κατοικίτας παρ' αὐτοῖς* (под αὐτοῖς подразумеваются теосцы — LBW, 64). Подобное выражение встречается в договоре Милета с Гераклесей II в. до н. э. (Syll³, 633) и в надписи Приены того же времени — *τοῖς κατοικοῦντες παρ' ἡμῖν* (Inscr. v. Priene, 108). Употребление глагола κατοικέω с предлогом *παρά* можно сопоставить со значением слова «парекв». Предлог *παρά* с дательным падежом означает «возле, около». Выражение — *οἱ παρ' ἐμοῖ* — мои люди, подчиненные; *ἡ παρ' ἡμῖν πολιτεία* — наше государственное устройство. Диодор для обозначения войска Семипирамиды употребляет выражение — *οἱ παρὰ Σεμπραμίδι στρατεύμενοι* (речь идет именно о войске, а не о сражающихся около нее. — Diod., II, 18, 8). В вышеприведенных примерах предлог *παρά* с Dat. имеет оттенок принадлежности. *Κατοικοῦντες παρ' ἡμῖν* означает, таким образом, живущие около нас²³; но можно предположить, что применялось это выражение не к случайным чужеземцам, а к какой-то определенной категории населения, составлявшей необходимую принадлежность данного полиса. В одном месте у Страбона, там, где он описывает италийское поселение Мпнтурны, сказано: «Теперь это деревня, бывшая некогда значительным городом, господствовавшим ранее над многими из перечисленных выше соседних поселений (*τῆς πᾶσιν τῶν ἄρτι λεχθεῖσων περριοχίδας πρότερον ἐσχηκότα*), жители которых еще и теперь приходят к ним как для сходок, так и для некоторых священнодействий»²⁴. Кажется интересным употребление Страбоном необычного слова *περριοχίς* для обозначения подчиненного полису поселения. Его слова о том, что жители этих перριοхид сходились в Мпнтурны для священнодействий, перекликаются с малоазийскими надписями, в которых предписывается парекам принимать участие в определенных празднествах. Можно думать, что термин «парекв» и появился для обозначения населения, жившего около города, — т. е. в хореэллинистических полисов²⁵. Вероятно, в небольших городах, где положение неграж-

(Syll³, 325, Дельфы). Демосфен (L, 22) применяет к местному населению Фракия выражение *βαρβάρων πρόσοχοι*.

²² Глагол *περριοκέω* применяется к местному населению не только в малоазийских надписях — в декрете в честь Диофанга употребляется выражение *τοῖς κατοικοῦντας Ταύρου*.

²³ Существует глагол *περριοκίεω* — поселять рядом (см. L.—S.).

²⁴ Strabo, V, 3, 10. Некоторые издатели *περριοχίδας* исправляют на *περριοχίδας*, поскольку это последнее слово встречается у Страбона в других местах (X, 2, 2; VI, 1, 6). Но нам кажется возможным принять чтение рукописи, так как глагол *περριοκέω* был широко распространен во времена Страбона, и если это описка — то описка самого автора.

²⁵ Интересно, что термин «пареки» встречается в двух афинских надписях эллинистического времени (Ath. Mitt., LIX, 1934, стр. 41 и IG, II, 1309 b). Первая надпись поставлена в честь эпимелета *τὸν εἰς τῶς περριοχίους καταστ[αθέντα] ὑπὸ τοῦ στρατηγοῦ*. Шефер в статье, о которой говорилось выше, считает возможным отождествить их с солдатами гарнизона (возможно, македонского), находившегося в Аттике, и предполагает, что они были исотелами. Вторая надпись сильно фрагментирована; в ней также упоминается гарнизон солдат. Таким образом, в афинском юридическом языке

данского населения было менее дифференцировано, статус пареков распространялся и на выходцев из чужих городов. В более крупных городах пареки составляли особую категорию, наряду с получившими право жительства ксенами²⁶. Уже приведенные выше данные о структуре земель эллинистических полисов дают возможность сделать тот вывод, что среди негражданского населения этих городов не могло быть экономического и политического единства, а следовательно, оно не могло находиться в одинаковом положении и юридически. Термином «пареки» не могло называться все население окружающей город территории (как указывалось выше, он не применялся к зависимым общинникам). Для вопроса о происхождении парек важна одна приенская надпись, представляющая собой фрагмент письма Прлене какого-то царя, предположительно, Лисимаха (RC, 8). В начале фрагмента сохранились следующие строки:

ἀποδεδ[ί]καμεν τιμὰς
 οσιν ἡμᾶς μεγ,
 μεν ἡμεῖς εἰς τὴν
 ἐν ἡμέρας τρισ[χοντα]
 αι παροικεῖν καὶ ἐν τῇ
 εψαμενοι κατα

Во втором фрагменте письма речь идет о том, что педиеи разграбили приенскую землю и убили многих из приенцев. По мнению Уэллса, в приведенном отрывке говорится о даровании прав пареков зависимым от Приены педиеям или части из них — т. е. права жить в городе или около него²⁷. Поскольку дальше упоминается борьба педиеев с Птенеюй, возможно, право *παροικεῖν* даруется тем из них, которые в течение тридцати дней со дня принятия постановления отойдут от восставших. Характерной особенностью зависимого сельского населения в эллинистический период было прикрепление его к своей общине. Если толкование Уэллса правильно, а оно нам кажется таким, то педиеи получают право свободного передвижения, право выбора местожительства.

Интересно употребление слов *παροικία* и *παροικίζω* в письме Антигона о свиной-клизме Теоса и Лебедоса (RC, 3). В этой надписи идет речь о предоставлении лебедосцам домов теосцев *εἰς παροικίαν ἐν ἡμέραις* δέκα πέντε и о выспе на народном собрании Теоса граждан, которые должны предоставить свои дома *τοῖς παροικιζομένοις* (поселяющимся). Глагол *παροικίζω* отнесен к лебедосцам, которые и получают права гражданства в Теосе. В данном контексте этот глагол не может иметь технического смысла. *Παροικίζενοι* означают временных поселенцев, временных пользователей домами. Глагол этот, как отмечает Уэллс, является необычным (RC, стр. 54). Вероятно, он был употреблен в отличие от глагола *παροικέω*, который применялся уже в это время преимущественно к неграждавам. Но смысловой оттенок его так же, как и слова *παροικία* — временное владение, пользование, — кажется нам характерным. Пареки были лишь поселенцами в городе и на его территории. Этот оттенок слова «парек» — жить в качестве временных поселенцев — перешел и в христианскую литературу.

Термин «парек» применительно к населению городов особенно часто употребляется в III—I вв. до н. э. Но и в надписях первых веков н. э. пареки встречаются в тех же появляется новый термин, поскольку новые отношения городов друг с другом и с эллинистическими монархиями не укладывались в старые правовые градапи.

²⁶ Гезихий объясняет слово пареки как *ξένοι, παρεπίδημοῦντες*. А в другом месте он слово *ἀφαιμίωται* расшифровывает как *διχέται, ἀγροῖχοι, πάροικοι*. Первое объяснение расходится с данными эллинистических надписей, в ряде которых пареки и ксены упоминаются как различные категории. Второе объяснение отражает более позднее положение, когда пареками назывались колонны.

²⁷ Предпоследняя строчка, как нам кажется, может быть дополнена *ἐν τῇ χόρῃ* *παροικεῖν καὶ ἐν τῇ πόλει*...

контекстах, что и раньше, а именно: в надписях о раздачах, в надписях, поставленных вольноотпущенниками (IGRR, III, 800, 801; IGI, VII, 2712, 65; TAM, III, 1, 374, 381 и т. п.). Поэтому, нам кажется возможным для интерпретации этого термина привлечь определение юриста II в. н. э. Помпония: «Житель (*incola*) — это тот, кто переносит свое место жительства в какой-либо другой район — кого греки называют пареком. Не только те являются „жителями“, которые проводят время в городе, но также и те, которые имеют поле (*agrum habent*) в окрестностях какого-либо города таким образом, что обосновываются там, как на постоянном местожительстве»²⁸. В этом определении подчеркивается связь пареков с городом и городской землей²⁹. Таким образом, можно думать, что пареками прежде всего называли выходцев из городков и поселений, находившихся на территории эллинистических полисов, которые имели право жить как в самом городе, так и в его хоре. Когда статуя пареков был юридически оформлен, его могли даровать и представителям других категорий населения, стоявшим на более низкой ступени — вольноотпущенникам³⁰, общественным рабам и т. д. Это право могло быть и завоевано, как это можно предположить в отношении педиеев. Возможно, что представители верхушки сельского населения, выделявшейся в связи с разложением общины, также в отдельных случаях становились пареками.

Трудно сказать, на каких именно условиях селились пареки на городской земле. У Гезихия под словом *καλάμη*³¹ указывается, что это — налог, уплачиваемый пареками. Это свидетельство в достаточной мере неопределенно, так как неизвестно, к какому времени оно относится. Но поскольку характерной для эллинистических полисов является поземельная подать, которую уплачивали как граждане, так и неграждане³², то можно предположить, что пареки, обрабатывавшие городскую землю, также платили подать городу. Столь же трудно сказать, насколько прочным было их право владения на землю. В одной из надписей I в. н. э. пареки упоминаются как особая категория среди граждан и имеющих право владения (*κεκτῆμένοι* — IGI, VII, 2712, 65). Вероятно, пареки имели отношение к земле на основании обычного права, связанного с существованием на земле полисов различных местных поселений, а *κεκτῆμένοι* были людьми, которые получали право владения землей от города в индивидуальном порядке (недаром большей частью это выражение относится к римлянам). Право селиться на земле, окружающей город, является, на наш взгляд, существеннейшим признаком принадлежности к категории пареков³³. Именно поэтому этот термин впоследствии стал применяться к зависимым земледельцам вообще. Вероятно, в период эллинизма

²⁸ Dig., I, 16, с. 239. В кодексе Юстиниана слово «парек» и его производные употребляются уже в значении «колона», в том числе и на частной земле (CJ, I, 34,1).

²⁹ Здесь можно установить существенное различие между эллинистическими пареками и метеками классического времени, как правило, не имевшими доступа к земле.

³⁰ Характерно неоднократное упоминание в надписях (особенно часто в ликийских) вольноотпущенников, которые были пареками. Вероятно, вольноотпущенники не имели определенного юридического статуса, и получение звания парека было связано для них с правовыми привилегиями.

³¹ Это слово означает «стебли», «солома», «остаток». Нужно отметить, что некоторые издатели исправляют *καλάμη* на *περίοχοι*, не имея, впрочем, для этого оснований.

³² См. P. s. - A r i s t., Oek., I; Hellenica, VI, стр. 67; Rivista di filologia e di istruzione classica, nuova seria, VII, 1930, стр. 172 (надпись, в которой говорится о десятише, уплачиваемой гражданами Гортины и подчиненного ей Кавда). В надписи о земельном споре Приены и Самоса есть указание на то, что, если какой-нибудь самосец оказался на земле Приены, то он платил все необходимое (OGIS, 15).

³³ В храмовых объединениях Малой Азии существовала категория «присельников на земле», стоявших вне общины и не пользовавшихся гражданскими правами. В ряде надписей они называются *ἐπιόχοι* (см. А. Г. П е р х а н я н, Иеродулы и *ἐπιόχοι* храмовых объединений Малой Азии и Армении, ВДП, 1957, №, 2, стр. 65).

обработка земли пареками была правом, а не обязанностью, поскольку вряд ли все вольноотпущенники, царские рабы, которые получали право пареков, имели отношение к земле. Но они могли селиться на земле на основании своего парического права, если здесь можно употребить это византийское выражение³⁴.

К концу II в. н. э. пареки почти исчезают из надписей малоазийских городов. В этом отношении интересно, что в надписях карийской Стратоникеи о раздачах II в. н. э. не упоминаются пареки, хотя по форме эти надписи напоминают надписи эллинистического времени. Раздачи производятся гражданам, рабам и кседам (ВСН, XI, 1887, стр. 380). На протяжении времени империи меняется значение термина «парек» и, начиная с III в. н. э., он целиком соответствует латинскому слову *colonus* (IGI, III, 343; CJ, III, 34, 1; I, 2, 24). Такое изменение в употреблении термина «парек» произошло потому, что противопоставление гражданского и негражданского населения потеряло свою остроту и на первый план выступило отношение пареков к земле.

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно сказать, что наличие категории пареков в эллинистических полисах Малой Азии было обусловлено существованием различных групп местного населения на территории, подчиненной городу, групп, которые город должен был включить в систему своих юридических установлений. Пареки были тесно связаны с жизнью полисов, они не только могли, но и были обязаны принимать участие в официальных торжествах города. Сама возможность дарования прав пареков другим категориям указывает на то, что пареки представляли собой привилегированную по сравнению с эксплуатируемым населением группу³⁵. Существование этой категории наряду с другими (катеки, ксены, жители зависимых общин) не было только следствием сложившегося положения вещей в Малой Азии к моменту образования эллинистических государств. Подобная градация должна была искусственно закрепляться эллинистическим полисом, поскольку правовые различия в положении местного населения облегчали небольшой кучке граждан, преимущественно из греков и македонян, господство над многочисленным населением зависимой от полиса территории. Другими словами, можно сказать, что знаменитый римский принцип *divide et impera* применялся уже в эллинистических государствах.

И. С. Свенцицкая

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И ЗНАЧЕНИИ ЦЕНТУРИАТНОЙ РЕФОРМЫ СЕРВИЯ ТУЛЛИЯ

Вопрос о центуриатной реформе Сервия Туллия — составная часть проблемы возникновения римского государства. Энгельс, как известно, придавал большое значение этой реформе, указывая, что она окончательно разрушила родовой строй и поставила на его место действительное государственное устройство. В то же время Энгельс оставлял открытым вопрос о времени центуриатной реформы¹.

Значительное расширение и углубление наших знаний о ранних этапах римской

³⁴ В качестве примера парического права в Византии можно привести решение юриста X в. о том, что «парическое право будет иметь силу и прочность и твердость, пока будет на то воля и согласие допустившего их (т. е. поселившихся на земле на основании парического права) хозяина и господина» (см. «Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 146).

³⁵ Из контекста приенской надписи I в. до н. э., где говорится о раздачах всем гражданам, парекам, катекам, кседам, римлянам и τοῖς τοῦτων οἰκίταις — можно сделать вывод, что пареки тоже могли иметь рабов (τοῦτων должно относиться ко всем перечисленным категориям — *Inscr. v. Priene*, 113).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 107: «Невозможно сказать что-либо определенное ни о времени, ни о ходе, ни о причинах революции, положившей конец родовому строю».

истории заставляет нас искать ответа на вопрос о времени революции, положившей конец родовому строю. Решение этого вопроса имеет тем большее значение, что в советской науке нет монографий о возникновении римского государства, так же как и специальных работ о центуриатной реформе.

В традиции центуриатная реформа единодушно приписывается шестому царю — Сервию Туллию, представленному в качестве создателя важнейших политических и военных учреждений Рима. В изложении центуриатной реформы в источниках нет значительных расхождений. Наиболее подробный рассказ о реформе содержится у Дионисия Галикарнасского (IV, 16—22) и Тита Ливия (I, 42—43). Их сведения могут быть дополнены данными Цицерона, Плиния Старшего, Геллия, Феста.

Согласно традиции, Сервий Туллий разделил свободных граждан, способных носить оружие, на пять классов (*classis*)². В основу деления был положен имущественный принцип. Первый класс, по Ливию (I, 43) и Гаю (2, 274), обладал имуществом в сто и более тыс. ассов, по Плинию Старшему (NH, XXXIII, 3)—120 тыс. ассов, по Геллию (VI, 13) — 125 тыс. ассов, по Дионисию (IV, 16, 2) — не менее ста мин, по Диону Кассию (56, 10) — сто тыс. сестерций³. Ко второму классу относились лица, имевшие 75 тыс. ассов; к третьему — 50 тыс. ассов; к четвертому — 25 тыс. ассов. В пятый класс, по Ливию, входили те, кто имел 11 тыс. ассов (I, 43, 8), по Дионисию (IV, 17, 2) — 12 с половиной мин, по Полибию (VI, 19, 2) — четыре тыс. драхм.

Помимо того, имелись граждане, стоящие в имущественном отношении ниже пятого класса. Они именовались *proletarii* и *capite sensi*. Большая часть древних авторов, как Фест (100, 22, 1) и Цицерон (*De re pub.*, II, 22, 40), видела в пролетариях и *capite sensi* лиц одной имущественной группы. Но, согласно Геллию (VI, 10), пролетарии имели от 375 до 1500 ассов, а *capite sensi* — менее 375 ассов⁴.

Каждый класс выставлял определенное количество центурий. По Ливию и Дионисию, первый класс имел восемьдесят центурий пехотинцев, по Цицерону (*De re pub.*, II, 39) — семьдесят. Второй, третий и четвертый классы — по двадцать. Пятый класс — тридцать центурий. Наряду с этим имелось пять нестроевых центурий, называвшихся *accensi velati* и стоявших вне деления на классы. Это были две центурии ремесленников (*fabri*) и центурии горнистов и трубачей — (*cornicines, tubicines*) и одна центурия пролетариев, свободных от воинской] службы⁵. Всего создавалось 193 центурии⁶.

² *Classis*, как полагали древние авторы, от *calare, καλεῖν* — призывать (*D i o n.*, IV, 18, 2) и означает «призыв». Эта этимология принимается и современными исследователями, см.: R. P a r i b e n i, *Le origini e il periodo regio. La repubblica fina alla conquista del primato in Italia*, Bologna, 1954, стр. 70.

³ Большинство исследователей причину имеющегося в источниках расхождения в цене первого класса видит в постепенном повышении ценза. Иначе И. Н е т у ш и л, *Ценз первого класса по конституции Сервия*, «Филологическое обозрение», т. 15, 1898, стр. 1—12.

⁴ А. Розенберг (A. R o s e n b e r g, *Untersuchungen zur römischen Centurienverfassung*, 1911, стр. 40), основываясь на данных Геллия, видит в пролетариях и *capite sensi* различные имущественные группы, но сообщаемые Геллием цифры ценза отвергает. Де Санктис (G. d e S a n c t i s, *Storia dei Romani*, Torino, 1907, т. II, стр. 197) полагает, что пролетарии и *capite sensi* это одно и то же, а расхождение в цифрах ценза у Геллия и других авторов — следствие изменения ценза.

⁵ Центурии всех классов должны были быть равны по численности и, как говорит этимология слова, насчитывали сто человек: G. d e S a n c t i s, *Le origini dell'ordinamento centuriato*, «*Rivista di filologia*», 1933, вып. 3, стр. 289; иначе К. Б е л о х (*Römische Geschichte*, В., 1926, стр. 284). Центурии нестроевые могли иметь гораздо большую численность. Ц и ц е р о н (*De re pub.*, II, 22, 39) прямо указывает, что все центурии вместе взятые могли иметь меньшую численность, чем одна центурия пролетариев.

⁶ Число 193 прямо называют Ц и ц е р о н (*De re pub.*, II, 22, 39) и Д и о н и с и й (IV, 18, 19, 20; VII, 59; X, 17).

Центурии различались также и по возрастному принципу. Имелись центурии — «старшие» и «младшие» (Liv., I, 43, 2). В первые входили лица старше 46 лет, на которых возлагалась сторожевая служба, во вторые — граждане от 17 до 46 лет, обязанные участвовать в боевых походах. Центурии различных классов обладали различным вооружением, а следовательно, и местом в строю. Пешие воины первого класса имели полное вооружение гоплита, если употребить греческий военный термин: бронзовый щлем (galea), боевой меч (gladius), бронзовый панцирь (logica), круглый щит (clipeus), поножи (ostreae). Центурии второго класса не имели панциря, а пользовались вместо него продолговатым покрытым кожей щитом (scutum). Третий класс был вооружен так же, как второй, но не имел поножей. Центурии четвертого класса, согласно Ливию (I, 43, 6), были вооружены лишь копьем (hasta). По Дионисию (IV, 17, 1), четвертый класс был вооружен мечом, копьем и продолговатым щитом. Воины пятого класса были вооружены пращей (funda) и дротиком (pilum) и должны были сражаться вне строя. Каждую центурию возглавлял центурион.

Наряду с центуриями пеших воинов центуриатная организация включала центурии всадников. Древние авторы говорят о 18 центуриях всадников, выделяя из их числа шесть — *Ramnes, Tities, Luceres* — *priores, posteriores*⁷. Кони для всадников покупались на государственный счет, а деньги на фураж выплачивались богатыми дворянами (Liv., IV, I, 43).

Реформа вводила народное собрание по центуриям, которому позднее принадлежали важнейшие функции, в том числе выбор консулов. О том, что центуриатные комиции первоначально были собраниями вооруженных граждан, свидетельствует их место сбора — Марсово поле⁸. Геллий объясняет это тем, что внутри померия запрещалось созывать войско (Gell., XV, 27, 5). Председательствовал на собрании магистрат, имевший военное командование (*imperium*), и во время собрания на Яникуле развешивались красные флажки. Что касается порядка голосования, то известно, что сначала голосовали центурии всадников, а за ними первый класс⁹. Поскольку всадники и центурии первого класса вместе имели 98 голосов из 193, то достаточно было их единогласия, чтобы дальнейшее голосование становилось излишним.

Знакомство с содержанием реформы, приписываемой шестому римскому царю, может показать, что она является результатом длительного и сложного процесса развития. Выявление первоначального содержания реформы во многом напоминает работу реставратора, вынужденного снимать слой за слоем поздние мазки, для того чтобы обнаружить под ними картину древнего мастера.

К числу наиболее явных поздних наслоений, в которых легко обнаружить небрежную работу римских анналистов, принадлежат сведения об исчислении имущества в ассах. До 269 г. до н. э. в обращении находились так называемые тяжелые ассы *aes grave*, равные фунту меди¹⁰. При характерной для древности дешевизне средств существования и редкости денег трудно себе представить, чтобы в Риме даже в IV в. до н. э.

⁷ C i c., *De re pub.*, II, 20, 36; L i v., I, 36. Т.¹ М о м м а е н (*Römisches Staatsrecht*, Lpz., 1887, т. III, стр. 247) полагал, что *Sex suffragia* состояли из патрициев и плебеев. Теперь же многие склоняются к мысли, что они были из одних патрициев, см. F. A l t h e i m, *Italien und Rom*, Amsterdam, [б. ч.], II, стр. 170.

⁸ Интересно, что место между городом и Гибром стало называться Марсовым полем уже после изгнания Тарквиниев (L i v., II, 5, 3). Это свидетельствует о том, что центуриатные комиции были созданы в период республики.

⁹ Л и в и й (I, 43, 11) сообщает, что всаднические центурии голосовали первыми, Дионисий — что всаднические центурии голосовали вместе с первым классом. Христиан Мейер (*RE*, т. VIII, 1956, стб. 569) объединяет эти сообщения, считая, что первыми голосовали *Sex suffragia*, а остальные центурии всадников голосовали вместе с первым классом.

¹⁰ E. A. S y d e n h a m, *The Coinage of the Roman Republic*, L., 1952, стр. 17, работа этого же автора «*Aes grave*», L., 1926, мне недоступна.

нашлось бы десять тыс. человек, обладавших имуществом в сто тыс. ассов. Некоторые исследователи склонны были думать, что Ливий и Дионисий имели в виду легкие ассы и ценз первого класса после перерасчета определяли в двадцать тыс. ассов. Наиболее вероятно, что в ранний период существования центуриатной организации деньги вовсе не брались за основу исчисления. Моммзен считал, что граждане распределялись по классам в зависимости от обладания землею в следующей градации: первый класс — двадцать югеров земли, второй — пятнадцать, третий — десять, четвертый — пять югеров, пятый — два югера (Staatsrecht, т. III, 247). Белох предлагает другие цифры: сорок югеров для первого класса, тридцать для второго, двадцать для третьего, десять для четвертого, пять для пятого (Röm. Gesch., стр. 223). Все эти цифры, разумеется, гипотетичны. Скорее всего за основу исчисления бралась не земля, а движимое имущество — скот, кони, рабы¹¹.

Поздним наслоением, не соответствующим картине древней центуриатной организации, многие считают общее число центурий, называемых традицией. Сто девяносто три центурии соответствовали бы войску в 20 тыс. человек и населению, включая детей, женщин, стариков и рабов, в сто тыс. человек. К концу царского периода территория Рима составляла около 900 кв. км.¹² Надо также учесть, что на этой территории, кроме римлян, жили латиняне. Таким образом, сто девяносто три центурии соответствовали бы стране с плотностью населения в 100—120 человек на кв. км, что для Лация VI в. является совершенно абсурдным¹³. Сведения о социальном строе римлян и латинян в царский период, данные археологии (редкость некрополей и поселений, расположенных на холмах и отделенных обширными участками болот и лесов) говорят о малонаселенности Рима в VI в. до н. э.

Отделение поздних элементов в традиции о центуриатной реформе само по себе не даст ответа на вопрос о ее времени. При попытках решения этого вопроса многие исследователи исходили из частных фактов, например, количества всаднических центурий, общего количества центурий и т. д. Нам представляется, что исходным моментом при определении даты реформы должно служить главное, а именно то, что реформа, в том виде, как она описана древними авторами, не знала деления на патрициев и плебеев, признавая лишь имущественное деление. Можно представить себе лишь три следующих условия, три возможности игнорирования деления на плебеев и патрициев: 1) Это игнорирование являлось целью законодателя, стремившегося на место прежнего деления поставить новое. 2) Реформа появилась в то время, когда Рим еще не знал деления на плебеев и патрициев. 3) Реформа появилась тогда, когда деление на патрициев и плебеев уже не существовало. Таким образом, решение вопроса о времени центуриатной реформы зависит от решения другой большой проблемы, проблемы сословной и политической организации в раннем Риме¹⁴.

Классик буржуазной историографии Б. Нибур на большом материале обосновал теорию патрицианской родовой общины¹⁵. Патрициев он считал древнейшим населением Рима и его правящим классом. Патриции, объединенные в роды, курии, трибы, составляли римский народ. Они составляли первоначальный сенат. Они же принимали

¹¹ E. Schönauer, Die römische Centurienverfassung in neuer Quellenschau, «Historia», II (1953), 1, стр. 28.

¹² Белох, ук. соч., стр. 169, определяет территорию Рима начала Республики в 822 кв. км. Де Сиктис, ук. соч., стр. 290 — от 900 до 1 000 кв. км.

¹³ Мнение Франка (T. Frank, ESAR, т. I, Baltimore, 1933, стр. 31) о высокой плотности римского населения в царский период противоречит данным археологии.

¹⁴ Детальный обзор состояния разработки этой проблемы в современной науке дает П. Фраптиши: P. de Francisci, La comunità sociale e politica romana primitiva, «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», т. II, 1955, стр. 63—166.

¹⁵ B. Niebuhr, Römische Geschichte, т. I, В., 1873, стр. 290 сл.

участие в народных собраниях по куриям — куриатных комициях. Другое римское сословие — плебеи (Нибур считал их пришлым населением) было отделено от патрициев глубокой пропастью. Различие между сословиями столь же старо, как и Рим. Плебеи были политически неполноправны, они не принимали участия в работе куриатных комиций, не допускались в сенат, не имели брачного общения с патрициями (*conubium*).

Наличие особой патрицианской родовой общины признавал Теодор Моммзен, хотя он и расходился с Нибуrom во взглядах на происхождение плебеев. Моммзен считал, что участниками куриатных комиций были первоначально патриции, а затем, одновременно с созданием центуриатных комиций, собрания по куриям стали доступны и плебеям¹⁶.

Из существования патрицианской родовой общины исходил и Ф. Энгельс, давший в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» характеристику римского рода и краткий очерк возникновения римского государства. Именно признание патрицианской родовой общины дало Ф. Энгельсу основание считать реформу Сервия Туллия, не знающую деления на патрициев и плебеев, политической революцией, положившей конец родовому строю.

Взгляд на существование патрицианской родовой общины уже в конце XIX в. встретил возражения у ряда ученых. Уже Зольтау отметил, что против взгляда Нибура—Моммзена говорит отсутствие в традиции малейших следов агитации плебеев за допуск в куриатные комиции. По мнению Зольтау, это свидетельствовало о том, что куриатные комиции всегда были доступны плебеям¹⁷. Нордан в своем исследовании о царях древней Италии обратил внимание на то, что имена четырех римских царей — Помпилия, Гостилия, Марция и Сервия Туллия — плебейского происхождения. По мнению Нордана, это говорит о том, что плебеи участвовали вместе с патрициями в политической жизни и даже добивались руководства делами всей общины¹⁸. Развивая эти взгляды, Эдуард Мейер выдвинул новую теорию возникновения плебеев, согласно которой Рим первоначально не знал деления на патрициев и плебеев, оно было результатом экономической дифференциации населения¹⁹. Ботсфорд в своем исследовании о народных собраниях Рима пытался доказать, что куриатные комиции испокон веков были доступны как патрициям, так и плебеям²⁰.

Отрицание первоначальных различий между патрициями и плебеями с необходимостью приводит к выводу, что центуриатная реформа возникла до того, как римское население стало делиться на плебеев и патрициев. В наиболее отчетливой форме эта точка зрения высказана английским историком Ластом²¹. Ласт считает, что в царский период патриции и плебеи составляли единый политический организм, что куриатные комиции всегда были доступны плебеям, равно как и должность рекса, и, наконец, что запрещение брака между сословиями, всегда рассматривавшееся как доказательство разделяющей их пропасти, это позднее явление, результат законодательства децемвиров²². Исходя из этого, Ласт принимает традиционную датировку реформы — VI в. до н. э. Возникновение же сословных различий Ласт относит к более позднему времени, так же как и начало сословной борьбы.

¹⁶ Th. Mommsen, *Römische Forschungen*, I, B., 1864, стр. 140.

¹⁷ W. Soltau, *Ueber Entstehung und Zusammensetzung der altrömischen Volksversammlungen*, B., 1880, стр. 69.

¹⁸ H. Jordan, *Die Könige im alten Italien*, B., 1887, стр. 15.

¹⁹ E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, II, Stuttgart, 1893, стр. 512; сходных взглядов придерживается П а р и б е н и, ук. соч., стр. 90.

²⁰ G. Botsford, *The Roman Assemblies from Origin to the End of the Republic*, N. Y., 1909, стр. 6.

²¹ H. Last, *The Servian Reforms*, JRS, т. XXXV, 1945, стр. 48.

²² Свое более чем спорное толкование *ius conubii* Ласт аргументирует ссылками на Цицерона и Ливия (Cic., *De re pub.*, II, 63; Liv., IV, 4). Из цитируемых отрывков можно заключить, что до децемвиров не было закона, запрещающего *conubium*, но до издания закона существовал обычай, без которого немислим сам закон.

Если Ласт относит сервианскую центуриатную реформу ко времени до начала сословной борьбы, то историк римского права Эрнст Мейер эту же реформу датирует III в. до н. э., т. е. временем после завершения сословной борьбы²³. Эрнст Мейер считает, что центуриатная организация соответствует тому времени, когда было удвоено число легионов от двух до четырех²⁴. Только в это время, по его мнению, могли появиться 18 всаднических центурий вместо прежних шести (ук. соч., стр. 77). Э. Мейер считает, что деление на «младших» и «старших» и в связи с этим удвоение центурий пяти классов связано с появившейся в годы Самнитских войн необходимостью совершать отдаленные походы. Сервианской центуриатной организации, по мнению Мейера, предшествовала центуриатная организация, которую он датирует началом V в. до н. э. Эта центуриатная организация состояла из трех (или шести) всаднических центурий патрициев и ограниченного числа центурий пехотинцев. Пехота была разделена на две группы — *classis* — вооруженные стрелы и — *infra classem* — нестроевые²⁵. Центурии всадников, строевых и нестроевых, составляли народное собрание — центуриатные комиции.

В соответствии со своими взглядами на время проведения реформы исследователи отдают приоритет военной или политической стороне реформы. Ласт считает, что реформа имела первоначально лишь одну военную сторону, а тимократическая сторона — более позднее явление (ук. соч., стр. 34). Э. Мейер полагает, что реформа лишь внешне имела военное значение, а на самом деле была организацией для голосования²⁶.

Отрицание рядом ученых историчности особой патрицианской общины, противопоставление военной стороны реформы ее политической стороне вынуждают нас рассмотреть в общих чертах ту военную и политическую организацию населения, которая предшествовала центуриатной. Хотя наши сведения о ней недостаточны, общий смысл ее понятен, это организация родового строя того периода, который назвал Энгельсом «военной демократией». Основой как военной, так и политической организации римской патрицианской общины был род. Еще в V в. до н. э. род имел военное значение²⁷. Отдельные патрицианские роды совершали совместные походы. Традиция сохранила рассказ о походе 306 Фабиев против Вей, предпринятом по разрешению сената. Попав в засаду под Кремерой, все Фабии погибли, за исключением одного мальчика, который и продолжил род²⁸.

Более всего вызывало сомнение как в новое время, так и в древности (*Liv.*, II, 50) число 306. Если признать, что род насчитывал несколько сотен человек, то получится совершенно баснословная цифра членов родовой общины. Объяснение числа 306 в вообще характера римского рода периода военной демократии мы получаем из сохра-

²³ E. Meyer, *Römischer Staat und Staatsgedanke*, Zürich, 1948, стр. 77.

²⁴ Фраккаро, напротив, полагает, что центуриатная организация соответствует лишь одному легиону — шестьдесят центурий — *seniores* и шесть тысяч воинов в легионе: P. Frassago, *Ancora sull'età dell'ordinamento centuriato*, «*Athenaeum*», XII (1934), стр. 57.

²⁵ Э. Мейер опирается на словоупотребление *classici* у Геллия (VI, 13) — *classici dicebantur non omnes, qui in quinque classibus erant, sed primae tantum classis homines, qui centum et viginti quinque milia aeris amplisque censi erant*.

²⁶ Meyer, *Römischer Staat...*, стр. 47. На то, что в военном отношении сервианская организация — бессмыслица, указал Дельбрюк: H. Delbrück, *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte*, В., 1908, стр. 265.

²⁷ О военном значении рода хорошо сказано у М. Нильсона (M. Nilsson), *The Introduction of Hoplite Tactics of Rome*, *JRS*, XIX (1929), стр. 7).

²⁸ Факт гибели Фабиев подтверждается последующей традицией. Лишь через десять лет после битвы под Кремерой, датируемой 479 г. до н. э., среди лиц, занимающих магистратуру, появляется первый Фабий, и от него происходят остальные Фабии.

ившегося в традиции рассказа о переселении рода Клавдиев²⁹. Согласно этому рассказу Атта Клаузаус со всем родом, включая и клиентов, общим числом в пять тысяч человек (число это, несомненно, преувеличено), переселился в Рим, и ему и его клиентам римская община выделила землю за речкой Анием. Клавдий получил 25 югеров земли, клиенты по два югера.

Гибель в одном сражении рода предполагает, что он представлял сплоченный коллектив, имевший общие интересы и защищавший их с оружием в руках. К числу 306, как это видно при сопоставлении с известием о переселении рода Клавдиев, входили патриции и клиенты³⁰. Численное соотношение между ними не может быть установлено, но в данном случае, вероятно, число клиентов значительно превышало число патрициев³¹.

Члены рода были связаны исполнением родового культа, к которому не допускались посторонние. Важнейшей частью этого культа, сохранившейся до позднего времени, было почитание могил родовых предков. В VI—V вв. до н. э. род уже не вел коллективного хозяйства. Хозяйственной ячейкой общества уже являлась *familia*, в недрах которой существовало и развивалось патриархальное рабство.

Законы XII таблиц, древнейший памятник римского права, отразили победу частнособственнических отношений и семьи. Право наследования представлялось в первую очередь детям, как прямым наследникам, за их отсутствием родственникам по мужской линии. Но в случае отсутствия детей и агнатов — имущество наследовали не когнаты, родственники по женской линии, а члены рода. Это говорит о силе патриархально-родовых отношений.

Несколько патриархальных родов объединялись в курию³².

До позднего времени сохранялись религиозные функции курии, но в период цензуриатной реформы,ряду с ними, курия имела военные и политические функции. Об этом можно судить по такому пережитку родового строя, как куриатные комиции, собрания вооруженных мужчин по куриям. Право созыва куриатных комиций принадлежало военному предводителю всей общины — дарю. После отмены царской власти куриатные комиции производили выборы военного предводителя римской республики — претора. Впоследствии, когда право выбора высшего военного предводителя перешло от патрицианских куриатных комиций к собраниям патрициев и плебсцев — цензуриатным комициям, первые сохранили право утверждения этого выбора и вручения избранному символов власти (*lex curiata de imperio*). Курии объединялись в трибу, соответствующую греческой филе и представлявшую собой родовое учреждение в отличие от позднейшей территориальной трибы³³. Сохранились названия трех древнейших родовых фил, создание которых приписывается Ромулу: *Ramnes*, *Tities*, *Luceres*³⁴. Соответствие этих названий названиям всаднических центурий *sex suffragia* — с одной стороны, говорит о военном значении триб, а с другой, — указывает, что эти всаднические центурии имеют более древнее происхождение, чем другие элементы цензуриатной организации.

²⁹ Suet., *Tib.*, I; Liv., II, 16, 4; IV, 3, 14.

³⁰ Очевидно, клиенты получали родовое имя. Подтверждением этому служит наличие параллельных патрицианским плебейских *gentes*.

³¹ F. Cognelius, *Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte*, München, 1940, стр. 89, полагает, что патрициев было шесть, а клиентов 300.

³² Наиболее приемлема этимология — *Co-viria* (союз мужей). Она согласуется с тем, что курия, очевидно, возникла в период патриархата. Традиция сообщает, что курия состояла из 10 родов. Этот домысел римских антикваров теперь многими отвергается: H. S i b e r, *Römisches Verfassungsrecht*, Lehr, 1952, стр. 18.

³³ Римляне ясно различали старую родовую трибу — *γελμαί* от новой территориальной — *τοπικαί* (Д и о н и с и й, IV, 14; 22).

³⁴ Названия позднейших триб говорят об их первоначальной связи с родами: *Aemilia*, *Claudia*, *Cornelia*, *Fabia*, *Galeria*, *Horatia*, *Menenia*, *Papiria*, *Publilia*. Очевидно, триба получала название по наиболее крупному роду, входящему в ее состав.

Таким образом, мы видим, что до цензуриатной реформы военная и политическая организация населения совпадали. Войско составлялось из членов родов — патрициев и из их клиентов. Последние также должны были участвовать и в куриатных собраниях.

В нашу задачу не может входить рассмотрение одного из самых сложных и запутанных вопросов ранней римской истории, вопроса о происхождении плебеев. Были ли плебеи пришлым населением, переселенным в Рим при первых царях, как полагал Нибур, или они представляли собой бывших клиентов, как считал Циц, являлись ли они исконным латинским населением, завоеванным иноплеменными завоевателями, как полагали Кун и Бидер, — они стояли вне того союза родов, который составлял римскую общину. Они не входили в патрицианский сенат, не участвовали в куриатных комициях, не были причастны к патрицианским родовым святилищам и даже имели свой культовый и политический центр, расположенный за померием, — Авентин.³⁵ Римская экономика того времени не была еще настолько развита, чтобы в ней можно было искать причину глубоких различий в правовой и религиозной сфере, разделяющих сословия. Социально-экономическое развитие не могло создать этих различий, но оно сделало невозможным их дальнейшее существование. Рост римской территории, приток нового населения, не входившего в роды, развитие ремесла и торговли, вымирание старых патрицианских родов — все это сделало необходимым замену старой военной и политической организации населения, давно уже потерявшей свой прежний всеобщий характер и ставшей тормозом для развития римского государства, новой конституцией. Учитывавшей происшедшие в обществе сдвиги. Этой конституцией и была цензуриатная система.

Естественно, что последняя не могла полностью уничтожить старую организацию по куриям, и она, как известно, частично сохранилась в виде куриатных комиций. Новая цензуриатная система должна была, кроме того, сохранить некоторые принципы старой системы. От старой куриатной организации цензуриатная система заимствовала тот принцип, что и новые собрания состояли из вооруженных мужчин и что каждое низовое воинское подразделение обладало одним голосом. В период родового строя род всегда рассматривался как коллектив, могущий иметь только одно мнение. Тот же принцип коллективизма в изъятии мнения был перенесен на цензурию, ставшую на место рода как в военном, так и в политическом отношении.

Цензуриатная конституция, пришедшая на смену совпадавшей военной и политической организации родового строя, должна была иметь две стороны: военную и политическую, но это были две стороны одного целого.

Общий смысл реформы даст нам указание на время ее принятия. Реформа была принята тогда, когда плебеи были допущены в войско римской общины, когда основные различия между патрициями и плебеями были стерты. Реформа не знает деления на патрициев и плебеев и не потому, что она возникла до появления этих различий, а потому, что она сама послужила важнейшим этапом на пути их ликвидации. Такая реформа, как цензуриатная, не только не могла предшествовать борьбе плебеев за уравнение в правах с патрициями, но и быть ее первым этапом. Такое историческое событие как сецессия плебеев, предполагающая наличие в Риме двух общин, не могло быть после проведения цензуриатной реформы. И уже это одно больше значит для определения времени реформы, чем цифра создаваемых ею цензурий, на основании которой реформу датировали и VI и III вв. до н. э.

Цензуриатной реформе предшествовали и законы XII таблиц, сохранявшие важнейшее правовое различие между сословиями, запрещение брака между ними. Это запрещение брака было отменено в 445 г. до н. э. законом Капулея. И. А. Покровский верно сказал об общественном значении этого закона: «с признанием *jus conubii* падает существенное сакральное препятствие для занятия плебеями государственных должностей».

³⁵ Об Авентине как центре плебеев сохранила значение капиталая работа A. Merli n, *L'Aventin dans l'Antiquité*, P., 1906, стр. 67 слл.

стей»³⁶ и для участия в народных собраниях — вместе с патрициями, — добавим мы. Трудно себе представить, имея в виду условия раннего Рима, чтобы люди, объединенные одним военным и политическим организмом — центурией, люди, выражающие при голосовании одно коллективное мнение, в то же время были разделены запрещением брачных сношений.

Сервиева конституция, создавая собрания всех свободных граждан, как патрициев, так и плебеев, должна была наделить их определенными функциями, не совпадающими с функциями куриатных комиций. Куриатные комиции производили выборы в патрицианский сенат, помещение которого неслучайно называлось курией, ведали приемом в римскую патрицианскую общину, решали вопросы войны и мира (Dionys., II, 14, 22; IV, 20). Создание новых комиций — центуриатных — предполагается, что они имели право выбирать не только патрициев, но и плебеев. Иначе сама центуриатная реформа теряет всякий смысл. Уничтожая различия между плебеями и патрициями в голосовании, она должна была или дать равные права всем гражданам быть выбранными или специально оговорить, что какой-либо класс не имеет активных избирательных прав, подобно тому, как это сделано реформой Солона в отношении фетов. Римляне не уждались в подобных ограничениях, поскольку, давая большинство центурий первому классу, Сервиева конституция исключала возможность выбора неимущих.

Следовательно, дополнительное указание на время реформы мы должны искать в данных об избрании плебеев на пост верховных военачальников, глав войска, состоящих из плебеев и патрициев. Не случайно такое указание мы получаем не в VI в. и не в первой половине V в., а как раз после закона Канулея, снимающего существенное препятствие для занятия плебеями государственных должностей.

В 444 г. взамен консулов, магистратуры, доступной только патрициям, были избраны три военных трибуна с консульской властью (Liv., IV, 7, 2). Новая должность командиров всего войска стала доступна и плебеям. Характерно, что впервые во второй половине V в. в списке магистратов появляются плебейские имена. Военные трибуны с консульской властью не могли избираться ни на куриатных комициях, ни на собраниях патрициев, ни на собраниях плебеев.

Для создания собраний согласно Сервиевой конституции требовалась оценка имущества всего населения Рима. И не случайно именно на это же время падает учреждение цензуры (443 г. до н. э.).

Вопрос о том, существовало ли производство ценза до цензоров, спорен. Мы не видим достоверных данных о цензах до 443 г. до н. э. Сообщение о первом цензе, проведенном Сервием Туллеем, столь же недостоверно, как и свидетельство о чеканке им монеты. Поскольку Сервию Туллию приписали реформу с разделением на классы по денежному имуществу, ему же надо было приписать и чеканку монеты и первый ценз. Внушает сомнение сообщаемое авторами число граждан по цензу Сервия Туллия³⁷. При территории в 900 кв. км плотность населения Рима, если принять цифру традиции, составляла бы не менее 150 человек на кв. км. Сведения о цензах первой половины V в. до н. э. также ненадежны³⁸. Но даже если мы предположим, что цензы проводились до 443 г., это ничего не изменит в ходе наших рассуждений. Центуриатная реформа предполагает регулярное проведение ценза, поскольку с ним связывалось функцио-

³⁶ И. А. Покровский, История римского права, изд. 2-е, Пгр., 1915, стр. 83.

³⁷ Ливий (I, 44, 2) со ссылкой на Фабия Максима называет 80 тыс. граждан, могущих носить оружие; Дионисий (IV, 22, 2) — 84 700; Етропий (I, 7) — 83 тыс.

³⁸ В доказательство подлинности ценза 477 г. Шенбауэр (ук. соч., стр. 28) приводит сообщение Дионисия (I, 74), что тот сам видел данные ценза из консулата А. Валерия Потита и Т. Манлия, т. е., очевидно, пользовался архивом Валериев. Но ссылка на семейный архив не придает свидетельству Дионисия большей достоверности. Древние считали, что благодаря семейным преданиям история Рима дошла до нас в фальсифицированном виде.

нирование народных собраний и набор войска, а до учреждения цензов ценз регулярно не проводился. Традиция, например, сообщает, что при преемнике Сервия Туллия — Тарквинии Гордом ценз не проводился, а следовательно, не могла и действовать и организация, создателем которой считается шестой римский царь.

Было обращено внимание на то, что цензор давал клятву на цензуриатных комициях, а консул и диктатор в куриатных. Отсюда делали вывод, что цензуриатные комиции возникли ранее цензуры. Гораздо логичнее будет считать, что клятва цензора, так же как его выборы, является почти одновременной с созданием цензуриатных комиций. Тот факт, что цензоры клялись в цензуриатных комициях, показатель как сравнительно позднего происхождения самой цензуры, так и хронологической связи цензуры и цензуриатной реформы.

Изучение истории римского права указывает нам на середину V в. до н. э. (точнее 445—443 гг.), как на наиболее вероятное время проведения цензуриатной реформы.

К этой же дате мы приходим и с другой стороны, из области военной истории Рима. Политическая революция, давшая в принципе равные права плебеям и патрициям, была одновременно переворотом и в военной организации населения. Вместо старого ополчения с походами отдельных родов, осуществляемыми на свой страх и риск, с поединками отдельных воинов-героев, наподобие схватки Горациев и Куриациев (Liv., I, 24—26), была создана пехота с единообразным тяжелым вооружением. Эта пехота (гоплиты) составляла основу нового войска, центр его тяжести, что нашло выражение в количестве цензурий первого класса. Была реформирована и конница. К старым патрицианским всадникам цензуриям были добавлены новые, состоявшие из патрициев и плебеев в количестве двенадцати. Старые всаднические цензурии сохранили лишь преимущество в политическом отношении — право голосовать первыми, но потеряли всякое военное значение. К какому времени относится эта военная реформа? В качестве *terminus post quem* служит 479 г. до н. э. — битва под Кремерою, когда в действительности была еще старая организация войска эпохи родового строя. *Terminus ante quem* служит 432 г. до н. э., когда сын диктатора А. Постумия был приговорен к смерти за участие в поединке, столь обычном для старого времени (Diod., XII, 64)³⁹. На середину V в. как на дату организации в Риме войска гоплитов указывает и археология, данные которой собрал Ф. Альтгейм⁴⁰. Интересным представляется предположение Ф. Альтгейма, что причиной введения войска гоплитов в Риме является столкновение с этрусками, раньше римляне перешедших к этой военной организации.

Установление значения цензуриатной реформы теснейшим образом связано с ее датировкой. Исследователи, принимавшие традиционную дату, лишены возможности понять цензуриатную реформу как переворот в политическом и военном отношении. Выше мы уже останавливались на взглядах Ласта, относящего реформу ко времени до начала сословной борьбы.

В нашей историографии цензуриатной реформой занимался проф. В. Н. Дьяков. В реформе Сервия Туллия В. Н. Дьяков видит «наиболее несомненный и крупный исторический факт, дошедший до нас от эпохи этрусского господства»⁴¹. В. Н. Дьяков, споря с теми, кто «рассматривает реформу как некое подобие дела Солона в Афинах, — видят в ней введение тимократии в Риме», — указывает: «нет основания говорить о введении Сервием Туллием тимократии, т. е. конституции с наделением правами пропорционально имуществу, уже потому, что этруски были полными хозяевами в Риме и поэтому производили распределение не прав, а повинностей. И в этом отношении

³⁹ Nilsson, ук. соч., стр. 7, видит в этом эпизоде столкновение новой тактики боя, введенной цензуриатной реформой, со старой.

⁴⁰ Altheim, ук. соч., т. II, стр. 158—160.

⁴¹ В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху, М., 1947, стр. 63. В «Истории древнего Рима», М., 1956, стр. 464, В. Н. Дьяков несколько пересмотрел свой взгляд на цензуриатную реформу, считая, что она состояла из ряда разновременных мероприятий последних римских царей.

реформа царя Сервия Туллия была характерным для этрусского правления завоеванными территориями мероприятием, одновременно податным и военно-организационным»⁴².

На наш взгляд, В. Н. Дьяков берет из традиции самое ненадежное: ее датировку и авторство. Для этрусов, полагает В. Н. Дьяков, не имело значения, привилегированный ли патриций или презренный плебей. Именно этим и объясняется то, что реформа не признает различий между плебеями и патрициями. Причина реформы, по мнению В. Н. Дьякова, лежит в административной деятельности этрусских правителей.

Созданные Сервиевой конституцией центурии и классы объединяли лиц одинакового имущественного положения, как патрициев, так и плебеев, как членов родов, так и тех, кто стоял вне их. Сервиева конституция, игнорируя родовое деление общества, юридически оформила сложившееся в ходе исторического развития противоречие между богатыми и бедными. Не знатность, не принадлежность к роду давали политические права, а богатство,—таков был новый принцип, принцип классового общества.

Однако этим не ограничивалось значение центуриатной реформы. Она вводила новую военную организацию взамен прежней, в основе которой лежало деление населения по родовому принципу. Создавалось новое войско, в организации которого, как в зеркале, отражалось имущественное неравенство и которое явилось одним из важнейших элементов нового государственного аппарата.

Создание новой военной организации, включающей патрициев и плебеев, может объяснить военную активность Рима во второй половине V в. до н. э. и его успехи (завоевание и колонизация Велитр, Анксур, завоевание в самом начале IV в. до н. э. Вей).

Поражение Рима в борьбе с галлами в 390 г. до н. э. объясняется огромным перевесом сил галлов, а не недостатками военной организации Рима. Мнение Санктиса, относящего центуриатную реформу ко времени после войны с галлами, неосновательно⁴³. В пользу взгляда Санктиса некоторые исследователи приводили строительство так называемой Сервиевой стены, якобы осуществленное после галльской катастрофы. В последнее время убедительно доказано, что по своей структуре (*capellaccio*) так называемая Сервиева стена относится не к IV в., как ранее полагал Сафлунд⁴⁴, а к VI в. до н. э.⁴⁵. Это, однако, ничего не говорит в пользу традиционной датировки Сервиевой центуриатной реформы.

Создавая новое войско, центуриатная реформа подрывала значение древней клиентелы⁴⁶. Одной из главных обязанностей клиентов в раннем Риме было участие в военных мероприятиях патрицианских родов. Клиенты были военной силой римской знати.

Уничтожение старой военной организации наносило ощутительный удар по господству римской родовой знати, подрывало ее социальную опору. Клиенты, входившие ранее в состав римских родов и курий и являвшиеся опорой патрициев, теперь выходили из-под их контроля, так как отправлять военную службу они должны были отныне не в куриях, а в центуриях — в соответствии со своим имущественным положением.

В историографии имелась попытка трактовать уничтожение центуриатной реформой старой куриатной организации и клиентелы, как освобождение «крепостных кре-

⁴² Финансовую цель центуриатной организации подчеркивает также Белох, ук. соч., стр. 280.

⁴³ De Sanctis, Storia dei Romani, стр. 199. Критика Санктиса в аспекте военной истории Рима у Нильсона, Nilsson, ук. соч., стр. 4.

⁴⁴ G. Säfllund, Le mura di Roma repubblicana, Lund, 1932, стр. 209.

⁴⁵ Paribeni, Le origini e il periodo regio..., стр. 71—73, там же ссылки на спешальные работы; Л. А. Ельницкий, ВДИ, 1958, № 3, стр. 154.

⁴⁶ Сохраняют ценность старые работы о клиентеле Моммзена и Мерлина. Th. Mommsen, Römische Forschungen, I, стр. 352; A. Merlin, Essai sur la clientèle romaine, Nancy, 1889.

стьян»⁴⁷. Трактовка аграрных отношений раннего Рима как феодальных является весьма обычной в буржуазной науке и связана с так называемой циклической теорией⁴⁸.

Циклическая теория в ее приложении к истории раннего Рима имеет против себя отсутствие каких-либо данных об обработке клиентами участков патрициев, как это полагал Нойманн. Нойманн исходил из того, что два югера, получаемых клиентом, были недостаточны для содержания семьи. Нойманн и его сторонники упускают из виду, что кроме двух югеров земли в распоряжении клиентов был скот, пасшийся на общинных угодьях. Непосредственными производителями на землях родовой знати были не клиенты, а рабы и кабальные должники. Долговая кабала — пехиш, о которой сообщают законы XII таблиц, была связана не с клиентелой, а с задолженностью плебеев, населения, не входившего в состав родов и не пользовавшегося совместным землепользованием. Сервиева конституция не означала переворота в аграрных отношениях, но косвенным образом она усиливала позиции мелкого землевладения. Грани между клиентами и неимущими плебейми стираются, так что позднейшие римские писатели плохо различают плебеев и клиентов, утверждая, что плебей находился в клиентеле у патрициев.

При оценке значения цензуриатной реформы напрашивается сравнение с реформами Солона и Клисфена в Аттике. Сравнение это не может ничего дать для выяснения вопроса, в какой мере аттическое законодательство повлияло на римское, хотя это влияние и могло иметь место, если не прямо, то через посредство греческих колоний в Италии⁴⁹. Сравнение с Аттикой может лишь показать, что не только в Риме, но и в других обществах Средиземноморья развитие государства шло по пути уничтожения естественных родовых союзов и установления нового деления населения по имущественно-территориальному принципу.

Так называемая Сервиева конституция означала уничтожение примитивной патрицианской *civitas* и создание патрицианско-плебейского государства, которое в ходе своего дальнейшего развития превращается в классическое рабовладельческое государство. Формирование этого государства в Риме затянулось на более длительное время, чем в Аттике, что объясняется аграрным характером римской экономики, меньшим удельным весом ремесла и торговли. Революционное преобразование афинского общества шло более быстрыми темпами, чем римского. Афины раньше, чем Рим, вступили на путь развития рабовладельческой экономики.

Позиции римской родовой знати были более прочными, чем позиции аттических эвпатридов, и сопротивление ее — более сильным. Если в Афинах тимократическая реформа проходит одновременно с отменой долгового рабства, то в Риме плебей добиваются его отмены через сто с лишним лет после принятия так называемой Сервиевой конституции (закон Петелия 326 г. до н. э.). Допуск плебеев в участие в голосовании вовсе не означает, что в цензуриатных комициях получили преобладание плебеи. Напротив, фактически большинство голосов было у патрициев, обладавших земельными богатствами и составлявших большинство первого класса. Только небольшая кучка плебеев могла войти в первый класс, и там она должна была подчиниться большинству. В этом смысле реформу можно сравнить с той вынужденной уступкой гражданских прав италикам, на которую пошли римляне во время Союзнической войны: италики были допущены к голосованию в трибутных комициях, но не оказывали на него серьезного влияния.

Цензуриатная реформа уничтожила юридические различия между патрициями и

⁴⁷ K. N o m a n n, Die Grundherrschaft der römischen Republik, die Bauernbefreiung und die Entstehung der servianischen Verfassung, Strassburg, 1900.

⁴⁸ И в новейшей работе Ш е н б а у э р а (ук. соч., стр. 29) куриатная организация именуется «примитивной феодальной воинской системой».

⁴⁹ L i v., III, 31; D i o n y s., X, 51—56. Отправка в 453 г. до н. э. в Афины послов, хотя она и согласуется с принятой нами датой цензуриатной реформы, мало вероятна. Рассказ о посольстве возник в то время, когда было сильным греческое влияние (II в. до н. э.), и сложился под этим влиянием.

плебеями, но практически политическая власть сохранялась у патрициев. Поэтому сословная борьба продолжалась. Весь IV в. до н. э. заполнен упорной борьбой заданного долгами безземельного крестьянства против старой патрицианской знати. В результате этой борьбы падает долговое рабство. Его падению способствует развитие привозного, классического рабовладения. Уже законы XII таблиц знали различие между рабом-должником— *nexus* и рабом-чужеземцем — *sevus*. Римлянин мог попасть на положение последнего лишь за пределами римской общины. Число рабов-чужеземцев в годы принятия центуриатной реформы было невелико, а их положение как членов римской фамилии (*famuli*) отличалось от положения рабов II—I вв. до н. э.⁵⁰. Лишь в середине IV в. до н. э., как это видно из приводимого Полибием текста второго договора с Карфагеном (Pol., III, 24), вопросы торговли рабами входят в сферу государственных интересов. Но не торговля, а войны, которые ведет молодое патрицианско-плебейское государство, были главным и непосредственным источником рабства. Противоречие между рабами и рабовладельцами становится главным противоречием римского общества. Общие интересы собственников земли и рабов способствуют консолидации господствующего класса. Богатые плебеи и патриции сливаются в новое сословие *nobiles*. Центуриатная организация, открывшая плебейской верхушке путь к занятию государственных должностей, была юридической основой для возникновения этого нового сословия. Клиенты, бедные плебеи, вольноотпущенники, все те, кто согласно центуриатной организации включались в центурии пятого класса и в центурию пролетариев, достигшую в I в. до н. э. численности всех центурий вместе взятых, сливаются в новое сословие — плебс. Плебеи первого класса, которые, согласно своему имуществу, могли быть включены во всаднические центурии, составили всадническое сословие⁵¹. На смену старому сословному делению, соответствовавшему примитивному римскому обществу, приходит новое, характерное для классического рабовладельческого общества.

А. И. Немировский

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОММОДИАНА

Картина кризиса III в. в Римской империи оказалась бы неизбежно неполной, если бы мы не обращались также к исследованию идеологии римского общества этого времени. В этом отношении исследование Е. М. Штаерман о кризисе рабовладельческого способа производства в западных провинциях империи представляет огромный интерес¹. Вопросы идеологии постоянно привлекают внимание Е. М. Штаерман. Последняя статья Е. М. Штаерман, опубликованная в польском журнале «Эос»², особенно обратила на себя мое внимание и побудила меня также обратиться к творчеству христианского поэта Коммодиана.

Е. М. Штаерман в стихах Коммодиана видит наиболее яркое выражение того направления мысли, которое в значительной мере в ту эпоху было свойственно широким слоям населения Римской империи: «Эти родившиеся в среде рабов и бедноты идеи

⁵⁰ О рабстве в раннем Риме см. интересную работу датского историка римского права С. W. Westrup, Some note on the Roman Slave in early times, Mukksgaard, 1956.

⁵¹ Первое упоминание о плебее из всаднического сословия *ex equestri ordine* относится к 440 г. до н. э.— Liv., IV, 13, 11.

¹ Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957.

² Е. М. Штаерман, Гонения на христиан в III в., ВДИ, 1940, № 2, стр. 96—105; она же, Отражение классовых противоречий II—III вв. в культе Геракла, ВДИ, 1949, № 2, стр. 60—72; она же, Рабские коллегии и фамилии в период империи, ВДИ, 1950, № 3, стр. 71—85; она же, Из истории идеологических течений II—III вв., «Eos», 1956, т. XLVIII, вып. 1, стр. 505—528.

наиболее полное свое выражение нашли в раннем христианстве³. В сравнении с другими источниками, к которым в этой связи обращается Е. М. Штаерман, стихи Коммодиана представляют собой целое произведение, что дает нам большие возможности судить о характере разделяемых Коммодианом взглядов и о направленности его творчества, хотя сама личность поэта продолжает оставаться загадкой.

Рассмотрев стихотворения Коммодиана, Е. М. Штаерман приходит к выводу, что «сочинения Коммодиана ярко отразили идеологию трудящихся, готовых подняться на борьбу» (там же, стр. 523), и далее: «в них нет ни намека на кротость, всепрощение, повинование угнетателям, непротивление». Несомненно, в стихотворениях Коммодиана мы можем встретить мысли и образы, в которых отразилось осуждение существовавшего порядка вещей и стремление устранить его, хотя все это подано под хилиастической оболочкой.

Однако, вновь обратившись к Коммодиану, мы видим, что такое определение направленности его произведений не совсем точно. Приведу несколько примеров. Согласно Коммодиану, повелением всесущего является, чтобы сыны божии (т. е. христиане) были мирными, честными, правдивыми, послушными божьему закону; жестокие же люди, напротив, будут подвергнуты мучительному наказанию. Священники низшего сана (диаконы) должны служить примером послушания пастырем (епископам)⁴. Подобные призывы обращены не только к членам христианской общины, хотя Коммодиан постоянно напоминает верующим, чтобы они не вели споров с братьями, т. е. с членами той же общины (там же, 6, 1, 7). Коммодиан отрицательно относится к борьбе, в которой может пролиться кровь. Ведь имеется, говорит он, много такого, что лучше показать людям: не мечтать о чужом имуществе, сдерживать клятву, быть покорным, не прибегать к насилию и не отвечать на насилие насилием⁵. В этих стихах мы не видим проявления боевого духа, готовности бороться за уничтожение общества, разделенного на богатых и бедных. Напротив, здесь звучит примирение с тем жизненным уделом, который дан каждому человеку. Коммодиан осуждает зависть к чужому богатству: «если увидишь у ближнего своего нечестно нажитые деньги и захочешь уподобиться ему, ты в пылу зависти забываешь божий закон; и ты должен был сам осудить себя, ибо твой жадный взор никогда не насытится; и ты должен помнить, что бог может позвать тебя в любую минуту, чьи будут тогда твои богатства?» (там же, 23, 3—12). Вместе с тем отрицательное отношение Коммодиана к богатству непоследовательно. Земные блага являются, по его мнению, наградой, которую бог дает избранным своим сынам (христианам) за их миролюбие, покорность и послушание⁶. В другом месте этого же стихотворения поэт говорит, что богатство само по себе не заслуживает запрещения — оно ведь дано всевышним! Осуждения богатство заслуживает лишь в том случае, если его владелец кичится перед другими⁷. Коммодиан одобряет пастыря (епископа), приобретшего достаточно, чтобы в своей деятельности быть независимым. Коммодиан хочет только, чтобы свое богатство он не использовал исключительно для себя, а поддерживал бедных и больных. Итак: «Жертвуйте на бога»⁸. Следовательно, богатые христиане не были обязаны отказываться от своего богатства, они только должны были делиться им с нуждающимися, раздавая подаяния. Этот мотив в различных вариантах в стихотворениях Коммодиана звучит очень часто. Вот примеры: «Вы бесплодны, как сорная трава, потому что не совершаете (милосердных) поступков и не делаете пожертвований» (там же, II, 14, 9—12). «Пыльца, — говорит поэт, — если уж ты должен тратить часть своего имущества, то вместо того, чтобы пропить его, отдай бедняку, и будет вам обоим хорошо; а сам ты, таким образом, гаешь предназначенный для тебя огонь в аду» (там же, II, 36, 6—8). Матронам о своем

³ Штаерман, Из истории идеологических течений..., стр. 521.

⁴ Com mod., Instr., II, 15, 11—13; 27, 7 сл.

⁵ Com mod., Instr., II, 7, 14—18; 21, 14—16.

⁶ Com mod., С. Apol., 732—734.

⁷ Com mod., С. Apol., 27 сл.

⁸ Com mod., Instr., II, 37, 1—6.

богатстве больше подобает заявлять пожертвованиями, чем ненужной роскошью (там же, II, 18, 21—24).

Исходя из этого, мы можем считать, что для Коммодиана черта, разделяющая друзей и врагов, проходила не между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми и бедными, знатными и простолюдинами. Признаком, определяющим симпатии и антипатии поэта, является принадлежность к христианской вере и благое деяние в пользу общины и ее членов. Коммодиан — красноречивый проповедник христианства. По его мнению, самое большое богатство не оградит человека от гибели, если он не верующий⁹. Напротив, если человек преклонит голову перед Христом, то сохранит и свое положение, и богатство (там же, 32, 11 сл.).

Здесь нет классовой ненависти, наоборот, скорее можно говорить о провозглашении Коммодианом в обществе, разделенном на богатых и бедных, классового мира. Такая мораль Коммодиана вытекала, с одной стороны, из самой сущности христианского учения, что в мире ничто не делается без воли божьей, и из необходимости привлекать в христианские общины богатых людей, готовых материально поддерживать верующих, — с другой. Христиане должны навещать больных и приносить им не только слова утешения; за это, добавляет Коммодиан, бог заплатит им вчетверо (Instr., II, 30, 17).

Является ли отношение Коммодиана к бедным благожелательным? К бедным Коммодиан питает искренний интерес, хотя и ограничивается лишь упоминанием о благотворительности. Бедный не должен ссориться с высокопоставленным, должен подчиняться ему и оказывать богатому честь, как подобает. Если бедняк не знает никакого ремесла, пусть поденно работает у богатого или выполняет его различные поручения, и это не позор для здорового человека (Instr., II, 31). Но даже из такого мизерного состояния нужно постоянно выделять пожертвования в церковную казну. Таким образом, Коммодиан принимает как само собою разумеющееся обычное деление граждан Римской империи на *honestiores* и *humiliores, tenuiores*. Отсюда пренебрежение к тем, кто зарабатывает пропитание трудом своих рук, хотя это и менее отчетливо видно (Instr., I, 3, 8—11).

Наш разбор не касался основного тезиса Е. М. Штаерман, согласно которому в произведениях Коммодиана представлены многочисленные элементы бунта, выражавшие острое недовольство угнетенных масс существующим общественным порядком. Целью данной статьи было показать, что образ Коммодиана, воссозданный посредством подчеркивания «бунтарских» элементов в его сочинениях, негочен. Коммодиану не были чужды противоречия, сомнения и колебания, свойственные почти всем раннехристианским авторам. Хотя сочинения Коммодиана частично действительно отразили идеологию трудящихся, ожидающих изменения общественного порядка в процессе борьбы, однако, наряду с элементами борьбы, в них содержатся многочисленные призывы к кротости, всепрощению, повиновению угнетателям, непротивлению.

Л. Варцл (Прага)

Перевод *К. И. Козыриной*

БЫЛИ ЛИ PATROCINIA VICORUM В ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ?

Развитие аграрных патроциний в Римской империи рассматривается советской историографией как проявление процесса разложения рабовладельческой системы хозяйства и зарождения феодальных отношений в недрах римского общества¹. Этот

⁹ *S o m m o d., Instr., I, 32, 7 сл.*

¹ В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, ч. 2, М., 1938, стр. 699—704; «Всемирная история», т. II, М., 1956, стр. 795; Г. Г. Д и л и г е н с к и й, К вопросу об аграрных патроциниях в поздней Римской империи, ВДП, 1955, № 1, стр. 135—141.

процесс роста патронатных отношений характерен для всей Империи. Налоговый пресс Римского государства был непосильной тяжестью и в долине Нила, и на берегах Луары. Стремление избежать этого бремени побуждало многих земледельцев искать покровительства магнатов. Мотивом перехода свободного крестьянина под патронию могла быть также нужда в защите влиятельного лица на суде или в ограждении от насилий со стороны соседних посессоров. Магнаты со своей стороны стремились поставить в зависимость от себя земледельческое население, и патроники зачастую являлись результатом принуждения, которое крупные землевладельцы применяли по отношению к крестьянам. Но каковы бы ни были причины установления частной власти магнатов над свободными людьми, этот акт обычно сопровождался переводом имущества клиента на имя магната (или оставлением ими земли и бегством в крупное имение), и конечный результат был один и тот же: крестьянин из мелкого собственника превращался в зависимого земледельца, в лучшем случае в прекариста, в худшем случае — в колона. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют источники: конституция Гонория и Феодосия от 415 г., которая легализовала значительную часть патрониев и возложила на патронов ответственность за поступление налогов с их клиентов, рассматривая последних, тем самым, как колонов²; лапидарное описание перехода крестьян под патрионию, принадлежащее Сальвиану: «... fundos maiorum expetunt et coloni divitum fiunt»³.

Объектом данного исследования является, однако, не вся проблема патрониев в целом, но лишь вопрос об аграрных коллективных патриониях и их распространении в Поздней Римской империи.

О том, что, наряду с индивидуальными патриониями, имели место и коллективные, мы знаем из свидетельства юридических, нарративных и папирологических источников. В конституциях римских императоров IV—V вв. упоминается переход целых деревень (*vici, metrosomiae*) под патрионию магнатов⁴.

Либабий в известной речи о патронатах сообщает о деревнях, которые отдаются под покровительство военных. О том, что сельские общины в Египте имели своих патронов, свидетельствует также ряд папирусов⁵.

Историки, занимавшиеся проблемой патрониев, в своем подавляющем большинстве либо относили все упоминания о коллективных «патриониях сел» ко всей Римской империи, включая Галлию, Испанию и другие западные области⁶, либо ограничи-

² СTh, XI, 24, 6.

³ S a l v i a n u s, De gubernatione Dei, V, 8, 43. См. также Nov. Valentiniani, XXXI (451 г.), 5 (относительно поселенцев, *advenaе*, которые оказываются в *obsequium* у крупных землевладельцев).

⁴ СTh, XI, 24, 3(395) и 6(415); CJ, XI, 54; ср. Nov. Just., XVII, 13.

⁵ Papyri russischer und georgischer Sammlungen, III, Tiflis, 1930, № 8; см. также E. H a r d y, The Large Estates of Byzantine Egypt, N. Y., 1931, стр. 53; М. В. Л е в ч е н к о, К истории аграрных отношений в Византии VI—VII вв., ПИДО, 1935, 1—2, стр. 94—95.

⁶ J. F l a c h, Les origines de l'ancienne France, II, P., 1893, стр. 35; A. H a l b a n - B l u m e n s t o c k, Entstehung des deutschen Immobiliareigentums, I, Innsbruck, 1894, стр. 114, 143; F. T h i b a u l t, Les patrocinia vicorum, «Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», II, 1904; F. M a r t r o y e, Les patronages d'agriculteurs et de vici au IV-e et au V-e siècles, «Revue historique de droit français et étranger», 1928, 4-e série, № 2; C. J u l l i a n, Histoire de la Gaule, VIII, P., 1926, стр. 140; M. T o r r e s, La peninsula Hispanica, provincia Romana, Historia de España, dir. por. R. Menéndez Pidal, II, Madrid, 1935, стр. 366. Испанский историк Санчес-Альборнос, считая наличие коллективных патрониев в Западной Римской империи очевидным фактом, даже выводит происхождение средневековых бегетрий из римских *patrocinia vicorum*, хотя сам признает, что о наличии последних в вестготском государстве нет никаких данных (C. S a n c h e z A l b o r n o s, Las behet-

вали свои исследования восточными провинциями, не решая вопроса о наличии подобных патронатных в западной части империи⁷. Некоторые исследователи рассматривают восточноримские патронии и формы личной зависимости земледельцев от магнатов, применявшиеся на Западе, как принципиально отличные друг от друга институты. Так, Э. Демужо считает *patrocinia vicorum* явлением, характерным для восточных провинций. Но, по ее мнению, патронии на Востоке не имели никакого отношения к земле и не липали крестьян свободы; для западных же областей характерно развитие крепостной зависимости типа адскриптициата⁸.

Между тем в источниках отсутствуют какие-либо данные о том, что практика коллективных аграрных патрониев распространилась за пределы восточной части Римской империи. Все конституции римских императоров, которые прямо или косвенно свидетельствуют о патрониях деревень, относятся к восточным провинциям.

Из шести конституций главы *De patrocinii vicorum* Кодекса Феодосия пять направлены префектам претория Востока (СТh, XI, 24, 1; 2; 4; 5; 6) и одна — комиту Египта (СТh, XI, 24, 3). Из двух конституций Кодекса Юстиниана, трактующих о патрониях, одна адресована в 468 г. Никострату, префекту претория Востока (СJ, XI, 54, 1); другая же, не датированная, написана на греческом языке, и, по-видимому, принадлежит Юстиниану (СJ, XI, 54, 2)⁹. Но и те конституции, которые обращены к префектам претория Востока, имеют в виду в первую очередь Египет¹⁰. Конституция Льва и Анфимия от 468 г. (СJ, XI, 54, 1) свидетельствует о наличии патрониев в диоцезах — Фракия, Восток, Египет, Понт и Азия, а речь «О патронатах» Либания подтверждает распространение подобной практики в Сирии (*Libanii or.* 47). Таким образом, коллективный переход крестьян под патронии магнатов, судя по источникам, — явление типичное для восточных областей Римской империи. Разумеется, законодательство в рассматриваемый период было общим для всей Империи. Это, очевидно, и служило одним из поводов считать «патронии деревень» явлением, общим для Востока и Запада. Следует, однако, учитывать, что отнюдь не все законы, изданные в восточной части Империи, отражали также отношения, сложившиеся в Западных провинциях, и применялись в последних. Мы располагаем данными о том, что в ряде случаев конституции, формально действительные во всей Империи, не были в силе на Западе¹¹. К таким ло-

rias, «Anuario de historia del derecho español», I, Madrid, 1924, стр. 195). Автор последней работы о патрониях, французский историк Арманд полагает, что коллективные патронии развивались на Западе, может быть, позднее, чем на Востоке, но в V в. они во всяком случае уже явились (L. Hagmann, *Le patronat sur les collectivités publiques*, P., 1957, стр. 413). В советской историографии коллективные патронии также рассматриваются как явление, общее для всей империи. См. Сергеев, ук. соч., стр. 699—704; «Всемирная история», т. II, стр. 795; Дилгенский, ук. соч.

⁷ F. de Zulueta, *De patrocinii vicorum*, «Oxford Studies in Social and Legal History», Oxf., 1909; M. Gelzer, *Studien zur byzantinischen Verwaltung Aegyptens*, Lpz, 1909, стр. 72—83; Левченко, ук. соч., стр. 94—95; он же, *Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв.*, «Византийский сборник», М.—Л., 1945, стр. 47—53.

⁸ E. Demougeot, *De l'unité à la division de l'empire romain*, P., 1951, стр. 49; 544—546; ср. A. Johnson and L. West, *Byzantine Egypt, Economic Studies*, Princeton, 1949, стр. 44—45. См. критику точки зрения Э. Демужо в рецензии П. Ф. Фихман, ВВ, IX (1956), стр. 292—293. А. П. Кождан, ВДИ, 1955, № 4, стр. 103, прим. 3, не останавливаясь на характеристике патроната в Галлии, высказывает предположение, что патронат здесь отличался специфическими чертами.

⁹ Zulueta, ук. соч., стр. 3.

¹⁰ См. *Codex Theodosianus cum perpetuis commentariis J. Gothofredi*, т. IV, Lugduni, 1565, стр. 172—182. Ср. Zulueta, ук. соч., стр. 5—6.

¹¹ Так, Гонорий в 398 г. (СТh, XII, 1, 158) прямо указал, что иудеи Анулии не должны ссылаться на принятые на Востоке законодательные постановления об осво-

кально ограниченным законам относились, по-видимому, и приведенные выше конституции о коллективных патрониях. В пользу подобного предположения свидетельствуют следующие факты. В источниках имеется ряд данных о том, что на Западе широко применялась практика патрониев. В Италии, Галлии и других провинциях в период Поздней империи, как и прежде, представители знати окружены клиентами¹². Помимо этой давно уже существующей клиентелы развивается и новая, связанная с переводом имущества, земли на имя магната, вызываемая стремлением получить защиту на суде (CTh, II, 14, 1—400 г.) или избавление от тяжелого налогового гнета (Salv., De gub. Dei, V, 8, 38—40). В аналогичном положении оказываются неимущие бедняки, поселяющиеся в виллах магнатов, до тех пор, пока они не превращаются в колонов¹³. Нередко подобные патронии устанавливаются насильственным путем магнатами и прокураторами фиска над мелкими земледельцами¹⁴.

В источниках, относящихся к Западной империи, отсутствуют, однако, данные о наличии коллективных аграрных патрониев. Показательна также судьба имперских конституций, трактующих о коллективных патрониях, после крушения Западной империи. Известно, что большое количество конституций римских императоров вошло в законодательные кодексы, изданные в варварских государствах, основанных в Галлии, Испании и Италии. Среди таких римских правовых норм, вошедших в *Lex Romana Visigothorum*, *Lex Romana Burgundionum* и Эдикт Теодориха, встречаются и положения, запрещающие патронии¹⁵.

Но все эти положения касаются лишь индивидуальных патрониев. Ни одна из конституций, входивших в ту главу Кодекса Феодосия, которая посвящена патрониям деревень, не нашла отражения в названных выше сводах законов варварских государств. По-видимому, подобное различие в подходе составителей данных кодексов к римским законам, касающимся индивидуальных и коллективных патрониев, объясняется тем, что конституции относительно «патрониев сел» не только были изданы для восточных провинций Империи, но и применялись лишь в них. Некоторые исследователи пытались подкрепить свои доводы в пользу наличия «патрониев деревень» на Западе ссылками на эпиграфические данные¹⁶. В надписях действительно встречаются упоминания о том, что *pagi, vici, castella* имели своих патрониев¹⁷. Но в надписях (которые, кстати, относятся большей частью к Ранней империи) идет речь о патронате, не имеющем ничего общего с позднеримскими аграрными патрониями. Патронат надписей не отличается по своему характеру от традиционного римского патроната над муниципиями, колониями, общинами. Последний выражался, как известно, в том, что патрон оказывал общине и ее членам покровитель-

бождени иудеев от некоторых повинностей, так как эти положения недействительны на Западе. Ср. J. P a l a n q u e, *Collégialité et partages dans l'empire romain*, REA, 46 (1944), № 3—4, стр. 291 сл.

¹² A m m. M a r c., XXVII, 11; A p o l l. S i d., Ep., IV, 9; IV, 18; IV, 24; V, 19; VI, 5 и проч. Ср. также Nov. Valent., XXXI; Nov. Maior., I; VII; Paulinus, *Petricordia Carmen* (CSEL, XVI, ч. 1), III, 30; Dracontius, *De laudibus Dei* (MGH, Auct. ant., XIV), II, 317; III, 589; Romulea, V, 180; Augustinus, Ep. (PL., 33), 185, 7, 30. Законодательство уже в IV в. рассматривает свободных людей, находящихся в виллах магнатов, как рабов или клиентов последних. См. CTh., XII, 1, 50: ...si servus inscio domino susceperit (куриала.— А. К.), capite punietur, et ingenuus qui invito patrono hoc fecerit deportabitur.

¹³ Nov. Valent., XXXI (451): Advenae plerumque tenues abiectaeque fortunae quorundam se obsequiis jungunt...См. также CTh., II, 13, 1 (422).

¹⁴ C a s s i o d o r i V a r i a e (MGH, Auct. ant., XII), V, 39, 15.

¹⁵ *Lex Romana Visigothorum*, Lpz, 1849; CTh., II, 13, 1; II, 14, 1; I, 10, 4; *Lex Romana Burgundionum*, XLIII (в сб.: *Fontes iuris Romani anteiustiniani*, 2, Florentiae, 1940); *Edictum Theodorici regis* (в том же сб.), §§ 43, 45.

¹⁶ H a l b a n - B l u m e n s t o c k, ук. соч., стр. 135—137, 143.

¹⁷ CIL, X, 4831; XII, 1783, 2461; D e s s a u. 6735; AÉp, 1942/43, № 7.

ство в государственных и частных делах, жертвовал средства на общественные сооружения, устройство игр, пиршеств и т. п. Население общины в свою очередь вознаграждало патрона подарками, воздвигало в его честь статуи и проч.¹⁸

Этот патронат коренным образом отличался от аграрных патроциниев, так как не влек за собой установления поземельной и личной зависимости клиентов от патрона.

Патронат, упоминаемый в надписях и в некоторых юридических источниках (Dig., XLIX, 15, 7; XLVII, 2, 90), являлся вдобавок легальным институтом, в то время как позднеримские патроцинии, описываемые главой De patrociniis vicorum Кодекса Феодосия и Сальвианом, рассматривались государством как правонарушение.

К. Жюллианом (ук. соч., VIII, стр. 140) было высказано мнение, что галльские патроцинии V в. представляют собой продолжение или просто восстановление галльской клиентелы, описанной Цезарем. О доримской клиентеле в Галлии имеется, однако, крайне мало сведений, и трудно судить, каков был характер отношений личной зависимости, казавшихся Цезарю сходными с римской клиентелой. Но во всяком случае нет достаточных оснований для того, чтобы ставить знак равенства между отношениями, складывавшимися у галлов в период разложения общинно-родовых отношений, и отношениями, характерными для эпохи гибели рабовладельческой системы и зарождения феодальной.

Таким образом, источники не содержат данных о том, что в западных областях Империи в IV—V вв. были распространены коллективные аграрные патроцинии, аналогичные *patrocinia vicorum* восточных провинций. Разумеется, не исключена возможность того, что в отдельных случаях крупные землевладельцы и на Западе устанавливали свое влияние сразу на все население свободных деревень там, где таковые еще сохранились. Но характерной для данной части Империи формой распространения частной власти магнатов на свободных земледельцев были, очевидно, индивидуальные патроцинии.

Подобное различие между восточными и западными провинциями Империи коренится, по-видимому, в особенностях общественного развития разных частей Римского государства.

В восточных провинциях империи свободное крестьянство и остатки общинного устройства сохранились в значительно больших размерах, чем на Западе. На Востоке свободные крестьянские общины были многочисленнее, чем на Западе, и они представляли собой более сплоченные и независимые территориальные объединения, чем находившиеся в полной зависимости от муниципиев¹⁹ или от крупных землевладельцев *vici* Галлии, Африки или Испании²⁰. На Востоке свободные деревни в ряде случаев имели общинные земли, которыми могли свободно распоряжаться²¹; жители этих деревень представляли собой сплоченную общину (*consortium vicorum*), связанную хозяй-

¹⁸ См. *CIL*, XII, 2461. О том, что практика выборов патронов городскими общинами, колониями продолжалась в Поздней империи, свидетельствуют и эпиграфические и литературные источники. См. *CIL*, II, 2210, 2960; VI, 1454; *Apoll. Sid.*, Ep., III, 1, 4. См. также Н. А. М а ш к и н, Городской строй Римской Африки, ВДИ, 1951, № 1, стр. 73—74; *Alvarod'Ors*, Epigrafia Juridica de la España Romana, Madrid, 1953, стр. 376—380.

¹⁹ *Salvianus*, De gub. Dei., V, 4: quae enim sunt non modo urbes sed etiam municipia atque vici ubi non quot curiales tot tyranni sunt.

²⁰ *Frontinus*, De controversiis agrorum, Gromatici veteres, B., 1848, стр. 53: Habent autem in saltibus privati non exiguum populum plebeium et vicos circa villam in modo munitionum.

²¹ Л е в ч е н к о, Материалы..., стр. 37—45; К а ж д а н, ук. соч., стр. 93—94. Как отмечает Р. Таубеншлаг, к концу III в. на Востоке еще сохранились следы общинной собственности: система периодических переделов земли, запрещение отчуждать свои участки, право брать воду на чужом участке и проходить через него. Р. Т а у б е н ш л а г, Сельские общины в романизованных провинциях Востока времени Диоклетиана, ВВ, XIII, 1958, стр. 8.

ственными интересами, имеющую своих выборных должностных лиц. Положению этих свободных крестьян присущи еще отдельные черты статуса «царских земледельцев» эллинистического периода. Члены общин, будучи свободными людьми, в то же время прикреплены к земле, которую обрабатывают, и обязаны выплачивать государственные подати и нести известные повинности.

Деревенским властям принадлежала полицейская власть²², они занимались в некоторых случаях распределением государственных повинностей и податей среди членов общины²³, заключали имущественные сделки от имени общины²⁴.

Некоторые деревни в Египте пользовались правом автопрагии. Сельские общины связаны круговой порукой в уплате налогов всеми своими членами; они обязаны обрабатывать запустевшие земли. Государство, из фискальных соображений, старалось сохранить целостность таких общин (*metrosomiae, vici publici*), запрещая приобретать земли на их территории посторонним лицам²⁵. Стремясь оградить себя от насилий и хищнической эксплуатации со стороны городских курий или государственных чиновников, общины могли прибегать к покровительству со стороны магнатов, военных начальников, крупных чиновников. В одних случаях патроны сразу оказывались владельцами всей земли данных деревень (СТЬ, XI, 24, 3 и 6; СЖ, XI, 54); в других они ограничивались какой-то рентой, выплачиваемой крестьянами (*Libanius*, от. 47).

Но конечным результатом, как видно из самого законодательства о патрониях, было превращение крестьян в зависимых земледельцев (СТЬ, XI, 24, 6).

В западных провинциях Империи свободные деревни и некоторые пережитки общинного устройства сохранились еще в период Равней империи. Так, эпиграфические данные и юридические источники свидетельствуют о том, что *vici* имели своих должностных лиц (СIL, XII, 2461; СТЬ, VII, 18, 13); жители деревни могли совместно принимать решения по некоторым вопросам общественной жизни (СIL, XII, 2449). Население деревни образует, судя по надписям и юридическим источникам, некую соседскую организацию, о характере которой имеется, однако, мало сведений²⁶.

Но римская частная собственность на землю укоренилась здесь несравненно глубже²⁷, а свободные общины сохранились в меньших размерах, чем на Востоке.

²² Куриалы, встретившие при сборе податей в деревне сопротивление со стороны крестьян, обращаются, согласно рассказу Либания, за помощью к сельским властям (*Libanius*, От. 47, 6—7). Если из какой-либо свободной деревни бежали крестьяне, то, по предписанию закона, следовало подвергать суровому наказанию не только самих беглецов, но и старшин данной деревни (СЖ, XI, 54, 2).

²³ Н. В. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., М.—Л., 1940, стр. 40.

²⁴ Протокометы египетской деревни, как видно из папирусов, могли заключать контракты с бахширами о ссудах. См. Н. J. Bell, *An Egyptian Village in the Age of Justinian*, JHS, 64 (1944), стр. 26.

²⁵ СЖ, XI, 56, 1; ср. X, 19, 8. В известных случаях ограничениям подвергалось и право приобретения земли самими крестьянами. Согласно одной конституции 425 г. (СТЬ, V, 16, 34), крестьянам предписывается приобретать освободившиеся в императорских сальтусах земельные участки не поодиночку, а объединяясь по несколько человек.

²⁶ *Sententiarum receptorum libri quinque qui vulgo Iulio Paulo adhuc tribuuntur* (Fontes iuris romani antejustiniani, 2), V, 9; V, 13; *Lex Romana Visig.*; СТЬ, III, 1, 2. См. также A. Schulten, *Die Landgemeinden in Römischen Reich*, «Philologus», LIII (1894), стр. 631; Halban-Blumenstock, ук. соч., стр. 135; E. M. Штаерман, Кривиз рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 41, 178—181.

²⁷ В западных областях, по выражению Ф. Энгельса, «...много столетий земля была частной собственностью (и притом римской, неограниченной)...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 633).

Деревни на Западе могли иметь в некоторых случаях недвижимое имущество, землю. Но это, как отметил еще Ш у л ь т е н (ук. соч., стр. 662—663),— отнюдь не общинные поля. Вся территория деревни являлась составной частью территории городской общины — *civitas*. Земли, об использовании которых *viciani* принимают решения, зафиксированные в надписях, это обычно участки, отводимые для строительства храмов. Мелкие земельные собственники на Западе не были прикреплены к своему местожительству, как *coloni homologi* Египта; они могли свободно отчуждать свои земли. Мы не находим в источниках данных, которые свидетельствовали бы о том, что сельским общинам Запада присущи такая же внутренняя сплоченность и способность сообщать отстаивать свои интересы от всяких покушений извне, как деревенским общинам Египта или Сирии, которые порой в сила оказать сопротивление сборщикам налогов, куриалам и даже своим патронам, пытающимся расширить свою власть²⁹. В силу указанных выше причин внедрение крупного землевладельца в свободную крестьянскую общину на Западе могло осуществляться скорее и легче, чем на Востоке.

Различия между западными и восточными провинциями, разумеется, не ограничивались лишь характером деревенских организаций. Известно, что в разных областях Империи неодинаковой была степень концентрации земельной собственности²⁹, имелись особенности в административном управлении, в частности, в налоговой системе³⁰. Все эти обстоятельства также могли оказывать влияние на формы развития частной власти магнатов над сельским населением. Но характер аграрного строя, по-видимому, играл главную роль в том, что особенно широкое распространение коллективные сельские патронажи получили в Египте, Сирии и других областях Востока. И несмотря на то, что в целом процесс развития патронажей протекал в западной части Империи не менее (а может быть и более) интенсивно, чем в восточной ее части, *patrocinia vicorum*, очевидно, следует рассматривать как специфическую восточноримскую форму установления частной власти магнатов над земледельческим населением.

А. Р. Корсунский

²⁸ СTh, XI, 24, 3: Quoscumque autem vicos aut defensionis potentia aut multitudine sua fretos publicis muneribus constititerit obviare...; Libanius, Or. 47; P. Ross, *Georg.*, III, № 8; P. Оху., 1855.

²⁹ В Египте и Сирии крупное землевладение было развито в IV—V вв. в значительно меньшей степени, чем в Римской Африке или в Галлии.

³⁰ A. Déliège, *La capitation du Bas-Empire, Mâcon, 1945.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. Я. ЛУРЬЕ, *Язык и культура микенской Греции*, М.—Л., АН СССР, Институт истории, 1957, 402 стр.

Всего пять лет прошло со времени прочтения письма «Б» пиловских и кносских надписей, и за это время успела уже вырасти обширная литература по микенской культуре. Появилось немало посвященных этой проблеме журнальных статей. В апреле 1956 г. собирався специальный международный коллоквиум по вопросам чтения и толкования пиловских документов¹. С 1953 г. в Саламанке (Испания) начал выходить специальный журнал «*Minos*», посвященный изучению жизни и культуры микенской Греции.

Большая часть работ по этим вопросам носит, однако, специальный характер и посвящена или дальнейшей разработке чтения микенского письма, или анализу отдельных серий и даже единичных таблечек. Книга проф. С. Я. Лурье выделяется из среды остальных работ тем, что она представляет собой первый опыт сводной характеристики государственного и общественного строя и культуры микенской Греции на основании специального исследования и анализа вновь открытых данных².

Известный как эрудит в области классической филологии и эпиграфики, автор уже и ранее, до открытия чтения письма «Б», интересовался проблемой чтения минойского письма и посвятил этой проблеме в № 4 «Вестника древней истории» за 1947 г. специальную статью, содержащую критику попыток расшифровки Б. Грозного. В скором же времени после открытия чтения письма «Б» он отозвался на это открытие обширной статьей «Опыт чтения пиловских надписей» (ВДИ, 1955, № 3, стр. 8—36), в которой не только предлагал свои дополнения и уточнения чтения отдельных письменных знаков, но и тогда уже, т. е. спустя всего два года после открытия М. Вентриса, на основании прочтения надписей предложил пробные решения ряда основных вопросов государственного устройства и земельных отношений в микенской Греции. В следующем году в том же журнале (№ 4) была помещена статья «Крито-микенские надписи и Гомер», в которой, на основании сопоставления пиловских и кносских текстов и данных гомеровского эпоса, уточнялась терминология надписей. В 1957 г., уже по выходе в свет книги «Язык и культура микенской Греции», в ВДИ (1957, № 2) появилась статья

¹ *Études mycéniennes. Actes du colloque international sur les textes mycéniennes*, P., 1956. В сентябре 1958 г. в Павии состоялся второй коллоквиум.

² Книга основоположников чтения микенского письма М. Вентриса и Дж. Чадвика, «*Documents in Mycenaean Greek*», Camb., 1956, как показывает самое ее название, такой цели себе не ставит. Это не более как сводный, ориентирующий по отдельным частным вопросам очерк, предпосланный переводам с комментариями отдельных избранных документов. В только что вышедшей книге Дж. Чадвика «*The Decipherment of Linear B*», Camb., 1958, общей характеристике микенской культуры посвящена лишь одна небольшая глава «*Life in Mycenaean Greece*», стр. 101—133. Лекции Л. Р. Пальмера, «*Achaean and Indo-European*», Oxf., 1955, представляют собою лишь краткий и к тому же построенный на порочных началах параллелизма с германским феодализмом очерк.

С. Я. Лурье о рабовладении в микенской Греции, дополнявшая и развивавшая основные выводы соответствующей главы книги.

В результате этих своих предварительных исследований С. Я. Лурье уже в 1957 г. смог дать обобщающую характеристику микенской культуры и общественного строя микенской Греции. Первая часть книги посвящена вопросам фонетических особенностей и грамматики греческого письма микенского времени, причем предлагается ряд оригинальных соображений и уточнений. Характеристике общественных отношений и культуре посвящена вторая часть книги (стр. 189—344).

Большое преимущество книги С. Я. Лурье заключается в том, что он строит свою характеристику микенского общества не на заключениях по аналогии с обществами древнего Востока или средневекового феодализма, заключениях, которые не только не способствуют уяснению и более полному освещению вопросов общественных отношений, но лишь осложняют их решение и, напротив, таят в себе опасность направить исследование по неправильному, заранее предвзятому пути. С. Я. Лурье основывает свои выводы исключительно на данных источников, ставших теперь доступными для прочтения, и именно поэтому, в противоположность господствующему мнению, ему удастся показать своеобразие общественной жизни микенской Греции, отличающее ее как от общественной жизни древневосточных деспотий, так и тем более от средневекового феодализма.

Вторая часть работы С. Я. Лурье, имеющая общий заголовок «Греция микенской эпохи», начинается главами, содержащими исследование географических пределов обоих государств — Пилосского и Кносского — и определение местонахождения отдельных упоминаемых в надписях поселений. В основу обзора Пилосского государства положено сопоставление данных, содержащихся в таблетках, с данными гомеровского эпоса, а также позднейших источников (Страбона, Павсания); в основе же обзора Кносского государства лежит сопоставление упоминаемых в надписях пунктов с названиями критских городов и поселений, известных от позднейшего времени (стр. 189—205). Географический обзор завершается анализом данных о колониях Пилоса в Малой Азии, основанных после дорийского завоевания, и исследованием принесенных туда переселенцами элементов микенской культуры и общественной жизни (стр. 205—211). Дальнейшие главы посвящены рассмотрению различных сторон государственного и общественного строя — государственного аппарата (стр. 211—233), земельных отношений (стр. 233—243), скотоводства (стр. 244—250), ремесла и ремесленной техники (стр. 251—269), рабства (стр. 269—285), религии (стр. 285—324) и, наконец, организации военного и морского дела (стр. 324—338). К последним двум главам присоединены два специальных экскурса относительно обряда очищения страны после вражеского нашествия и о всадниках (*ιππεῖς*) в древнейшую (послемикенскую) эпоху истории Греции (стр. 316—324 и 339—344). В заключение дается транскрипция на греческом языке 23 избранных надписей (из них 17 пилосских и 6 кносских — стр. 345—381) с соответствующими комментариями и с приложением словаря к этим надписям (стр. 382—387). Книга снабжена 50 рисунками, иллюстрирующими текст и заинтересованными прежде всего, за исключением воспроизведения отдельных таблеток, из «Palace of Minos» Эванса.

В своем изложении и анализе таблеток автор не обособляет критские и пилосские надписи, что было бы желательно, так как пилосские надписи отделяет от кносских промежутки времени, равный почти трем столетиям. В основу анализа положены данные пилосских текстов, в дополнение к которым попутно для уточнения рассматриваются данные отдельных кносских надписей.

Как видим из содержания перечисленных глав, книга заключает в себе достаточно полный и разносторонний обзор общественной и культурной жизни микенской Греции. В качестве первого опыта такой характеристики, притом основанной на анализе материала, допускающего, как признает и сам автор (предисловие, стр. 7—8), самые различные и произвольные толкования, попытка эта, естественно, не лишена известной субъективности: рядом с отдельными интересными и плодотворными заключениями и гипотезами встречаются также и сомнительные и спорные положения.

В главе, посвященной характеристике аппарата государственной власти, освещаются роль и значение царя ванака (wapaка)³ и военного предводителя лавагета (rawaketa). Относительно царской власти высказывается при этом сомнение по поводу того, имел ли Пилос своего властителя — ванака или же под «ванака» следует иметь в виду царя «Аргоса», владычествовавшего над всем Пелопоннесом (215 сл.). По поводу звания лавагета автор на основании одной фригийской надписи, в которой царю Мидасу приписывается титул лавалта, высказывает предположение, что, наряду с званием лавагета существовало и другое обозначение этой должности, а именно как га-ва-га-та. Такое предположение представляется, однако, сомнительным. Rawaketa в микенских надписях совершенно не употребляется в качестве звания, но лишь как имя собственное (An 723,3). Слово это встречается и в другом написании — га-ва-га-та₂ и только для обозначения географических пунктов (An 298,1; In 829,14; Ma 216,1). Далее обстоятельно трактуется вопрос о местных правителях — базилиях и о состоящих при каждом из них советах старейшин (kegosia — γεροσιᾶ), причем отмечается, что эти учреждения существовали одинаково и в Пилосе и в Кносе (стр. 219—223). Низшими представителями административного аппарата являлись «руководители отдельных селений», носящие различные названия (korete, rokokorete, также тогора, термин, который автор, вслед за В. Георгиевым, транскрибирует как греч. κολλοί), «сохранившиеся еще со времени самостоятельности этих селений». Название коретеров автор считает происходящим еще «из сферы мужских союзов» (стр. 229). Автор далее специально подчеркивает демократический характер Пилосского и Кносского государств (стр. 223—224; ср. стр. 11). Общая характеристика греческих обществ микенской эпохи, данная автором в предисловии, как «централизованных государств с большим бюрократическим аппаратом» (стр. 11), представляет несомненное преувеличение. В главе о государственном аппарате, помимо органов власти, сохранившихся от времени родоплеменного строя, никаких собственно бюрократических органов власти не указывается, ибо нельзя считать таковыми примитивные в сущности звания, как «глашатаи» (kaguke — κήρυκες), «вестники» (akego — ἄγγελος) и письмоносцы (по остроумному чтению автором термина diptegarоg⁴ — διπτεράφορος). С другой стороны, в именах лиц, упоминаемых в документах о приеме частного скота для пастбы на общественных пастбищах, — Akosotao. Wedanewo, Akeojo, Parajo⁵ — автор видит обозначение особых должностных лиц. Между тем выполняемые ими функции (прием скота для содержания на общественных пастбищах) совершенно тождественны, причем речь об этих лицах идет в одних и тех же документах.

В той же главе об аппарате государственной власти попутно рассматриваются данные относительно положения различных слоев населения. Здесь справедливо отмечается рост крупного землевладения и аристократизации общественного строя, в частности, освещается положение группы терета (стр. 224—225). Интересна при этом попытка автора связать названия отдельных должностей или званий, встречающихся в пилосских табличках, с обозначениями учреждений и институтов, существовавших в малоазийских колониях, основанных беглецами из Пилоса после дорийского завоевания, и, таким образом, установить преемственную связь между ними. Так, по мнению автора, название «корете» передалось коллегии куретов, которым принадлежало руководство известным храмом Артемиды Эфесской (стр. 210); название тогора₂ — коллегии мольпов, стоявших во главе колонизованного пилосцами Милета. Автор на

³ Знаки 40, 42, 54, и 75 (wi, wo, wa, we) в книге автором передаются посредством буквы v вместо общепринятой передачи через w.

⁴ В транскрипции автора ziptegarоg; в знаках 1, 7, 14, 45 и 51 звук d автором передается через z.

⁵ См. M. Ventris — J. Chadwick, Documents..., Appendix II: Index of Personal Names: O. Landaу, Mykenisch-Griechische Personennamen, Göteborg, 1978, s. v. В качестве имени собственного Akosota встречается в An 39, обор. 5, Akeo — в An 192,14. Wedanewo — имя бога, и поэтому вероятнее считать его именем собственным.

основании одной надписи, относящейся к Сфагиям (Еп 609), реконструирует существование в Пилосском государстве замкнутой аристократической группы *damate*, организованной по образцу милетских мольвов по возрастным группам (стр. 226 сл.). К сожалению, эти интересные гипотезы не могут быть прочно обоснованы за недостаточностью данных, тем более что самые термины *mogora*₂, *damate* понимаются и толкуются исследователями различно.

В следующей главе о земельных отношениях, вопреки господствующему мнению, автор в *kotoonoko* видит людей, хотя и получающих земельный участок «от народа», но ставших уже наследственными владельцами этих участков. Основанием для такого толкования служит различное понимание терминов *kotona* (земельный участок, полученный в условное владение) и *kotonon*, слово, которое автор производит от корня *χθών* «земля», и соответственно считает *kotoonoko* не просто держателями земельного участка, но, наряду с обладателями *kotona kitimena*, — частными земельными собственниками (стр. 233—237). Далее трактуется оригинально, но мало убедительно вопрос о *kaetaewe*, людях, получающих земельные участки в обработку; особенно сомнительно утверждение автора (стр. 225), что под *kaetaewe* (Ес 411) разумеется все свободное население, кроме теретов и «божьих рабов». Затем разбирается вопрос о крупных и мелких арендаторах общественных земель, в том числе о «божьих рабах и рабынях» (стр. 239 сл.). Интересна высказываемая автором оригинальная мысль, что *wowo*, термин, соответствующий позднему аттическому *βρος* и обозначающий обширный участок земли, занятый несколькими владельцами, представляет собою «в ряде случаев участок, принадлежащий родовому объединению, распадающийся далее на отдельные земельные участки *κτοῖναι*» (стр. 239).

В главе о скотоводстве (стр. 244—250) автор вносит чрезвычайно существенную поправку в толкование Фурумарком значения документов серии Сп (Сп 40, 45 и др.), изменяющую коренным образом наше представление об организации скотоводческого хозяйства в микенской Греции: не государство сдавало свой скот на попечение частным лицам, как полагает Фурумарк, а, напротив, скот принимался от частных лиц для пастбы его на общественных пастбищах в горных местностях (песчаный Пилос был для этого непригоден). Однако, таким образом правильно оценивая значение документов серии Сп, автор в то же время, как мы уже указывали, совершил другую ошибку, считая имена лиц, принимавших скот от частных лиц, обозначением различных общественных должностей. Не весь частный скот пастя, однако, на общественных пастбищах. В главе отмечается в то же время и существование обширных частных скотоводческих хозяйств на собственных землях владельцев скота. В Пилосе разводился по преимуществу мелкий скот. Сведения о крупном рогатом скоте встречаются относительно редко. Во всяком случае коневодство не получило такого развития, как на Крите (стр. 247).

В обзоре ремесла (стр. 251—256) на примере кузнецов, занятых обработкой меди и бронзы, отмечается относительно привилегированное положение ремесленников по сравнению с жалким положением ремесленников в гомеровских поэмах. Здесь, как мне кажется, следует исправить одно недоразумение: в надписи In 431 сткк. 25—26 при именах [Sa]kere[*u*], Tosano, A(23)tawono и еще одного лица, имя которого не сохранилось, указано число людей (5, 10 и 31). Вряд ли правильно видеть в них рабов, принадлежавших, как полагает автор, лицам, носящим эти имена (стр. 254, прим. 1). Если бы это было так, то в данном случае мы имели бы настоящие эргастерии, что для этого времени мало вероятно; притом же люди, значащиеся при этих именах, не называются рабами, но обозначаются идеограммами мужчин. Правда, у немногих отдельных ремесленников-кузнецов, как показывают другие цитированные в том же примечании места источников, встречались единичные рабы (например, в данном документе стк. 11 назван раб — *doero*, принадлежавший кузнецу Ketaku — ср. стк. 3), но именно названные в документе лица в числе ремесленников не значатся; в них следует видеть или начальников, или, быть может, представителей рабочих отрядов.

В следующей главе, посвященной вопросу о рабстве, исследуются термины, в которых есть основание видеть обозначение различных видов рабской зависимости

(те же вопросы рассматриваются в одновременно напечатанной статье «К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе» — ВДИ, 1957, № 2, стр. 8—24). При определении значения этих терминов проводится аналогия с позднейшими формами рабской зависимости на Крите. Сюда, по мнению автора, относятся прежде всего рабы, родившиеся от смешанных браков или от сожителства лиц рабского и свободного состояния — *rokuta*, мужские рабы на Крите, женщины-рабыни *doqeia* (δούφεια, как читает этот термин С. Я. Лурье) в Пилосе, далее *woweu* (критская надпись С 911,3) и *wowijata* в Пилосе (An 172), которых С. Я. Лурье сопоставляет с позднейшими кларотами на Крите (стр. 275—277). Далее выясняется положение так называемых «божьих рабов» и «божьих рабынь», аналогичных позднейшим *гиреродулам*, равно как и рабов и рабынь, принадлежавших высшему жреческому персоналу и занимавших более привилегированное положение по сравнению с рядовыми рабами (стр. 277—280). Что касается, наконец, женских списков Aa и Ab, то автор отказывается видеть в них указание на этническую принадлежность женщин некоторых из этих списков, как обычно принимается (книдзянки, киферлянки, лемнизянки), и считает их обозначения также профессиональными, а не этническими терминами (стр. 282). Более подробно этот вопрос рассматривается в названной статье. В той же статье автор высказывает оригинальную, но саму по себе маловероятную гипотезу о том, что женщины этих списков были частными рабынями и что «рабовладельцы по особым раскладам должны были направлять определенное количество рабынь для обслуживания высших должностных лиц, а пилосский дворец играл роль чего-то вроде первобытного бюро по распределению рабочей силы — он регистрировал, учитывал этих рабынь и направлял их по назначению» (ВДИ, 1957, № 2, стр. 22).

В главе о религии в результате обзора данных о различных божествах в пилосских надписях констатируется факт, что почти все олимпийские божества уже существовали в микенской Греции, хотя окончательно олимпийский круг богов еще не сложился. Интересно, далее, упоминание в пилосских надписях Диониса (*Diwonusojo*, Ха 102), что говорит об исконности этого культа в Греции и приводит к окончательному устранению распространенной ранее гипотезы о перенесении культа Диониса в Грецию из Фракии (стр. 292). Большое внимание уделяется, наконец, культу «матери богов» и ее сына — дитяти, поскольку этот культ нашел себе широкое применение и отражение в надписях и изображениях Крита. В Пилосе культ богини-матери почитался под именем Дивийи (стр. 298 сл.).

В последней главе дается краткий очерк военной организации и вооружения этого времени. Оригинальным в этой главе является понимание термина *egeta* как «колесничего» (стр. 324 сл.). Соответственно *egeta* занимали привилегированное положение в обществе. Автор считает их непосредственными предшественниками *иплей* древнейшей эпохи в истории Греции, в которых также в свою очередь видит не всадников в собственном смысле, но первоначально тех же колесничих. Вопросу об этом посвящен, как сказано, специальный экскурс.

В заключение рецензии приходится отметить некоторые замеченные нами опечатки, а также неточности, вкравшиеся в текст по небрежности самого автора. Так, на стр. 196 дается ссылка на Павсания относительно непригодности песчаной почвы области Пилоса для пастбы скота, а несколькими страницами ниже, на стр. 201, эта же ссылка значится уже как ссылка на Страбона. На стр. 222 сделана неправильная ссылка относительно *басилей* *Apikaradojo* (у автора ошибочно передано: *Apikarazoro*) на An 129; на самом деле, должна быть ссылка на Ae 398. На стр. 229 явная опечатка: дается ссылка на то место книги, где более специально идет речь об *egeta*, именно на стр. 224 вместо стр. 324 сл. На стр. 244—245 при подведении статистики мелкого частного скота, содержавшегося в общественных загонах (Cn 131), дается источник подсчет числа овец и коз: число последних преуменьшено вдвое (вместо 109 указано только 55); неточен также подсчет скота в списках Cn 285 и 328. На стр. 252 число центров ремесленной (кузнечной) промышленности, в которых имелись ремесленники, работавшие на храм местной богини-владычицы (*potini ja* — Πωτινιά), обозначено как три, тогда как на самом

деле таких центров было всего два. Ошибка произошла оттого, что к таким центрам отнесено местечко Повитея вследствие недостаточно внимательного чтения источника In 601, стк. 11. В документе значится имя кузнеца (po)tinajo (имя, встречающееся и в других документах — In 692,7 и 725, 20), которое автор прочел, как rotinijajo; та же ошибка повторена автором и на стр. 305. В документе In 601 речь идет не о кузнецах «владычицы», а о кузнецах atarasijo, т. е. не работавших у себя на дому. Наконец, на стр. 278 дана ссылка на документ Es 07 (по первому изданию Беннета) вместо Es 411 второго издания; правильная ссылка на этот документ дается на стр. 225. Разумеется, эти мелкие погрешности легко могут быть исправлены и ни в какой мере не снижают того большого значения, какое имеет книга С. Я. Лурье.

В результате нашего обзора книги проф. С. Я. Лурье мы можем констатировать, что как первый опыт систематического и разностороннего освещения микенского общества и культуры, хорошо ориентирующего читателя в микенской проблеме (к сожалению, к книге не приложено никаких указателей), она, наряду с книгами М. Вентриса и Дж. Чадвика⁶, может и должна служить настольной книгой для всех последующих исследователей, занимающихся проблемами истории и культуры микенской Греции.

Акад. А. И. Тюменев

ФЕОКРИТ, МОСХ, БИОН, Идиллии и эпиграммы, перевод и комментарий М. Е. Грабарь-Пассек, М., Изд-во АН СССР, 1958, 326 стр., тираж 15 000 экз.

Среди богатейшего наследия классической греческой литературы буколическая, или пастушеская, поэзия занимает немаловажное место. Древнегреческая литература, отошедшая в III в. до н. э. от больших социальных тем, сумела сказать еще раз свое повое слово в изображении повседневной жизни «маленького человека», создав еще один, совершенно новый жанр — буколику или идиллию. Создателем буколической поэзии принято считать Феокрита, его продолжателями и последователями — Мосха и Биона, живших, как предполагают, столетием позднее.

Рецензируемое издание представляет собой первый полный перевод на русский язык всего свода греческих буколических поэтов¹. Обстоятельное приложение содержит большую статью о греческой буколической поэзии, обзор истории рукописной традиции и печатных изданий и, наконец, подробный комментарий к каждому стихотворению. Таким образом, даже при первом беглом знакомстве с этой книгой становится очевидной ее большая ценность не только для специалиста-литературоведа, но и для каждого читателя, интересующегося историей мировой литературы.

Художественная и историческая ценность публикуемых произведений, сложность истории их происхождения и исторической судьбы, наконец, недостаточная изученность основных проблем эллинистической литературы, вызывающей столько споров и разногласий в советской и зарубежной науке, выдвигали перед М. Е. Грабарь-Пассек сложную и ответственную задачу — сказать свое первое и веское слово о большом и сложном направлении в античной и новой литературе.

В книгу включены 89 стихотворений Феокрита, Мосха и Биона. Все они, начиная от кратких двустиший и кончая эпиллиями, содержащими свыше трехсот стихов, переведены в размерах, наиболее близких к подлиннику, насколько это возможно

⁶ M. Ventris and J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Camb., 1956; они же, Studies in Mycenaean Inscriptions and Dialect. Bibliographical Survey, 1953—1955, L., 1956.

¹ Единственный полный перевод Феокрита, принадлежавший А. Н. Сиротину, был опубликован в ЖМНП в 1890 г.

при совершенно разных системах античной и современной метрики. М. Е. Грабарь-Пассек удачно нашла аналогии для передачи греческого гекзаметра, дактилического триметра, пентаметра и асклепиадова стиха, переданного для Феокрита впервые А. Н. Сиротининым. Стремясь передать напевность и мягкость феокритовского стиха, М. Е. Грабарь-Пассек отдает предпочтение в гекзаметре трехсложной стопе перед двусложной и точно соблюдает все цезуры подлинника. Богатая лексика, по возможности исключая все длинные и составные слова, но щедро использующая простонародные и разговорные выражения², употребление таких поэтических приемов, как аллитерация, анафора и звукопись, объединение смысловой паузы с концом строки и ряд других художественных средств помогают переводчику передать в значительной степени своеобразие стиля и языка греческих буколических поэтов. К сожалению, не всегда оказалось возможным оттенить в русском переводе тонкую игру слов, юмор и иронию феокритовской буколики. В целом удачный и интересный перевод не лишен все же некоторых недостатков. Следует, в частности, отметить несколько спорных и непонятных мест, оставляя без всякого уже внимания опечатки, к сожалению, довольно частые в самых различных разделах книги.

К числу спорных приемов переводчика следует отнести пользование как архаическими, так и диалектными морфологическими и синтаксическими формами: «жавропки» (ид. VII, 23, 141), «полэгчало» (ид. XI, 7), «зеленую траву» (ид. XXV, 231) и т. д. Нельзя признать удачными и стремление М. Е. Грабарь-Пассек к точному фонетическому воспроизведению греческих собственных имен и географических названий. Такие слова, как Симайта, Айгон, Аянт или параллельные формы одного и того же слова (Эроты и Эрос), необычны в традиционном русском произношении и несколько напоминают аналогичные опыты В. Я. Брюсова.

Среди непонятных мест, число которых невелико, можно отметить следующее: что, например, должна обозначать такая фраза?

«Чаще все бил Полидевк, все лицо раздробляя и щеки
Мясо в клочки превратив...» (ид. XXII, 127—128).

Ни предыдущий, ни последующий стихи не поясняют этого темного места, а в подлиннике говорится совершенно ясно, что все учащающиеся удары Полидевка сыпались до тех пор на лицо Амика, пока щеки последнего не потеряли своей формы. Далее Геракл рассказывает о своем поединке со львом:

«Сильно душил я его и могучими сзади руками
Я уширался...» (ид. XXV, 264—265).

Загадочность позы Геракла не объясняют ни комментарий, ни приведенная в тексте репродукция лисипповского Геракла (стр. 112). А в греческом тексте ясно сказано, что Геракл душил льва, обходя его сзади (ἐξ' ὀπίσθου), чтобы зверь не поранил его своими когтями. Иллюстрация же дает совсем иной момент этой борьбы, о чем стоило бы сказать в примечаниях. Упомянув здесь об иллюстративном материале, следует сказать, что подобран он очень хорошо, но в тексте иллюстраций слишком мало, а в приложениях нет вовсе, хотя в отдельных разделах статей и комментария иллюстративный материал был бы очень кстати, так как М. Е. Грабарь-Пассек часто ссылается на памятники изобразительного искусства. Одна из подобных ссылок, впрочем, не представляется достаточно точной. Говоря об успехах эллинистического искусства «в передаче индивидуальных черт человеческого облика» (стр. 192) и правильно связывая эти успехи с характерными особенностями эллинистической культуры и литературы, М. Е. Грабарь-Пассек ссылается на знаменитые фаюмские портреты. Ссылку эту нельзя признать уместной, так как самые ранние из фаюмских портретов датируются I в. до н. э., а в статье речь идет об особенностях литературы III в. до н. э.

² Например: «пробирать до мозга костей» (ид. III, 17), или «кудрявая Ариадна» (ид. II, 46)—нужно отметить, что указанный эпитет (εὐπλόκιμος) в гомеровской поэзии переводят как «прекрасноволосая», «прекраснокудрая».

При чтении текста перевода вызывает недоумение начало XIV идиллии, явно противоречащее всему содержанию ее, где после длительного отсутствия Эсхин встречается с Тионихом и рассказывает последнему о своих злоключениях. М. Е. Грабарь-Пассек использует здесь распределение реплик между собеседниками, имеющееся в основной рукописи. Ошибочность рукописного чтения, отмеченная уже в одном папирусном фрагменте I в. н. э., давно установлена в науке. В новых изданиях текста принята поправка Кёлера, вносящая ясность в вопрос о том, кто же из двух друзей в действительности отсутствовал. Последний пример заслуживает особого внимания, так как он, к сожалению, не является единичным. М. Е. Грабарь-Пассек, используя в своем переводе новейшие издания текста Гоу и Леграта, почему-то упорно отдает предпочтение традиционному рукописному чтению даже в тех случаях, когда ошибки его несомненны и признаны всеми последними критическими изданиями. Чтобы увеличить число примеров, можно сослаться на ту же самую идиллию, где конец шестидесятого стиха М. Е. Грабарь-Пассек переводит так: «...для вольного — лучший владыка». Давно установлено, а теперь подтверждено и папирусными находками, что использованное в переводе рукописное чтение ἐλευθέρῳ ὄρις ἀριστός ошибочно и появилось как механическое повторение предыдущего стиха (см. издание Гоу). Можно не соглашаться с поправками Ганта или Галлавотти, на которых ссылается Гоу, но взамен ошибочного чтения нужно было что-то предложить. Ведь весь этот абзац представляет собой исторический намек, важный как для датировки стихотворения, так и для анализа всего творчества Феокрита.

При изучении творчества Феокрита вопрос о хронологии вообще имеет особое значение, так как все наши сведения чрезвычайно скудны, а стихотворения, изобилующие личными историческими и вымышленными именами, географическими названиями и политическими намеками, всегда представляли благоприятную почву для всевозможных гипотез, где фантазия и остроумие исследователя заменяли недостаточную аргументацию³.

М. Е. Грабарь-Пассек с большой научной осторожностью отказывается от бесплодных попыток восстановить биографию Феокрита и датировку его произведений: «исследования, посвященные этому вопросу,— говорит она,— как бы вращаются в заколочанном кругу: из самих произведений берутся указания для датировки, а по этой гипотетической датировке располагают произведения» (стр. 197). Поэтому в рецензируемой книге стихотворения расположены по традиционной схеме Стефануса, предложенной еще в XVI в., а вопрос о датировках стихотворений перенесен в комментарий, где ему посвящен тщательный лингвистический и литературоведческий анализ. Всегда столь осторожная в своих оценках, противница всяческих гипотез М. Е. Грабарь-Пассек все же один раз отступает от ею же установленного принципа, выражая сомнения в принадлежности Феокриту XII идиллии. Доводы, которые приводятся, основаны главным образом на содержании этой идиллии, прославляющей «любимца». Но это возращение, подобно остальным, приведенным в комментарии, не является убедительным. Прославление «любимца» обычно в древнегреческой поэзии и не является неожиданным в буколической. Что же касается обращения поэта к ионийскому диалекту, на основании которого Гейнзе и Блумфельд уже давно оспаривали авторство Феокрита, то сейчас считается и это сомнение неосновательным, так как Феокрит, в зависимости от случая, пользовался дорийским, эолийским и эпическим диалектами (см. стр. 205—206 рецензируемой книги).

Остается немного сказать о заключительной статье, в которой М. Е. Грабарь-Пассек сумела в немногих словах подвести итог своей многолетней работе над греческой буколической. В статье нашлось место для освещения всех основных вопросов александрийской поэзии, но, естественно, что не все они равнозначны и равноценны. Основное место среди них занимает проблема эволюции буколической поэзии, т. е. та проблема,

³ О произвольности подобных биографических построений свидетельствует наличие в научной литературе, наряду с подробнейшими жизнеописаниями Феокрита, работ, в которых выражается сомнение даже в подлинности его имени.

в которой наиболее полно отразились направленность и задачи всей книги М. Е. Грабарь-Пассек. Ознакомив читателя с характерными особенностями творчества Феокрита и его продолжателей, определив место Феокрита в современной ему литературе и его отношение к литературному наследию, наконец, охарактеризовав идеологическую основу буколической поэзии, М. Е. Грабарь-Пассек показывает, как жизненно правдивые и оригинальные произведения Феокрита постепенно сменяются в литературе условными и манерными идиллиями позднейших буколических поэтов. «Последователи и продолжатели взяли у Феокрита, — говорит М. Е. Грабарь-Пассек, — не самые жизненные его черты — дар реалистического изображения обстановки, быта и характеров, здоровый юмор, а развили как раз те элементы манерности и условности, которые несомненно были и у Феокрита, но заглушались более здоровыми звуками его лиры. Подлинная буколика Феокрита нигде и никогда более не возродилась» (стр. 220). Справедливость подобного утверждения очевидна, но оно нуждается в более подробном объяснении того, чем же вызваны элементы манерности и условности у Феокрита. Для истории буколического жанра важнее установить преемственную связь позднейшей буколики с Феокритом, чем подчеркивать различие между ними, как это делает М. Е. Грабарь-Пассек. По ее мнению, Феокрита и его продолжателей отличает друг от друга прежде всего их отношение к действительности. Для Феокрита М. Е. Грабарь-Пассек устанавливает «проникающее все произведения Феокрита любование действительностью», а позднейшие буколические поэты совсем отрешены от действительности, и живая реальность вытеснена у них «светлой бес печальной страной невинности и чистоты с добрыми тихими людьми и ласковой природой» (стр. 223). И хотя М. Е. Грабарь-Пассек считает, что от «бездумного любования статической прекрасной картиной», в основе которой лежит реальная действительность, всего один шаг до отхода от действительности «в прошлое, в будущее или в мир фантазии» (там же), но вряд ли с таким утверждением можно согласиться. Мир реальности и фантазии причудливо перемешан уже во многих идиллиях Феокрита, а Мосх, Бион и все другие продолжатели Феокрита, проходя мимо действительности, остановили свое внимание только на мире фантазии. «Древнегреческие поэты Сицилии Феокрит и Мосх, — отмечает Ф. Энгельс, — воспевали идиллическую жизнь пастухов — рабов, своих современников. Это были, несомненно, лишь красивые поэтические грезы»⁴.

Своеобразное отношение Феокрита к действительности можно, например, проиллюстрировать теми идиллиями, которые сюжетно совпадают с отдельными эпизодами «Аргонавтики», эпической поэмы современника и идейного противника Феокрита — Аполлония Родосского.

М. Е. Грабарь-Пассек только упоминает о том, что Феокрит и его единомышленники «варьют и используют старые жанры, создавал на почве эпоса малую эпическую поэму — эпиллий» (стр. 194). Феокрит и Аполлопий одинаково обращаются к эпической поэзии прошлого, один создавая идиллию с мифологическим сюжетом — эпиллий, а другой — большую эпическую поэму. Но сравнение XIII идиллии Феокрита с заключительным эпизодом первой книги «Аргонавтики» и XXII идиллии с началом второй книги (поединок Полидевка с Амиком) может обнаружить различие идейных концепций обоих поэтов. М. Е. Грабарь-Пассек лишь мимоходом упоминает о связи XIII идиллии с «Аргонавтикой», не делая из этого никаких выводов. А между тем анализ этих двух названных выше идиллий показывает, как Феокрит создает нового героя среди персонажей древнего эпоса и как от реальной действительности переходит к вымышленному прекрасному миру, в котором живет Гилас, но где нет места ни Гераклу, ни Полидеву. В эпиллиях Феокрита нигде нет «любования реальной действительностью», там имеются лишь любовно выписанные реалистические элементы быта или, пользуясь терминологией М. Е. Грабарь-Пассек, «отдельные моменты жизни» (стр. 223), перенесенные в страну грез и фантазии. Тезис М. Е. Грабарь-Пассек о полном принятии Феокритом действительности и даже любовании ею, вступает также в противоречие как с темой пародийной направленности творчества Феокрита,

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 432.

которая не раз была предметом специального изучения, так и с юмором и тонкой прозой стороннего наблюдателя, характерной в равной степени и для Феокрита и для близкого ему по духу Каллимаха ⁵.

Высказанные здесь соображения только иллюстрируют и уточняют основную мысль М. Е. Грабарь-Пассек об эволюции буколистического жанра, о неподражаемости и неповторимости феокритовской буколики. Но именно эта буколика и была противоречивой, отразив противоречие мировоззрения Феокрита, а эту слабую сторону продолжили и развили буколистические поэты — последователи и продолжатели Феокрита.

Заканчивая обзор книги М. Е. Грабарь-Пассек, еще раз нужно отметить, что все сказанное здесь отнюдь не умаляет ее достоинств. Некоторая нечеткость отдельных положений статьи, недостаточная отредактированность комментариев, кое-где повторяющего статью, отдельные стилистические небрежности в переводах слишком незначительны на фоне прекрасного впечатления, производимого всей книгой в целом. Но достоинства книги далеко не исчерпываются перечисленными здесь, а высказанные возражения должны только способствовать дальнейшему изучению важнейшего раздела эллинистической литературы.

Н. А. Чистякова

V. CANARACIŢIE, *Importul amforelor stampilate la Istria* (Bibliotheca istorica I), Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1957, 446 стр.

Книга проф. Василе Канараке посвящена вопросу об импорте клейменных амфор в Истрию и основана на изучении публикуемых им амфорных клейм, найденных при археологических раскопках в Истрии и ее окрестностях; в ряде пунктов раскопки впервые производились в самые последние годы. Основную задачу своего труда автор видит в том, чтобы выяснить экономические взаимоотношения между различными греческими производственными центрами и колониями на территории Румынии, с одной стороны, и колониями и окружавшими их местными племенами — с другой.

Рассматриваемая работа выгодно отличается от целого ряда публикаций аналогичного характера, вышедших в свет за последние годы (например, издания керамических клейм, найденных на Делосе, в Аргосе, Тарсе и т. д.). В. Канараке не ограничился одной лишь публикацией материала, но попытался на основании его изучения решить ряд важных исторических и социально-экономических проблем.

Нет необходимости говорить о том, каким ценным источником для выяснения целого ряда вопросов, связанных с экономической жизнью античных городов и поселений, являются керамические клейма. Особое значение этот материал приобретает для истории античного Причерноморья, где для некоторых периодов полностью или почти полностью отсутствуют литературные источники и свидетельства лапидарной эпиграфики, могущие пролить свет на экономическую жизнь указанного района.

Особый интерес рецензируемая работа представляет для исследователей Северного Причерноморья, для которых сравнительное изучение материалов Северного и Западного Причерноморья, благодаря большой их близости, имеет первостепенное значение. Не случайно и автор рассматриваемой работы весьма широко использовал публикации аналогичного материала керамической эпиграфики и соответствующие исследования русских и советских ученых.

Книга В. Канараке состоит из введения (стр. 5—27), девяти глав, в которых публикуются и изучаются амфорные клейма различных центров (стр. 31—311), синоптической таблицы имен, содержащихся на опубликованных клеймах (стр. 312—350), и выводов (стр. 351—394). В приложениях к книге содержатся списки имен, встре-

⁵ См. например, В. А. van Groningen, *La poésie verbale grecque. Essai de Muse au point*, «Mededel. d. koninkl. Nederlandse Akad. van Wetenschapp.», N. R. 16, № 4, Amsterdam, 1953, стр. 69. М. Е. Грабарь-Пассек не раз сама говорит о феокритовском юморе, подтверждая свои слова переводами. Но к чему же отнести тогда ироническую улыбку поэта, его мягкую, едва заметную насмешку?!

чающихся на клеймах Фасоса, Синопы (по данным Е. М. Придика), списки имен на синопских клеймах по хронологическим группам (по Б. Н. Гракову), список астином Херсонеса (по Р. Б. Ахмерову) и эпонимов и фабрикантов Родоса (по Е. М. Придику). Книга снабжена резюме на русском и французском языках.

Во введении автор, помимо характеристики происхождения публикуемого материала и обоснования своей методики его изучения, останавливается на эволюции типа амфоры и значении ее в экономической жизни античного общества. Там же, как и в заключении, рассматривается вопрос о назначении клейма. Как известно, в настоящее время подавляющее большинство исследователей высказывается за частный характер клеймения. По мнению В. Канараке (стр. 364 сл.), этот взгляд, может быть, нуждается в пересмотре. Автор предлагает считать государственными, а не частными все клейма, на которых присутствует герб (цветок граната или бюст Гелиоса на родосских клеймах) или имя эпонимного магистрата (Родос, Синопа и т. д.). Эта точка зрения, отстаиваемая автором, не подкреплена, однако, достаточно веской аргументацией и поэтому имеет чисто гипотетический характер. Что же касается назначения клейма, то автор правильно указывает (стр. 16 сл.), что оно являлось сертификатом, удостоверением, своего рода этикеткой. В. Канараке полагает, что клеймо служило гарантией качества и количества содержимого амфоры. Эта гипотеза, имеющая как сторонников, так и противников, не может еще считаться доказанной и, по-видимому, окончательное решение вопроса о назначении клейма потребует еще большого и длительного изучения.

Всего в рецензируемой работе публикуется 1162 клейма (часть из них была опубликована ранее в различных изданиях разными исследователями), которые распределены по девяти группам: Фасос, Синопа, Гераклея Понтийская, Херсонес, Парос, Родос, Кос, Книд и, наконец, разные клейма, которые автор не находит возможным приписать какому-нибудь определенному производственному центру.

Наибольшее число клейм (35%) падает на долю Синопы, затем следуют Фасос (28,2%), Родос (13,7%), Книд (5,3%) и другие центры. Из приведенной автором сравнительной таблицы процентного соотношения клейм различных центров в разных античных городах Северного и Западного Причерноморья (стр. 392) видно, что в Истрию и города-колонии юга СССР поступал импорт из одних и тех же центров. Импорт из Синопы был в Истрию значительно менее интенсивным, чем на Боспор, но более интенсивным, чем в Ольвию. Резко, по сравнению с северопричерноморскими городами, выделяется импорт в Истрию из Фасоса (в 3—5 раз больше).

В процессе исследования автор сделал ряд интересных и ценных наблюдений относительно технологии изготовления амфор, способов клеймения. Особенно ценными являются выводы автора, содержащиеся в заключении, о местных имитациях амфор типа родосских и косских, а также имитации клейм, на которых содержатся знаки, до сих пор еще не расшифрованные (стр. 388 сл. и 394). Автор устанавливает ареал клейменной керамической тары на территории Румынской Народной Республики. По публикуемой карте видно, что греческие товары проникали далеко в глубь Прикарпатья и Подунавья, а также Молдавии (рис. 81, стр. 393).

Следует всячески приветствовать стремление автора максимально документировать свою публикацию. Подавляющее большинство клейм представлено в книге рисунками, небольшое число — фотографическими снимками. К сожалению, далеко не все рисунки клейм исполнены достаточно тщательно. Зачастую они неточно передают написание легенды, не говоря уже об эмблеме. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить фотографии с некоторых клейм, приводимых автором, с соответствующими прорисовками (например, стр. 172—174, рис. 28—30 с соответствующими номерами клейм в тексте). Ввиду сказанного следовало бы в дальнейшем при издании аналогичного материала (а надо надеяться, что проф. Канараке будет продолжать начатую им публикацию клейм из румынских собраний) отказаться по возможности от рисунков, решительно предпочтя им фотоснимки, которые только и могут обеспечить надлежащую точность воспроизведения.

Рассмотрению каждой группы клейм по производственным центрам автор пред-

посылает краткие сведения географического и исторического характера, что делает публикацию более доступной для пользования неспециалистами в данной области. Затем следуют анализ типологии амфор и клейм, технологии их изготовления и краткие сведения о хронологии клейм. Далее автор в пределах каждой группы публикует клейма в алфавитном порядке, снабдив их краткими сведениями об условиях находки, месте хранения, месте и авторе публикации, если клеймо было уже ранее опубликовано, аналогиях. В резюме (стр. 431) указано, что автор сопровождает каждое публикуемое им клеймо перечнем сопутствовавшего ему вещевого материала, что имело бы немаловажное значение для уточнения датировок. Однако ни в одном случае в тексте нам не удалось найти подобного рода указаний. Вообще вопросы датировки клейм почему-то не привлекли к себе внимания автора, что достойно сожаления. Это привело к тому, что он не смог показать развития торговых связей Истрии в хронологическом плане, их колебания в различные периоды.

В пределах каждой группы клейма распределены по двум основным подгруппам: восстановленные автором легенды и клейма невосстановленные. В конце каждой группы имеются указатели имен и эмблем.

В первой группе публикуются клейма Фасоса. Их всего 288 экземпляров, 50 из которых настолько плохой сохранности, что никакому чтению не поддаются. Из остального числа 115 (92 + 23 дублета) восстановлены автором и 123 (119 + 4 дублета) публикуются без восстановления и автором не прочтены. Сомнительным кажется восстановление имени [Ῥ]Ἀρισ[το]ς в клейме № 6. Судя по рисунку клейма, на нем сохранились буквы СЕТО. Очень сомнительным является восстановление и чтение клейм №№ 16, 26, 27, 61, 81. Непонятно восстановление в № 2 имени ῬΑλ[φ]εῖδη[ς]; автор ссылается на клеймо, изданное Е. М. Придиком в Эрмитажном Каталоге (стр. 36, № 25 — 26), где, однако, читается имя ῬΑλκείδης. В № 84 восстанавливается имя [Σ]κίρος со ссылкой на Придика (ЭК, стр. 53, № 395—397). Но там имя не Σκίρος, а Σκίρνος. По-видимому, имя на клейме скорее следует восстанавливать [Ῥ]Αλ[φ]κίρος (ср. ЭК, стр. 37, № 29). Едва ли правомерно чтение Κτεσι... в № 54. Оно может быть только Κτησι... (ср. ЭК, стр. 47, № 239—240, на которое и ссылается В. Канарак). № 49 с курильницей в качестве эмблемы, очевидно, следует читать Θάσι(ων) Μέγων | Σ[άτυρο]ς(ς), а не Μέγων[ς] | Θάσι(ων) (ср. точно такое же клеймо в ЭК, стр. 50, № 312—313 и табл. VI 29; В. Канарак ошибочно указывает, что у Е. М. Придика нет клейма с подобной эмблемой), а клеймо № 50 — [Λαγέ]τας | Θ[α]σί(ων) | Μέγων, вместо Θ[α]σίω[ν] | Μέγων[ς] (ср. ЭК, стр. 50, № 308 и табл. VII, 7, эмблема: виноградный нож и лист). В качестве аналогии к № 51 (эмблема — петух) автор ошибочно ссылается на № 312 в каталоге эрмитажного собрания (эмблема — курильница). Вообще в клеймах №№ 49—52, вероятно, следует читать не Μέγων[ς] а Μέγων, как это делает Е. М. Придик и как явствует из рассмотрения самих клейм. Имя Μέγων хорошо известно из разного рода письменных источников, в то время как Μέγων[ς] нигде, насколько нам известно, не засвидетельствовано. Никак нельзя согласиться с чтением клейма № 59: Παριστοφάνης... Με. Думается, что это клеймо следует читать [ἐ]π[ὶ] Ῥαριστοφά(νεος)... Μέγων (ср. № 87: ἐπὶ Μέγωνος; ЭК, стр. 137, № 7, табл. XIV, 14; ἐπὶ Μέγωνος; ИАК, вып. 11, стр. 136, № 588⁸). Имени Παριστοφάνης в греческой ономастике нет, и я не знаю, как его можно было бы объяснить этимологически.

Некоторые из клейм, помещенных В. Канарак в раздел не определенных, по-видимому, могут быть восстановлены и прочтены. Таковы № 131 — Ῥαριστομένης | Θ[α]σίω[ν]; № 136 — Παμ[φάης] Θασίω[ν]; № 149 — Βίων; № 160 — Παύσαν[τας]; №№ 161 и 117 — Δεῖαλ[ος]; № 190 — Κρατ[ί]ν[ος]; № 209 — Θασί[ων] | Ῥαρισ[το]τότης[ς] и ряд других.

Группа синопских клейм подразделяется на ряд подгрупп — амфорные клейма, в которых имя астинома стоит на первом месте, клейма, в которых имена астинома и фабриканта разделены словом «астином», неопределимые, но заведомо синопские клейма на амфорных ручках и, наконец, клейма на черепицах. Следует признать вполне закономерным издание в работе об амфорных клеймах также и клейм на черепице, так как без сомнения и те и другие клеймились одними и теми же штам-

нами и были, очевидно, продукцией одних и тех же мастерских. Некоторые сомнения вызывает целесообразность разделения первых двух подгрупп. Оно, хотя и широко принятое, как нам кажется, вряд ли достаточно оправдано, так как основано на чисто внешнем признаке и порою искусственно разделяет клейма одних и тех же астиномов и фабрикантов (ср., например, №№ 222—224 и 347—350; №№ 250 и 362, 364, 365; №№ 252 и 366 и др.). Большое сомнение в группе синопских клейм вызывают восстановления №№ 238, 288, 294, 345, 353, 359, 366, 387. Вряд ли верно чтение клейма № 288: Ἰκεσίου [τοῦ] | Κυχίου Μ [ιφρω] | πάστης. Вероятнее: Ἰκεσίου [τοῦ Βα] | κ(ι)χίου Μ [ιφρω] | πάστης. В № 345 автор восстанавливает имя [Ἀρ] ακλει (τος), в то время, как под № 439 издается совершенно идентичное клеймо, где без повреждений сохранилось имя Ἡρακλει (δης).

Ряд клейм, не восстановленных автором, как нам кажется, может быть восстановлен. Так, № 391, очевидно, следует читать Δίου | ἀστ[υνόμου] | Στέ[φανος]; № 396—[Ῥ]αβδος | ἀστ[υνόμου] | Σ[υ]μία; № 409—[ἀστ]υ νόμ[ου] | [Πολύ]χ[τορος] | [τοῦ Δ]ημη[τρίου]; № 414—ἀ[στ]υ νόμου Ἰχ[εσίου τοῦ] | Σ[υ]μίου; № 419—ἀστ[υνόμου] | Πλεισ[ταρχι] | δου[τ]ο[ῦ] Ἄ[πη] | [μάν]του; № 429—[ἀστ]υνόμου | [Ῥ]αν[τιμάχου] | Φιλοκράτης и т. д.

Оттиснутые на черепицах клейма №№ 453—455 являются, по-видимому, английскими и их скорее следовало бы отнести к группе гераклейских, а не синопских клейм, тем более, что, во-первых, хорошо известны клейменные черепицы Гераклея, а, во-вторых, одно из них (№ 453 — Ἐτο[μος]) засвидетельствовано в таком же виде на горле гераклейской амфоры¹.

В следующей группе представлены клейма Гераклея Понтийской. Автор, после кратких исторических данных, останавливается на вопросе о торговой экспансии Гераклея в эллинистический период, на вопросе о разных типах гераклейских клейм — английских и рельефных, а также приводит описание пяти типов гераклейских амфор, определенных П. Б. Зеест.

Автор поступил правильно, объединив в одном разделе и английские и рельефные клейма, приписываемые им продукции Гераклея. Теперь, по-видимому, нет уже серьезных оснований для отрицания различных способов клеймения керамической тары в Гераклее. Очевидно, по недоразумению всей группе дан заголовок — «Английские клейма», в то время как сам же автор на стр. 193 указывает, что не все публикуемые им клейма являются таковыми. Под каждым клеймом следовало бы указать, находится ли оно на горле, как это наблюдается обычно, или же на ручке, что тоже иногда бывает. Автор широко пользуется для аналогии публикацией Е. М. Штаерман клейм из Тире, но почему-то не использовал работы Б. Н. Гракова об английских клеймах, где, собственно, впервые и было дано определение указанных клейм, как гераклейских, хотя, судя по ссылке во введении, она ему известна.

Привлекает к себе внимание клеймо № 459 Ἀγοράν(μου) | Ἀρίστο[νος], определенное автором, как гераклейское. Подобные агораномные клейма характерны для Синоп, хотя они и там не имели широкого распространения. Агораномные же клейма Гераклея до сих пор никто не публиковал. Е. М. Придик (МИА, 4, стр. 174), перечисляя известных ему синопских агораномов, приводит имя агоранома Аристополида (Ἀριστοπόλις). Агораномное клеймо из Тире, опубликованное Е. М. Штаерман (КСИМК, XXXVI, стр. 36, табл. 3,9), на которое ссылается В. Канарак, тоже является не гераклейским, а синопским². Не является ли и клеймо

¹ См. Б. Н. Граков, Английские клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор, Труды ГИМ, I, М., 1928, стр. 187 и 203; ЭК, стр. 124, № 100. Другие аналогичные клейма имеются в материалах Боспорской экспедиции и происходят из Мирмекия.

² По мнению Б. Н. Гракова, любезно сообщенному нам, гераклейское происхождение ряда клейм, помимо № 459, также вызывает серьезные сомнения: №№ 458, 464, 473, 474, очевидно, следует относить к клеймам не определенных центров, № 470 — родосское, № 471 — синопское. Возможно, что клеймо № 470 следовало бы читать не Ἐτ[ο]ς Ἡρα[...] Ρακλα[...]?, как это предлагает В. Канарак, а ἐτ[ο]ς Ἡρα[...] Ρα Πανα[...]ου.

№ 459 синопским? Возможно, его следовало бы читать ἀγοράν[ιου] Ἀριστο[πόλιος], тем более, что в имени Аристона должна была бы стоять омега, а не омикрон. № 465 можно было бы читать Ἦρό(δαρος?) Ἐχέ(πολις) или Ἐχέ(λαος) (ср. ЭК, стр. 124, № 116: Ἦρο[Ἀλκ]). № 467 скорее всего следует читать Ἐβλε[ίωνος], как это делает Е. М. Придик (ЭК, стр. 124, № 108). Может быть, правильнее было бы читать в клейме № 475 Νικόστρατο(ς), а не Νικόπατο(ς); а в № 477 не Νοσίων...(?), а Νόσσ[ο(υ)]. Δ[ύ(κων)] (ср. ЭК, стр. 125, №№ 141, 142).

В небольшой группе херсонесских клейм сомнительно херсонесское происхождение № 497 и 498, в которых сама форма клейма резко отличается от обычной.

Следующая большая группа включает клейма Родоса. К сожалению, здесь крайне мало места уделено вопросу об их хронологии. Следовало бы использовать материалы для датировки и хронологическую таблицу, предложенные В. Грейсом, а также ряд важнейших публикаций родосских клейм — Шухгардта, Нильссона, Майюри, Грейса, работы Блекманна и Придика. Автор ограничился лишь привлечением Эрмитажного Каталога Придика и работы Дюмона.

Что касается чтений клейм, то известные сомнения вызывают №№ 519, 543, 562, 618 и др. № 566 следует восстанавливать не ἐπι[Ἐβκ]ρά[τε]υς], а ἐπι[Κ]ρά[τε]υς]⁴. Из невосстановленных клейм может быть прочтено, если не с полной уверенностью, то с большой долей вероятности, например № 658: [ἐπ]ὶ Σω[σ]ίχλευς θεο[δ]α[ίσ]ιου. На клейме в прописовке, правда, вместо Σ в имени эпонима видны ΟΥ. Но это скорее всего либо ошибка резчика, либо зависит от плохого отпечатка штемпеля. По-видимому, так же следует читать и клеймо № 660. Клеймо № 680 очень схоже с № 572, и, очевидно, его нужно читать так же, как и последнее — ἐπι[Καλ]λικρά-τευ[Δ]α[ί]σιου. № 691—Νάνιο[ς]; № 700—может быть, Ἀγόρα[νακτ]ρ[ος] | [Θέ]σμοφори(ου) и т. д.

Отмечая многообразие типов кидских амфор, ручек и клейм, В. Канаракис высказывает интересное предположение о возможности существования монетно-торгового союза во главе с Кидом. Он полагает, что, может быть, кидские уполномоченные клеймили амфоры в различных городах союза, где они производились от имени Кипда.

Однако и здесь автор привлек далеко не весь материал для аналогий. Не использованы издания кидских клейм, происходящих из Афин, где, как известно, число их особенно велико, Е. М. Придика в «Athenische Mitteilungen», XXI и XXII, и В. Грейса в «Hesperia», III. Последняя работа особенно важна, так как в ней содержится ряд датированных клейм. Автор рецензируемой работы не делает попытки датировки клейм.

Судя по расположению букв в клейме № 730, оно вряд ли может быть ἐπι[Ἀρχ]αγόρα], как это предполагает автор. Встречаются и [мелкие погрешности, например, Ἀριστόπολις вместо Ἀριστοπόλιος (№ 729). Нет уверенности в кидском происхождении клейма № 732 (ср. рис. 51, стр. 284). Оно — эгипетское и хорошо засвидетельствовано на гераклейских амфорах. То же можно сказать относительно № 745: Παπᾶ(ς) — совершенно сходные по форме и написанию клейма с лежащей гермой в качестве эмблемы представлены среди родосских клейм. № 750, как нам кажется, было бы правильнее читать Ἀριστομ[ῆδ]ους Αἰνέα [Κνί]δ[ει]ον, а не Ἀριστομ[ῆδ]ους Αἰνέα Διον[υσίου].

В последней группе объединены различного рода клейма, которые автор не считал возможным категорически отнести к какому-либо определенному производственному центру. В некоторых случаях им и тут проявлена, пожалуй, чрезмерная осторожность. Так №№ 765 (Βροπίου с венком в качестве эмблемы), 798 (анэпиграфное с каким-то насекомым (?) в качестве эмблемы), может быть и 767 (Δίου) по многим

³ V. G. Gase, «Hesperia», III (1934), стр. 197 слл.; BCH, 76 (1952), стр. 514 слл.

⁴ Ср. ЭК, стр. 12, № 241, а также М. Р. Nilsson, Timbres amphoriques de Lindos, Copenhagen, 1909, табл. I, № 3.

признакам являются, вероятно, родосскими клеймами. №№ 771 (Μιτροβάσιτης) и 772 ([Μι]λιτιάδου) — по-видимому, синопские.

Интересно клеймо № 793, на котором изображен орел и буквы АΒΥ. Не происходит ли указанное клеймо из Абидоса?

В заключение отметим некоторые пожелания. Было бы крайне желательным по возможности снабжать каждое клеймо датировкой (принятой в настоящее время). Особенно важным было бы специальное выделение клейм, происходящих из хорошо датированных археологических комплексов. При всей редкости подобного рода возможности, даже единичные хорошо датированные клейма помогли бы уточнению хронологии амфорных клейм. Следует обратить внимание и на то, что порою в рецензируемой работе неудовлетворителен перевод с русского языка, в случаях, когда перепечатываются иллюстрации из советских изданий. Так, в подписи к фотографии, изображающей склад амфор в погребке, открытом при раскопках Ольвии, сказано, что амфоры происходят из ольвийского погребения.

Недочеты, прясущие рецензируемой работе, не могут поколебать общей высокой оценки работы проф. В. Канаракe, как серьезного исследования и ценной публикации большого, тщательно собранного и систематизированного материала, который представляет большой интерес и будет постоянно привлекать внимание широкого круга исследователей.

И. Б. Брашинский

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ФИНИКИИ

M. DUNAND, Fouilles de Byblos, II, P., 1954,

В 1954 г. М. Дюнан издал, наконец, материалы раскопок Библа (современный Джебель на Ливане), произведенных в 1933—1938 г.¹ Остановившись вкратце на предшествующих раскопках², автор переходит затем к вопросам методики раскопок для Библа, благодаря его многократной позднейшей застройке и перестройке, весьма характерно смещение ряда слоев, и поэтому здесь невозможна простая стратиграфическая датировка. В четырех основных главах текста дано описание раскопок. В атласе даны воспроизведения всех обнаруженных предметов, в том числе и не описанных в тексте. Вещи, обнаруженные этими раскопками, датируются от неолита до арабского времени включительно. Нумерация находок дается, начиная с № 6777, на котором закончилась нумерация в первом томе.

Находок неолитического периода в настоящем томе почти нет. То же самое можно сказать и об энеолитическом периоде. Более значительны находки времени ранней бронзы. Однако они не идут ни в какое сравнение с результатами ранее изданных раскопок, где были найдены надписи на различных изделиях с именами почти всех египетских фараонов IV—VI династий и остатки храма времени Древнего царства. Внимание заслуживает лишь ваза времени V—VI династий (№ 7551) и кусок сланца, на котором выгравирован картуш фараона IV династии Менкаура (№ 11327)³. Богаче представлены находки средней бронзы (2100—1600). Найдены небольшие сосуды и фрагменты с мелкими надписями и картушами фараонов XII династии Сенусерта III и Аменемхета III (XIX в. до н. э. — №№ 7490, 8503) и целый ряд египетских предметов. Внимание заслуживает бронзовый топор с двумя отверстиями, местной работы, но выполненный по египетским образцам⁴. Здесь же найдена небольшая надпись библей-

¹ M. Dunand, *Fouilles de Byblos*, т. II, 1933—1938. Текст и атлас, P., 1954.

² См. P. Montet, *Byblos et l'Egypte*, P., 1928 (Текст и атлас, раскопки 1921—1924 гг.); M. Dunand, *Fouilles de Byblos*, т. I, 1937, и *Atlas*, 1939 (материалы раскопок до 1932 г.).

³ Ср. т. I, № 3074.

⁴ Ср. Montet, ук. соч., № 611; Dunand, ук. соч., т. I, № 2905.

ского владетеля того времени Абишему, известного по материалам прежних раскопок⁵. К этому же времени относится скарабей с доголе неизвестным, написанным по-египетски именем «великого Библа Рийн'а» (Rjpn — № 7637). О том, что найденные ранее таблички с линейными псевдоиероглифическими письменами (гублитское письмо) не были случайным явлением, свидетельствуют очередные находки фрагментов этих табличек (№ 6879) и одного уже ранее изданного текста (№ 9942)⁶. Можно также отметить ряд скарабеев (№№ 6921—6930), относящихся ко времени правления XIII дин. в Египте или к началу гиксосского времени. Вероятно, к тому же периоду относятся также и посвятельная надпись «в храм Хатор Владычицы Библа». отождествление египетской богини Хатор с Владычицей Библа (B'lt Gbl — егип. Nbt K3rj) известно было ранее также и из других источников⁷. К концу среднебронзового периода относятся также многочисленные клады, найденные на территории и в стене храма того времени, по всей вероятности, votивного значения. Таких кладов 22, причем количество предметов в них колеблется от десяти до сотни. В атласе имеются воспроизведения еще целого ряда аналогичных кладов, однако они ожидают пояснительного текста. Найдены они, в большинстве случаев, в цилиндрических глиняных сосудах, в ряде же случаев просто в земле. Содержат эти клады статуэтки богов, людей или животных из бронзы, много бронзовых предметов вооружения, а также иглы, шила и украшения. Редко встречаются мелкие серебряные предметы⁸. Помимо указанных кладов, от начала позднебронзового времени (1600—1200) найдено немало предметов, оружия и статуэток из бронзы. Следует отметить наличие торговых связей и со странами Эгейской цивилизации. Об этом свидетельствуют также и найденные при предыдущих раскопках сосуды (№ 7987; 8246 и др.)⁹. Как и ранее¹⁰, в Библе найдены скарабеи с именем фараона-завоевателя XV века Тутмоса III (№ 7640; 7645; 7812; 11797 и др.). Хотя можно было предполагать, что Библ подчинялся и в дальнейшем Египту, непосредственных следов владычества фараона Аменхотепа II, преемника Тутмоса III, до сих пор не было найдено, несмотря на то, что нам известно о его походах в Сирию и Финикию¹¹. Ныне этот пробел восполнен. В Библе найден скарабей с картушем Аменхотепа II (№ 8251). То же самое следует сказать и об Аменхотепе III, фараоне конца XV века, скарабей которого нынче извлечены и в Библе (№ 9264; 9293; 9896; 11053). Слабее представлены находки конца II и I тысячелетия (доэллинистиче-

⁵ См. M o n t e t, ук. соч., стр. 176; о н ж е, Notes et documents pour servir à l'histoire des relations entre l'Ancienne Egypte et la Syrie, I, «Kemi», I (1928), стр. 20.

⁶ Полное издание этих писем см. M. D u n a n d, Byblia Grammata, Beyrouth, 1945. Первые шаги к их дешифровке сделал E. D h a r m e, Déchiffrement des inscriptions pseudohiéroglyphiques de Byblos, «Ex Oriente Lux», 1945—1948; о н ж е, Déchiffrement des inscriptions hiéroglyphiques de Byblos, «Syria», XXV (1946—48), № 1—2, стр. 1; о н ж е, Les textes pseudo-hiéroglyphiques de Byblos, RAss, 1950, № 4; A: J i r k u, F u F, 25 (1950), стр. 90; о н ж е, Wortschatz und Grammatik der gublitischen Inschriften, ZDMG, 102 (1952), № 2, стр. 201—214, дал правильную датировку этих древнейших семитических текстов (около рубежа III—II тысячелетия до н. э.); о н ж е, Die Ausgrabungen in Palästina-Syrien, Halle, 1956, стр. 41—42, где излагается вся история вопроса.

⁷ См. A. E r m a n, «Die Herrin von Byblos», ÄZ, XLII (1905), стр. 109.

⁸ См. №№ 5852—7903; 8359—8459; 8757—8779; 8780—8850; 9141—9176; 9445—9462; 9469—9487; 9493—9504; 9505—9555; 9614—9622; 9627—9672; 9673—9683; 9686—9714; 10011—10106; 10107—10168; 10228—10273; 10585—10652; 10678—10779; 10821—10825; 11537—11542.

⁹ См. также M o n t e t, Byblos et l'Égypte, и D u n a n d, ук. соч., т. I, а также Cl. F.-A. S c h a e f f e r, Ugaritica, т. I, P., 1939, т. II, P., 1949.

¹⁰ M o n t e t, ук. соч., стр. 240, № 947.

¹¹ См. И. С. К а ц н е л ь с о н, Характер войн и рабовладение в Египте при фараонах-завоевателях XVIII—XX династий, ВДИ, 1953, № 3; A. A l t, Amenophis II in Syrien und Palästina, F u F, 26 (1950), № 7/8.

ского периода). Можно отметить лишь интересные связи с Грецией. Найдены фрагменты архаичной кикладской керамики VII—VI веков (№ 10 359) и аттической, несколько более позднего времени (№ 10 360—10 364). Хотя имеются и некоторые обломки финикийских надписей и на некоторых из них читаются отдельные слова (№№ 6916; 7765; 9460; 11 687 и др.), они во всяком случае уступают по своему значению ранее найденным в Библе надписям Ахарамы, Иехимилька, Абибаала, Элибаала и Иехавмилька¹². Интересна также несомненно библиская серебряная монета персидского времени (V—IV в.) с изображением дельфина и совы (№ 7116). Ее изображение совпадает с таковыми на монетах царя Озабаала¹³. Помимо множества мелких предметов эллинистического времени, как то: амфорных ручек с клеймами, светильников, терракот и прочего, можно отметить лишь одну птоломеевскую монету (№ 9926). От римского времени дошли остатки сравнительно большого храма (стр. 127), множество мелких предметов и монет, из которых более всего—относящихся к императору Адриану (№ 7848 и др.) и Антонину Пию (№ 8153, 8492 и др.).

Во время II мировой войны и после нее в Библе продолжались раскопки, и М. Дюнан со своими сотрудниками постоянно публиковали в «Бюллетене Бейрутского музея» (*Bulletin de Musée de Beyrouth*) их результаты. Эти раскопки велись в очень небольших масштабах. Так, в 1939 г. раскопки велись в основном на территории энеолитического некрополя, но раскапывался также и храм III тысячелетия до н. э. с многочисленными *маццеб'*ами, находящимися в нем, а также слои времени конца XIII династии в Египте¹⁴. В следующем году раскопки велись в мизерных масштабах и ничего существенного не дали¹⁵. Однако уже в 1941 г. было опубликовано сообщение о находке надписи Шафатбаала, царя Библы, правление которого относится, вероятнее всего, к X в. до н. э., хотя автор и датирует надпись в первоначальном сообщении XV веком до н. э.¹⁶ Раскапывался также и слой времени гиксосского владычества. Раскопки 1942—1945 гг. были весьма незначительными и по масштабам и по результатам¹⁷. Однако в послевоенные годы при раскопках, проводившихся ливанским ученым М. Шехабом совместно с Дюнаном, были обнаружены чрезвычайно интересные энеолитические захоронения¹⁸. На основании этих раскопок (ВМВ, IX, стр. 72 сл.) Дюнан относит заселение Библы к неолитическому времени (конец V тыс. до н. э.). Уже в это время было известно земледелие. В следующих затем двух энеолитических слоях обнаружена изготовленная от руки керамика и несколько мелких орудий из меди. В IV слое появляется керамика, изготовленная на гончарном круге. VI слой (около 3100—2800) во многом имеет сходство с культурой Джемдет-Наसर в Месопотамии. Вокруг селения была построена стена. Начиная с этого времени, прослеживается влияние Египта, которое становится еще заметнее в последующий период (VII слой — Древнее царство в Египте). VII период кончается около 2200 г. до н. э. Имеются также и находки от раннебронзового периода вплоть до XVIII в. до н. э. М. Шехаб считает временем появления амореев в Финикии конец III тысячелетия до н. э. (ВМВ, IX, стр. 109). Одной из примечательных находок является открытие остатков храма Вла-

¹² См. указания на публикации этих надписей у W. F. Albright, *The Phoenician Inscriptions of the Tenth Century B.C. from Byblos*, JAOY, 1947, № 3, стр. 153 сл. Относительно датировки надписи Ахарамы, не совпадающей с датировкой Олбрайта, см. И. Н. Виноков, Эпитафия Ахарамы Библиского в новом освещении, ВДИ, 1952, № 4, стр. 141—152.

¹³ См. Albright, ук. соч., где указаны все публикации.

¹⁴ Dupond, *Fouilles de Byblos*, ВМВ, III (1939), стр. 77—79.

¹⁵ Он же, ВМВ, IV, 1940, стр. 117—118.

¹⁶ См. Albright, ук. соч.

¹⁷ ВМВ, V (1941), стр. 87—88; VI (1942—1943), стр. 81; VII (1944—1945), стр. 109—110.

¹⁸ ВМВ, VIII (1946—1948), стр. 159; IX (1949—1950), стр. 53—63; 65—85, 107—108.

дычицы Библа времени фараона II династии Хасехмуи¹⁹ (ок. 2800—2700 гг. до н. э.), просуществовавшего до XXII в. до н. э. Под этим храмом был обнаружен некрополь энеолитического времени; раскопками вскрыто около 700 погребений (ВМВ, IX, стр. 75—85), материал которых свидетельствует уже о зачатках имущественного расслоения. Слой относится ко II половине IV тыс. до н. э. Результаты раскопок, проводившихся под руководством М. Дюнана в последующие годы, известны также только по предварительным отчетам²⁰, в которых сообщается о находках неолитических жилищ с многочисленными кремневыми орудиями, в том числе и земледельческими, а также об открытии погребений, сходных с упомянутыми выше. Наибольший интерес представляет жилище старобронзового времени (I половина III тыс.), выделяющееся по своей величине и богатству среди всех прочих, что также свидетельствует о наличии имущественного расслоения. Вполне возможно, что под влиянием воздействия Египта, для которого Библ был важным пунктом торговли еще в период Древнего царства, классовое общество в Библе развивалось быстрее, чем в прочих местах Финикии.

Еще до II мировой войны М. Шехаб вел раскопки финикийских гробниц в Синаль-Филь, близ Библа, в которых был найден инвентарь, сходный с библским, конца Среднего царства и начала гиксосского времени²¹. Инвентарь захоронений, сходный с библским, от энеолита до среднебронзового времени, был также обнаружен в Джуние²².

В 1954 г. впервые были проведены раскопки в Бейруте, где уже и раньше были сделаны кое-какие находки времени Среднего царства²³. При этих раскопках вскрыты неразграбленные в древности богатые гробницы²⁴ II тысячелетия до н. э., среди инвентаря которых были обнаружены скарабеи, серебряные изделия и сосуд с картушем Рамсеса II (XIII в. до н. э.).

Небольшие раскопки в Сидоне, проводившиеся время от времени, почти ничего интересного не дали²⁵ и ни в коем случае не могут идти в сравнение с большими находками финикийских надписей и прочих археологических намятпиков, сделанных в конце прошлого и в начале нашего века²⁶.

Зато в окрестностях древнего Сидона открыты чрезвычайно интересные некрополи. Так, в Крайе раскопаны гробницы с богатым инвентарем времени XVIII дилатии и даже скарабеями с именем Тутмоса III. Среди керамики имеется также много изделий стран микенской культуры²⁷. Более древний некрополь обнаружен в другом месте — Маджалуне, близ Сидона²⁸, где находки, в основном, относятся ко времени Среднего царства и гиксосского владычества (до начала XVI в.).

Раскопки в Харайебе дали множество терракот начала IV века, т. е. конца персидского владычества. Найдена также сильно испорченная финикийская надпись того же времени²⁹.

¹⁹ ВМВ, IX, стр. 62, 66, 75.

²⁰ ВМВ, XII (1955), стр. 7—12; 13—20; 21—23.

²¹ M. C h e h a b, Tombe phénicienne de Sin-El-Fil, MS, II, (1939), стр. 803—810.

²² О н ж е, Djunieh — Tombes phéniciennes, ВМВ, XII (1955), стр. 50.

²³ M. D u n a n d, Les égyptiens à Beyrouth, «Syria», IX (1928), стр. 300—302.

²⁴ M. C h e h a b, Beyrouth — Tombes phéniciennes, ВМВ, XII (1955), стр. 50—51.

²⁵ M. D u n a n d, Fouilles de Sidon, ВМВ, III (1939), стр. 79—81; IV (1940), стр. 118—120; V (1941), стр. 88—89; VI (1942—1943), стр. 82—83; VII (1944—1945); M. C h e h a b, Fouilles de Sidon, ВМВ, VIII (1946—1948), стр. 159—160.

²⁶ См. E. R e n a n, Mission en Phénicie, P., 1874; Th. M a s t r i d y, Le Temple d'Eshmoun à Sidon, RB, XI (1902), стр. 489—495; G. C o n t e n a u, Mission archéologique à Sidon, P., 1920; о н ж е, Deuxième mission archéologique à Sidon, «Syria», IV (1923), стр. 261 сл.; V (1924), стр. 9—23; 123—134 и др.

²⁷ P. E. G u i g e s, Libeac, Kafer Garra, Qraye, nécropoles de la Région Sidonienne, ВМВ, III (1939), стр. 53—63.

²⁸ M. C h e h a b, Tombes phéniciennes (Majdalouna), ВМВ, IV (1940), стр. 37—53.

²⁹ M. C h e h a b, Les terres cuites de Kharayeb, ВМВ, X (1951—52); XI (1952—54); о н ж е, Inscription phénicienne de Kharayeb, ВМВ, XII (1955) стр. 45—46.

Незначительные раскопки, не давшие особых результатов, велись в Тире и близ него³⁰. В разных местах сделаны также незначительные находки памятников античного периода.

Севернее Библа в Амрите (Марат, Антарад), где еще в прошлом веке были сделаны весьма интересные находки персидского времени³¹, в 1953 г. начал раскопки М. Дюнан со своими сотрудниками³², но они не дали больших результатов.

М. Гельцер

ИЗ НОВЫХ РАБОТ ПО ПАПИРОЛОГИИ

Выход в свет первого тома «Корпуса» иудейских папирусов¹, потребовавшего двадцатилетнего подготовительного труда, — крупное событие в папирологической и исторической науке. Десятки тысяч папирусов и остраконов, обнаруженные в течение последних шестидесяти лет, сделали возможным изучение не только вопросов экономики, права и социальных отношений всего населения Египта в целом, но осветили также сложные социальные и этнические взаимоотношения многоплеменного населения Египта. Одной из наиболее крупных этнических групп в Египте было иудейское население, история которого давно уже привлекает внимание многочисленных исследователей. Рецензируемое издание, предпринятое покойным проф. Чериковером в сотрудничестве с его ближайшим учеником проф. А. Фуksom, является первой попыткой полного свода и систематизации всего документального материала папирусов и остраконов, и в этом заключается его огромное научное значение.

Все издание «Корпуса», рассчитанное на три тома, будет включать 500 документов, из них: 200 папирусов и 300 остраконов, охватывающих почти целое тысячелетие истории Египта — от греко-македонского до арабского завоевания Египта (330 г. до н. э. — 640 г. н. э.). Первый том включает 141 номер, или 147 документов (68 папирусов и 79 остраконов), относящихся к Птолемеевскому периоду (330—30 гг. до н. э.).

Проблемой первостепенной и решающей важности при составлении «Корпуса» является установление четкого критерия для отбора из многих тысяч документов тех именно, которые полностью или частично относятся к истории иудеев в Египте. Чериковером приняты следующие четыре критерия, дающие основание включить тот или иной документ в настоящий корпус: 1) папирусы и остраконы, в которых встречается слово *Ἰουδαῖος* или *Ἰεβραῖος*; 2) документы, в которых упоминаются события и технические термины (например, *προσευχή* или *σαββαθα*), бесспорно относящиеся к иудеям; 3) документы, происходящие из мест поселения исключительно иудеев (например, остраконы из иудейского квартала в Эдфу), и, наконец, 4) документы, заключающие иудейские имена. Наибольшую сложность представляют документы последней группы, ибо многие иудеи носили греческие и египетские, а также грецизированные и египтизированные имена.

Следуя установленным им принципам, Чериковер смог соблюсти необходимую осторожность и воздержаться от включения в «Корпус» документов, относительно которых нет твердой уверенности, что фигурирующие в них имена являются бесспорно иудейскими.

³⁰ M. Chehab, *Fouilles de Tyr*, BMB, VIII (1946—48), стр. 160—161; BMB, IX (1949—50), стр. 10; M. Dunand, *Fouilles d'Oumm El Amed*, BMB, VII (1944—45), стр. 110—115.

³¹ Ch. Clermont-Ganneau, *La stèle phénicienne d'Amrith*, RAO, IV (1901), стр. 325—337; Renan, ук. соч.

³² M. Dunand, *Recherches archéologiques dans la région de Marathus* (Note préliminaire), AAS, III (1953), стр. 165—170; он же, *Les fouilles d'Amrith en 1954* (Rapport préliminaire), AAS, 1954—55, тт. IV—V, стр. 189—204.

¹ *Corpus Papyrorum Judaicarum*, vol. I., ed. by Victor A. Tchericover in collaboration with Alexander Fuks. Published for the Magnes Press, the Hebrew University, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1957, стр., XX + 294. Далее — CPJ.

Обратимся к рассмотрению содержания первого тома.

Написанные Чериковером Ptolemaea (стр. 1 — 111) содержат общий очерк истории иудеев в Египте в период от 330 г. до н. э. до 640 г. н. э. За этими введениями следуют тексты папирусов и остраконов Птолемеевского периода (стр. 113 — 256)², разбитые на шесть разделов, и указатели. Все документы — папирусы и остраконы — разделены по тематическому признаку на шесть разделов, а внутри каждого из них распределены хронологически³. Методика публикации текста папирусов отвечает высоким современным требованиям изданий такого рода. За текстом следует перевод, apparatus criticus и комментарий. Автор, как правило, стремится тщательно учесть все предложенные до него чтения и дать их сводку. К сожалению, в одном случае (№ 135, стк. 6) Чериковер не учел наилучшего, по-видимому, дополнения: [ῥε]σθαί, предложенного еще в 1922 г. С. Я. Лурье⁴.

В большинстве случаев Чериковер ограничивается тщательным учетом уже предложенных чтений, проявляя при этом крайнюю осторожность и критический подход при выборе того или иного чтения (см., например, замечания к № 25, стр. 167 и к № 45, стр. 190).

В ряде же случаев Чериковер предлагает свои, насколько я могу судить, весьма удачные чтения и дополнения. Так, вместо принятого различными издателями № 126 (P. Petr., III, № 7, стр. 14) дополнения τὰ [ὕπαρχοντα σῶμ]ατα (стк. 13), Чериковер читает τὰ [οἰκετικὰ σῶμ]ατα⁵.

Встречаются, однако, спорные и сомнительные предложения. Так, в № 47, стк. 3 читается: Θεοδώρα Λεόντις Μαρίου. Комментатор этого папируса А. Фукс, следуя за Рейнаком, считает это написание ошибкой писца и предлагает читать Λέοντος, исходя из того предположения, что чтение Λεόντις указывало бы на женское имя, в данном случае неуместное, поскольку в списке указывались имена отцов, а не матерей. В действительности же дело здесь, очевидно, в том, что Λεόντις — родительный падеж (вм. Λεόντι(ο)ς) 3-го склонения от именительного Λεόντι(ο)ς⁶ — ср. род. падеж на -ίς в именах Σαλαμίς (№ 68) и Καροῦρις (№ 65). Крайне сомнительной является также эвмендация <τοῦ> вместо δ (там же, стк. 7).

Из общего числа 68 папирусов, вошедших в первый том, три публикуются впервые (№ 2, 17 и 141). Из впервые публикуемых папирусов наибольший интерес как со стороны диалекта, так и со стороны содержания представляет № 141 (P. IFAO, № 104)⁷ от первой половины I в. до н. э. Обращают на себя внимание некоторые его диалектные особенности: отсутствие разницы между долготой и краткостью — ὦτι вм. ὄτι (сткк. 4, 9), ὦπως вм. ὄπως (стк. 5), λοιποῖς вм. λοιποῖς (стк. 7), а также смешение ρ с λ — χιλᾶγῶγησον (стк. 5) вм. χειραγῶγησον; κατασχεθῆσεται (стк. 5) вм. κατασχηθῆσεται. С. Я. Лурье в письме ко мне предложил дополнить оставленное издателем папируса А. Фуксом чтение καταλ.ατιν (стк. 8) — καταλ[ά]τιν — «примирить»⁸.

² Комментарии, составленные по Чериковером, подписаны инициалами их авторов — А. Фуксом и М. Стерном (№ 133).

³ Из 68 папирусов 40 относятся к III, 21 — к II и 7 — к I в. до н. э. Большинство остраконов (около 65 — 68 из 79) относится ко II в. до н. э.

⁴ С. Лурье, Антисемитизм в древнем мире, Изд-во «Былое», Пг., 1922, стр. 52.

⁵ Ср. также обоснование его удачных дополнений слов Ἀπελλ[όδοτον] ἠ[ὕπαρχων], там же, стк. 14 — 15 (стр. 228 слл.), в № 16, стк. 3 (стр. 145 сл.) и др.

⁶ Ср. характерный для позднего эллинизма переход окончания вм. пад.-τος в -ις с последующим 'склонением по 3-му склонению с окончанием род. падежа на -ιος < ις. См. А. Th u s h b, Handbuch der griech. Dialekte, § 281 и Index, s. v. Этим указанием я обязан С. Я. Лурье.

⁷ К сожалению, это название, как и ОЕ, не вошло в список сокращений.

⁸ Пользуюсь случаем привести мою глубокую благодарность С. Я. Лурье за ряд ценных указаний, сделанных в его письме ко мне. В частности, в связи с удачным дополнением в № 128 verso, стк. 3: περί φερνῆς καὶ ἐγγ[ύθης], С. Я. Лурье пред-

первоначального долга в 5 талантов, данных в свое время займодержателю для открытия совместного торгового предприятия. В этом отношении клерухи-иудеи ничем не отличались от клерухов-греков и других народностей, также занимавшихся торговлей и ростовщичеством (ср., например, P. Tebt., 815). Однако основным занятием клерухов оставалось все же сельское хозяйство.

В разделе IV — «Иудейские земледельцы, пастухи и ремесленники в Фаюме» (№ 33—47) собраны 15 документов (восемь — от III, четыре — от II и три — от I в. до н. э.), касающиеся лиц, не относящихся к военным поселенцам. Среди этих документов фигурируют: βασιλικοί γεωργοί (№ 35), γεωργοί μισθῶν (№ 36, стк. 4) арендатор трех арур сухой земли (γεωργοῦντός μου περὶ Φιλαδέλφειαν χέρσου (ἀροῦρας) γ), жалующийся на незаконное повышение ἐκφόριον (№ 43 от середины II в. до н. э.), ремесленники-гончары (№ 46 от II—I вв.). Несомненный интерес представляет № 33 (III в.) — приказ о сборе налога с жителей деревни Псенирис. В этом списке жители деревни обозначены по этническому признаку: παρὰ τῶν Ἰουδαίων καὶ τῶν Ἑλλήνων ἐκάστου σόματος (ἡμίδραχμον) — сткк. 6—7. Чериковер полагает, что это разделение было предпринято правительственным чиновником для облегчения взимания налога. Возможно, что при этом предполагалось существование внутренних организаций каждой из названных этнических групп, что, конечно, могло облегчить взимание налогов. В то же время мне представляется, что эта формула указывает и на некую общность положения иудейских и греческих жителей деревни. Характерно, что P. Tebt., 880 (об уплате соляного налога), на который ссылается Чериковер, содержит отдельный перечень греческих и египетских имен.

Раздел V — «Иудейские сборщики налогов, чиновники и земледельцы в Верхнем Египте» (№ 48—124) содержит 77 остраконов. Несмотря на их односторонний и часто стереотипный характер (большая часть их — расписки в уплате налогов), остраконы являются главным документальным источником для социально-экономической истории иудеев в Верхнем Египте, подобно тому как папирусы являются таким источником для Фаюма.

Основными проблемами, встающими при отборе и исследовании этих остраконов, являются, во-первых, отождествление имен, упоминаемых в остраконах, и датировка этих документов; во-вторых, установление социальной природы лиц, которым выданы расписки (являются ли они непосредственными налогоплательщиками, или сборщиками-откупщиками налогов).

Обоснование отождествления иудейских носителей всех имен, встречающихся во включенных в «Корпус» остраконах, как было указано, дано в специальной сводке (стр. 199—202). Тщательных изысканий потребовала также проверка датировки каждого остракона. Что касается социального положения указанных в расписках налогоплательщиков, то Чериковер, вопреки Вилькену, показал, что это могут быть и непосредственные налогоплательщики и сборщики налогов. Возражая против формального подхода Вилькена, отождествлявшего всех лиц этой категории остраконов со сборщиками, Чериковер ссылается на O. Bodl., 89 и 100, в которых плательщиками являются женщины. Между тем известно, что в птолемеевском Египте женщины не могли занимать должности сборщиков налогов. В то же время Чериковер предложил реальные критерии для исследования каждого случая в отдельности (многократность уплаты одним лицом, размер суммы внесенного налога, сверка упоминаемых здесь имен с другими источниками и т. д.).

По своему содержанию остраконы распадаются на пять групп: 1) расписки, выданные «банками» (τράπεζαι) (№ 48—72) об уплате различных налогов. Эти налоги («апомойра», пастбищный налог, налоги на сапожников, на рыбаков и др.) сами по себе весьма отчетливо отражают экономические и профессиональные занятия налогоплательщиков; 2) расписки, выданные закромами (№ 73—96). В этой группе расписок не указано название взимаемого налога. Путем остроумного и тонкого анализа остраконов этой группы Чериковер пришел к плодотворному наблюдению, что речь в этих остраконах может идти о поземельном натуральном налоге (ἐπιγυραφὴ или ἐκφόριον), уплачиваемом непосредственно βασιλικοί γεωργοί или клерухами;

3) расписки о сдаче соломы (№ 97—103), пешей на изготовление кирпича; 4) расписки, выданные непосредственно сборщиками налогов (№ 104—111), и 5) остраконы различного содержания (№ 112—124). Таким образом, систематизированный спод остраконов дает важный материал для изучения экономических и профессиональных занятий и социальной структуры иудеев, проживавших в Верхнем Египте во II—I вв. до н. э.

Раздел VI (№ 125—141) охватывает 21 документ¹⁰ птолемеевского периода различного содержания. В высшей степени интересными и поучительными в научно-методическом отношении (в смысле принципов подхода к анализу источников и оценке их исторической достоверности) является № 127, состоящий из пяти папирусов¹¹. Действующее лицо этих папирусов — жрец и царедворец Птолемея III и Птолемея IV Филопатора Досифей, сын Дримила, упоминается также в известном историческом романе, так называемой III кн. Макк., 3,1, в качестве отступника от иудейского вероучения (*τὸν πατρῶν δογματῶν ἀπρῆλοτριωμένος*) и спасителя жизни царя накануне битвы при Рафии (217 г.). Господствующий в науке предвзятый подход к III кн. Макк. как к сплошному вымыслу, а также то обстоятельство, что у Полибия, сообщающего об этом эпизоде покушения на жизнь царя, имя Досифея, сына Дримила, не названо, привел многих ученых, начиная с Вилльриха, к категорическому отрицанию достоверности рассказа III кн. Макк. и тождества Досифея, сына Дримила, в папирусах и III кн. Макк. Однако обнаруженные затем еще два папируса (№ 127 e=P. Hib., 90 и № 127 d=P. Tebt., 815, fr. 3, recto, col. II) показали достоверность различных деталей в рассказе III кн. Макк., и теперь не приходится сомневаться больше в этом тождестве¹². Таким образом, этот интересный случай еще раз показывает, что даже в заведомо легендарных произведениях могут содержаться ценные исторические зерна.

В № 138—139 содержатся интересные свидетельства существования в I в. до н. э. иудейских религиозных объединений типа греческих *фиасов* и ассоциаций для совместных праздничных трапез. Впервые опубликованного папируса № 141 мы коснулись выше.

Документы, собранные в «Корпус», создают, наконец, необходимую научную основу для всестороннего изучения экономических и профессиональных занятий (в том числе военной и административной службы), социально-классовой структуры, правовых отношений и институтов, особенностей быта, взаимоотношений с другими этническими группами населения и процесса культурного взаимодействия, мест и времени расселения иудеев в различных областях Египта и т. д.¹³ Тем не менее, при всей неоспоримой важности документальных данных папирусов и остраконов, их одних недостаточно для изучения истории иудейских общин в Египте в широком смысле этого слова. Для этого необходимо соединить воедино документальные данные и данные нарративных источников.

Попытку такого общего очерка истории иудеев в Египте на протяжении целого тысячелетия на основе совокупного изучения и интеграции всех видов источников предпринял издатель «Корпуса» В. Чериковер в уже упомянутом *Prolegomena*.

Не формулируя своего отношения к историко-материалистической теории, Чериковер постоянно подчеркивает значение материальных условий существования,

¹⁰ № 127 состоит из пяти папирусов (см. след. прим.).

¹¹ P. Mich. Zep., 55, (240 г. до н. э.), P. Ent., 19 (время правления Эвергета II и Филопатора), P. Gradenwitz, 2 (225/4 г. до н. э.), P. Tebt., 815 (5/II 222 г. до н. э.) и P. Hib., 90 (январь-февраль 222 г. до н. э.).

¹² Подробней см. A. Fuks, *Dositheos Son of Drimylus: a Prosopographical Note*, JJP, т. VII—VIII (1953—1954), стр. 205—209; более раннюю литературу вопроса см. в библиографии к каждому из указанных папирусов.

¹³ Многое в этом отношении уже сделано в монографиях L. Fuchs (1924) и Чериковера (1945).

материального базиса для исследования конкретного хода исторического и культурного процесса развития общества¹⁴.

Критикуя формалистический подход Вилькена к анализу остраконов, Чериковер заявляет, что такой анализ «не может служить достаточным критерием для установления социального положения группы населения, упомянутой в расписках» (стр. 127). Особое значение Чериковер придает выяснению материальных условий существования и социальных отношений при исследовании явлений идеологии и культуры. «Мы не можем понять культурного развития народа, — говорит Чериковер, — без фундаментального знания материальных условий его жизни» (стр. 111).

Применяя этот метод к конкретному исследованию, Чериковер определяет идеологию Филона и Флавия как отражение интересов верхов иудейского населения и находит в их произведениях «явную симпатию к высшим классам иудейского общества и столь же очевидную антипатию к иудейским революционерам» (стр. 78); о классовом характере политической деятельности философа Филона — см. стр. 67^{14а}. Анализ «Послания» Псевдо-Аристия приводит Чериковера к выводу, что эта работа стала «программой имущего класса» (стр. 43).

Чериковер, разумеется, не занимается определением формационной принадлежности общества греко-римского Египта. Однако из ряда его замечаний видно, что, в отличие от многих современных западных ученых, Чериковер не считает греко-римский Египет обществом феодальным. Так, рост крупного землевладения в Египте римского времени Чериковер рассматривает как подготовительный этап к феодальному хозяйству, а богатых землевладельцев — как предшественников будущих феодалов (the forerunners of the future feudal lords; стр. 54). Все это позволяет положительно оценить методологические усилия автора достигнуть возможно более объективных результатов исследования и создать предпосылки для будущих исследований.

Историю птолемеевского периода Чериковер начинает с рассмотрения истории эмиграции иудеев в Египет и расселения их пономам страны от севера до юга (список поселений будет дан в приложении к 3-му тому), демографических данных и объединения в этнико-политической организации (политемата). Эти организации, в которых объединялись различные этнические группы эллинистического Египта, имели свои законы и обычаи, учреждения, руководителей и должностных лиц, но это отнюдь не были «гетто», ибо понятия «община» и «квартал» не совпадали. Общины эти обладали правами муниципальной автономии. О порядке и методе выборов руководящих лиц и учреждений сведений нет. Чериковер склоняется к мысли, что, например, руководство александрийской общины (герусия, этнарх) выбиралось не демократическим путем, а назначалось из среды наиболее богатых и могущественных членов общины. Такая система позволила установить строгое господство привилегированного класса над всей общиной (стр. 9—10).

Чериковер приходит к выводу, что подавляющее большинство иудейского населения занималось производительным, физическим трудом и не было связано с торговлей и ростовщичеством. Основным занятием было сельское хозяйство (клерухи, «царские земледельцы», арендаторы, батраки, пастухи, виноделы и т. д.), ремесло, военная служба, исполнение административных должностей в *χώρα* (филакиты, грамматевсы, сборщики и откупщики налогов)¹⁵, а также торговля.

Обращает на себя внимание тот странный факт, что в папирусах нет ни одного свидетельства о занятиях иудеев (в птолемеевский период) торговлей и ростовщиче-

¹⁴ Свою работу «Иудеи и греки в эллинистическую эпоху» (1931) Чериковер закончил следующими словами: «Нашей целью было исследовать материальный базис истории иудеев в эллинистическую эпоху». См. также его последнюю статью в «Еос», XVIII, (1957), fasc. 3, стр. 170.

^{14а} Ср. I. D. Amusin, Ad P. Lond. 1912, JJP, IX—X (1956), стр. 176 сл.

¹⁵ В противоположность М. Н. Ростовцеву, проводившему резкую грань между сборщиками налогов и откупщиками (SEHAW, I, 328), Чериковер показывает, что среди сборщиков могли быть и откупщики (ср. № 90 и 107).

ством, если не считать военных поселенцев, занимавшихся торговлей «по совместительству». Объяснение этого феномена Чериковер ищет в двух обстоятельствах: во-первых, богатые иудеи-торговцы жили главным образом в Александрии, откуда, как известно, до нас папирусы не дошли; во-вторых, Птолемию, как правило, не поощряли частное предпринимательство даже среди греков, а финансово-кредитные операции были сосредоточены в птолемеевских монополиях.

Мы не можем входить здесь в обсуждение чрезвычайно сложных и недостаточно еще выясненных вопросов формы земельной собственности и землевладения. Так, высказанное Чериковером мнение о переходе во II в. до н. э. участков иудейских клеруков в собственность должно быть рассмотрено на более обширном материале в связи с общим вопросом о землевладении клеруков¹⁶.

В результате исследования документального материала Чериковер приходит к важному выводу, окончательно опровергающему весьма распространенное априорное и крайне модернизаторское представление о преобладающем занятии иудеев Египта торговлей и ростовщичеством¹⁷. Чериковер подчеркивает, что богатые иудеи, занимавшиеся торговлей и ростовщичеством, были, несомненно, как в Александрии, так и в $\chi\acute{o}\rho\alpha$, но общее впечатление, создаваемое папирусами, приводит автора к характеристике народных масс египетских иудеев, подобно массам любого другого народа, как a hard-working people earning its living by tenacious labour (стр. 19).

Римское завоевание существенно изменило экономические условия жизни иудейских общин. Уничтожение птолемеевской армии привело к исчезновению категории еврейских воинов и клеруков, игравших важную роль в экономической жизни иудеев. Институт сборщиков налогов был заменен правительственными чиновниками — практиками и ситологами, — а служба в римском административном аппарате была, как правило, связана с обязательным отказом от иудейской религии. Иудейское сельское население разделило общую судьбу египетских земледельцев, а иудейская земельная собственность была конфискована после иудейского восстания 115—117 гг. н. э. Экономическая и социальная деградация указанных социальных групп являлась одним из главных факторов роста антиримской оппозиции, приведшей к ряду ожесточенных восстаний. Другой немаловажной причиной развернувшейся в I—II вв. н. э. кровавой борьбы было введение лаографии, актуализовавшей и до крайности обострившей борьбу за право александрийского гражданства, поскольку только обладание этим правом освобождало от тягостной и унижительной подушной подати.

Мы намеренно не останавливались на интересном очерке тесно связанных между собой политической и культурной истории птолемеевского периода, так как ряд важных аспектов этих вопросов, в частности, политической истории, по характеру источников тесно переплетается с фактами истории римского времени.

Ограниченные рамки рецензии не позволяют даже вкратце остановиться на многочисленных вопросах, затронутых в Prolegomena, перечислить все свежие и интересные наблюдения автора и отметить также ряд спорных и недостаточно, на мой взгляд, разработанных вопросов (например, слишком мало места и внимания уделено роли и значению Леопольдского храма). Вряд ли все расхождения LXX с масоретской традицией следует объяснять только вольностью греческих переводчиков (стр. 31). Рукописи Мертвого моря позволяют теперь говорить о кумранском прототипе перевода 70-ти. К некоторым из этих вопросов мы надеемся вернуться при обзоре второго тома.

В целом научное значение предпринятого покойным проф. В. Чериковером монументального издания систематизированного свода всех папирусов и остраконов ad res iudaicas pertinentium трудно переоценить. Остается пожелать проф. А. Фуксу успешного завершения всего издания.

¹⁶ См. К. З е л ь н, Земли клеруков в Керкеосирице по данным Тебтюннских папирусов, ВДИ, 1948, № 3, стр. 36—51. Ср. А. И. П а в л о в с к а я, Землевладение и земледелие на царских землях Египта, ВДИ, 1953, № 1, стр. 57 сл.

¹⁷ В отношении Иудей такое представление не находило подтверждения и в литературных источниках. См., например, с. Ap. 1, 12 (§ 60): ... οὐτ' ἐμπορίας χαιρομεν...

* * *

Переиздание в Варшаве¹⁸ труда недавно скончавшегося известного папиролога и историка древнего права проф. Р. Таубеншлага свидетельствует о продолжающемся расцвете папирологической науки в Польше. Уже первое издание этой работы, вышедшее в двух томах¹⁹, вызвало многочисленные отклики во всем мире²⁰ и стало настольной книгой для всех интересующихся историей греко-римско-византийского Египта и античным правом. Об этом же свидетельствует и сам факт столь быстрого переиздания этого монументального труда.

Второе издание, объединившее оба тома воедино, почти не отличается от первого издания ни по структуре, ни по объему, ни по характеру изложения материала. Во втором издании автором использованы новые публикации источников, появившиеся в период между первым и вторым изданием²¹, тщательно учтена новейшая литература вопроса, в том числе работы советских авторов. В отдельных случаях введены новые разделы, основанные на предварительных специальных исследованиях автора (§ 50 — *Jus poenitendi*; § 65 — *Rights and privileges granted by the government to citizens and not-citizens*), расширены индексы и указатели.

Значение труда Таубеншлага определяется местом, которое он занял в историографии эллинистически-римского Египта, истории папирологической науки и древнего права. Как известно, в основополагающем труде крупнейшего историка древнего права Л. Миттейса²² обобщен и систематизирован папирологический материал, накопленный с конца XIX в. — начала папирологии как науки — до 1910 г. Р. Таубеншлаг, продолжая труд своего учителя, использовал новые тысячи папирусных и других документальных материалов, открытых за сорок лет, прошедших после появления труда Миттейса. Труд Таубеншлага отличается не только количеством использованного материала, но и разнообразием изученных источников, всесторонностью и глубиной анализа их, постановкой и, в ряде случаев, решением новых проблем.

Р. Таубеншлаг использовал и обобщил все относящиеся к предмету его исследования и известные к 1955 г. разноязычные источники в виде греческих и латинских папирусов, диптих, остраконов (в том числе ператических, коптских, демолических и греко-демолических), греческих и латинских надписей, трудов классических авторов

¹⁸ R. Taubenschlag, *The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri*. 332 B. C.— 640 A. D., Second edition, revised and enlarged, Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1955, 789 стр.

¹⁹ I том вышел в Нью-Йорке в 1944 г. (см. рец. Б. И. Наделя, ВДИ, 1948, № 2, стр. 110—116); II том вышел в 1948 г. в Варшаве (см. рец. Л. М. Глускиной и Н. Д. Амузина, ВДИ, 1952, № 4, стр. 108—115).

²⁰ Сводку рецензий и обзоров на первое издание см. у J. Modrzejewski, *Polish Papyrology in the Years 1945—1955*, Warszawa, 1955, стр. 9—11. Наиболее обстоятельный обзор I и II томов первого издания дал E. Weis, *JJP*, IV (1950), стр. 125—142, и V (1951), стр. 105—113. Хотя Р. Таубеншлаг и учел во втором издании отдельные недочеты и опечатки, замеченные рецензентами первого издания, но, как правило, он не вступает в полемику со своими оппонентами и критиками. Об этом сам автор так говорит в одном из примечаний: «В мои намерения не входит вступать в полемику с разнообразными мнениями, высказанными в обширной литературе. Я даю здесь лишь краткое изложение моей собственной точки зрения» (стр. 318, прим.). Следует, однако, отметить, что в некоторых случаях Таубеншлаг отвечал своим критикам в специальных работах. См., например, полемику с M. Radin, *Cl. Phil.*, XLII (1947), № 1, стр. 52, 56.

²¹ В предисловии ко второму изданию (стр. IX) Р. Таубеншлаг указывает, что т. II Р. Ниб. и т. II Р. Намб., полученные им, когда книга уже печаталась, могли быть частично использованы лишь в подстрочных примечаниях.

²² L. Mitteis, *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde*, II, 1—2, 1912. Работа Р. М. Мейер, *Juristische Papyri*, 1920 г. не является систематизированным сводом всего материала.

и древних юристов, арамейских, коптских и демотических папирусов, а также папирусов неегипетского происхождения. Благодаря своей необычайной и разносторонней юридической, папирологической и общеисторической эрудиции, Р. Таубеншлаг оказался наиболее подготовленным из ныне живущих папирологов для создания этого труда, увенчавшего его полувековую напряженную исследовательскую деятельность.

Возможность использования разнообразных и разноязычных источников позволила Таубеншлягу впервые поставить важный и в то же время очень сложный вопрос о взаимоотношении, взаимозависимости и взаимопроникновении действовавших в Египте трех правовых систем: египетской, греческой и римской. Существенное значение имеет установленный Таубеншлягом факт воздействия местного египетского права на право греческое. Большой интерес представляет также прослеженное Таубеншлягом влияние пережившего юстиниановское законодательство римского обычного права на византийское. Весьма плодотворным оказалось начатое Таубеншлягом изучение права греко-римского Египта в сравнении с другими правовыми системами Востока, в частности, с вавилонским правом²³, ассирийским, хеттским, вплоть до права ислама и талмуда. К сожалению, недостаточно, как кажется, внимания уделено рассмотрению форм сосуществования правовых учреждений и институтов многочисленных этнических групп Египта, организованных в политемы, повседневная правовая практика которых причудливо переплеталась с правовыми нормами египетского и греко-римского права.

Как известно, Миттейс сознательно ограничил себя изучением главным образом правовых учреждений, оставив без подробного рассмотрения такие важные для социально-экономической истории явления права, как собственность, рабство, уголовное судопроизводство. Таубеншлаг восполнил этот пробел, что является большой заслугой автора. Поскольку правовые аспекты в той или иной мере отражают социальные отношения и общественный строй, постольку они представляют интерес не только для историков права, но также для экономистов, социологов и историков, прежде всего историков древнего мира. Так, Р. Таубеншлаг высказывает оригинальные взгляды по таким кардинально важным для историков вопросам, как отношения собственности и рабство.

Р. Таубеншлаг пытается установить существовавшие в птолемеевском Египте различия в понятиях владения и собственности и высказывает предположение о наличии уже в птолемеевском Египте собственности на недвижимость. Различие в правовых понятиях владения и собственности выражалось, по мнению Таубеншлага, в употреблении в птолемеевское время терминов: 1) *κρεία* — для владения, соотв. термину римского времени *possessio* и лат. *possessio*; 2) *κράτης* для собственности, соотв. термину римского времени *domotia* или лат. *dominium*. Хотя имеются случаи чередования этих терминов (*κρεία* и *κράτης*), Таубеншлаг полагает, что в целом они выражают различные правовые понятия. Несмотря на то, что употребление специальных терминов для движимого и недвижимого имущества *κίνητα* και *ἀκίνητα* засвидетельствовано для позднего времени²⁴, бесспорным является существование в птолемеевском Египте частной собственности на движимое имущество, т. е. на рабов, стада, мастерские, суда и т. д. Сложнее дело обстоит с вопросом о частной собственности на недвижимость. Таубеншлаг выступает против общепринятой теории об отсутствии в птолемеевском Египте частной собственности на землю. Как известно, общепринятая теория исходит из наличия верховной собственности царя на все без исключения земли, делившиеся на две категории; собственно царскую землю (*τῆ βασιλικῆ*) и так называемые «отпущенные земли» (*τῆ ἐν*

²³ См. R. Taubenschlag, *Das Babylonische Recht in den griechischen Papyri*, JJP, VII—VIII (1954), стр. 169—186.

²⁴ Таубеншлаг ссылается при этом на папирус Ros. Georg., V, 37, 9 из собрания, изданного Г. Церетели, П. Ернштедтом и О. Крюгером, *Papyri russischer und georgischer Sammlungen* (1935).

ἀφέσει²⁵ с ее подразделением на δωρεά, ἱερά, κληροῦσική, ἰδιόκτητος). Уже сам факт наличия ἰδιόκτητος γῆ заставляет Таубеншлага пересмотреть эту схему. Однако сущность «частной земли» — (ἰδιόκτητος γῆ), как и причина вхождения этой категории земель в состав γῆ ἐν ἀφέσει, остается пока неизвестной (стр. 236)²⁶.

Таубеншлаг обращает внимание на тот примечательный факт, что в тех документах, на которых основывается указанное выше членение государственных земель (P. Tebt., I, 27, 54 слл.; P. Tebt., 5, 110 и 63,2), никогда не упоминаются строительные участки и сами строения. Отсюда Таубеншлаг делает вывод, что указанное деление земель относится только к сельскохозяйственным участкам. В тех случаях, когда в папирусах речь идет об участках земли под застройку, в них употребляются термины κράτης и δεσπίζειν, выражающие понятие собственности. Кроме того, строительные участки являются предметами специфических контрактов купли-продажи — καταγραφή. Все это приводит Таубеншлага к выводу, что участки земли под застройки представляли собой частную собственность. Частной собственностью являлись также виноградные и садовые участки, к которым в папирусах применяется термин κτήρα, т. е. термин, применявшийся и к рабам, для обозначения частной собственности на них. Однако наибольшую трудность представляет проблема собственности на пахотную землю. Хотя, как указывает Таубеншлаг, и к этой категории земельных участков применялся термин δεσπίζειν (стр. 235 и прим. 14), трудность заключается в том, что от птолемеевского времени до нас не дошли контракты на куплю-продажу участков пахотной земли. Таубеншлаг полагает, что владение пахотной землей в птолемеевский период переживало переходную ступень, постепенно приобретая характер частной собственности (стр. 235). Разумеется, все это остается гипотезой, но гипотезой плодотворной, которая побуждает к пересмотру имеющегося материала и к дальнейшим тщательным исследованиям. Следует при этом вспомнить, что изучавшийся более столетия вопрос об эволюции земельной собственности в Аттике лишь недавно был пересмотрен в интересной работе Файна²⁷. В связи с вопросом о земельной собственности и аграрных отношениях в птолемеевском Египте необходимо сделать еще одно замечание. Хотя работа Таубеншлага является не историей греко-римского права в узком смысле этого слова, а систематизированным изложением правовых институтов и правовых отношений, автор пытался положить в ее основу принцип историзма. Юридические факты и феномены рассматриваются в их изменении и развитии. Другой положительной чертой труда Таубеншлага является отрицательное отношение к модернизации исторических явлений. Так, автор предостерегает от модернизации понятия политических прав в эллинистически-римском Египте (стр. 595). К сожалению, и во втором издании сохранилось ошибочное замечание автора о первоначально феодальном характере γῆ κληροῦσική (стр. 237—239).

Другой, наиболее существенной для историков проблемой является вопрос о рабстве в греко-римском Египте. Если у Миттейса рабам посвящены лишь отдельные попутные замечания, то Таубеншлаг уделяет рабству специальное внимание и место (стр. 66—101 и passim).

Выделив рабство как правовой институт, автор рассматривает все относящиеся сюда вопросы, нашедшие свое выражение в сфере права. Наряду с вопросами терминологии и классификации различных групп рабов (царские, частновладельческие и храмовые рабы в птолемеевском Египте и, соответственно, имперские, частновла-

²⁵ О новом понимании последнего термина как обозначающего земли, облагаемые налогом, см. J. Neftci, Zum Begriff γῆ ἐν ἀφέσει, Chr. d'Ég., XXX (1955); Ср. А. И. Тюменев, Передний Восток и античность, ВИ, 1957, № 9, стр. 40, прим. 16.

²⁶ Ср. В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 175—176.

²⁷ См. Л. М. Глускина, Новые работы по истории земельных отношений и кредита в древней Аттике, ВДИ, 1957, № 4, стр. 154—167.

дельческие и церковные — в римско-византийском Египте), автор подробно останавливается на источниках²⁸ рабства и правовом положении рабов в эллинистическом и римском Египте. Большой теоретический интерес представляет устанавливаемое автором двойственное положение раба, наблюдаемое в различных сферах права, и различия в правовом положении рабов в птолемеевское и римское время. Правовой дуализм рабов вытекает, по Таубеншлагу, из того факта, что, с одной стороны, раб выступает как объект права, являясь вещью, частью хозяйственного инвентаря господина, наряду с другими материальными ценностями; с другой стороны, сам раб выступает в качестве субъекта права в имущественной и гражданской сфере, по отношению к которому хозяин обладает не только обширными правами, но и несет известные обязательства. Различия в правовом положении рабов в птолемеевское и римское время проявляется в ряде областей: если в птолемеевское время раб обладал вещной правоспособностью, т. е. имел право на собственность, то в римское время собственность раба может рассматриваться только как *rescilium* хозяина; в области брачного права различие состояло в том, что если эллинистическое право не ограничивало браков свободных и рабов, то римское право внесло сюда больше строгостей и ограничений; в сфере административного права разница заключалась в том, что в птолемеевское время, с одной стороны, раб регистрировался в так называемом *кат' οἰκίαν ἀπογραφαί*, наряду со скотом и другим имуществом, с другой — раб, подобно свободному египтянину, мог состоять членом различных ассоциаций, должен был платить подушную подать и выполнять некоторые повинности; в римское время наблюдается та же двойственность в положении раба, за исключением того, что подушную подать за раба был обязан вносить его хозяин, а с рабов эта обязанность была снята. Различия наблюдаются также в правовом содержании и процедуре манумиссии. Таким образом, отсюда вытекает не только ухудшение правового положения рабов в римское время, но также и различие роли и места рабства во всей системе общественных и экономических отношений птолемеевского и римского Египта.

Само собой разумеется, что этот вопрос в целом должен изучаться не только в изолированной сфере правовых отношений, но и в тесной связи с развитием социально-экономических отношений Египта в указанные периоды.

Труд проф. Таубеншлага с его обширным аппаратом и указателями является в настоящее время наиболее полным общепapiroлогическим справочным пособием для ученых различных специальностей. К сожалению, и в индексы, а иногда также в текст, вкрались отдельные опечатки и имеются отдельные пропуски. Так, *epibole* встречается не на стр. 640, как указано в индексе английских слов (стр. 761), а на стр. 614; на стр. 640 прим. 104 в ссылке на труд Ростовцева SEHW указана стр. 1588, прим. 28, вместо прим. 23; на Р. Оху., 1896 имеется ссылка на стр. 90, прим. 117, а не в прим. 177, как указано в указателе источников (стр. 730); указателе греческих терминов под словом *μισθωσις* (стр. 785) не указана встречающаяся на стр. 361, прим. 31 ссылка на Р. Pгinc., III, 148, который сам автор (там же) считает важным документом; в том же указателе под словом *πολίτευμα* (стр. 786—787), где дается перечень различных *πολίτευματα*, следовало бы выделить иудей-

²⁸ Автор устанавливает семь источников рабства: 1) самопродажа, 2) продажа детей; 3) пленение на войне; 4) незаконное порабощение свободного человека (*ἰνδραποδισμός*); 5) рождение от матерей-рабынь; 6) рабство-должничество и 7) пиратство. Наиболее важным источником является, по мнению автора, обращение в рабство рожденных от матерей-рабынь (дети от свободных женщин и отцов-рабов остаются свободными). Большой принципиальный интерес представляет разбор греко-демогического контракта PSI, 549 (стр. 70). Факт самопродажи свободной женщины (на 99 лет) вытекает из существа и содержания самого документа, хотя слово «порабощение» или «обращение в рабство» в нем тщательно и, по-видимому, намеренно избегается. Отсюда видно, с какой осторожностью надо подходить к проблеме рабства и как недостаточно опираться при этом только на одни терминологические указания, встречающиеся в документах.

скую политевму, о которой идет речь на стр. 11—12, 576 и др.; в указателе использованных папирусов UPZ (стр. 747) пропущен № 114, на который делается ссылка на стр. 268, прим. 21; на стр. 568 пропущено прим. 51. Надо надеяться, что подобного рода опечатки и мелкие недочеты будут устранены в переиздании, которое, несомненно, потребует в скором будущем.

Смерть] проф. Таубеншлага — тяжелая утрата для науки. Надо надеяться, что его непосредственные ученики и многочисленные почитатели продолжают и усовершенствуют труд, украшающий польскую и мировую папирологию.

И. Д. Амусин

НОВАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНАХ В РИМЕ

Эпоха гражданских войн в Риме — трудная тема для современной буржуазной науки. Невозможно правильно понять сложную политическую историю перехода от республики к империи, если не видеть, что в основе политических событий лежит классовая борьба. Однако именно о классовой борьбе буржуазная историография упоминает теперь все более неохотно. Прошли те времена, когда учение о классовой борьбе могло служить обоснованием победы и господства буржуазии и когда историки XIX в., руководствуясь политическим опытом своего класса, конструировали стройную картину римской революции. Такие построения уже не соответствуют современным интересам буржуазии. Происходит пересмотр моммзеновской традиции. Понятие «революции» сохраняется, но содержание этого понятия перетолковывается по-новому.

Попытку обосновать этот пересмотр традиции сделал А. Хейс в статье «Закат римской республики и проблема революции»¹. Для Хейса классовая борьба непременно предполагает, что борющиеся стороны отчетливо осознают свою классовую противоположность и цели своей борьбы. Такое же искаженное понимание классовой борьбы он без всякого основания приписывает всей современной науке — прежде всего, марксистской. Сделав эту передержку, он легко доказывает, что к античности такое понимание неприменимо: борьба рабов против рабовладельцев не ставила целью ниспровержение рабства как системы, плебс был пассивным орудием политиканов, всадники заботились лишь о своих частных выгодах; аграрная программа популяров была по существу консервативной, и Тиберий Гракх оказался «революционером против воли». Единственным случаем сознательного выступления масс была Союзническая война. После Союзнической войны уже не было политики, а была лишь борьба полководцев за власть. Сулла еще заботился о том, чтобы укрепить государство; Цезарь уже заботился только о том, чтобы возвысить себя. Таким образом, «римская революция» не имела сознательно поставленной цели, что и требовалось доказать. Имела ли она какие-нибудь причины, и в чем заключались эти причины, — такого вопроса Хейс предпочитает не ставить.

Такой вопрос пытается поставить Р. Смит, автор книги «Упадок римской республики»². Кризис республики, — утверждает Смит, — был не политическим и не экономическим, а прежде всего духовным. Дело в том, что в последнем веке республики римское общество не имело перед собой единой международной цели. До гражданских войн такой целью была оборона (только оборона!) от Карфагена и других опасных соседей, после гражданских войн такой целью стала забота о благе подчиненных слабейших народов; в промежуточную эпоху такой общей цели не было, и поэтому энергия граждан сосредоточилась на личных целях каждого: отсюда эгоизм, «грубый материа-

¹ A. Heuss, Der Untergang der römischen Republik und das problem der Revolution, HZ, 182 (1956), стр. 1—28.

² R. E. Smith, The Failure of the Roman Republic, Cambr., 1955.

лизм», роскошь и разврат, потеря религиозного чувства и т. д., и т. п. Автор приводит знакомое сравнение: судьба Рима аналогична судьбе Англии в XIX в. и США в XX в., империалистическая политика которых также якобы вытекала из сознания ответственности за судьбы мира и малых народов. Однако Англия и США пришли к такому сознанию путем эволюции, а не революции; этот путь был открыт и для Рима, и если Рим не пошел по нему, то это вина Гракхов, злых гениев римской истории. Гракхи впервые поставили интересы сословия выше интересов государства, сделали понятия свободы и республики партийными лозунгами и этим раз навсегда разрушили вождь-денное единство римского общества. Разложение стало быстро усиливаться и усиливалось до тех пор, пока общество окончательно не изнемогло от распри и пока Октавиан не выдвинул новую общенародную цель: борьбу с Востоком в лице Клеопатры. Автор всячески расхваливает римскую аристократию и всячески чернит популяров. Идеалом государственной гармонии он считает сенатское правление начала II в., когда каждый класс знал свое место и не завидовал другим, а «знать распоряжалась управлением, и все остальные сословия были этим довольны» (стр. 8). Марий для Смита — политикан, бесчестно интригующий за спиной благородного Метелла (стр. 97); восстание Сатурнина — не более как «хулиганские беспорядки» (стр. 100); о восстании Спартака он вообще не упоминает — после подавления Лелида «Рим жил спокойнo несколько лет до 71 г.» (стр. 109).

Примерно такую же картину рисует Ф. Р. Кауэлл в популярном очерке «Цицерон и римская республика», опубликованном вторым изданием в 1956 г.³ Так же как и Смит, Кауэлл ищет причину кризиса в индивидуализме римского общества. «Римляне не знали, что делать с собой, и в этом была их трагедия» (стр. 359). Из этого он делает вывод: нельзя говорить о борьбе классов и даже о борьбе партий в эпоху гражданских войн — для этого не было достаточного единства интересов среди граждан (стр. 360). Была только борьба за власть между отдельными политиками с их приверженцами — борьба не за принципы, а за личные выгоды. Книга Кауэлла писалась в годы второй мировой войны; «тоталитаризм» представляется ему высшим злом, а демократия — высшим благом (в этом его отличие от Смита). Собственно, Рим потому и погиб, что он еще не дорос до буржуазной демократии (стр. 375). Поэтому, когда дело доходит до модного в буржуазной науке противопоставления Цицерона и Цезаря⁴, автор безоговорочно высказывается в пользу первого: величие Цицерона заключалось в том, что он напоминал о всеспасительных принципах свободы в эпоху, когда Цезарь строит свое «тоталитарное государство».

Книги Смита и Кауэлла, броско написанные и выдержанные в духе последовательной модернизации, предназначены в основном для массового читателя. Проблемы истории гражданских войн рассматриваются здесь в широком плане, и в этом отношении названные книги являются исключениями среди массы работ академических ученых, предпочитающих ограничиваться частными вопросами. Именно поэтому в них особенно ясно раскрывается несостоятельность современной буржуазной историографии с ее тенденцией подменять общественную борьбу раздорами честолюбивых вождей.

Такая тенденция не является новостью. Она представляет собой дальнейшее развитие просопографического направления в историографии, реакционная сущность которого не раз характеризовалась на страницах нашего журнала⁵. Почтительные ссылки на трактаты Гельдера и Мюнцера все чаще можно встретить на страницах современных работ, и недаром Бэдиен посвятил одну из своих статей *manibus Fr. Muenzerei*. Общая характеристика эпохи гражданских войн с точки зрения просопографического направления была дана в книге Л. Росс Тэйлор о партийной политике времен

³ F. R. C o w e l l, *Cicero and the Roman Republic*, Harmondsworth, 1956 (Peclican book).

⁴ См. Е. М. Ш т а е р м а н, Цицерон и Цезарь в послевоенной буржуазной литературе, ВДИ, 1950, № 3, стр. 152—160.

⁵ См., например, ВДИ, 1951, № 3, стр. 169—173; 1953, № 2, стр. 141—145.

Цезаря⁶; новым толчком для развития просопографических исследований послужило издание двухтомника Броутона⁷, в котором впервые были собраны воедино данные обо всех должностных лицах республиканской эпохи. Влияние просопографизма на историографию гражданских войн чувствуется во многих работах последних лет.

Не приходится говорить о том, как такой подход ограничивает кругозор исследователей. Экономическая основа социальных явлений остается вне поля зрения буржуазной науки. В виде исключения можно указать на интересную статью Тибилетти о латифундиях в Италии⁸. Тибилетти напоминает, что борьба против латифундий никогда не была прямой целью римских политиков: для Гракхов это было средством к возрождению древнего крестьянства (автор сочувственно цитирует мнение С. И. Ковалева о консервативности гракханского идеала), а для Марии, Суллы, Цезаря и Октавиана — средством вознаграждения своих приверженцев. В согласии с господствующим взглядом, Тибилетти считает, что латифундиальное хозяйство было широко распространено уже в конце республики и мало пострадало от переделов Суллы и триумвиров. Автор уделяет внимание и проблеме рабства; однако при этом он склонен сглаживать четкую грань между рабами и свободными, ссылаясь на то, что беднейшие свободные жили не лучше рабов, а квалифицированные рабы — не хуже свободных. Такой подход не дает больших возможностей проследить основное противоречие рабовладельческого общества.

Полностью замалчиваются буржуазными историками проблемы восстаний рабов. Лишь маленькая заметка К. Циглера посвящена вопросу о происхождении Спартак⁹. Автор предлагает читать текст Плутарха (Ср., 8, 3) τοῦ Μακεδονοῦ γένους (вм. τοῦ Νομαδικοῦ) и думает, что Спартак происходил из фракийского племени медов, с которыми воевал Сулла в 86 г. и Аппий Клавдий Пульхр в 76 г.; попутно вновь поминается популярный домысел о родстве Спартак¹⁰ со Спартокидами.

Не только волнения рабов, но и массовые волнения свободных остаются без внимания при просопографическом подходе к материалу. Демократическое движение от Гракхов до Клодия не получило никакого отражения в статьях западных ученых. Даже о Гракхах не появилось ни одной сколько-нибудь ценной работы, тогда как противникам Гракхов посвящены две статьи. В одной из них¹¹ борьба Гая Гракха с Ливием Друзом рассматривается как эпизод в традиционном соперничестве двух *factiones*: Сципионов — Эмилиев и Клавдиев — Фульвиев; при этом Гракх изображается лицемерным демагогом, а Друз — практичным политиком, заботящимся о благе народа. В другой статье¹² утверждается, что гракханды в борьбе против Сципиона Эмилиана руководствовались не политическими, а личными мотивами, и вдохновительницей этой борьбы была мать Гракхов, ненавидевшая Эмилиана — приемыша в роде Корнелиев.

⁶ L. R. Taylor, *Party Politics in the Age of the Caesar*, Los Angeles, 1949; см. рецензию А. И. Немировского, ВДП, 1951, № 3. стр. 169—178.

⁷ T. S. Broughton, *The Magistrates of the Roman Republic*, I—II, N. Y., 1951—1952.

⁸ G. Tibiletti, *Lo sviluppo del latifondo in Italia dall'epoca Graccana al principio dell'Impero*, «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze storiche», Fir., 1955, II, стр. 235—292.

⁹ K. Ziegler, *Die Herkunft des Spartacus*, «Hermes» 83 (1955), стр. 248—250. Нам были недоступны недавние работы M. Carozza, *Le rivolte servili di Sicilia*, «Atti dell'Istituto Veneto di Scienze», Cl. di Sc. mor., 115 (1956—1957), стр. 79—98 и J. Vogt, *Struktur der antiken Sklavenkriege*, Mainz, 1957.

¹⁰ H. C. Boren, *Livius Drusus, t. p. 122, and his anti-Gracchan Program*, CJ, 52 (1956), стр. 27—36.

¹¹ M. van den Bruewaele, *L'opposition à Scipion Emilien après la mort de Tiberius Gracchus*, «Phoibos», 5 (1950—1951), стр. 229—238.

Сравнительно больше внимания уделяется борьбе всадничества против нобилитета. Моммзен видел в ней аналогию борьбе буржуазии против аристократии в новое время. В противоположность этому, современные историки с особой настойчивостью твердят, что эта борьба была лишена всякого политического содержания и что всадники стремились лишь к тому, чтобы им никто не мешал заниматься их коммерцией. Наиболее обстоятельная работа о римском всадничестве принадлежит Г. Хиллу и называется «Римский средний класс в период республики»¹². «Средним классом» Хилл называет всадничество в широком смысле слова: не только лиц, зачисленных в 18 центурий, но и всех, обладающих известным всадническим цензом. Установление этого ценза Хилл связывает с судебной реформой Гая Гракха — взгляд распространенный, но не общепринятый. Что, собственно, означает понятие «средний класс» и зачем понадобился этот новый термин, остается неясным. Определения, принимаемые Хиллом, неудовлетворительны и противоречивы: с одной стороны, это «слой общества, существование которого бесспорно...», но который настолько лишен четких признаков и качеств, что может быть определен только как находящийся между двумя другими классами», с другой стороны, это «та часть общества, для которой деньги — первое условие и первое средство к жизни»¹³. В книге пять глав: первые две описывают формирование сословия на основе древних конных центурий, третья посвящена экономической деятельности всадничества, четвертая и пятая — политической роли всадничества до Гракхов и после Гракхов. Заканчивается книга приходом к власти Октавиана, когда деятельность всадников впервые перестала служить целим личной наживы и подчинилась государственным интересам. Изложение автора отлично документировано, но ни новых материалов, ни новых взглядов здесь не найти.

Политическая активность всадничества в эпоху гражданских войн неразрывно связана с деятельностью судебных комиссий *de repetundis*. Небогатый эпиграфический материал, относящийся к этой области, недавно пополнился новым документом. В журнале «*Epigraphica*», 9 (1947), стр. 3—31, Барточчини опубликовал фрагмент надписи (26 строк), найденный в районе Тарента в 1909 г. Это отрывок заключительной части *legis repetundarum*: в нем устанавливаются награды для обвинителей-перимлян, определяется порядок публикации закона и судебных материалов и предусматривается клятва магистратов в верности закону. Издатель высказал предположение, что новый отрывок принадлежал к *lex Servilia Glauciae*; с ним согласился А. Пиганьоль¹⁴. Обычно считалось, что этот закон относится к трибунату Главции, время которого неизвестно: предлагались даты 111, 109, 104, 101 гг.; Барточчини принял дату 111 г., обоснованную Моммзеном. Пиганьоль предположил, что *lex repetundarum* был внесен Главцией не во время своего трибуната, а во время преторства, т. е. в 100 г.: это позволяет видеть в упоминании о клятве магистратов отголосок мероприятий Сатурнина. Известны еще две надписи, предусматривающие клятву магистратов: это Дельфийская надпись об управлении Македонией и Сирией (*Suppl. Epigr. Graec.*, III, 378), относящаяся к тому же времени, и *Tabula Vantina* (*CIL*, I², 582), которую Пиганьоль также считает возможным датировать трибунатом Сатурнина.

Публикация тарентинского фрагмента послужила поводом для пересмотра всех наших данных о *leges de iudiciis repetundarum*. Такой пересмотр предпринял Дж. Тибилетти¹⁵. В обширной статье он разбирает и сравнивает важнейшие места известных надписей и приходит к весьма смелым выводам. Каким законом впервые были учреждены всаднические суды? Законом Апилия — утверждали Фраккаро и Ласт,

¹² H. Hill, *The Roman Middle Class in the republican period*, Oxf., 1952.

¹³ H. Hill, *The Equites as a Middle Class*, Ath., 33 (1955), стр. 327—332.

¹⁴ A. Piganiol, *Sur la nouvelle table de bronze de Tarente*, «*Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions*», 1951, стр. 58—63.

¹⁵ G. Tibiletti, *Le leggi de iudiciis repetundarum fino alla guerra sociale*, Ath., 31 (1955), стр. 5—100.

и эта точка зрения господствовала в XX в.; законом самого Семпрония Гракха — полагал Моммзен, и к этому мнению присоединяется Тибилетти. Какой закон сохранился в известной надписи CIL, I², 583 (*tabula Bembina*)? Закон Ацилия — полагал Моммзен, и вслед за ним почти все исследователи; закон Семпрония — утверждает Тибилетти. Подлинный закон Ацилия, вносивший, по-видимому, какие-то мелкие изменения в закон Семпрония, нам неизвестен. Неизвестна даже его дата, ибо общее мнение, что Ацилий был трибуном 123 г., основывалось на том, что в астипалейском законе IGR, IV, 1028a, видели упоминание одного закона, изданного Ацилием вместе с Рубрием, коллегой Гракха, — в действительности же оказывается, что формулировка греческой надписи говорит о двух отдельных законах. Во всяком случае, закон Ацилия уже был в силе в 111 г., когда оборот таблицы с устаревшим семпрониевым законом был использован для новой надписи. На смену закону Ацилия пришел закон Цепиона 106 г., восстанавливавший сенатские суды: обломком этого закона и является новый тарентинский фрагмент; так как практика клятвы в верности закону была в ходу задолго до Сатурнина, то нет основания относить этот фрагмент к 100 г. и связывать с именем Главция. С большим правом можно отождествить закон Главция с *tabula Bantina*, в которой говорится о судебных коллегиях, закрытых для сенаторов, и также предусматривается клятва.

Конечно, система отождествлений, предложенная Тибилетти, является лишь гипотезой. В частности, тарентинский и бантинский фрагменты настолько бессодержательны, что сам Тибилетти оговаривает условность их сближения с законами Цепиона и Главция. Более того, центральный пункт системы Тибилетти, отождествление *tabula Bembina* с законом Семпрония, основывается лишь на возможной реконструкции лакуны: *quei in hac ceivit [ate sestertium quadringentorum milium n. plurisve sensus siet...]*. Такая реконструкция была предложена Моммзеном в 1863 г., и потом сам автор отказался от нее; однако Тибилетти считает ее единственно возможной.

Поэтому понятно, что далеко не все утверждения Тибилетти получили поддержку со стороны других ученых. Так, Э. Вэдиен¹⁶, соглашаясь с соображениями Тибилетти об астипалейской надписи, все же предпочитает отождествлять закон Ацилия с *tabula Bembina* и датировать его (вслед за Ластом) 122 годом. В таком случае последовательность гракханских судебных законов получает следующий вид: 1) *lex Sempronia ne quis iudicio circumveniretur*, предполагающий еще чистосенаторские суды; 2) *lex Sempronia*, по которому сенат пополнялся тремястами всадников, и этому новому корпусу передавались суды (из Плутарха видно, что этот закон был принят, но так как никаких сведений о его применении не сохранилось, то, по-видимому, очень скоро он был заменен новым); 3) *lex Acilia*, передающий суды исключительно всадникам (самому Гракху было неудобно отменять им же только что предложенный закон, и он поручил это своему приверженцу Манию Глабриону). Так складывается картина постепенного наступления Гракха на сенат. Первый из перечисленных законов — *ne quis iudicio circumveniretur*, — по мнению Э. Ярнольда¹⁷, может быть отождествлен с бантинской надписью, в толковании которой автор расходится с Тибилетти. Что касается клятвы магистратов, то она могла быть одним из демократических новшеств Гракха, забытым во время реакции и возрожденным при Сатурнине.

Таково состояние вопроса о судебных законах конца II в. до н. э.

Другая проблема, привлекающая внимание многих историков, — это последовательность и значение событий 90-х годов до н. э. Подход к исследованию — почти исключительно просопографический: кропотливо анализируются дружеские связи, ссоры, браки и т. д. Однако события этого времени известны нам настолько плохо, что даже такой метод оказывается ценным орудием для необходимого предварительного исследования.

¹⁶ E. V a d i a n, *Lex Acilia repetundarum*, AJP, 75 (1954), стр. 374—384.

¹⁷ E. J. Y a r n o l d, *The Latian Law of Bantia*, AJP, 78 (1957), стр. 163—172.

В самых общих очертаниях картина «темного десятилетия» приобретает в свете новых работ следующий вид. Первые годы после подавления мятежа Сатурнина продолжала держаться *concordia ordinum*, стихийно сложившаяся перед угрозой со стороны плебса. Марий близок к аристократии, с ним сотрудничают Катуты, Цезари, оратор Марк Антоний. Враждебную Марию группировку знати возглавляют Метеллы, Котты и Цепионы: они стоят за спиной Скавра и Друза. В 95 г. аристократия переходит в наступление: Скавр начинает процесс против Норбана, последний находит поддержку у италиков, консулы издают закон Лициния-Муция, направленный против италийского резерва марьянцев¹⁸. В следующем 94 году в Азию отправляется проконсулом Муций Сцевола и легатом при нем известный Рутилий Руф: они быстро осуществляют (вероятно, по заранее разработанному плану) реорганизацию той провинции, откуда всадники извлекали больше всего доходов¹⁹. Инициатива этого мероприятия, по-видимому, принадлежала Скавру, который за два года до того проезжал через Азию, чтобы разрешить конфликт между Митридатом и каппадокийским царем. Силы Мария слабеют, аристократические союзники один за другим покидают его; слабым возмещением была поддержка Цепиона младшего (сына аравзионского неудачника), который, поссорившись с Друзом, переметнулся от оптиматов к марьянцам²⁰. Однако Марию удается поднять всадничество против азиатских реформаторов: в 92 г. Рутилий был осужден, Сцевола избежал суда лишь благодаря родству с Марием, и самому Скавру Цепион предъявил обвинение в подкупе со стороны Митридата. Но Скавру удалось уйти от суда: чувствуя нарастание опасности, он убеждает Друза выступить в следующем году с широкой программой, одной из задач которой было оторвать от Мария италиков. Марий, напрягая все силы, срывает проект Друза (в частности, позиция этрусков, умбров и кампанцев в союзническом вопросе объясняется личными связями Мария с этими племенами), но это лишь дискредитирует его в глазах италиков, а вынужденное участие в подавлении союзнического восстания окончательно компрометирует его. (Интересная деталь: во время союзнической войны штаб консула Рутилия состоял в основном из марьянцев, а штаб консула Л. Цезаря — из оптиматов: кратковременное возрождение *concordiae* 100 года.) Чтобы военными победами вернуть себе былой престиж, Марий проводит войну с Митридатом, ему помогает Сульпиций (бывший приверженец оптиматов, порвавший с ними, как и Цепион, по личным мотивам) и т. д. — дальнейшие события достаточно известны. По мнению Э. Фрэнк²¹, союз Мария с оптиматами был еще более продолжителен, и лишь выступление Сульпиция положило ему конец.

О Союзнической войне интересную, хотя во много спорную, работу опубликовал Э. Габба²². Он утверждает, что восстание союзников имело не демократический, а аристократический характер, и что целью восставших была не политическая самостоятельность, а лишь равноправие с римскими гражданами. Традиционное мнение об экономической отсталости восставшей Италии неосновательно. Целосские и другие надписи, изученные Ацфельдом (J. H a t z f e l d, *Les trafiquants Italiens dans l'Orient Hellénique*, P., 1919), показывают, что значительная часть италийских купцов, торговавших на востоке, происходила из Кампании, Апулии, Лукании, Пизена. Отсюда вытекает заинтересованность высших классов италийского населения в направлении римской политики, в первую очередь, — внешней. Отсюда — их стремление добиться римского гражданства и принять участие в политической жизни Рима. Сперва ита-

¹⁸ E. G a b b a, *Politica e cultura in Roma agli inizi del I sec. a. C.*, Ath., 31 (1953), стр. 259—272.

¹⁹ E. B a d i a n, *Q. Mucius Scaevola and the province of Asia*, Ath., 34 (1956), стр. 104—123.

²⁰ E. B a d i a n, *Caepio and Norbanus: notes on the decade 100—90 b. C.*, «*Historia*», 6 (1957), стр. 318—346.

²¹ E. F r a n k, *Marius and the Roman Nobility*, CJ, 50 (1955), стр. 149—152.

²² E. G a b b a, *Le origini della guerra sociale e la vita politica romana dopo l'89 a. C.*, Ath., 32 (1954), стр. 41—114 и стр. 293—345.

лики пытались действовать в союзе с римским всадничеством. Но позиция всадников была двусмысленной: они ценили италиков как союзников в борьбе против сената, но боялись их как конкурентов в восточной торговле. После неудачи Друза италийские высшие классы (*seti elevati*) отчаялись в помощи со стороны и начали вооруженную борьбу. Чтобы обеспечить себе поддержку народных масс Италии, восставшие выдвинули лозунг независимости от Рима, имевший, таким образом, только пропагандистское значение. Добившись гражданства и включившись в политическую жизнь Рима, высшие классы италиков быстро утратили свой радикализм: их представители сотрудничают не только с Марием, но и с Суллой. Последним отголоском Союзнической войны явилось испанское восстание Сертория. При всей скудости данных автор считает возможным утверждать, что испанскими колонистами этой эпохи были в основном не римляне, а италики, и что на этих-то *Hispanienses* и опирался Серторий: не случайно базой Сертория была осская колония Оска. Старыми торговыми связями этих италиков объясняются сношения Сертория с подданными Верреса и с Митридатом. Серторий был последним демократом старого закала: его поражение в борьбе с Помпеем означало, что римская демократия превратилась из самостоятельной политической силы в орудие полководцев, борющихся за власть.

В отзывах на работу Габба²³ отмечалось, что смелые выводы автора недостаточно обоснованы, что именно торговые области Кампании, Апулии и т. д. почти не участвовали в Союзнической войне, что Кампания и отчасти Пицен уже пользовались римским гражданством, что италийские надписи из Испании отчасти относятся к более поздней эпохе. Ценность работы Габба — в попытке извлечь «новые факты из старых свидетельств», а также в том внимании, какое он уделяет социальной стороне восстания. Другие статьи о Союзнической войне представляют меньший интерес. Можно упомянуть работу Х. Мейера²⁴, который разбирает вопрос об организации государства восставших и приходит к выводу, что высшим органом государства был не сенат, а общее народное собрание, и что поэтому нельзя говорить о представительной организации государственной власти в «Италии».

Сочинения, посвященные диктатуре Суллы, касаются преимущественно частных вопросов. А. Бискардиди²⁵ разбирает текст *App., Bel. civ., I, 55, 266* о мероприятиях 88 года: об отмене голосования по трибам и о возврате к порядкам Туллы. Автор полагает, что речь идет не о долгосрочном установлении, а об исключительном положении, принятом для того, чтобы утвердить за Суллой экстраординарное командование против Митридата. В статье прослеживается ход борьбы между оптиматами и популярными вокруг предварительной санкции сената для законопроектов, выносимых в комиция. Э. Габба²⁶ пытается объяснить противоречия между данными Саллюстия — Дионисия и Ливия — Аппиана о составе сената при Сулле: по его мнению, Сулла сперва пополнил обезлюдевший сенат своими ветеранами до нормы в 300 человек (прецедент — *Liv., XXIII, 22, 1—2*, после битвы при Каннах), а затем прибавил к ним столько же всадников, и этой новообразованной коллегии передал суды, осуществив таким образом замыслы Гракха и Друза²⁷. Боледон²⁸, анализируя прозвища Суллы — *felix* и *ἐπαφροδίτος* — приходит к выводу, что второе из них является не пере-

²³ См., например, E. S h e r w i n - W h i t e, *JRS*, 45 (1955), стр. 168—170.

²⁴ H. M e y e r, *Die Organisation der Italiker im Bundesgenossenkrieg*, «*Historia*», 7 (1958), стр. 74—79. Работа G. T i b i l e t t i, *La politica delle colonie e città latine nella guerra sociale*, «*Rendiconti dell'Istituto Lombardo, Cl. di lettere*», 86 (1953), стр. 45—63, была нам недоступна.

²⁵ A. B i s c a r d i, «*Plebiscita*» et «*Auctoritas*» dans la législation de Sylla, «*Revue historique de droit Français et étranger*», 29 (1951), стр. 153—172.

²⁶ E. G a b b a, *Il ceto equestre e il senato di Silla*, *Ath.*, 34 (1956), стр. 124—138. Ср. о н же, *Note Appianee*, *Ath.*, 33 (1955), стр. 218—230.

²⁷ Ср. E. G a b b a, *Osservazioni sulla legge giudiziaria di M. Livio Druso*, «*Parola del passato*», 50 (1956), стр. 363—372.

²⁸ J. P. V. D. B a l s d o n, *Sulla felix*, *JRS*, 41 (1951), стр. 1—10.

водом первого, а самостоятельным титулом, предназначенным для греческого Востока и напоминающим о происхождении римлян от Энея и Афродиты. Г. Эркелль²⁹ не согласен с ним и считает, что *ἑταφρόδιτος* = *venustus*. Хронологию событий 82—80 гг. исследует Э. Бэдиен³⁰; его вывод: африканская кампания Помпея, его возвращение в Рим и споры с Суллой о триумфе все вместе занимают не более трех месяцев, так что первый триумф Помпея был отпразднован в 81 г. (как думал Моммзен), а не в 79 г. (как думают многие современные ученые).

Неожиданно много работ посвящено событиям 59 года. Прежде всего, надо назвать статью Ганслика³¹, который, основываясь на *Cic., Att., II, 3*, вслед за Э. Шварцем относит к февралю этого года организацию первого триумвирата: если все остальные источники указывают на 60 год, то это потому, что они восходят к Поллиову, переставившему события ради художественного эффекта в начале своей истории. Этим и объясняется то, что Цезарь первое время терпел сенатские проволочки с аграрным законом, а не сразу обратился к комициям. Впрочем, Л. Р. Тэйлор³² считает, что проволочки были недолгими, и что закон был принят комициями уже в конце января: таким образом, вопреки Плутарху, Бибул просидел дома не восемь, а одиннадцать месяцев. Дату другого закона 59 г. — *lex Julia de repetundis* — устанавливает С. Уст³³, относя его к августу-сентябрю. Граммель указывает³⁴, что положение триумвиров не было твердым, и что из консулов, избранных на 58 г., Кальпурний был ближе к оптиматам, чем к Цезарю. Делу Веттия, при помощи которого триумвиры пытались скомпрометировать своих противников, посвящена целая серия статей. Мак Дермотт³⁵ считает, что Веттий на всем протяжении своей деятельности был агентом Цезаря, и даже донося на Катилину в 63 г. и выступая против самого же Цезаря в 62 г., выполнял его тайные поручения. Л. Р. Тэйлор³⁶ попыталась пересмотреть датировку дела Веттия и отнесла его к июлю 59 г., ссылаясь на то, что оно произошло до трибунских выборов, а трибунские выборы не могли быть отложены. Этот взгляд не нашел поддержки³⁷: Уст полагает, что в 59 г. трибунские выборы, как и консульские, были отсрочены до октября. Как бы эпилогом к законодательству 59 г. является *Lex Mamilia Roscia Peducaea Alliena Fabia* 55 г., предусматривавший порядок муниципальной организации земель, поделенных по аграрным законам Цезаря: об этом законе говорится в заметке Л. Р. Тэйлор³⁸.

Монография Ж. ван Оотегема о Помпее уже рецензировалась в нашем журна-

²⁹ H. E r k e l l, *Augustus, felicitas, fortuna: lateinische Wortstudien*, Göteborg, 1952.

³⁰ E. V a d i a n, *The Date of Pompey's first Triumph*, «Hermes», 83 (1955), стр. 107—118.

³¹ R. H a n s l i k, *Cicero und das erste Triumvirat*, «Rheinisches Museum», 98 (1955), стр. 324—334.

³² L. R. T a y l o r, *On the Chronology of Caesar's first Consulship*, *AJP*, 72 (1951), стр. 254—268.

³³ S. I. O o s t, *The Date of the lex Julia de repetundis*, *AJP*, 77 (1956), стр. 19—28.

³⁴ W. C. G r u m m e l, *The Consular Elections of 59 b. C.*, *CJ*, 49 (1954), стр. 351—355.

³⁵ W. M c D e r m o t t, *Vettius ille, ille noster index*, «Transactions of Amer. Philol. Association», 80 (1950), стр. 351—367.

³⁶ L. R. T a y l o r, *The Date and the Meaning of the Vettius affair*, *Historia.*, 1 (1950), стр. 45—51.

³⁷ См. «Classical Quarterly», 47 (1953), стр. 62—64 и 48 (1954), стр. 181—182; O o s t, ук. соч.

³⁸ L. R. T a y l o r, *Caesar's Agrarian Legislation and his municipal Polity*, «Studies in Roman economic and social history in honor of A. Ch. Johnson», Princeton, 1951, стр. 68—78.

ле³⁹. Беглые статьи Г. Коллинза⁴⁰ и У. Колдуэлла⁴¹ почти ничего не прибавляют к традиционному представлению о хорошем полководце и плохом политике. Не содержит ничего нового также статья Каду⁴² о Крассе; но она по крайней мере напоминает поклонникам Цезаря, что вплоть до галльской войны Цезарь был по сравнению с Крассом и Помпеем лишь второстепенной политической фигурой в Риме. Ф. Делла Кортэ посвятил Варрону Реатинскому большую монографию, озаглавленную стихом Петрарки: «Варрон, третий великий светоч Рима»⁴³. Автор вносит в этот образ свое толкование: «первый светоч», Цицерон, символизирует республику, «второй светоч», Вергилий, — империю; Варрон стоит между ними и соединяет эти две эпохи. В соответствии с этим, в традиционном образе республиканца Варрона подчеркиваются черты цезаризма: указывается на его близость с Помпеем и Цезарем (памфлет *Triumviratus* автор считает направленным не против триумвиров, а против разложения римского общества), и берется под сомнение его близость с Цицероном («внутренняя недоброжелательность», пассивность Варрона в заботах о возвращении Цицерона из ссылки и т. п.). Работа построена в биографическом плане, скудость данных дополняется весьма смелыми авторскими домыслами; история эпохи гражданских войн лишь слабо намечена как биографический фон. Такое же соотношение биографии и истории характерно и для других просопографических работ об отдельных деятелях этого времени. Лучше других статья Хендерсона об Эмилии Скавре младшем⁴⁴, содержащая описание запутанной и бурной предвыборной кампании 54 г., когда Скавр неудачно претендовал на консульство. Дж. Коллинз⁴⁵ излагает биографию Марка Бибула, неудачливого коллеги Цезаря по консульству; Дж. Сивер⁴⁶ посвящает свою заметку Публию Вентидию, победителю парфян, который из погонщика мулов стал консулом. Простой беллетризацией материала писем Цицерона является очерк Гарридо Божича⁴⁷ о Квинте Цицероне младшем, племяннике оратора; в центре внимания автора — семейные неурядицы Цицерона.

Литература о Цицероне будет предметом особого обзора. Здесь нужно коснуться работ, посвященных Саллюстию и Цезарю.

Три довольно объемистые работы⁴⁸ были посвящены разбору одного лишь произведения Саллюстия — «Югуртинская война» — и с одной лишь стороны — с композиционной. Значение этих работ для изучения истории заключается, во-первых, в том, что они во многом уточняют хронологию военных событий, и, во-вторых, в том,

³⁹ J. van Ooteghem, Pompée le Grand, le bâtisseur de l'empire, Br., 1954; см. ВДИ, 1956, № 4, стр. 91—92.

⁴⁰ H. P. Collins, Decline and Fall of Pompey the Great, «Greece and Rome», 22 (1953), стр. 98—106.

⁴¹ W. E. Coldwell, An Estimate of Pompey, «Studies presented to D. M. Robinson», II, St. Louis, 1953, стр. 954—961.

⁴² T. J. Cadoux, Marcus Crassus — revolution, «Greece and Rome», 3 (1956), стр. 153—161.

⁴³ F. Della Corte, Varrone il terzo gran lume romano, Genova, 1954.

⁴⁴ Ch. Henderson, The Career of the younger M. Aemilius Scaurus, CJ, 53 (1958), стр. 194—206.

⁴⁵ J. H. Collins, Porcia's first Husband, CJ, 50 (1955), стр. 261—270.

⁴⁶ J. E. Seaver, Publius Ventidius, neglected roman military hero, CJ, 47 (1952), стр. 275—280.

⁴⁷ J. M. Garrido Božić, Quintus filius, «Greece and Rome», 20 (1951), стр. 11—25.

⁴⁸ K. Büchner, Der Aufbau von Sallusts Bellum Jugurthinum, Wiesbaden, 1953 («Hermes», Einzelschriften, 9); K. Vretská, Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum, Wien, 1955 (Osterreichische Akad. der Wissenschaften, Philos.-hist. Klasse, 229, № 4); A. D. Leeman, Aufbau und Absicht von Sallusts Bellum Jugurthinum, Amsterdam, 1957 (Mededelingen der nederlandse AW, afd. letterkunde, deel 20, № 8).

что они заставляют несколько пересмотреть традиционное мнение о Саллюстии — безоговорочном популяре. Саллюстий изображает Метелла не только темными красками, а Марция не только светлыми: порок знати — *superbia*, порок плебса — *insolentia*, одно зло не лучше другого. В идеале человек силой своей *virtus* сам творит свою судьбу, в действительности же *fortuna* парит над слабыми людскими добродетелями; отсюда пессимизм автора. Саллюстий — не тенденциозный памфлетист и не ортодоксальный моралист, скорее это искатель «смысла истории» — таков вывод А. Д. Лемана, автора последней из трех работ.

Продолжаются споры вокруг писем Саллюстия к Цезарю. В 1950 г. вышла книга М. Шуэ⁴⁹, целиком посвященная доказательству подлинности писем. Строгий разбор всех подытоженных здесь мнений произвел К. Фредка⁵⁰, но и он согласился, что письма подлинные. Противоположного взгляда держатся Э. Френкель⁵¹ и А. Диле⁵²: по их мнению, архаический слог историка настолько неуместен в письме-памфлете, что одно это указывает на сознательную подделку под стиль Саллюстия. За спорами о подлинности остается без внимания политический смысл писем. Шуэ полагает, что письма были предназначены для широкой публики и пропагандировали действительную программу Цезаря; что это за программа, неясно — это «то, чего желали здоровые и трудящиеся элементы населения» (стр. 120). Л. Т. Вляцик⁵³ обращает внимание на расхождение между программой Саллюстия и программой популяров, но объясняет это только тем, что Саллюстий в действительности не был популяром и боролся против богатства и знати лишь потому, что сам был беден и незнатен. Недостаточность таких толкований отметил в свое время уже С. Л. Утченко⁵⁴.

Из сочинений, посвященных Цезарю, особенно много шуму произвела книга М. Рамбо «Искусство извращения истории в записках Цезаря»⁵⁵. В этой работе нужно различать две неравноценные части: историко-литературную и собственно историческую. Общеизвестно, что Цезарь в своих «Записках» широко использовал донесения своих легатов и свои собственные отчеты сенату. Автор пытается четко разграничить текст, восходящий к донесениям легатов и к отчетам Цезаря, и текст, добавленный при литературной обработке: с некоторыми натяжками это ему удается. Первоначальная обработка этого разнородного материала производилась, по мнению Рамбо, секретариатом Цезаря во главе с Гирцием: здесь и сформировался «цезаревский корпус», из которого только «Галльская война» и отчасти «Гражданская война» были окончательно отделаны самим Цезарем. Обработка преследовала исключительно пропагандистские цели. Автор тщательно анализирует приемы Цезаря: предварительное перечисление оправдывающих обстоятельств затуманивает ошибки Цезаря, расчленение логической последовательности событий скрывает их последствия, внимание читателя отвлекается от неудач Цезаря и сосредотачивается на его успехах и т. д. Все это выглядит несколько упрощенно, но вполне убедительно. Однако переходя к собственно исторической части, автор делает логический скачок. Он рассуждает: цель рассмотренных приемов — создать картину, выгодную Цезарю; следовательно, везде, где эти приемы в изложении налицо, положе-

⁴⁹ M. Chouet, *Les lettres de Salluste à César*, P., 1950.

⁵⁰ K. Vretská, *Zur Methodik der Ehtheitskritik (Epistulae ad Caesarem senem)*, «Wiener Studien», 70 (1957), стр. 306—321.

⁵¹ E. Fraenkel, рец. на кн. Шуэ в JRS, 41 (1951), стр. 192—194.

⁵² A. Diehle, *Zu den Epistulae ad Caesarem senem*, «Museum Helveticum», 11 (1954), стр. 126—130.

⁵³ L. Th. Blaszk, *In Sallustii Epistulas ad Caesarem observationes aliquot*, «Charisteria Thaddaeo Sinco Wars. — Wratise», 1951, стр. 51—56.

⁵⁴ Cp. J. Bérange, рец. на S. L. Utschenko, *Der Weltanschaulichpolitische Kampf in Rom am Vorabend des Sturzes der Republik*, B. 1956, «Gnomon», 29 (1957), стр. 599—602.

⁵⁵ M. Rambaud, *L'art de la déformation historique dans les Commentaires de César*, P., 1953.

ние дел в действительности было невыгодно для Цезаря. А так как «Записки» построены на таких приемах с начала до конца, то сочинение Цезаря оказывается грандиозной фальсификацией, «историей наизнанку». Цезарь пишет, что галлы ведут жизнь мирную и зажиточную, а германцы воинственную и бедную: это неверно, просто Цезарь хочет убедить читателей в том, что завоевание Галлии выгодно, а непопулярное для него завоевание Германии бесполезно. Цезарь пишет, что из милосердия он отпустил невредимыми послов тенктеров и узипетов (IV, 15,5): это жестокая ирония, ибо эти послы неминуемо были бы растерзаны галлами на обратном пути. Цезарь пишет, что причиной галльского восстания послужило легкомысленное отпадение эдуев, а душой восстания был Вердингеториг: это ложь, просто Цезарь хочет ссылкой на легкомыслие эдуев оправдать крах своей дипломатии, а ссылкой на влияние Вердингеторига затуманить патристическую ненависть галлов к римским завоевателям. Благоприятные для Цезаря показания других источников (даже характеристика галлов у Страбона) отвергаются с порога; неблагоприятные показания (даже поэтические гиперболы Лукана) принимаются безоговорочно; там, где проверить данные Цезаря невозможно (а таких случаев большинство), автор апеллирует к всепоспешившей логике событий. Попутно Цезарь изобличается в лицемерии, вероломстве, мстительности, жестокости (см. особенно список злодеяний Цезаря на стр. 283 сл.) и, наконец, в тщеславии, доходящем до клинической мании величия (стр. 366). Сочинение Рамбо — такой же обвинительный акт против Цезаря, каким были «Les secrets de la correspondance de Césaire» Каркоппи по отношению к Цицерону. Историко-литературный анализ, сделанный Рамбо, интересен и ценен, но ключа к пониманию действительного хода событий он не дает. Книга снабжена прекрасной библиографией и как бы подводит итог всем интолкованиям, которых так много накопилось вокруг произведения Цезаря: именно поэтому здесь особенно ясно видна недостаточность критики «с точки зрения логики событий».

Другим образом такой критики Цезаря является статья Стивенса о «Галльской войне»⁵⁶. Автор пытается выяснить первоначальные цезаревы планы британского похода и операций под Герговией, а также предлагает новую реконструкцию событий гельветской войны. По его мнению, Цезарь медлил напасть на гельветов оттого, что предполагал порвать с Дивинциаксом, договориться с «национальной партией» эдуев и в союзе с гельветами ударить на Арновиста и секванов. Лишь когда этот план сорвался из-за патристического упрямства Думнорига, Цезарь стал действовать со свойственной ему быстротой.

От работ такого рода выгодно отличаются книги Барвика и Вальзера. К. Барвик, анализируя тенденциозность Цезаря в рассказе о гражданской войне⁵⁷, тщательно обосновывает свои рассуждения данными других источников, главным образом писем Цицерона, поэтому его «поправки» к изложению Цезаря малочисленны, но убедительны. Дополнением к работе Барвика может служить статья Сили⁵⁸ о сроке истечения галльских полномочий Цезаря: автор относится к показаниям Цезаря с большим доверием, нежели Барвик, и полагает, что закон 10 трибунов (52 г.) продлевал полномочия Цезаря на первое полугодие 49 г., до консульских выборов. Г. Вальзер⁵⁹ развивает одно из утверждений Рамбо — именно, что противоположность между образом жизни галлов и германцев была преувеличена Цезарем и что правый берег Рейна в эпоху Цезаря еще принадлежал кельтской, а не германской культуре — по

⁵⁶ C. E. Stevens, *The Bellum Gallicum as a Work of Propaganda*, «Latomus», 11 (1952), стр. 3—18 и 165—179.

⁵⁷ K. Barwick, *Caesars Bellum Civile: Tendenz, Abfassungszeit und Stil*. В., 1951 (*Berichte der Sächs. Akademie der Wissenschaften, Philol.-hist. Kl.*, Bd. 98, № 1).

⁵⁸ R. Sealey, *Habe meam rationem*, «Classica et Mediaevalia», 18 (1957), стр. 75—101.

⁵⁹ G. Walser, *Caesar und die Germanen. Studien zur politischen Tendenz römischer Feldzugsberichte*, Wiesbaden, 1956 («Historia», Einzelschriften, № 1).

при этом не ограничивается умозрительными доводами, а обращается к данным археологии и лингвистики. Вывод Вальзера: Цезарь не описывал германцев как очевидец, а лишь перерабатывал литературные источники (в частности, Посидония), дополняя их собственными представлениями о «жизни, близкой к природе». Действительный антагонизм наблюдался не между галлами и германцами, а внутри самих галлов: между эдуями и секванами; Ариовист был мелким трибокским князем, лойяльным союзником секванов, и претензии на господство в Галлии приписываются ему ложно; тактика Ариовиста в войне с Цезарем показывает, что его силы были много слабее римских.

Полезный корректив к обычным представлениям о тенденции «Записок» Цезаря вносит Дж. Коллинз⁶⁰. Обычно считается, что цель «Записок» — оправдание действий Цезаря. Однако это можно сказать лишь о «Гражданской войне», но не о «Галльской войне»: гражданская война, действительно, была для римлян преступлением, но всякая удачная война с варварами считалась сама по себе славным делом и в оправдании не нуждалась. «Галльская война» — это самореклама, составленная накануне борьбы за власть и обращенная к современникам; «Гражданская война» — это самооправдание, написанное после захвата власти и обращенное к потомству. Это видно, в частности, из сравнения рассказов о поражениях Сабина (Bel. Gal., V, 24 сл.) и Курриона (Bel. Civ., II, 23 сл.): в первом случае Цезарь выгораживает лично себя и поэтому чернит Сабина, во втором — выгораживает свое дело и свою партию, и поэтому восхваляет Курриона.

По-прежнему вызывает разногласие датировка «Записок». Барвик подробно доказывает, что не только «Галльская война», но и «Гражданская война» писалась и издавалась постепенно, по книге в год; Рамбо и Коллинз придерживаются мнения о одновременном составлении каждого сочинения; Эджок⁶¹ полагает, что писались «Записки» постепенно, а изданы были сразу; Хаструн⁶² примыкает к предположению Радина и Галкина о том, что «Галльская война» была издана в три приема, к каждой из трех суппликаций в Риме. Популярную статью, безоговорочно восхваляющую Цезаря, написал Дж. Фунайоли⁶³. Специфически римское происхождение жанра *commentarius* доказывает Ф. Бёмер⁶⁴.

Любопытный спор по вопросу о личности Цезаря и об его месте в римской истории был начат на страницах «Historische Zeitschrift». Был ли Цезарь дальновидным реформатором государства, первым строителем империи, или он был только гениальным честолюбцем-авантюристом, стремившимся только к личному могуществу? Г. Штрасбургер⁶⁵ опубликовал статью, в которой доказывал, что для современников Цезарь был великим человеком, но не великим правителем; даже такие цезарианцы, как Требатий, Целий, Долабелла, Куррион и др., в глубине души сомневались в правоте его дела; в борьбе за власть Цезарем руководило не стремление к благу государства, а только оскорбленное достоинство («это не предтеча Августа, а потомок Курриона», стр. 257); административная деятельность Цезаря не выдерживает сравнения хотя бы с деятельностью Помпея на Востоке; и подлинным преобразователем государства явился не Цезарь, а Август. С возражениями Штрасбургеру выступил М. Гель-

⁶⁰ J. H. Collins, Propaganda, ethics and psychological Assumptions in Caesar's Writings, Frankfurt a. M., 1952 (дисс., литорг.; имеется в ФБОН).

⁶¹ F. E. Adcock, Caesar as man of letters, Cambr., 1956.

⁶² T. Hastrup, On the Date of Caesar's Commentaries on the Gallic War, «Classica et Mediaevalia», 18 (1957), стр. 59—74.

⁶³ G. Funaioli, Giulio Cesare scrittore, «Studi Romani», 5 (1957), стр. 136—150.

⁶⁴ E. Bömer, Der Commentarius: zur Vorgeschichte und literarischen Form der Schriften Caesars, «Hermes», 81 (1953), стр. 210—250.

⁶⁵ H. Strasburger, Caesar im Urteil der Zeitgenossen, HZ, 175 (1953), стр. 225—264.

пер⁶⁶. Он напоминает о деятельности Цезаря по выведению колоний и по созданию бюрократического аппарата; в понятии *salus imperii* он видит не пустой пропагандистский лозунг, а конкретное политическое содержание; наконец, Цезарь вовсе не стремился к монархии и готов был действовать в республиканских рамках, но политика противников вынудила его начать гражданскую войну и захватить власть. Современники с их оптиматской узостью кругозора не могли оценить Цезаря, но именно он «указал направление дальнейшего развития, соответствовавшее политическим возможностям, и большего нельзя требовать от политика» (стр. 469). К точке зрения Штраасбургера присоединился Дж. Коллинз⁶⁷, доказывая, что Цезарь был гений активности, но не имел цели и плана действий: «нельзя оправдать безоговорочное пренебрежение установленными и чтимыми формами, если нет доказательств, что Цезарь заранее представил себе будущую империю, где общее благо заменило бы старую игру в монеты и почести» (стр. 457). Коллинз делит деятельность Цезаря на два периода: до гражданской войны Цезарь ведет трезвую и разумную политику, после гражданской войны выступает как опыленный властью честолюбец. Причина такого перелома — чисто психологическая: соблазн неограниченного могущества, усиленный пагубным влиянием Клеопатры. Вывод: история Цезаря — «это история благородной, гениальной, исключительно одаренной природы, которую развратила абсолютная власть» (стр. 461). Противоположного взгляда придерживается Л. Парети⁶⁸. Он также выделяет два периода деятельности Цезаря — триумvirский и диктаторский, но оценивает их по-иному: Цезарь-триумvir был еще скван партийными предрассудками и ограничен программой популяров; Цезарь-диктатор сумел стать выше партий и классов, и это дает ему право считаться подлинно великим политиком, благодетелем Рима и мира. Парети приписывает Цезарю грандиозную программу преобразований: создание справедливого равновесия между сенатом, всадничеством и плебсом, постепенное распространение римского гражданства на всю империю, слияние латинизированного Запада с эллинизированным Востоком в одну «сверхнацию». На чем основаны эти домыслы Парети, остается неизвестным.

Абстрактность самой постановки вопроса очевидна, и поэтому бесплодность развернувшейся дискуссии вполне понятна. Невозможно понять место Цезаря в римской истории без анализа социальных основ его возвышения и могущества, а именно такой анализ отвергают перечисленные историки, подбирая вместо этого разрозненные доводы за и против Цезаря. Для всех них характерно представление о надклассовом характере власти Цезаря, наиболее открыто выраженное у Парети. По той же самой причине отличается крайней бессодержательностью ряд популярных статей, посвященных двухтысячелетней годовщине гибели Цезаря и составивших специальный юбилейный номер журнал «Greece and Rome»⁶⁹.

Рядом с этими умозрительными построениями особенно ценны разыскания Альфельди⁷⁰, основанные на изучении монет Цезаря. Порочность «идеологической тео-

⁶⁶ M. Gelzer, *Was Caesar ein Staatsmann?* HZ, 178 (1954), стр. 449—470.

⁶⁷ J. H. Collins, *Caesar and the Corruption of the Power*, *Historia*, 4 (1955), стр. 445—465.

⁶⁸ L. Pareti, *L'essenza della concezione politica di C. Giulio Cesare*, «Studi Romani», 5 (1956), стр. 129—142.

⁶⁹ «Greece and Rome», 4 (1957), № 1: J. M. C. Toynbee, *Portraits of Julius Caesar* (стр. 2—9); L. R. Taylor, *The Rise of Caesar* (стр. 10—18); J. P. V. D. Balsdon, *The Veracity of Caesar* (стр. 19—28); P. J. Cuff, *Caesar the Soldier* (стр. 28—35); A. H. Sherwin-WHITE, *Caesar the Imperialist* (стр. 36—45); R. Carson, *Caesar and the Monarchy* (стр. 46—53); R. E. Smith, *The Conspiracy and the Conspirators* (стр. 58—70). Другой коллективный сборник, изданный к юбилею Цезаря, *Cesare nel bimillenario della morte*, Torino, 1956 (при участии Гельпера, Тибилетти, Манильяно, Джонса, Ростанья, Феррабино и др.) был нам недоступен.

⁷⁰ A. Alföldi, *Studien über Caesars Monarchie*, *Kungl. humanistiska Vetenskapssamfundet i Lund — Årsberättelse*, 1952—1953, стр. 1—86.

рии» цезаризма, сторонником которой является Альфельди, уже отмечалась в нашем журнале; однако это не уменьшает важности установленных им фактов. В частности, Альфельди опубликовал уникальную монету Цезаря с изображением диадемы, поднесенной ему Антонием на луперкалиях. Расчет хронологической последовательности чеканок 44 г. позволяет яснее представить последние шаги Цезаря к монархии. До середины февраля 44 г. Цезарь на монетах именовался *DICT. QVART.* Монета с диадемой относится к середине февраля и имеет ту же надпись. После этого диктаторский титул временно исчезает, и на монетах второй половины февраля Цезарь называется только императором и понтификом. Наконец, с начала марта на монетах появляется титул *DICT. PERPETVO.* Пожизненная диктатура Цезаря была санкционирована сенатом еще осенью 45 г., но отсчет ее должен был вестись от момента истечения очередного года десятилетней диктатуры, т. е. с апреля 44 г. Иными словами, Цезарь не сразу откликнулся на постановление сената, но и не дождался, пока постановление вступит в силу. Причина заключается в том, что первоначально Цезарь надеялся достичь непосредственно царской власти, минуя пожизненное диктаторство. В январе-феврале он делает пробные шаги в этом направлении (овация на латинском празднике, диадема на статуе, царская багряница, выступление Антония на луперкалиях, монета с диадемой). По-видимому, эти попытки были недостаточно поддержаны народом: чтобы успокоить общественное мнение, Цезарь снимает с монет диктаторский титул. Лишь через две недели он возобновляет монархическую пропаганду, но уже в более мягкой форме: начинает именовать себя пожизненным диктатором. Это связано с подготовкой парфянского похода и с распространением слухов о царе, которому суждено сокрушить парфию.

Необходимо заметить, что хронология, которой придерживается Альфельди, спорна. А. Раубичек⁷¹, принимая в расчет календарную реформу Цезаря, сдвигает конец очередного года десятилетней диктатуры с апреля на середину февраля. Это еще лучше объясняет, почему именно в феврале Цезарь предпринимает первые шаги к царской власти. Кроме того, Раубичек на основании титулатуры надписей на статуях Цезаря в Греции утверждает, что вторая диктатура Цезаря была годичной и кончилась осенью 47 г., после чего Цезарь был только консулом до тех пор, пока в апреле 46 г., после Тапса, сенат не провозгласил его диктатором в третий раз; при этом в промежутке между провозглашением и прибытием в Рим Цезарь считался *dictator designatus*.

Временем Цезаря начинает Ф. Фиттинггоф свой очерк римской колонизации в эпоху империи⁷². Римская колонизация ставила задачей создать в провинциях слой населения, на который могла бы опираться римская власть. Для Цезаря это было вдобавок средством создания политической клиентелы и стратегического резерва: так, отец Помпея дал Цизальпинской Галлии латинское гражданство, а Цезарь, чтобы подорвать влияние Помпеев, — римское гражданство. Автор насчитывает четыре формы привилегированных поселений в провинциях: римские колонии и муниципии и латинские колонии и муниципии. Колонии — это города, куда выведены новые поселения граждан; муниципии — это города, которым даруется право гражданства без выведения новых поселений; с течением времени разница между колониями и муниципиями все более сглаживается. Цезарь основывал преимущественно колонии, Август — преимущественно муниципии; Цезарь выводил в колонии и ветеранов, и городских пролетариев, Август — только ветеранов. Именно благодаря этой колонизации количество римских граждан с 69 г. до н. э. по 14 г. н. э. возросло с 2,7 млн.

⁷¹ А. Е. Raubitschek, *Epigraphical Notes on Julius Caesar*, JRS, 44 (1954), стр. 65—75, резюме в *AJA*, 58 (1954), стр. 148. Ср. ВДИ, 1956, № 4, стр. 99.

⁷² Вышел только первый выпуск: F. Vittinghoff, *Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus*, Wiesbaden, 1952. Статья F. Hampl, *Zur römischen Kolonisation in der Zeit der Ausgehenden Republik*, «Rheinisches Museum», 95 (1952), стр. 52 сл. осталась нам недоступной.

до 14,8 млн. Автор дает подробный обзор положения и состояния римских поселений в отдельных провинциях.

Роль Брута в заговоре против Цезаря подчеркивает Р. Росс⁷³: он утверждает, что Брут был не пассивным орудием Цицерона (как считает, например, Каркопино), а сознательным организатором и вдохновителем заговора. К этому взгляду примыкает Болдсон⁷⁴: среди остальных заговорщиков с их личными обидами и притязаниями Брут был единственным принципиальным борцом против тирании, и без его участия заговор провалился бы, как проваливались все предшествующие покушения на Цезаря. Самая ценная часть статьи Болдсона — тщательный анализ всех обвинений Цезаря в стремлении к царской и божеской власти, показывающий, что в основном эти обвинения неосновательны и были сочинены заговорщиками *post factum* для самооправдания.

Изучение монет 43 г. позволило Альфельди⁷⁵ установить на них изображения Брута, Октавиана и (правда, не на монете, а на перстне) Кассия, а в изображении богини Победы предположить портретные черты Сервилии. Это показывает, что сенат к этому времени символизирует уже не великую государственную власть, а власть нескольких аристократических фамилий, главы которых считают себя вправе претендовать на монетные изображения. Эти изображения развились из изображений родовых предков: они представляют собою важный этап в эволюции от *imagines maiorum* к *sacra imago* императора.

Эпизод 44 г. — переписка Цицерона с Матием — подвергнут пересмотру в статье А. Хейса⁷⁶. По мнению автора, спор Цицерона и Матия идет не о том, что выше: личная дружба или общее благо, а о том, был ли Цезарь тираном или нет. Дело в том, что понятие *amicitia* для обоих спорящих было понятием политическим и требовало верности (*fides*) другу во всех его предприятиях вплоть до гражданской войны; но если друг становился тираном, этим он ставил себя вне всяких человеческих связей, и требования *amicitiae* теряли силу. Цицерон утверждал, что Цезарь тиран, Матий отрицал это: вопрос спора был не этический, а политический.

В заключение нужно упомянуть несколько статей, посвященных внешней политике Рима в эпоху гражданских войн. С. Уст⁷⁷ разбирает, каким требованиям старинного порядка объявления войны соответствовали действия сената при разрыве с Югуртой. А. Довнаде⁷⁸ локализует и реконструирует ход битвы при Аквах Секстиевых; он предполагает, что сторожевой лагерь Мария находился при устье Изеры, а не при устье Дюрансы. К. Фелькль⁷⁹ рассматривает тактику и роль Мария в битве при Верцеллах. Присоединение Кипра в 57 г. — предмет другой статьи С. Уста⁸⁰: автор считает, что посягательства римлян на Кипр объяснялись надеждой на крупную взятку со стороны Птолемея Кипрского, и подозревает, что поведение Катона на Кипре было

⁷³ R. F. Rossi, Bruto, Cicerone e la congiura contro Cesare, «Parola del passato», 8 (1953), № 28, стр. 26—47.

⁷⁴ J. P. V. D. Balsdon, The Ides of March, Historia., 7, (1958), стр. 80—94.

⁷⁵ A. Alföldi, Porträtkunst und Politik in 43 v. Chr., «Nederlands kunsthistorisch jaarboek», 5 (1954), стр. 151—172.

⁷⁶ A. Heuss, Cicero und Matus: zur Psychologie der revolutionären Situation in Rom, Historia, 5 (1956), стр. 53—73.

⁷⁷ S. J. Oost, The foetal Law and the Outbreak of the Jugurthine war, AJP, 75 (1954), стр. 147—159.

⁷⁸ A. Donnadiéu, La campagne de Marius dans la Gaule Narbonnaise (104—102 av J. C.): la bataille d'Aix — en Provence (Aquae Sextiae) et ses deux épisodes, «Revue des études anciennes», 56 (1954), стр. 281—296.

⁷⁹ K. Völkl, Zum taktischen Verlauf der Schlacht bei Vercellae, «Rheinisches Museum», 97 (1954), стр. 82—88.

⁸⁰ S. I. Oost, Cato Uticensis and the annexation of Cyprus, «Classical Philology», 50 (1955), стр. 98—112.

не совсем благовидным. Работа Шмиттхеннера об иллирийских войнах Октавиана 35—33 гг.⁸¹ относится, пожалуй, уже к истории принципата.

Таково состояние вопроса о римских гражданских войнах в современной буржуазной науке. Наибольшую ценность из перечисленных работ имеют, конечно, исследования нового эпиграфического и нумизматического материала, но их немного. Представляют интерес просопографические разработки отдельных темных эпизодов эпохи. Однако везде, где приходится подниматься от частных фактов к самой сущности явлений, буржуазная историография только лишним раз демонстрирует свое бессилие. Пожалуй, это лучше всего видно именно на примере изучения этого переломного периода римской истории.

М. Л. Гаспаров

⁸¹ W. Schmitthener, Octavians militärische Unternehmungen in den Jahren 35—33 v. Chr., *Historia*, 7 (1958), стр. 189—236.



К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА В. П. ВОЛГИНА

Редакция «Вестника древней истории» горячо приветствует и поздравляет академика Вячеслава Петровича Волгина с днем его восьмидесятилетия.

Вячеслав Петрович Волгин широко известен в нашей стране и за ее пределами как историк социалистических идей. Его многочисленные исследования посвящены изучению развития социалистической мысли, начиная с древнейших времен и вплоть до эпохи научного социализма. Труды В. П. Волгина свидетельствуют о широте его научных интересов, об универсальности его научной подготовки и знаний, и вместе с тем они всегда являются образцом конкретно-исторического анализа, покоящегося на прочной базе марксистско-ленинского учения об обществе.

Для нас, историков древнего мира, Вячеслав Петрович Волгин близок и дорог как исследователь зарождения социалистических идей в древности.

В его основных трудах: «Очерки по истории социализма» и «История социалистических идей» уделяется большое внимание развитию социалистической мысли в древности. Чрезвычайно важным и ценным является то обстоятельство, что в противовес вульгарным, модернизаторским трактовкам античного «коммунизма» и «социализма», имевшим широкое хождение в буржуазной науке, главным образом со времени выхода в свет пресловутой книги Пёльмана, В. П. Волгин доказывает, что эгалитарные теории древности не имели и не могли иметь ничего общего с идеями научного социализма. Весьма интересна и важна критика знаменитой концепции идеального государства Платона, а также так называемого «христианского коммунизма», широко и последовательно развернутая в этих трудах В. П. Волгина. Каждый историк античности, и в особенности тот, кто занимается изучением ее идеологического наследства, не может пройти мимо упомянутых выше работ академика В. П. Волгина, представляющих собой крупный вклад в советскую науку о древности.

Мы хотим пожелать Вячеславу Петровичу Волгину в день его восьмидесятилетия здоровья, бодрости и творческих сил для дальнейшей работы и обогащения нашей советской историографии новыми ценными исследованиями.

Х Р О Н И К А

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ И ИСТОРИИ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ СТРАН В ГРУЗИИ

Вопросы истории древнего Востока давно привлекали внимание грузинской общности. Уже в 1783 г. на грузинский язык была переведена книга Роллена «Древняя история»¹, в 1814 г. — книга того же автора «История Египта»², в 1818 г. — «География и история Ассирии»³. Историей древнего Востока всегда интересовались крупные общественные деятели Грузии. Начиная с 90-х годов прошлого века здесь побывали многие ученые из России и Европы. В Тбилиси побывал знаменитый русский ассириолог М. В. Никольский; неоднократно приезжал К. Ф. Леманн-Гаупт. В Тбилиси прочел лекцию о хеттах Б. Грозный, вопросами взаимосвязи грузин с древними народами занимались акад. Н. Я. Марр, акад. И. А. Джавахишвили, М. Г. Церетели и др. Но систематическая работа в области истории и языковедения древнего Востока началась лишь в Советской Грузии. В работе по развитию этой области грузинской науки принимали активное участие крупные ученые республики: акад. И. А. Джавахишвили, акад. С. Н. Джанашиа, чл.-корр. АН СССР Г. С. Ахвледиани, чл.-корр. АН СССР проф. А. Г. Шанидзе, чл.-корр. АН СССР Г. В. Церетели, проф. А. С. Чикобава, проф. А. И. Церетели, проф. Г. С. Читая и др.

Еще в 1928—1935 гг. были опубликованы общий курс проф. А. И. Церетели «Древний Восток», в 1936 г. статья акад. С. Н. Джанашиа «К вопросу истории и языка хеттов»⁴, в 1937 г. его же статья «Урарту»⁵, в 1937 г. — статьи проф. Л. Л. Меликсет-Бек «К скифской проблеме в связи с вопросом о саках, каспах, иберах»⁶ и статья акад. С. Н. Джанашиа «Древнейшее национальное известие о первоначальном расселении грузин в свете истории Ближнего Востока»⁷. В 1940 г. вышла в свет ценнейшая публикация Г. В. Церетели «Урартские памятники Музея Грузии», положившая начало развитию урартологии в Грузии, и в том же году — статья П. Н. Ушакова «Древнейшие народы Грузии и новые археологические открытия»⁸, в 1941 г. — статья чл.-корр. АН СССР А. Г. Шанидзе «Дашные греческо-пехлевиийской билингвы из Армаза для истории термина эзоисмодзвари в древнегрузинском»⁹ и работа

¹ Рукопись из фонда Гос. Музея Грузии — II № 2208, S 204, S 1530.

² Там же — II № 385.

³ Рукопись из фонда Гос. Музея Грузии — II № 388, 1004, 2171.

⁴ В газете «Коммунист», 1936, № 294 (на груз. яз.).

⁵ Журнал «Коммунистическое воспитание», 1937, № 10, стр. 1—13 (на груз. яз.); «Груды С. Н. Джанашиа», т. II, стр. 1—13.

⁶ «Материалы для истории Грузии и Кавказа», Тбилиси, стр. 519—548.

⁷ «Груды», т. II, (1952), стр. 21—101.

⁸ «Бюллетень Гос. музея Грузии», X (1940), стр. 9—27.

⁹ «Сообщения АН ГССР», II (1941), № 1—2, стр. 181—187 (на груз. и русск. яз.).

Г. В. Церетели «Армзская билингва»¹⁰, в 1943 г.— статья чл.-корр. АН СССР Г. С. Ахвледиани «К вопросу об идентификации народа мабуа ахеменидских клинописей»¹¹. В «Вестнике Музея Грузии» был опубликован ряд работ действительного члена АН СССР Б. А. Куфтина¹². В 1945 г. были опубликованы тезисы доклада М. К. Андроникашвили «К этимологии некоторых грузинских слов иранского происхождения»¹³.

Многие вопросы истории древнего Востока рассматриваются в работе академика И. А. Джавахишвили «Введение в историю грузинского народа, кн. I, Историко-этнографические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока» (Тбилиси, 1950, на груз. яз.). В первой главе автор рассматривает вопросы расселения и языков шумеров, гуров, хеттов, лувийцев, протохеттов и мушков, во второй и третьей главах — вопрос о древнейшем населении Закавказья с этногенетической и лингвистической точки зрения. Четвертая, пятая и шестая главы посвящены происхождению скифов и сарматов и теологии древней Грузии. Завершается книга исследованием на русском языке — «Основные историко-этнографические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшего периода» (стр. 227—252)¹⁴.

Большую работу по созданию ряда отраслей изучения истории и языков древнего Востока развернули чл.-корр. АН СССР Г. В. Церетели, акад. С. П. Джанашиа, чл.-корр. АН СССР Г. С. Ахвледиани. Под их руководством выросли и новые кадры специалистов: урартолог и ассириолог лауреат Ленинской премии Г. А. Меликишвили, специалист в области арамейского и древнееврейского языков К. Г. Церетели, арабист А. С. Лекиашвили, специалист по индо-иранским языкам М. К. Андроникашвили. В Тбилисском университете на факультетах востоковедения, филологическом и историческом читают курсы по древневосточным языкам и истории древнего Востока профессора Г. В. Церетели, Г. С. Ахвледиани, Г. А. Меликишвили, доктор филологии К. Г. Церетели, доценты М. Д. Бердзепишвили, М. К. Андроникашвили и другие.

В послевоенный период наблюдается новый подъем исследовательской работы в области древневосточных языков и истории, которая ведется на кафедрах Тбилисского университета, в Институтах языкознания и истории Грузинской Академии наук, в Музее Грузии.

Г. В. Церетели публикует статьи «По поводу „некоторых неразъясненных случаев древней иностранной этно- и топонимии Грузии“»¹⁵, «Эпиграфические находки в Мцхета» (ВДИ, 1948, № 2, стр. 48—57), «Новооткрытая еврейская надпись из Мцхета» (ИИЯИМК СССР, XIII, стр. 243—258), «Армзское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита» (ЭВ, II, 1948, стр. 90—101; III, 1949, стр. 53—71). К. Г. Церетели прочел доклад «Значение изучения современных арамейских диалектов для истории арамейского языка»¹⁶. М. А. Шанидзе публикует работу «К вопросу о существовании заднеязычных спирантов в древнееврейском»¹⁷. Опираясь на сравнитель-

¹⁰ Г. В. Церетели, Армзская билингва. Двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета-Армази, Тбилиси, 1941 = ИИЯИМК, XII (1942), стр. 1—83 (на груз., русск. и англ. яз.).

¹¹ «Сообщения АН СССР», IV (1943), № 5, стр. 483—489 (на груз. и русск. яз.).

¹² Б. А. Куфтин, О некоторых неразъясненных случаях древней иностранной этно- и топонимии Грузии, «Сообщения АН СССР», X (1949), № 5, стр. 315—321; о н ж е, К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии, «Вестник Музея Грузии», т. XIII В, стр. 291—410; о н ж е, Урартский «Колумбарит» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит, там же, стр. 1—171.

¹³ II научная сессия Института языкознания АН СССР, 1945 (на груз. яз.).

¹⁴ В дальнейшем мы будем давать аннотации лишь на работы, опубликованные на грузинском языке.

¹⁵ «Сообщения АН СССР», X (1949), № 6, стр. 377—384.

¹⁶ III(IX) научная сессия Института языкознания АН СССР, 1952.

¹⁷ ТИЯ, I (1954), стр. 43—72 (на груз. яз.).

ный анализ корпей угаритского языка, автор доказывает, что в угаритском и древнееврейском существовали заднеязычные спиранты *g* и *h*. В статье «Случаи передачи древнееврейского алфавита в грузинских рукописях Ветхого завета»¹⁸ тот же автор исследует случаи передачи в некоторых грузинских списках различных книг Библии алфавита семитского происхождения грузинскими буквами.

Особенно много трудов издают грузинские ученые в области урартологии. Целую серию работ по урартологии публикует, начиная с 1946 г., Г. А. Меликишвили. В «Сообщениях ГССР» на груз. и русск. языках публикуются его статьи: «Центры культов верховных божеств урартийцев» (VII, 1946, № 6), «Клинообразная надпись Русы II из Адилджеваза» (XI, 1950, № 10) и «Фрагмент надписи из Адилджеваза» (XII, 1952, № 2), «К интерпретации надписи Мхер-Капуси» (XIV, 1953, № 3). В сборнике «Авалеби» (Анналы) АН ГССР (1947) опубликована статья Г. А. Меликишвили «Древнейший очаг урартских племен», ряд статей его издан в журнале «*Мимомтилле*»: «Древнейшее царство на территории южной Грузии» (II, 1950, на груз. яз., рез. на русск. яз.), «Некоторые вопросы стиля победных и строительных надписей урартских царей» (I, 1949, на груз. яз.), «Народ лулубли и страна Замуа» (III, 1953, на груз. яз.; рез. на русск. яз.), «К вопросу этнического состава кашкийцев» (II, на груз. яз., рез. на русск. яз.) и многочисленные статьи на страницах ВДИ, которые здесь нет нужды перечислять¹⁹. В 1952 г. выходит на груз. яз. научно-популярный очерк Г. А. Меликишвили «Урарту»²⁰, в 1953—1954 гг. в «Вестнике древней истории» был опубликован составленный Г. А. Меликишвили корпус и грамматика урартских надписей, в 1954 г. в Тбилиси — его монография «Наири — Урарту». За эти две фундаментальные работы автору была присуждена Ленинская премия. В. А. Гвахария пишет работу «О термине *patari* в урартском»²¹, в которой приходит к выводу, что, поскольку этот термин заменяет в некоторых урартских надписях ассирийскую идеограмму *ĀLU*, а также на основании иных данных, этот термин следует понимать как «крепость», «акрополь». Кандидатская диссертация того же автора посвящена взаимоотношениям ассирийских и урартских идеограмм и детерминативов²². Две работы по урартологии опубликовал Т. В. Гамкрелидзе: «К вопросу о склонении имен в урартском языке»²³ и «К некоторым вопросам грамматической структуры урартского языка» (ВДИ, 1956, № 3, стр. 49—61). Работа А. А. Барамидзе «К вопросу о датировке проникновения киммерийцев в Переднюю Азию»²⁴ посвящена последним годам Урартского государства. На близкую тему написана кандидатская диссертация того же автора «Из истории ассиро-урартских взаимоотношений в последней четверти VIII в. до н. э.» (1954).

Ряд работ грузинских ученых посвящен языкам и истории древнего Двуречья, Ирана и Хеттского царства. Вопросы топонимики исследуются в статье М. К. Андроникашвили «Иранские племенные и географические названия в древнегрузинских исторических памятниках V—XIII вв.»²⁵. В другой работе — «Из ирано-грузинских взаимоотношений»²⁶ тот же автор исследует те изменения, которым подверглись иранские заимствования в грузинском. Кандидатская диссертация Г. Л. Нахуришвили посвящена вопросу о бахуврихи в индо-иранских языках (1953). В. А. Гвахария в статье «Шестиричная и десятиричная системы счета в некоторых письменностях

¹⁸ ТИЯ, II (1957), стр. 157—175 (на груз. яз.).

¹⁹ См. ВДИ, 1947, № 4; 1948, № 2; 1949, № 1; 1950, № 4; 1951, № 4; 1953, № 1.

²⁰ См. рец. И. М. Дьяконова, ВДИ, 1954, № 3, стр. 85—94.

²¹ «V научная сессия Института языкознания АН ГССР», 1954 (тезисы на груз. и русск. яз.).

²² В. А. Гвахария, Взаимоотношения между ассирийскими и урартскими идеограммами и детерминативами, Автореферат, Тбилиси, 1954.

²³ ТИЯ, I (1954), стр. 99—118 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

²⁴ «Сообщения АН ГССР», XVI (1955), № 8, стр. 647—654.

²⁵ ТИЯ, I, стр. 11—42.

²⁶ ТИЯ, II (1957), стр. 185—207.

народов Передней Азии»²⁷ предполагает, что этим системам предшествовала тройная система счета, а в статье «Шумерско-ассирийская билингва „Гимн о происхождении человека“»²⁸ дает комментированный перевод этого памятника²⁹. Языкам и истории Хеттского царства посвящены работы Т. В. Гамкрелидзе «О некоторых неиндоевропейских элементах в клинописном хеттском (неситском) языке»³⁰, «Местоимения *so, *sa, *tod** и „индо-хеттская“ гипотеза Э. Стертеванта»³¹, «„Хеттские языки“ и вопрос о переселении в Малую Азию индо-европейских племен»³². Рабовладению в Хеттском государстве посвящена кандидатская диссертация Э. А. Менабде³³. З. И. Шарашенидзе написала работу «Из истории племен нагорного Загра» (1956), Г. Г. Георгадзе — «Из истории племен, проживавших к северу и северо-востоку от Хеттского государства Кашки» (1956), О. В. Цитишвили — «Из истории хурритского общества по материалам архива Нузи» (1956).

Ныне в Институте языкознания и в Институте истории АНГССР ведется большая работа с участием молодых кадров для дальнейшего изучения языков и истории древневосточных стран и по исследовательским планам разрабатываются основные проблемы о взаимосвязи истории культуры и языка Грузии со странами древнего Востока³⁴.

В. Г.

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА АССИРИОЛОГОВ

23—26 июня 1958 г. в Париже происходила VII Международная встреча ассириологов. Помимо основной задачи — взаимного ознакомления специалистов с новейшими открытиями в области археологии, филологии и истории древней Передней Азии — встреча была также посвящена разработке проблем изучения древнейшего эпоса мира — поэмы о Гильгамеше. Во встрече ассириологов приняло участие свыше 80 ученых из Австрии, Бельгии, Великобритании, ГДР, Канады, Нидерландов, СССР, США, Турции, ФРГ, Франции, Чехословакии, Швейцарии и Югославии¹.

Сессию открыл от имени Группы им. Ф. Тюро-Данжена Ж. Доссе (Бельгия — Франция).

На утреннем заседании 23 июня, происходившем под председательством Ф. М. Т. де-Лягра Бёля (Голландия), проф. Х. Ленцен (ФРГ) прочел доклад о последних результатах раскопок в Уруке (Варке). Здесь закончены раскопки своеобразного сооружения, которое первоначально принималось исследователями за царскую гробницу. Это сооружение содержало большое количество ценного инвентаря, оружия, мебели и т. д., однако установлено, что оно не заключало погребения. По завершении строительства сооружения вещи были прикрыты плетеными матами, асфальтом и засыпаны землей. Рядом с этим сооружением был раскопан несколько более поздний храм. Храм имел обычный шумерский план с добавлением помещения, выложенного асфальтом по известняку, — по-видимому, для хранения воды.

²⁷ ТИЯ, II, стр. 9—31 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

²⁸ «Сабчота Хельнеба», 1956, № 3, стр. 38—42 (на груз. яз.).

²⁹ Текст издан E. E b e l i n g, Keilschrifttexte aus Assur religiosen Inhalts, III, вып. 4.

³⁰ «Сообщения АН ГССР», XVII (1956), № 5, стр. 463—470 (на русск. и груз. яз.). См. также автореферат кандидатской диссертации Т. В. Гамкрелидзе под тем же названием (Тбилиси, 1956, на русск. яз.).

³¹ Там же, XVIII (1957), № 2, стр. 241—245 (на русск. и груз. яз.).

³² ТИЯ, II, стр. 35—55 (на русск. яз.).

³³ Э. А. М е н а б д е, Некоторые вопросы развития института рабства в хеттском государстве (на русск. яз.), Тбилиси, 1956.

³⁴ Итоги этой работы вкратце были доложены Г. В. Церетели на Всесоюзной сессии востоковедов 1957 г. в Ташкенте; дополнительно см. А. С. Чикобава, Г. В. Церетели и В. М. Беридзе, ВЯ, 1952, № 2, стр. 138—151.

¹ Отчет составлен по живой записи.

В период Джемдет-Наср храм был выделен из священного участка Эанны. Просуществовал он недолго. Лишь в раннединастический период этот участок был опять включен в ограду. Стены храма в нижней части были украшены каменной штифтовой мозаикой. Можно предполагать, что и стены других древних шумерских построек, украшавшиеся штифтовой мозаикой, покрывались ею не до верху, в противоположность ранее делавшимся реконструкциям.

В юго-восточной части городища древние слои нарушены, так как здесь добывали материал для строительства кирпично-обжигательных печей в сасанидское время. Найдены пововавилонские погребения в двойных сосудах, остатки строений неясного назначения, много таблеток, начиная от периода Урук IV до современных «архиву в Фаре». В текстах обнаружены новые имена царей Урука, упоминается поход или путешествие на Ливан начала III тысячелетия до н. э. Найдена алебастровая статуэтка конца III — начала II тысячелетия до н. э., погребенная в селевкидское время по нововавилонскому обряду (в двух сосудах), причем для погребения были использованы разновременные материалы, восходящие к периодам от Джемдет-Насра до селевкидского.

Обнаружены гончарные печи; их группировка показывает, что мы имеем дело не с отдельными ремесленниками, а с крупной мастерской; найдены также остатки большой литейной мастерской. В одном из сооружений начала III тысячелетия (?) были обнаружены следы обряда (?) сожжения тростниковых связок; здесь же найдены крупные цилиндрические печати, золотой (электровый) слиток весом в 1 кг и статуэтка из цветного мрамора (голова ее утеряна).

За пределами городища раскопано два курганных погребения — единственные пока известные в Двуречье. Первый курган был окружен стеной 46 м в окружности. В самом кургане — четыре урны с пеплом, железные и золотые изделия, золотой венчик, изображающий оливковые ветви. Ориентировка камеры — с востока на запад. Второй курган имел круговую стену в 50 м, заполнение иное, чем в первом случае. В погребальной камере — кирпичное ложе с четырьмя ножками для балдахина (?) или светильниками (?), на ложе — скелет рослого человека в золотом венке. Инвентарь датируется предположительно II в. до н. э. Тексты подтверждают, что в это время в Уруке была греческая колония, члены которой могли свободно распорядиться землями.

Э. С о л л ь б е р ж е (Швейцария) рассказал о новонайденном документе из Уммы, сообщающем о войне и условиях мира между этим государством и Лагашем. Начало текста утеряно. В тексте указаны лишь границы и расстояния между ее важнейшими точками. Ряд упоминаемых местностей известен также по текстам из Лагаша и Адаба. Общая протяженность границы — около 40—45 км. Выступивший в прениях И. М. Д ь я к о н о в (СССР) указал, что, поскольку расстояние от Лагаша до морского берега составляло, по мнению большинства исследователей, также около 45 км, то это значит, что общая площадь Лагашского государства имела от 1000 до 2000 км², что значительно превышает общую площадь храмовых хозяйств Лагаша, принимаемую А. Даймелем (до 300 км²) и самим И. М. Дьяконовым (около 600 км²); это указывает на наличие в Лагаше обширных нехрамовых земель.

Вечернее заседание открылось под председательством А. Г ё т т е (США). Д. О. Э д ц а р д (Австрия) рассказал об архаической надписи, хранящейся в Багдадском музее: Me-bārag-si / lugal / [K]iši... Автор считает, что это надпись современника Гильгамеша (ср. текст SLT, Ni77), отца известного по эпосу Аки, царя Киша, названного в царском списке En-me-bāra(g)-ge-si; слово en, прибавляемое в начале ряда царских имен этого времени, — лишнее с точки зрения перевода того предложения, которое составляет само имя (как известно, шумерские имена представляют собой целые предложения), — Эдцард считает титулом правителя. Палеографически надпись старше надписей Месипима. В прениях выступили Ф. К р а у с (Голландия) и Э. С о л л ь б е р ж е.

У. Л э м б е р т (Канада) прочел доклад об упоминаниях Гильгамеша в текстах не литературного содержания. Приводя обильный материал, докладчик пришел к следующим выводам: 1) Гильгамеш был реально существовавшим правителем Урука;

2) у нас имеются подлинные источники, относящиеся ко времени его правления; 3) у нас пока не имеется никаких достоверных сведений о событиях его правления. Впервые он упоминается как бог в списке божеств. В прениях выступили М. Маллован (Англия), Ж.-Р. Кюппер (Бельгия) и А. Гётце (США). Последний привел текст перечня богов из Нишпура, где Гильгамеш назван покровителем должностных лиц еп (вождей-жрецов).

Затем У. Лэмберт прочел доклад отсутствовавшего С. Н. Крамера (США) «Новые шумерские данные о Гильгамеше». Автору удалось обнаружить в Иене новый фрагмент текста об истории святилища Туммаль в Нишпуре. Согласно этому тексту, Нишпур был построен царем Эмбарагеси, а Туммаль был приведен в цветущее состояние Акой. Затем Туммаль разрушился и был восстановлен Месанепадой, царем I династии Ура, а приведен в цветущее состояние Мескиагнуной. Затем Туммаль вторично разрушился и был восстановлен Гильгамешем и приведен в цветущее состояние его сыном Ур-Нунгалем. Далее в качестве строителей Туммали названы Нанна (обычно отождествлявшийся с Аанепадой, сыном Месанепады), Ур-Намму, Шульги, Амар-Син и Ибби-Син (III династия Ура) и, наконец, Ишби-Эрра (династия Исина, начало II тысячелетия до н. э.). По мнению С. Н. Крамера, этот текст с несомненностью доказывает, что Гильгамеш был современником I династии Ура. В докладе Крамера содержались также данные о новых фрагментах шумерских эпических песен «Гильгамеш и страна живых», «Гильгамеш и преисподняя» и «Смерть Гильгамеша». В прениях выступили А. Фалькенштейн и другие участники встречи, которые отметили, между прочим, что «История Туммали» — текст относительно поздний (времени начала II тысячелетия) и поэтому не может служить опровержением ряда других данных, указывающих на то, что Гильгамеш и его I династия Урука предшествовали I династии Ура. П. М. Дьяконов обратил внимание на тексты WTF-98 и 101, показывающие, что Шуруппак времени «архива Фары» входил в крупное военное объединение, возглавляемое Уруком, которое можно отождествить с I династией Урука.

О. Гэрни (Англия) ознакомил участников встречи с поздним текстом из Султан-тепе — «Письмо Гильгамеша к царю Аш(?)ранунны». Гильгамеш, названный здесь царем Ура и уроженцем Кулаба, любимцем Мардука, требует от своего адресата странной и непомерной дани (пятнистых лошадей, амулетов, железа, олова и т. п.). Гэрни склонен датировать текст I тысячелетием до н. э. Выступивший в прениях Ф. Краус указал на связь этого текста с текстом о «Нишпурских бедняках», найденным также в Султан-тепе: оба текста, по-видимому, юмористические.

Л. Матоуш (Чехословакия) прочел доклад о соотношении между шумерскими и аккадскими версиями эпических песен о Гильгамеше. Докладчик считает, что имеется не пять, а только три шумерские поэмы о Гильгамеше: 1) «Гильгамеш и Ака», 2) «Гильгамеш и преисподняя», включая и так называемую «версию В» поэмы «Смерти Гильгамеша», которая в действительности является отрывком о похоронах Энкиду, 3) «Гильгамеш и страна живых» — о походе на Хумбабу. В этой поэме «страну живых не следует отождествлять с островом Дильмун. Составление этой поэмы автор относит ко времени Саргона Древнего; на это указывает значение, которое здесь придается культу солнечного божества, характерного именно для этого времени, и влияние образа завоевателя Запада — Саргона на образ Гильгамеша, прослеживаемое в данной поэме. Выступивший в прениях Ф. М. Т. Бель указал, что опубликованный недавно Ван Дейком фрагмент так называемой поэмы «Смерть Гильгамеша» показывает, что вся эта поэма является продолжением поэмы о походе на Хумбабу.

Х. Оттен (ГДР) сделал доклад о фрагментах хеттской поэмы о Гильгамеше в связи с вопросом о характере эпической традиции у хеттов. Текст относится к XIV в. до н. э. Новый фрагмент, опубликованный в КВо, VIII, 108, позволяет до известной степени восстановить первоначальный состав хурритской версии эпоса. Сохранившийся отрывок из X таблицы совпадает с хеттским вариантом; IV таблица хурритского эпоса была посвящена Хуваве (по мнению А. Унгнада, которое докладчик не разделяет, у хурритов героем эпоса был не Гильгамеш, а Хувава). Эта таблица соответ-

стствует V таблице вавилонской версии, откуда вытекает, что начальная часть поэмы была изложена значительно короче, чем по-аккадски. Богиня Сидурри названа в тексте 2-го столбца X таблицы «Нахмазули», упомянут хурритский бог-громовник (^dIM Kummiša) и бог Эа. В 1 столбце речь идет о болезни Энкиду и о проклятии блуднице (?) (šidurriwa ašteniwa). Хеттский текст найден совсем в другом месте, чем хурритский. Сейчас обнаружен фрагмент еще одной копии того же текста. Сохранившиеся фрагменты могут быть расположены следующим образом: I таблица, лицевая сторона, 1 столбец: Создание героя. Роль Шамаша. Боги приказывают одной из богинь создать [Энкиду]. Мотивировка этого действия — жалоба жителей Урука на Гильгамеша — в хеттской версии отсутствовала. Следует лакуна, где должно было рассказываться о жизни Энкиду среди зверей, затем фрагмент с жалобой охотника на Энкиду вплоть до поисков блудницы, которая должна соблазнить этого героя. Сюда же относится маленький фрагмент 2-го столбца, который Фридрих ошибочно отнес к 3-му столбцу. От оборотной стороны сохранился в новой копии фрагмент 2-го столбца оборота, являющийся по тексту дубликатом фрагмента низа 1-го столбца оборота ранее известной копии (этот фрагмент до сих пор относили к лицевой стороне). Здесь речь идет о вмешательстве бога солнца в борьбу героев с Хувавой. К этому же эпизоду относится и еще один фрагмент, связанный с Хувавой, относящийся к началу следующей таблицы. Таким образом, в хеттской версии эпизод с Хувавой (Хумбабой) начинался уже в I таблице поэмы. Отсюда видно, что в хеттской версии было выброшено все, связанное с местными условиями Урука (жалоба жителей, одиночество Гильгамеша и Энкиду на улицах Урука, разговоры с советом старейшин, а также задерживающие действие моменты и т. п.). Отсутствовало также и вступление (как и в старовавилонской версии). Напротив, эпизод борьбы с Хувавой занимал центральное место и, возможно, как и в хурритской версии (через посредство которой хетты, быть может, и познакомились с поэмой), этот эпизод был даже расширен по сравнению с аккадским прототипом.

На утреннем заседании 24 июня председательствовал Х. Л е н ц е ц (ФРГ). Был прочтен доклад отсутствовавшего К. Б и т т л я (Турция — ФРГ) о новых раскопках в Богазкее. Установлена единая система планировки жилых кварталов в старом городе. Строительство было одноэтажным. Установлены археологические синхронизмы: Кюльтепе 1^а (слои ассирийской колонии) = Богазкей IV; Богазкей III соответствует Древнехеттскому царству. Слой Богазкей II относится к XV в. до н. э. В слое Богазкей 1^а найдена глиняная булла с двуязычной (аккадской и хеттской пероглифической) печатью царя Тутхалии; в надписи он назван «дарем множеств» (šar kiššati) — титул, ранее для хеттских царей не засвидетельствованный и связанный, вероятно, с противопоставлением хеттской власти ассирийским претензиям в Северной Месопотамии. В одном из помещений у крепостной стены найден новый архив, по характеру аналогичный известному ранее. В числе текстов следует назвать библиотечный каталог и интересную аккадско-хеттскую билингву Хаттусили I (хеттский и аккадский текст — на отдельных таблицах). У ворот крепостной стены найдена грандиозная скульптура фригийского времени, изображающая богиню в длинной юбке, с обнаженной верхней частью торса и в высоком головном уборе. У ног богини — две маленькие фигурки музыкантов: один играет на лире, другой — на двойной флейте; у последнего на губах повязка.

А. Г ё т ц е (США) доложил о новых раскопках в Ниппуре. Раскапывался храм парфянского времени; ниже были расположены храмы более ранних периодов. Слои II и начала I тысячелетий были снесены при более позднем строительстве, но найдена надпись Асархаддона (VII в. до н. э.). Отчасти сохранились храм времени III династии Ура и храм III раннединастического периода; открыта надпись, восходящая ко II раннединастическому периоду. В слоях III династии Ура найдены литературные тексты в копиях этого периода (конец III тысячелетия до н. э.). В прениях выступили Э. П о р а д а (Австрия — США), Р. М. Г и р ш м а н (Франция), М. М а л л о в а н (Англия) и Х. Л е н ц е ц (ФРГ). Последний заметил, что наиболее поздний из храмов следует, по-видимому, датировать не парфянским, а селевкидским временем. Найденные в нем парфянские монеты доказывают лишь, что он продолжал жить и позднее.

И. М. Дьяконов (СССР) прочел доклад «Урартские царские и другие официальные письма из Кармир-блур». Автор сообщил, что в настоящее время известно девять целых и фрагментированных писем из Кармир-блур, причем часть из них может уже сейчас быть интерпретирована с некоторой долей уверенности. Среди них имеется одно письмо от имени царя Сардури III, одно письмо от высшего сановника, выступающего от имени неназванного царя; в остальных письмах отправители — крупные урартские вельможи (в некоторых случаях отправитель неизвестен). Письма политического содержания адресуются начальнику области, письма хозяйственного и административного содержания — высшим представителям царского хозяйства в Теишебани. Имеется целый ряд терминов социального и должностного характера. Письма касаются как мероприятий хозяйственного и государственного значения, так и личных вопросов лиц, занятых в царском хозяйстве. Установлен формуляр писем, аналогичный формуляру, известному во II тысячелетии до н. э. Урартская скоропись имеет иное происхождение, чем урартское эпиграфическое письмо, восходящее к ассирийской клинописи X—IX вв. до н. э. Хотя орфография писем идентична орфографии папирусов, но формы знаков значительно более архаичны и восходят к аккадско-хеттской системе II тысячелетия до н. э. Характерно наличие словоразделителя, так же как в Угарите и в древнеперсидской клинописи. По докладу выступили А. Гётце, П. Хьюлин и Ф. Краус. А. Гётце отметил, что советские исследования в области урартоведения подняли эту науку на новую, более высокую ступень.

На вечернем заседании председательствовал А. Фалькенштейн (ФРГ). Доклад Ж.-Р. Кюниера (Бельгия) был посвящен истории аккадской версии эпоса о Гильгамеше. Состав известных нам версий следующий: 1) ниневийская версия, около 1500 строк; 2) старовавилонская версия — 460 строк; 3) отрывок из Гасура, 25 строк; 4) три нововавилонских фрагмента, изданные Хейделем и Фалькенштейном, текст, по-видимому, приблизительно совпадает с ниневийской версией (начало IV песни и второй столбец V песни); 5) аккадская версия из Богазкея (50 строк) и Мегиддо (40 строк), соответствуют V—VI песням ниневийской версии, но, с одной стороны, текст более пространный, с другой — отсутствует ответ Гильгамеша на речь Энкиду и имеются другие расхождения; 6) фрагменты из Султан-тепе относятся к ниневийской версии, но текст хуже: экземпляр ученический, а не библиотечный; 7) фрагмент из Ашшура, изданный Эбелингом (начало VI песни), полностью совпадает с ниневийской версией, но несколько строк переставлено местами. Таким образом, материал для сравнения, который позволял бы судить о характере изменений текста в течение веков, велик; в значительной мере мелкие фрагменты других версий падают на лакуны ниневийского текста. По-видимому, имеются три важнейшие версии: старовавилонская, периферийная и ниневийская. После ниневийской наилучше сохранилась старовавилонская. К ней относятся четыре фрагмента (не считая фрагмента из Тель-Хармалия, изданного в журнале «Сумер», и некоторых неизданных отрывков): «пешинильванская» и «изильская» таблицы, относящиеся к одному и тому же экземпляру текста (этот экземпляр имел 6 столбцов; в первой таблице — 240 строк, соответствующих II песне, во второй 248 строк, соответствующих III песне ниневийской версии), «берлинская» таблица (писана в четыре столбца — 180 строк, не сохранившихся в ниневийской версии) и таблица Бауэра (писана в один столбец, текст V песни, также не сохранившийся в ниневийской редакции). Можно отметить следующие различия между старовавилонской и ниневийской редакциями: разное деление на песни; в ниневийской версии к Шамашу обращается с молитвой мать Гильгамеша, в старовавилонской — сам Гильгамеш; разговор Гильгамеша с Сидури о смысле жизни опущен в ниневийской версии; зато в старовавилонской отсутствует мотив постепенного пробуждения человеческого сознания в Энкиду под влиянием любви к блуднице. В целом старовавилонская версия — это особая, независимая редакция поэмы.

Доклад Дж. Киппнер-Уильсона (Англия) был посвящен установлению порядка эпизодов в IV и V песнях (пять фрагментов ниневийской редакции, аккадский фрагмент из Богазкея, два фрагмента из Урука, фрагмент Бауэра из Ишчалы). Нет особого персонажа «страж кедрового леса» — речь идет о самом Хумбабе. Текст

К 8591 — не оборот, как думал Р. Кэмпбелл Томсон, а лицевая сторона: это не 5-й и 6-й столбцы IV песни, а 1-й и 2-й столбцы V песни. Правильный порядок был предложен Мувицкелем в 1914 г. и окончательно установлен в датском переводе поэмы О. Э. Равном. Первый отрывок: Гильгамеш и Энкиду у подножия горы, но не у леса; лишь 16 строк спустя они достигают зоны древесной растительности («зеленой горы») и любят лесом, видят тропу, проложенную Хумбабой. Следует лакуна: по тропе герои достигли жилища Хумбабы. Далее следует отрывок, который ранее относили к IV песне: первая встреча с противником («стражем леса»); упоминается «7 блесков ужаса» (7 pulḫiātīm, шум. 7 túg gú-è-meš) «облачений (блеска), исходящих из шеи». Следует отрывок К 3252 (начало схватки героев с Хумбабой). В богазкейской версии речь шла о семи ветрах, посланных па помощьгерою, но в виневийской версии этого эпизода, возможно, не было. Хумбаба «не может (ulili) двигаться ни вперед, ни назад». Следует фрагмент Бауэра. Хумбаба потерял «блески» (melamṫū), Гильгамеш предлагает их разыскать, пока не стемнело, но Энкиду советует сначала убить Хумбабу. Гильгамеш соглашается, что они смогут пайти melamṫū потом. Хумбаба убит, герои рубят кедры. Остается еще большая лакуна на обороте V таблицы. В связи со своей реконструкцией текста, докладчик предложил новый перевод отрывка из шумерской поэмы «Гильгамеш и страна живых»: «первое из его облачений Гильгамеш раскрыл (вариант „развесил“). Пока сыновья его города отрезали с него розетки (ra), наемники (ka-ba-an-sir-ge-ne) стали засыпать у подножья горы (потому что стало темнеть). Когда он закончил (расстилать) седьмое облачение, в его помещении (совсем) погас (весь свет)». По докладу выступили А. Гётце и А. Фалькенштейн. Последний выразил свое несогласие с предложенным переводом шумерского отрывка, так как ра не «розетки», а «ветки», ka-ba-an-sir-ge-ne — скорее глагольная форма, и, кроме того, деление на предложения не совпадает с делением на строки, что нехарактерно для шумерской поэзии.

Д. Дж. Уайзмэн (Англия) сообщил, что в Британском музее обнаружено восемь новых фрагментов эпоса нововавилонского времени, дающих всего 60 строк. Они относятся: 1) к описанию кедрового леса, 2) к рубке кедра на горе, 3) к речи Гильгамеша, обращенной к Ут-напшти в конце X песни, 4) к XII песне.

Р. Франкена (Голландия) сделал сообщение о реконструкции ашшурской версии VI песни поэмы о Гильгамеше (фрагменты KAR 115 + A; 122+A; 124+A; 135).

А. Гётце (США) рассказал о фрагменте клинописной таблички из Мегиццо, содержащей отрывок из эпоса Гильгамеша. На табличке было по крайней мере четыре столбца. Сохранялась часть одного столбца на лицевой стороне и на обороте. Текст близок виневийской версии (относится к сну и болезни Энкиду — VII песня) и подтверждает соображения Мувицкеля, высказанные в ZA, XXX, стр. 243—276. Гильгамеш назван ^dGIM. Палеографически письмо близко к амарьскому, но старше. Выступившие по докладу Д. Дж. Уайзмэн (Англия) и Ж. Нугейроль (Франция) отметили близость пошиба таблички к текстам из Мари и Алаха.

Утреннее заседание 25 июня открылось под председательством Х. Боссерта (Турция). Доклад Х. Оттеля (ГДР) был посвящен новонайденной билингве Хаттусили I. Имеются три текста: один аккадский и два несколько расходящихся хеттских. Характерные расхождения версий — 1) акк.: LUGAL GAL Ta-ba-ar-na i-na URUKU^U-BABBAR-ti LUGAL-ut-ta i-te-pu-uš ša ^tTa-w-[a-an-na-an-na DUMU. ŠEŠ-šu] «Великий царь Табарна в Хаттусе царскую должность выполнял; Тав[аннаны] племянники его...»; хетт.: [...Ta-ba-ar-na] ^mHa-at-tu-ši-li LUGAL GAL [LUGAL ^{URU}Ha-at-ti]i LÚ ^{URU}Ku-uš-šar KUR ^{URU}Ha-at-ti [LUGAL-u-iz-zi-a]t (?) ŠA ^tTa-wa-an-na «[...Табарна] Хаттусили (= хаттусский), великий царь, [царь Хаттус]ы, человек Куссара, (в) городе Хаттусе [царствова]л (?); Таваннаны...»; 2) акк.: mi-na-am du-um-qa-am ad-di-in-šu-nu-ti «нечто хорошее я дал им»; хетт.: nu ku-e a-ša-u-war e-eš-ta «и нечто — стадо овец было (?). Asawar здесь описка в результате диктовки; 3) акк.: Û IX DINGIR^{MES}-šu a-na É ^dMe-er-zu-ul-la ú-še-li «а также 9 богов его я внес в дом божества Мерцулла»; хетт. (a): a-aš-še-er-ma-kán ku-i-e-eš na-aš I-NA

É^d Me-er-zu-ul-la pi-ih-hu-un; хетт. (б): ap-pi-is-zi-za-[aš (?) ku-i-e-eš] DINGIR^{MEŠ} nu-uš A-[NAÉ...] pi-e-da-a[h-hu-un]. Здесь два разных перевода аккадского текста.

В аккадском тексте упоминаются города URU Al-ḥa-al-ḥa, URU Ur-šu и URU Za-al-ba-ar, в хеттском — города URU A-la-al-ḥa, URU Wa-ar-šu-wa и URU Za-al-pa. Рассказывается (в аккадской версии), что, после нападения Ханикальбата, от государства хеттов все отпало, кроме Хатти (Хаттусы); в хеттской версии вместо «Ханикальбата» — LÚ KUR^{KUR} Hu-ra «враг (из) страны Хура». В аккадской версии: i-na pa-ni-šu ir-tu-ub a-la-ka-m...; в хеттской: na-aš-tu ME-za pi-na-an Lu-wa-iš...; в акк.: ta-wi-ta-šu a-du-uk «я убил его вождя („давида“» (или: «я нанес ему поражение») в хетт.: hu-ul-li-za-nu-un... «я сразил (ся)»; в акк. версии: šum iš-te-et^d Ni-ka-ti-li ù HUR.SAG A-ra-an-ḥa-pi-la; в хетт.: I GUD KÙ.BABBAR DINGIR^{LIM} SAL^f Ka-ti-ti HUR.SAG A-ra-an-ḥa-pi-la-an-ni — по-видимому, описка; акк.: qáb-li-šu-nu ip-ḥur-ma i-na É^d UTU URUTÚL-na iš-ta-ka-an-šu-nu i-na ša-pal ša-me-e AMA.AR.GI-šu-nu aš-ta-kan («пленных Хаххума) — их бедра я развязал, в доме солнечного божества города Ариппы поместил их, под небом освобождение их я установил», хетт.: na-aš-kán ša-ah-ḥa-ni-it lu-uz-zi-it a-ra-wa-ah-hu-un na-aš KAB-LI-ŠU-NU ar-ḥa-ia-nu-un na-aš A-NA^d UTU URUTÚL-na GAŠAN-IA EGIR-an tar-na-ah-hu-un «И их от (повинностей) саххан (и) луци и освободил и бедра их я развязал (?), и их солнечному божеству города Ариппы, владычице мосей, я передал»; в акк. тексте «Ефрат» — ID Purattu, в хетт. ID Malan. Упоминается, в связи с походом на Хатти и Халап, некто Zukraši — по-видимому, правитель Алалаха VII слоя. На лицевой стороне аккадской версии текст написан сплошь знаками в хеттской форме. По-видимому, затем учитель указал ученику на неуместность поздних форм знаков для древнего текста, и дальше знаки имеют уже аккадскую форму. Язык аккадской версии близок к аккадскому языку Мари. Язык хеттских версий — новохеттский. Это, несомненно, поздний перевод аккадского оригинала. Хаттусили — прозвище Табарны II: позже «табарна» стало титулом, а Хаттусили — именем.

Выступивший в прениях Д. Дж. Уайзмэн указал, что в одном неизвестном тексте из Алалаха начала VII слоя упоминается A-ba-IL, наместник (sukkal) Хаттусы, поэтому вряд ли можно рассматривать Хаттусили I как разрушителя Алалаха VII слоя. А. Гётце высказал мнение, что в тексте Хаттусили I, несомненно, речь идет о разрушении Алалаха VII слоя, что наносит окончательный удар по завиженной хронологии Олбрайта. Согласно Олбрайту, правление Т(Л)абарны I начинается после разрушения Алалаха VII слоя, но A-ba-IL должен был быть наместником Лабарны I, раз Лабарна II = Хаттусили I был современником Zukraši и разрушил Алалах VII. Что касается аккадского языка Мари, то такого языка нет, есть по крайней мере четыре варианта: язык писем Шамши-Адада, язык писем Зимри-Лима, северомесопотамский аккадский (Чагер-Базар), западноаккадский (Алеппо). Язык текста Хаттусили I — это, вероятно, аккадский язык Алеппо. Ф. Краус подчеркнул, что аккадское andurāga šakānu «устанавливать освобождение» переведено по-хеттски как «освободить от повинностей saḥḥan и luzzi».

М. Маллован (Англия) сделал доклад о новых раскопках в Нимруде (Кальху). На территории Нимруда исследовались два зиккурата и два дворца. Эта часть Нимруда занимает 30 га. В храме Эзида найдена религиозная библиотека, обнаружен дворец царя Ашшуретелилани, сына Ашшурбаналпа. В последней кампании разыскивался внешний город, для чего были проложены пробные траншеи (город занимает около 400 га). Имеются асфальтированные улицы. Во дворце Ашшуретелилани найдены помещения, стены которых были покрыты слоновой костью (без украшения). Позже на территории Нимруда возобновилась жизнь. Найдено шесть слоев эллинистического времени (до II в. до н. э.), причем уровень почвы повышался здесь чрезвычайно быстро, так что на каждый слой приходится всего по 20 лет. Это показывает, как острожно надо подходить к датировке по слоям. Встретились погребения эллинистического времени, в которых между прочим найдены цилиндрические печати староаккад-

ского времени. Любопытна статуя крылатого быка с головным убором в форме рыбы. Прослежено 8 км городских стен. Затем раскапывался район так называемого «Форта Салманасара», где были найдены винные и зерновые склады (skal mašartī, не maširtī, как читали ранее, — «складское помещение», от ašāru), жилые и парадные помещения. Помещения были крыты стволами алеппской сосны (а не кедра). Найдено много резной слововой кости, когда-то покрытой золотым листом. Золото было сорвано при разрушении города, который позже стал вновь обитаемым. В развалинах этого же времени найдены фрагменты мебели и колесниц с отделкой из резной кости. Большая часть изделий — финикийские, египтизирующие. В винном складе найдены пифосы с обозначением мер емкости (imēru, sūtu и qa), однако установить величину этих мер не удалось. Всего в складе имелось 200—300 тысяч литров вина. Здесь же были найдены таблетки хозяйственной отчетности. Вино выдавалось гаремным женщинам (zikrūtī), в дом царицы, царским певцам, совещанию при наместнике и т. п. Доклад вызвал оживленные прения.

П. Хьюли (Англия) сделал доклад об археологическом путешествии в Ванский район с целью выявления урартских памятников. В районе Кизван-даг (Армения по Форреру) — Гиресун обнаружено доурартское городище. В Адильджевазе в кладке средневековой стены найдено два больших камня с урартской надписью, — к сожалению, непонятной, — возможно, часть большой надписи Русы II. Здесь же найдены части большого урартского рельефа (фрагмент его с изображением быка издан Э. Херцфельдом, а затем в журнале «Ирак» Р. Барнеттом). Рельеф изображает богиню, стоящую на быке перед священным деревом. В районе Кеф-калеси, по-видимому, имеется урартское городище. На северном берегу оз. Ван у Караташа найдена надпись Сардури II (из нее выясняется, что слово badusie может быть прилагательным к «воротам»). Здесь была урартская крепость. Следует ждать паличия урартской крепости также у Баш-кале, так как около этого пункта проходит важная дорога в долину Заба. Урартские крепости имеются также в Анзафе и на «Шижнем Анзаф-кале». В Анзафе имеются надписи Ишпуни и Менуа. Была осмотрена также Ванская скала, но сфотографировать всю Хорхорскую летопись не удалось. Докладчик выразил сожаление, что не опубликованы результаты раскопок Лейка в Ване. По докладу выступили А. Гётце, Г. Гооссенс, Х. Боссерт и И. М. Дьяконов. А. Гётце отметил, что имеется отпечатанный на mimeографе отчет Лейка, Г. Гооссенс напомнил, что краткий отчет о раскопках Лейка помещен в «Archiv für Orientforschung» за 1940 г. Х. Боссерт упомянул о существовании урартской крепости в Кемахе.

Вечернее заседание открылось под председательством И. М. Дьяконова (СССР). Первый доклад прочел А. Хойбек (ФРГ). Этот доклад был посвящен гомеровскому вопросу. Автор полагает, что создатели гомеровского эпоса вдохновлялись грандиозными руинами Трои, которые были еще видны в X—VIII вв., в период эолийской колонизации, но о действительных исторических событиях, связанных с Троей, не имели представления.

Ф. М. Т. де Лиagre Бёль (Голландия) прочел доклад о метрике эпоса Гильгамеша. Основной тип стиха — четырехударный с цезурой после второго ударения, хотя встречаются и другие типы. Четыре стиха нередко образуют строфу (в «Энума Элиш» пять стихов составляют строфу). Обращения перед прямой речью — прозаические. Имена собственные также обычно выпадают из размера. Господствует закон хорического окончания стиха (Ландсбергер). Наблюдаются некоторые отклонения от законов ударения, господствующих в прозаической речи. Частицы не идут в счет размера, определяемое в status constructus с определением имеют, как правило, только одно ударение. Докладчик полагает, что в стихах не проносились большинство окончаний, включая окончания субъюнктива и даже множественного числа в глаголе, а также, что происходили многообразные стяжения внутри слова. В результате можно, по его мнению, рассматривать стихосложение поэмы о Гильгамеше как тоническое с хорическими и отчасти ямбическими и трехсложными стопами.

В. К о р о ш е ц (Югославия) посвятил доклад социальной структуре общества, рисуемого эпосом о Гильгамеше (свободные и рабы, индивид и община, данные о брачном праве).

Затем был прочитан доклад отсутствовавшего И. Л э с с ё (Дания), посвященный находкам на городище Телль-Шемшары (древний Šuššarā). Городище находится на равнине Рашия, на правом берегу Нижнего Заба, в 19 милях к северу от селения Докан. В связи со строительством плотины на Забе здесь будет залито 230 кв. км площади, в том числе около десятка городищ. В Телль-Шемшаре найдено 146 таблечек — преимущественно писем к некоему Кувари. Адресат — хуррит, и переписывался он большей частью тоже с хурритами. Шушшара упоминается в архиве Мари (ARM, IV, 25). Здесь говорится о нападении племени турукку на «страну Шушшара» (равнину Рашия). Область находилась в это время под ассирийским контролем, что видно также и из пайденных в Телль-Шемшаре писем. Одно из писем было написано Шамши-Ададом I, в других, где автор назван просто «твой господин», речь идет, по-видимому, об Ишме-Дагаше, сыне Шамши-Адада, наместнике г. Экаллатума. Упоминается г. Кабла, племена kutū, tugukkū, wilānū, покоренные Шамши-Ададом, и другие. Кутии признавали верховенство Шамши-Адада. Письма от Шамши-Адада и Ишме-Дагана написаны на старовавилонском диалекте, близком к диалекту писем из Мари; письма других корреспондентов Кувари написаны на плохом аккадском.

Утреннее заседание 26 июня происходило под председательством М. М а л л о в а н а (Англия). Х. Л е н д е н (ФРГ) прочел доклад «Урук времени Гильгамеша». Как известно, в писневийской версии эпоса Гильгамеша о герое говорится, что он «стеною обнес Урук огражденный... его кирпичи не обожжены ли и заложены стены не семью ль мудрецами?». Однако это показывает лишь, что эпос здесь отстает от урукских традиций, так как каждый урукит должен был хорошо знать, что в стене Урука нет ни одного обожженного кирпича. Древнейшая стена Урука, шириной 6 м, имеет в длину 9 км. Через промежутки в 7 м имеются прямоугольные выступы с наружной стороны. Стена сложена из необожженных planoconvexных кирпичей и, следовательно, датируется поздним раннединастическим периодом (Урук I). Затем стена была усилена с наружной стороны таким образом, что выступы приобрели полукруглую форму. Новый слой обкладки сложен из прямоугольных необожженных кирпичей (Puzen) и не датируется, так как кирпичи такого характера встречаются во все эпохи, начиная с периода Урук VI. Впереди основной стены была сооружена вторая стена (Vogtaneg) с сухим рвом между ними. Стена неоднократно ремонтировалась, вплоть до I тыс. до н. э. В восточном углу имеется бастион. В северном и южном углах города были узкие ворота (не для колесниц); главный въезд в город не найден, хотя городская стена сохранилась почти на всем протяжении, за исключением небольшой части западного участка. Площадь Урука внутри этих стен составляет несколько более 8 кв. км. Вся она была застроена. Священный участок Эанны не имел ни зиккурата, ни общей ограды до конца периода Урук IV. В период Урук III был сооружен зиккурат, здания располагались вокруг двора. В конце периода Урук III все это было разрушено. В период Урук I сооружается для Ианны квадратный зиккурат, священный участок Ианны обносится стеной, причем все эти сооружения расположены значительно выше уровня холма, на котором находился зиккурат Ану. Одновременно с Эанной, в период Урук I₅ строится платформа и на ней новый храм Ану; еще один участок повышается до общего уровня священного участка Эанны. По мнению докладчика, все это означает, что в период Урук I₅ происходит объединение двух смежных городов — Эанны и Кулаба — в единый город Урук. В конце периода Урука в городе возникают крупные мастерские, отделенные от района жилых домов и храмов. Напротив, в раннединастический период ремеслом занимаются во дворах жилых домов. Так, найдены камнерезные мастерские (изделия, заготовки, орудия), причем каждый дом специализировался на особом виде камня, — например, на кремне, сердолике и т. д. Мастерские сгруппированы «по цехам». Выступая по докладу, М. М а л л о в а н выразил надежду, что в стене Урука может быть найдена надпись (foundation deposit) Гильгамеша.

Г-жа Г. Оффнер (Франция) сделала доклад об изображениях Гильгамеша в искусстве. Обычно с эпосом Гильгамеша связывают четыре иконографических образа: 1) нагой герой в фас — божество плодородия (Сумукан?); 2) быкоголовый человек (Гильгамеш?); 3) нагой герой в профиль (Энкиду?); 4) человекоголовый бык («небесный бык» эпоса?). Докладчица отметила, что в то время как географическое распределение находок печатей с этими изображениями совпадает с распределением находок текстов эпоса, хронологическое распределение не совпадает: чем больше у нас текстов с упоминанием Гильгамеша и экземпляров эпоса, тем меньше изображений данного круга (распространение последних относится ко II архаическому периоду, после аккадского периода они становятся редкими). Соотношение между отражением образа Гильгамеша в эпосе и в изобразительном искусстве является поэтому сложным. М. Маллован отметил, что в то время как отдельные изображения «круга Гильгамеша» встречаются еще в период Урука и становятся распространенными в I раннединастический период, стены Урука, приписываемые Гильгамешу, относятся к I раннединастическому периоду, а по С. Н. Крамеру Гильгамеша следует датировать III раннединастическим периодом. Ж. Доссен упомянул, что в Базеле в частной коллекции имеется документ хозяйственной отчетности времени Джемдет-Насра, упоминающий человека по имени En-ki-dù.

Г-жа Э. Порада (Австрия — США) посвятила свой доклад той же проблеме. Еще Джордж Смит отождествил нагого героя с Гильгамешем, а человекобыка с Энкиду. Однако эти изображения никогда не сопровождаются надписями, которые позволили бы отождествить их с бесспорностью (если не считать поздних апотропеев). То обстоятельство, что могли происходить переносы иконографического типа с одного мифического или легендарного персонажа на другой, иллюстрируется рядом примеров. В то время как некоторые изображения обнаженного героя легко увязываются с эпизодами из эпоса (битва с быком, символизирующим засуху, изгнание злых духов из дерева «хулунпу» и пр.), другие изображения так не увязываются. Имелись неизвестные нам мифы и легенды как о самом Гильгамеше, так и о других аналогичных героях. По мнению докладчицы, лишь с периода Аккада происходит вполне определенное отождествление данного иконографического образа с Гильгамешем. В прениях М. Маллован отметили существование апотропеев — фигурки человека-быка времени Ададнерари III, надпись на которой указывает, что это — Гильгамеш. Ж. Нугейроль (Франция) указал, что, согласно текстам, имеется два типа героев — arkallu «мудрец» (сюда обычно относится и Гильгамеш) и lullù «дикий, первобытный человек» (таков Энкиду).

Затем был прочитан доклад отсутствовавшего П. Амье (Франция), также посвященный истории образа Гильгамеша. Автор различает два образа Гильгамеша — как царя и как владыки зверей.

Заключительное заседание VII встречи ассириологов происходило под председательством А. Поля (Рим). В дополнение к сделанному ранее Л. Матюшем докладу А. Фалькенштейн (ФРГ) остановился на классификации шумерских фрагментов эпических песен о Гильгамеше. Затем были обсуждены вопросы международного сотрудничества (картотека клинописных текстов, библиография ассириологии, продолжение издания «Reallexikon der Assyriologie» и т. д.).

И. Дьяконо



ПРИЛОЖЕНИЕ

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ



SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

Перевод С. П. Кодратьева
под ред. А. И. Доватура
Примечания С. П. Кодратьева

XXII. Требеллий Поллион

ДВОЕ ВАЛЕРИАНОВ

I. (1) Санору царь царей Вельзол: «Если бы я знал, что можно когда-нибудь понастоящему победить римлян, я радовался бы за тебя по поводу победы, о которой ты сообщал. (2) Но так как это племя в силу ли своей судьбы или вследствие доблести обладает великим могуществом,— смотри, как бы то, что ты взял в плеч старого императора, притом обманным образом, не отозвалось бы плохо на тебе и на твоих потомках. (3) Подумай о том, сколько племен, которые часто побеждали их, римляне из врагов сделали своими. (4) Мы слышали,— и это верно, что галлы победили их и сожгли их огромный город, но верно и то, что теперь они в рабстве у римлян. А африканцы? Разве они не победили римлян? Но верно и то, что теперь они в рабстве у римлян. (5) О более отдаленных по времени, но, может быть, более существенных примерах и ничего не говорю. Митридат Понтийский держал в своей власти всю Азию, но верно и то, что он был побежден, верно и то, что Азия принадлежит римлянам. (6) Если ты спрашиваешь моего совета,— воспользуйся благоприятным случаем для заключения мира и возврата Валериана своим. Я поздравляю тебя с твоим счастьем, если только ты сумеешь воспользоваться им».

II. (1) Велен, царь кадузиев, написал так: «Отосланные тобою назад мои вспомогательные отряды, целые и невредимые, я с радостью принял. Но с тем, что ты взял в плеч Валериана, государя государей, я не очень тебя поздравляю; я поздравил бы тебя больше, если бы ты его вернул. Ведь римляне грознее тогда, когда они терпят поражение. (2) Действуй так, как подобает благоразумному человеку, и пусть счастье, которое уже многих обмануло, не воспламеняет тебя. У Валериана есть и сын император, и внук Цезарь. А что сказать обо всем римском мире, который целиком поднимется против тебя? (3) Итак, верни Валериана и заключи мир с римлянами, который будет полезен и нам ввиду понтийских племен».

III. (1) Артабазд, царь армянский, послал Санору такое письмо: «Я притязую на долю славы, но боюсь, что ты не столько одержал победу, сколько посеял шовые войны. (2) Валериана требуют обратно и сын его, и внук, и римские военачальники, и вся Галлия, и вся Африка, и вся Испания, и вся Италия, и все племена, живущие в Иллирии, на Востоке и в Понте, которые сочувствуют римлянам или принадлежат им. (3) Ты взял в плеч одного старика, но сделал все племена всего круга земель злейшими врагами себе, а возможно, и нам, в то время как мы послали тебе вспомогательные отряды, являемся вашими соседями и всегда трудимся для вас во время ваших столкновений».

IV. (1) Бактрийцы, иберы, албанцы и тавроскифы не приняли писем Сапора, но написали римским военачальникам, обещая прислать вспомогательные войска для освобождения Валериана из плена. (2) Но пока Валериан дряхлел, живя у персов, Оденат Пальмирский, собрав войско, привел дела Римского государства почти в прежнее положение. (3) Он захватил царские сокровища и то, что для парфянских царей дороже сокровищ, — наложниц. (4) Поэтому Сапор, еще больше опасаясь римских военачальников, из страха перед Баллистой и Оденатом поспешно удалился в свое царство. Таков был пока конец войны с персами.

V. (1) Вот что стоит узнать о Валериане, жизнь которого, в течение семидесяти лет достойная похвал, окончилась с такой славой, что — после всех почестей и должностей, которые он превосходно исполнял, — он стал императором не так, как это обыкновенно бывает — благодаря беспорядочному стечению народа, благодаря шуму, поднятому войнами, а в силу своих заслуг и как бы единодушным решением всего мира. (2) Наконец, если бы даже была дана возможность высказать свое мнение о том, кого они хотят видеть своим императором, то не избрали бы никого другого. (3) И чтобы ты знал, сколь огромны были заслуги Валериана перед государством, и приведу сенатские постановления; пусть все обратят внимание на то, как всегда судило о нем блистательное сословие. (4) В консульство обоех Дециев¹ за пять дней до ноябрьских календ, когда сенат собрался в храме Кастора по поводу императорского послания и было спрошено мнение каждого о том, на кого возложить должность цензора (также вопросы Деции передали в ведение блистательного сената), как только претор поставил вопрос: «Как вы смотрите, отцы сенаторы, на избрание цензора?», а затем спросил мнение того, кто был тогда — в отсутствие Валериана (так как последний вместе с Децием готовился к боевым действиям) — первоприсутствующим в сенате, все, нарушая порядок подачи голосов, в один голос сказали: (5) «Жизнь Валериана — это цензура. Пусть судит обо всех тот, кто лучше всех. Пусть судит о сенате тот, на ком нет никакого пятна. Пусть высказывает мнение о нашей жизни тот, кого ни в чем нельзя упрекнуть. (6) Валериан был цензором с раннего детства. Валериан был цензором в течение всей своей жизни. Разумный сенатор, скромный сенатор. Друг порядочных людей, недруг тиранов, противник преступлений, враг пороков. (7) Все мы принимаем его в цензоры, все хотим подражать ему. Первый — по своему происхождению, человек благородной крови, безукоризненный в жизни, прославленный своей ученостью, человек исключительных нравов по примеру людей древности». (8) Так как все это повторялось много раз, то добавили: «Все», и так было произведено голосование.

VI. (1) Получив это постановление сената, Деций созвал всех придворных, велел пригласить также и самого Валериана, и, прочитав в собрании самых высокопоставленных лиц это постановление сената, сказал: (2) «Счастлив ты, Валериан, благодаря решению всего сената, нет — благодаря тому, что ты привлек к себе души и сердца всего населенного людьми мира. Возьми на себя должность цензора, которую возложило на тебя Римское государство, которую ты один заслуживаешь, — чтобы судить о правах всех, чтобы судить о наших нравах. (3) Ты будешь оценивать, кто должен оставаться в курии, ты приведешь в прежнее состояние сословие всадников, ты положишь предел накоплению богатств, ты обеспечишь взнос податей, произведешь их распределение, установишь их размер, ты проверишь ход государственных дел; (4) тебе будет дано право писать законы, тебе предстоит судить о военных единицах; (5) ты будешь производить осмотр оружия, (6) ты будешь судить о нашем Палатине, о судьях, о самых высокопоставленных префектах, за исключением префекта города Рима, за исключением ординарных консулов, царя жертвоприношений и великой девы-весталки, если, конечно, она останется целомудренной, — обо всех ты будешь высказывать свое мнение. Угодить тебе будут стараться и те, о ком ты судить не можешь». Так сказал Деций. (7) Но мнение Валериана было такое: «Прошу тебя, безупречный император, не ставь меня в необходимость судить о народе, о воинах, о сенате, обо всем мире, о судьях, о трибунах, о военных начальниках. (8) Это — то, ради чего вы носи-

¹ 251 г.

те звание Августа; вам принадлежит вся полнота цензуры, частный человек не может это выполнить. (9) Итак, я прошу освободить меня от такой чести, которой не соответствует мой образ жизни, не соответствует степень уверенности в себе, которой, наконец, противится самое время, так что сама человеческая природа не требует цензуры».

VII. (1) Я мог бы привести много других постановлений сената и суждений государей о Валериане, если бы большая часть их не была известна и мне не было стыдно еще больше возвеличивать мужа, который был побежден неизбежным роком. Теперь я перейду к Валериану младшему.

VIII. (1) Валериана младшего, рожденного не от той же матери, что Галлиен, выделявшегося своей наружностью, вызывавшего одобрение своей скромностью, отличавшегося для своих лет большой образованностью, очень приятным нравом и далеким от распущенности брата, отец, находясь вне Рима, провозгласил Цезарем, а брат, как говорит Целестин, провозгласил его Августом. (2) В его жизни не было ничего, о чем стоило бы говорить, если не считать знатного происхождения, прекрасного образования и жалкой гибели. (3) И так как я знаю, что многие, читая на могиле надпись об императоре Валериане, ошибаются, думая, что здесь покоится возвращенное тело того Валериана, который был взят в плен персами, то я решил — для того, чтобы не вкралась какая-нибудь ошибка — записать, что близ Медиолана похоронен младший Валериан и, по приказанию Клавдия, добавлена надпись: «Император Валериан». (4) Думаю, что никаких других сведений нельзя отыскать ни о старшем, ни о младшем Валериане. (5) И так как я боюсь, что нарушу обычные размеры тома, если Галлиена, сына Валериана, о котором уже много... у нас была речь... или также Салонины, сына... Галлиена, который и... был назван Галлиеном... добавив книгу... я перейду к другому тому... Ведь я всегда отдавал себя в ваше распоряжение... и славе, которой я ни в чем отказать не могу.

XXIII. Требеллий Поллион

ДВОЕ ГАЛЛИЕНОВ

I. (1) После того как был взят в плен Валериан (в самом деле, с чего следует начинать жизнеописание Галлиена, как не с того главного бедствия, которое так тяжело отразилось на его жизни?), в то время как состояние государства стало шатким, когда Оденат уже захватил власть на Востоке, а Галлиен, узнав о пленении отца, радовался². — войска бродяжничали, роптали... военачальники все были охвачены... скорбью по поводу того, что... император... римский находится в рабстве у персов... всех... что Галлиен... отец, когда было сделано так... правами... погубил. (2) Итак, в консульство Галлиена и Валузиана³ Макриан и Баллиста объединяются, созывают остатки войска и — ввиду шаткого состояния Римской империи на Востоке — обдумывают, кого бы избрать императором, так как Галлиен вел столь беспечный образ жизни, что войско даже не вспоминало о нем. (3) Наконец, они решили объявить Макриана и его сыновей императорами и взяться за защиту государства... Так⁴, следовательно... была возложена... императорская власть... на Макриана... (4) Причины того, что на Макриана... с сыновьями... императорскую власть, были следующие: во-первых, в то время ни один полководец не считался мудрее его, ни один — более подходящим для управления государством; затем, он был очень богат, так что из своих частных средств мог покрывать общественные издержки. (5) Сюда присоединялось и то обстоятельство, что его дети, очень храбрые молодые люди, всеми помыслами стремились к войне, так что были для легионов примером во всех... военных...

II. (1) Итак, Макриан... отовсюду вспомогательные войска... устремляется, заняв

² Отсюда до конца § 1 текст восстановлен Петером.

³ 261 г.

⁴ Отсюда до конца главы 1-й текст восстановлен Петером.

...части, которые сам...расположил так, чтобы...императорскую власть...эту войну организовал...так как был равносильен всем...что можно было собрать против него. (2) Тот же Макриан назначил в Ахайю Пизона, одного из знатных и первенствующих в сенате, с той целью, чтобы он покончил с Валентом, который ведал там государственными делами, облеченный проконсульской властью. (3) Узнав о том, что Пизон идет против него, Валент принял на себя императорскую власть. Итак, Пизон удалился в Фессалию. (4) Там он был убит вместе с очень многими, когда Валент послал туда воинов; сам он также был провозглашен императором с прозвищем — «Фессалийский». (5) Макриан, задержав на Востоке одного из своих сыновей, сначала прибыл — после замирения — в Азию, потом направился в Иллирик. (6) В Иллирике он завязал сражение с полководцем императора Авреола, который, став против Галлиена, взял на себя императорскую власть. Имя этого полководца было — Домициан. Макриан имел при себе одного из своих сыновей и вел с собой тридцать тысяч воинов. (7) Макриан вместе со своим сыном, носившим имя Макриан, был побежден, и все войско перешло на сторону императора Авреола.

III. (1) В то время как государство было охвачено смутой на протяжении всего круга земель, Оденат, узнав о том, что Макриан с сыном умерщвлены, что царствует Авреол, что Галлиен ведет дела крайне небрежно, поспешил ко второму сыну Макриана, чтобы захватить его с войском, если судьба предоставит такую возможность. (2) Но те, кто были с сыном Макриана, носившим имя Квиет, вступив, по почину префекта Макриана — Баллисты, в соглашение с Оденатом, убили молодого человека и, перебросив через стену его труп, немедленно все сдались Оденату. (3) Итак, Оденат стал императором почти всего Востока, в то время как Иллириком владел Авреол, Римом — Галлиен. (4) Тот же Баллиста убил одновременно с Квиетом и хранителем сокровищ многих эмесян, к которым бежали воины Макриана, так что город был почти уничтожен. (5) Между тем Оденат, как бы держа сторону Галлиена, направлял ему по поводу всех событий сообщения, соответствовавшие истине. (6) Узнав о том, что Макриан со своими детьми убит, Галлиен — словно положение дел больше не влияло на беспокойства и отец его был уже возвращен — предался разврату и удовольствиям. (7) Он устроил цирковые игры, театральные представления, гимнастические игры, а также зрелища, охоты и гладиаторские игры и призывал народ веселиться и рукоплескать, словно в дни побед. (8) Тогда как большинство скорбело по поводу того, что его отец в плену, его самого неумеренно радовала видимость блеска, падавшая на него оттого, что его отца, казалось, слишком далеко завлекло стремление к доблести. (9) Было известно, что, не будучи в состоянии выносить строгость своего отца, он горячо желал не чувствовать над своей головой отцовской взыскательности.

IV. (1) В то же время Эмилиан взял на себя императорскую власть в Египте и, захватив зернохранилища, подверг много городов бедствиям голода. (2) Но полководец Галлиена Теодот, вступив с ним в бой, взял его в плен и к императору...отправил живым. Ведь Египет...был дан...когда Эмилиан...был...удавлен...воины... (3) Ввиду того, что Галлиен погряз в роскоши и пороках, не занимался ничем, кроме забав и кутежей, и вел государственные дела так, как дети, которые в своих играх придумывают всякие должности, — галлы, которые в силу своих прирожденных свойств не могут терпеть легкомысленных, выродившихся в смысле утраты римской доблести и утопающих в роскоши государей, призвали к власти Постума, найдя себе сочувствие и в войсках, так как последние жаловались на то, что император занят только развратом. (4) Против него Галлиен...повел войско и, когда он стал осаждать город, в который вошел Постум...примечательно защищали галлы, Галлиен, обходя стены кругом, был ранен стрелой. (5) Дело в том, что Постум был императором семь лет и крепкой рукой охранял Галлию от всех бушевавших вокруг них варваров. (6) Под давлением этих бед Галлиен заключает мир с Авреолом, чтобы обратиться против Постума, и во время затяжной войны, где были различные осады и сражения, ведет дело то счастливо, то несчастливо. (7) К этим бедам присоединилось еще и то, что скифы вторглись в Вифинию и разрушили ряд городов. (8) Наконец, они подожгли и опустошили Астак, который впоследствии был назван Никомедией. (9) Наконец, когда все части

земного круга были потрясены словно вследствие заговора всего мира, началось и в Сицилии нечто вроде войны с рабами: там бродили разбойники, которые с трудом были разгромлены.

V. (1) И все это происходило вследствие того, что Галлиен внушал к себе презрение. Ведь ничто в большей степени не подстрекает дурных людей к дерзостным поступкам, а хороших к достославным, чем страх перед дурным императором или презрение к распущенному. (2) В консульство Галлиена и Фаустиниана ⁵ среди стольких бедствий, причиненных войной, произошло еще страшное землетрясение. Земля на многих дней покрылась мраком. (3) Были слышны раскаты грома, но это гремел не Юпитер, а грохотала земля. Во время этого землетрясения было поглощено много зданий с их обитателями, многие умерли от страха. Несчастье это было еще более тяжелым в городах Азии. (4) Земля тряслась и в Риме и в Ливии. Во многих местах в земле образовались расщелины, причем во рвах появилась соленая вода. Много городов было затоплено морями. (5) Итак, обратились за помощью к богам, справились в Сивиллиных книгах и совершили, согласно предписанию, жертвоприношение Юпитеру спасителю. Ведь вспыхнула также такая моровая язва и в Риме, и в ахейских городах, что в один день погибло от одинаковой болезни пять тысяч человек. (6) В то время как судьба свирепствовала — в одних местах было землетрясение, в других разверзлась земля, в разных частях государства моровая язва опустошала римский мир, Валериян был в плену, большая часть Галлии была захвачена, пошел войной Оденат, теснил Авреол...когда Эмилиан занял Египет, часть готов...от которого, сказано выше, готам было присвоено, захватив Фракии, опустошили Македонию, осадили Фессалонику, и нигде не было видно ни малейшего успокоения. (7) Все это, как мы не раз говорили, происходило вследствие презрения к Галлиену, человеку, предававшемуся всяким излишествам и, если бы только он почувствовал себя спокойным, готового на всякие позорные поступки.

VI. (1) В Ахαιе сражались под начальством Марциана против тех же готов; побежденные, они ушли через страпу ахейцев. (2) Скифы, то есть часть готов, опустошали Азию. Был разграблен и сожжен храм Эфесской Луны; это здание пользовалось достаточной известностью среди народов. (3) Стыдно передавать то, что в такие тяжелые времена по случаю всех этих событий не раз говорил Галлиен, на горе человеческому роду обращая все это в шутку. (4) Когда ему сообщили о том, что отпал Египет, он, говорят, сказал: «Ну что ж? Разве мы не можем существовать без египетского полотна?». (5) Когда он узнал, что Азия разорена от сотрясения всех основ природы и набегов скифов, он сказал: «Ну что ж? Разве я не могу жить без пирожных?». (6) После потери Галлии он, как рассказывают, засмеялся и сказал: «Неужели безопасность государства обеспечивается атрататскими плащами?». (7) Так он подшучивал над всеми частями мира, когда терял их, словно дело шло об утрате малоценных предметов обихода. (8) И в довершение всех бед, случившихся во времена Галлиена, город византийцев, славный своими морскими войнами, ключ к Понту, был так опустошен войнами того же Галлиена, что в нем не оставалось в живых никого решительно. (9) В сущности, у византийцев нельзя пайти ни одного старинного рода, только те, что спаслись, потому что уехали путешествовать или были на военной службе, могут быть представителями древнего знатного рода.

VII. (1) Итак, против Постума Галлиен начал войну вместе с Авреолом и полководцем Клавдием, который впоследствии стал императором; он был родоначальником рода нашего Цезаря Констанция. Постум получил много вспомогательных отрядов от кельтов и франков и выступил на войну вместе с Викторином, с которым он разделил власть. После многочисленных сражений, имевших различный исход, победа оказалась на стороне Галлиена. (2) У Галлиена бывали внезапные вспышки решимости, так как временами он сильно переживал обиды. Словом, он двинулся, чтобы отомстить за византийцев, и хотя он не думал, что его впустят в стены города, однако был принят на следующий день и перебил всех невооруженных воинов, окружив их кольцом

вооруженных и нарушив условие, которое он обещал соблюдать. (3) В то же время— вследствие доблести и умелого командования римских полководцев — и скифы в Азии подверглись разгрому и вернулись в свои места. (4) Перебив воинов в Византии, словно совершив этим великое дело, Галлиен стремительно помчался в Рим и, созвав сенаторов, отпраздновал десятилетие своего правления небывалыми играми, невиданными дотоле торжественными шествиями, изысканными удовольствиями.

VIII. (1) Прежде всего он направился на Капитолий, окруженный сенаторами, одетыми в тогу, и всем сословием всадников; перед ним шли воины в белом и весь народ; впереди их шли рабы почти всех граждан и женщины с восковыми свечами и светильниками. (2) По обеим сторонам шло также впереди по сто белых быков с золотыми перевязями на рогах и блистая разноцветными шелковыми покрывалами; (3) шли впереди белые овцы, по двести с каждой стороны, и десять слонов, которые были тогда в Риме, тысяча двести гладиаторов, пышно разодетые — в золоченых одеяниях матрон, прирученные дикие животные разных пород, с множеством украшений, крытые повозки с мимами и всякого рода актерами, кулачные бойцы, бившиеся между собой мягкими мячами, а не по-настоящему. Все скоморохи разыгрывали миф о циклопе, показывая при этом удивительные и поразительные вещи. (4) На всех уликах стоял шум от игр, криков, рукоплесканий. (5) Сам он в украшенной вышивками тоге и в тунике, расшитой пальмовыми ветвями, направлялся, как мы сказали, на Капитолий, окруженный сенаторами, со всеми жрецами, одетыми в претексты. (6) С той и другой стороны несли по пятьсот золоченых копий, по сто знамен, не считая знамен коллегий, драконов, значки храмов и всех легионов. (7) Кроме того, шли переодетые люди, изображавшие разные племена: готов, сарматов, франков, персов, так что в каждой группе их было не меньше двухсот.

IX. (1) Этой пышностью нелепый человек думал обмануть римский народ, но римляне со свойственными им шутками выражали расположение — одни Постуму, другие Региллиану, иные Авреолу или Эмилиану, кое-кто Сатурнину — ведь говорили, что и этот последний уже является императором. (2) Среди всего этого веселья слышались сильные сетования по поводу его отца, которого сын оставил неогомщенным и за которого так или иначе оплатили посторонние. (3) Но на Галлиена подобные вещи не действовали: сердце его зачерствело от наслаждений, и он только спрашивал у окружающих его людей: «Что у нас на завтрак? Какие приготовлены удовольствия? Что будет завтра в театре и в цирке?». (4) Так, совершив свой путь и принеся генатомбы, он вернулся во дворец и — после пиров и угощений — посвящал прочие дни общественным развлечениям. (5) Не следует обойти молчанием замечательно остроумную шутку. Когда в торжественном шествии вели толпу персов, будто бы пленных (смехотворная затея!), несколько шутников смешалось с персами, старательно осматривая все и с удивительным любопытством разглядывая лицо каждого. (6) Когда их спросили, что означает эта необычная выходка, они ответили: «Мы ищем отца нашего государя». (7) Когда это дошло до Галлиена, он не почувствовал ни стыда, ни печали, ни любви к отцу, но велел сжечь шутников живыми. Этот поступок причинил народу большую скорбь, чем можно было бы предполагать, воины же были огорчены в такой степени, что немного времени спустя оплатили ему за это.

X. (1) В консульство Галлиена и Сатурнина ⁶ пальмирский царь Оденат получил императорскую власть над всем Востоком, главным образом по той причине, что он — благодаря своим смелым действиям — выказал себя достойным освящения своего высокого положения, в то время как Галлиен либо ничего не делал, либо трагил время на излишества, на нелепые и смехотворные затеи. (2) Он немедленно объявил войну персам во имя отмщения за Валериана, — чем продолжал пренебрегать собственный сын последнего. (3) Он немедленно занимает Низибис и Карры, причем низибийцы и каррцы сдались ему, браня Галлиена. (4) Однако Оденат выказал по отношению к Галлиену почтительность: он отправил к нему взятых в плен сатрапов — едва ли не с целью посмеяться над Галлиеном и выставить в лучшем свете себя. (5) По-

сле того как они были приведены в Рим, триумф, хотя победителем был Оденат, справил Галлиен, ни словом не упоминая об отце. Даже к богам он причислил его только потому, что его к тому принудили, после того как он услышал о смерти отца; в действительности последний был тогда еще жив, и сообщение о его смерти оказалось ложным. (6) Между тем Оденат осадил в Ктезинфонте множество персов и, опустошив вокруг всю местность, перебил бесчисленное количество людей. (7) Но когда сюда спешно собрались для общей защиты из разных областей сатрапы, произошли длительные битвы с переменным успехом, но победа римлян оказалась более прочной. (8) И так как Оденат имел в виду только одно — освободить Валериана, то он каждый день теснил врагов; однако, хотя он и был превосходным полководцем, он все же страдал от неудобств местности в чужой земле.

XI. (1) Пока такие события происходили в стране персов, скифы вторглись в Каппадокию. Захватив тамошние города, они, после продолжительной войны, шедшей с переменным успехом, устремились в Вифинию. (2) Поэтому воины опять подумали об избрании нового императора. Не будучи в состоянии успокоить их и снова привлечь на свою сторону, Галлиен, по своему обыкновению, убил их всех. (3) В то время как воины искали себе достойного государя, Галлиен был в Афинах архонтом, то есть высшим должностным лицом — под влиянием того же тщеславия, которое внушило ему желание быть вписанным в число афинских граждан и принимать участие во всех священнодействиях. (4) Так не поступали ни Адриан во время высшего благоденствия, ни Антонин среди полного мира, хотя они до такой степени увлекались греческой литературой, что даже, по мнению крупных людей, мало в чем уступали самым ученым мужам. (5) Кроме того, он хотел быть зачисленным в ареопагиты, а к Римскому государству относился чуть ли не с презрением. (6) Галлиен — чего нельзя отрицать — славился как оратор, как поэт и отличался во всех искусствах. (7) Ему принадлежал тот эпиграммий, который оказался лучшим среди произведений ста поэтов. Когда он женил сыновей своих братьев, то — после того, как все греческие и римские поэты прочитали свои эпиграммы (а это продолжалось много дней) — он, держа руки новобрачных, по словам некоторых, несколько раз, как говорят, сказал так:

«Дети, не медлите вы! Растворитесь в любовной усладе,
Слейтесь, воркуйте нежнее голубок, сомкните объятия
Ваши теснее плюща, делуйтесь раковин кренчел!».

(9) Было бы долго передавать его стихи и речи, которыми он в свое время блистал среди поэтов и риторов. Но в императоре нужны одни качества, а от оратора или поэта требуются другие.

XII. (1) Хвалят один его прекрасный поступок. В консульство своего брата Валериана и Луцилла ⁷, близкого к нему человека, узнав, что Оденат опустошил страну персов, что Ниазбис и Карры возвращены под власть римлян, что вся Месопотамия стала нашей, наконец — что римляне дошли до Ктезифонта, что царь бежал, сатрапы взяты в плен, множество персов убито, Галлиен разделил с Оденатом власть, назвал его Августом и велел отчеканить монеты с изображением Одената, ведущего за собой пленных персов. И сенат, и город, и люди всех возрастов с радостью приняли весть об этом. (2) Кроме того, он был очень находчив; хочется привести несколько случаев, чтобы показать его остроумие. (3) Когда однажды он велел выпустить на арену огромного быка и вышел охотник, который должен был поразить его, но после десяти выводов не мог убить его, Галлиен послал охотнику венок. (4) Так как все стали вполголоса выражать недоумение, почему такой в высшей степени неумелый человек получает венок, Галлиен велел объявить через глашатая: «Не суметь поразить быка столько раз — дело трудное». (5) Когда кто-то продал его жене вместо настоящих драгоценных камней — стеклянные и она, узнав об этом, пожелала наказать его, Галлиен велел схватить продавшего как бы для того, чтобы отдать его на растерзание льву,

а затем распорядился выпустить из клетки каплуна. Когда все удивились такой смешной выходке, он велел сказать через глашатая: «Он подделал, и с ним поступили так же», а затем отпустил торговца. (6) Когда Оденат был занят войной с персами, а Галлиен, по своему обыкновению, увлекался самыми нелепыми вещами, скифы, построив суда, добрались до Гераклеи и оттуда вернулись с добычей в свою землю; впрочем, многие из них погибли от кораблекрушения, потерпев поражение в морском бою.

XIII. (1) В это же время — вследствие козней своего двоюродного брата — был умерщвлен Оденат вместе со своим сыном Геродом, которого он также провозгласил императором. (2) Тогда Зенобия, жена Одената, под тем предлогом, что оставшиеся дети его — Гереншиан и Тимолой — являются еще малолетними, сама взяла власть в свои руки и правила долго, не по-женски, не так, как правят женщины, (3) но тверже и искуснее не только Галлиена (лучше которого могла бы править любая девушка), но и многих других императоров. (4) Что касается Галлиена, то, получив известие о гибели Одената, он стал готовиться к войне с персами — это было слишком позднее отмщение за отца, — и когда стараниями его подководца Гераклиана войска были собраны, он пытался вести дело, как искусный государь. (5) Однако этот Гераклиан, отправившийся против персов, был побежден пальмирцами и потерял всех собранных им воинов — ведь Зенобия правила пальмирцами и многими восточными народами по-мужски. (6) Между тем скифы, переплыв Евксин, вошли в Истр и причинили много бед на римской земле. Узнав об этом, Галлиен поручил византийцам Клеодаму и Афиною вести восстановление и укрепление городов. Вой произошел у Понта, и варвары были побеждены византийскими полководцами. (7) Римляне под начальством Вепериана победили также готов, причем сам Вепериан погиб смертью воина. (8) Затем готы опустошили Кизик и Азию, а потом и всю Ахайю, но были побеждены афинянами под начальством Дексиппа, описавшего эти события. Изгнанные оттуда, они прошли через Эпир, Македонию, Мезию. (9) Между тем Галлиен, обеспокоенный, наконец, общественными бедствиями, встретился с готами, бродившими по Иллирику, и случайно перебил множество их. Узнав об этом, скифы, сделав укрепление из телег, попытались бежать через гору Гессак. (10) Оттуда Марциан, ведя войну с переменным успехом, всех скифов... что и побудило всех скифов возобновить войну.

XIV. (1) Так полководец Гераклиан показал свою преданность государству. Не будучи в состоянии выносить порочность Галлиена, Марциан и Гераклиан приняли решение, чтобы один из них взял на себя императорскую власть... (2) и был избран Клавдий, лучший среди всех человек, как мы скажем в своем месте, который не участвовал в этом решении; он пользовался со стороны всех таким уважением, что казался действительно достойным императорской власти, как это впоследствии и подтвердилось. (3) Это — тот Клавдий, от которого ведет свое происхождение бдительнейший Цезарь Констанций⁸. (4) Когда они домогались императорской власти, в союзе с ними был некий Церопий, или Цекропий, начальник далматов, который очень ловко и разумно помог им. (5) Но так как при жизни Галлиена они не могли взять на себя императорскую власть, то они решили совершить покушение на его жизнь, применив хитрость, чтобы в государстве, истощенном от бедствий, отстранить от управления человеческим родом эту негоднейшую язву и чтобы в дальнейшем государство, отданное во власть театра и цирка, не погибло от соблазна удовольствий. (6) Хитрость была такого рода. Галлиен находился во вражде с Авреолом, который присвоил себе власть государя; он каждый день ожидал грозного и невыносимого прибытия скороспелого императора. (7) Зная это, Марциан и Цекропий неожиданно велели передать Галлиену, что Авреол уже подходит. (8) И вот, собрав⁹ воинов, Галлиен выступил словно на верное сражение и тут был умерщвлен подосланными убийцами. (9) Говорят, Галлиен был поражен мечом начальника далматов Цекропия, по словам некоторых, — близ Медиолана, именно там, где был умерщвлен сразу после него и брат его Валериан, о котором многие говорят, что он был Августом, другие — Цезарем, а иные,

⁸ Некоторые читают: Constanti[n]us.

⁹ congregatis; возможно другое чтение: cogitatis; concitatis.

что он не был ни тем, ни другим. (10) Последнее неправдоподобно — ведь уже после пленения Валериана мы находим в фастах такую запись: «В консульство императора Валериана». Какой это мог быть другой Валериан, как не брат Галлиена? (11) Происхождение его известно, но не вполне известно его достоинство, или, как начали говорить некоторые, — его величество.

XV. (1) После убийства Галлиена произошел крупнейший мятеж среди воинов, которые в надежде на добычу и расхищение общественного достоинства говорили, что у них отпят полезный, пугливый, храбрый, способный вызвать зависть император. (2) Поэтому решение государей было: успокоить волнение воинов теми мерами, какие обычно умиротворяют их. После того как через Марциана воинам было обещано и выдано по двадцать золотых (ведь под рукой было большое количество сокровищ), Галлиен, согласно решению военных, был записан в государственные фасты как тиран. (3) Так были успокоены воины, и императорскую власть принял Клавдий, человек безупречный и по всей справедливости заслуживающий уважения, дорогой всем порядочным людям, друг отечеству, друг законам, любезный сенату и известный народу с хорошей стороны.

XVI. (1) Такова была жизнь Галлиена, кратко мною рассказывая; рожденный только для своего брюха и удовольствий, он тратил дни и ночи на пьянство и разврат и довел дело до того, что чуть ли не двадцать тиранов опустошали весь круг земель, так что даже женщины правили лучше его. (2) Чтобы не обойти молчалим его жалких затей, я упомяну о том, что он устраивал спальни из роз, строил укрепления из фруктов, виноградные гроздья сохранял по три года, в разгар зимы у него подавались дыни, он научил, как в течение всего года иметь молодое вино. Он всегда, в несоответствующие месяцы, угощал свежими зелеными фигами и фруктами, прямо с деревьев. (3) Столы он всегда покрывал золотыми скатертями. У него были золотые сосуды, украшенные драгоценными камнями. (4) Волосы свои он посыпал золотым порошком. Он часто выступал, окруженный сиянием. В Риме, где государи показывались всегда в тоге, его можно было видеть в пурпурной хламиде с золотыми застежками, украшенными драгоценными камнями. Он носил пурпурную золоченую мужскую тунику, притом — с длинными рукавами. Перевязь у него была украшена драгоценными камнями. Ремни на его обуви были осыпаны драгоценными камнями, башмаки же он называл головными сетками. (5) Пировал он открыто. Народ он умилостивлял раздачами. (6) Подарки сенату он раздавал сидя. Матрон он приглашал к себе на совещание и, когда они целовали ему руку, давал им по четыре золотых со своим именем.

XVII. (1) Услышав о том, что его отец Валериан взят в плен, он сказал то, что, говорят, сказал лучший из философов¹⁰ о сыне, которого он потерял: «Я знал, что я родил смертного» (Галлиен сказал именно так: «Я знал, что мой отец — смертный»). (2) Был некий Анний Корнпула, который в своих высказываниях живо восхвалял его как твердого государя. (Однако хуже тот, кто этому поверил.) (3) Часто он выходил под звуки флейты, уходил под звуки органа, так как приказывал, чтобы его выход и уход сопровождался музыкой. (4) Мылся он летом по семи или шести раз в день, зимой — по два или по три. (5) Пил он всегда из золотых бокалов и не признавал стеклянных, говоря, что нет ничего более пошлого. (6) Он всегда менял вина и никогда не пил на одном пире двух бокалов одного и того же вина. (7) Часто за его столом возлежали наложницы. При второй смене блюд¹¹ у него всегда были наготове шуты и мимы. (8) Когда он шел в сады, называвшиеся по его имени, все дворцовые слуги следовали за ним. Шли и префекты, и начальники всех дворцовых ведомств. Они участвовали в пирах и плаваниях и мылись вместе с государем. (9) Часто допускались к этому и женщины, с ним самим были прекрасные девушки, а с теми — безобразные старухи. Он часто шутил в то время, как со всех сторон терял власть над кругом земель.

XVIII. (1) По отношению к воинам, однако, он проявлял чрезмерную жестокость:

¹⁰ Анаксагор.

¹¹ Возможен другой перевод: к десерту.

в отдельные дни он убивал по три и по четыре тысячи воинов. (2) Он предписал, чтобы ему была поставлена статуя больше Колосса—в виде Солнца, но он погиб раньше, чем она была окончена. Все же ее начали делать столь огромной, что, казалось, она будет вдвое больше Колосса. (3) Он хотел поставить ее на вершине Эсквилинского холма и чтобы в ее руке было копье, по древку которого ребенок мог бы подняться до самого верха. (4) Но и Клавдию, и затем Аврелиану эта затея показалась глупой, тем более что он велел сделать еще коней и колесницу в соответствии с размерами статуи и поставить их на очень высоком постаменте. (5) Он сам готовился продолжить Фламиниев портик до Мульвийского моста, так, чтобы колонны шли в четыре или, как говорят другие, в пять рядов и чтобы первый ряд состоял из столбов, а перед собой имел колонны со статуями, а второй, третий и далее — колонны διὰ τεσσάρων. (6) Долго было бы передавать все его причуды; кто хочет узнать о них, пусть читает Пальфурия Сурру, который составил дневник его жизни. Мы же перейдем к Салонину.

САЛОНИН ГАЛЛИЕН

XIX. (I). (1) Он был сыном Галлиена, внуком Валериана; нет ничего, что стоило бы записать о нем, за исключением разве того, что он был знатного происхождения, воспитан по-царски, а затем был убит не по своей вине, а за вины отца. (2) Относительно его имени существует большая неясность. Многие занесли его в историю как Галлиена, многие — как Салонина. (3) Те, кто называет его Салонином, говорят, что он был прозван так потому, что родился в Салонах¹², а те, кто называет его Галлиеном, говорят, что он был прозван так по имени отца и деда Галлиена, некогда выдающегося государственного мужа. (4) Наконец, до сих пор существовала статуя у подножия Ромулова холма, то есть перед священной дорогой между храмом Фаустины и храмом Весты у Фабиевой арки; на ней была надпись: «Галлиену младшему» с добавлением «Салонину». Отсюда можно понять, каково было его имя. (5) Вполне ясно, что Галлиен стоял у власти больше десяти лет. Это я добавил потому, что многие сообщают, будто он погиб на девятом году своего правления. (6) О том, что при нем и другие поднимали восстания, мы скажем в своем месте, раз уж решено включить жизнеописание двадцати тиранов в один том — ввиду того, что о них можно сказать немного, да и большая часть этого уже рассказана в жизнеописании Галлиена. (7) О Галлиене достаточно будет и того, что сказано в этой книге. Ведь многое уже сказано в жизнеописании Валериана, многое мы скажем в книге, которую следует озаглавить «О тридцати тиранах». Повторять все это и несколько раз говорить об одном и том же представляется бесполезным. (8) К тому же кое-что я пропустил сознательно, чтобы опубличованием многих вещей не обидеть его потомков.

XX. (II). (1) Ведь ты сам знаешь, какие люди и какую войну ведут против тех, кто написал что-либо об их предках, и, думаю, всем известно то, что сказал Марк Тулий в «Гортензии», который он написал в форме протрепетика. (2) Все же я приведу один случай, довольно забавный при всей его наивности; он тем не менее создал новый обычай. (3) Так как большинство военных, которые приходили на пир, снимали во время пира свои военные пояса, то Салонин, или Галлиен, будучи мальчиком, говорит, похитил у них золоченые украшенные жемчугом перевязи; ввиду того, что трудно было найти в Палатинском дворце то, что пропало, эти люди молча примирились со своей потерей, но в другой раз, получив приглашение на пир, они возлегли уже опоясанными. (4) Когда их стали спрашивать, почему они не сняли поясов, они, говорят, ответили: «Из уважения к Салонину», и отсюда пошел обычай возлежать в присутствии императора в поясах. (5) Однако я не могу отрицать и того, что многим кажется, будто этот обычай возник по другой причине: говорят, что к военному завтраку, который называется парандием, потому что он подготавливает воинов к битве¹³,

¹² В Далмации.

¹³ parandium от слова parat.

они приступали опоясанными; доказательством этого служит то обстоятельство, что обедают они, снимая пояса, даже в присутствии императора. Я поместил эти сведения потому, что мне они казались достойными того, чтобы отметить и запомнить их.

XXI. (III). (1) Теперь перейдем к двадцати¹⁴ тиранам, которые появились во времена Галлиена вследствие того, что дурной государь внушал к себе презрение; о них надо сказать кратко и немного. (2) Ведь большинство из них недостойно того, чтобы именами подобных людей стоило заполнять целый том, хотя некоторые из них обладали, по-видимому, немалой доблестью и даже принесли много пользы государству. (3) Мнения относительно имени Салонина очень разнообразны, и тот, кто думает, будто он говорит об этом вернее других, сообщает, что он был назван по имени своей матери Салонины... хотя он безумно любил... по имени Пипера, дочь варварского царя... (4) Галлиен вместе со своими придавал своим волосам светлорусую окраску. (5) О числе лет правления Галлиена и Валериана передают сведения настолько неопределенные, что, хотя твердо установлено, что они правили пятнадцать лет, то есть, что Галлиен достиг почти до пятнадцатого года их правления, а Валериан был взят в плен на шестом году, некоторые говорят о девяти годах, а иные пишут, что Галлиен правил не больше десяти лет, хотя точно известно, что он отпраздновал в Риме десятилетие своего правления, а после этого праздника десятилетия он победил готов, заключил мир с Оденатом, вступил в соглашение с Авреолом, вел войну против Постума, против Лоллиана и совершил много такого, что можно было отнести к его доблести, а еще больше такого, что навлекало на него позор. (6) Ведь говорят, что по ночам он всегда посещал трактиры и проводил жизнь со сводниками, мимами и шутами.

¹⁴ В некоторых рукописях стоит: triginta.



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ВДИ, № 2—1959 г.

- AA — Archäologischer Anzeiger
 ABRL — J. Köhler F. E. Peiser, Aus dem babylonischen Rechtsleben, Lpz, 1890
 ABW — Schwenzner, Aus dem alt-babylonischen Wirtschaftsleben, Mitt. der Vorderasiat. Ges. № 1, 1914
 AEp — Année Epigraphique
 AJP — American Journal of Philology
 AJSL — American Journal of Semitic Languages and Literatures, Chicago
 ALASII — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae
 ARK — G. Eisser und J. Lewy, Assyrische Rechtsurkunden vom Kül-Tepe
 ARM — Archives royales de Mari, v. I, par G. Dossin; v. II, par Ch. Jean; v. III, par J. Kupper
 Ar. Or. — Archiv Orientalni
 Ath. Mitt. — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, Stuttgart
 ÄZ — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde
 BAL — C. H. W. Johns, Babylonian and Assyrian Laws, Contracts and Letters, Edinburgh, 1904. BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BMB — Bulletin du Musée de Beyrouth
 БКХ — «Гл. Хлоп. Ком. Бюджеты крестьянских хлопководческих хозяйств районов Средней Азии за 1927—28 г.», вып. 1—4, Ташкент VII — Вопросы истории
 ВЯ — Вопросы языкознания
 ГХДШ — Акад. А. П. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера. М. — Л., 1956 г.
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского Археологического общества
 CAH — Cambridge Ancient History Chr. d'Ég. — Chronique d'Égypte
 CICH — C. F. Lehmann-Haupt, Corpus Inscriptionum Chaldaicarum, I — II, 1928—1935
 CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum, ed. A. Boeckh, 1828—1877
 CSEL — Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum
 DP — A. Hote de la Fuye, Documents Présargoniques, P., 1907—1920
 Δελτ — Δελτιον αρχαιολογικον
 Девриен — Полная энциклопедия русского сельского хозяйства, изд. А. Ф. Девриена
 ERE — «Encyclopaedia of Religion and Ethics», ed. by James Hastings, v. X, 1918
 ESAR — An Economic Survey of Ancient Rome, ed. by T. Frank, Baltimore
 FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
 Förtsch — W. Förtsch, Altbabylonische Wirtschaftstexte aus der Zeit Lugalanda's und Urukagina's (Vorderasiatische Schriftdenkmäler... Museen zu Berlin, t. XIV), Lpz, 1916
 Friedrich, KS — J. Friedrich, Kleinasiatische Sprachdenkmäler, B., 1932
 Friedrich, Einführung — J. Friedrich, Einführung ins Uraltäische, Lpz, 1933
 FTS — F. N. Kramer, From the Tablets of Sumer, Ind. Hills, 1956
 FuF — Forschungen und Fortschritte der deutschen Wissenschaft und Technik
 Hesp. — Hesperia, Journal of the American School of Classical Studies at Athens
 HZ — Historische Zeitschrift
 ИАК — Известия Археологической Комиссии
 IG — Inscriptiones Graecae
 IGI — Inscriptiones Graecae insularum maris Aegaei
 IGRR — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes
 ИИЯИМК — Институт истории, языка и материальной культуры
 ILS — Inscriptiones Latinae Selectae
 JA — Journal Asiatique
 JBC — Yale Babylonian Collection
 JCS — Journal of Cuneiform Studies
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JJP — The Journal of Juristic Papyrology, IV (1950)
 JNES — Journal of Near Eastern Studies
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
 JRS — Journal of Roman Studies
 KAI — E. Ebeling, Keilschrifttexte aus Assyrien juristischen Inhalts, Lpz, 1927
 KS — Keilschriftliche Studien
 LBW — P. Le Bas et W. H. Waddington, Inscriptions d'Asie Mineure, P., 1870
 LF — G. Klaunder, Landwirtschaftliche Faustzahlen, 4 Aufl.
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 MCMA — Angelo Segrè, Metrologia e circolazione monetaria degli antichi, Bologna, 1928

- MDP — Délégation en Perse, Mémoires
 Мещанинов, — И. И. Мещанинов, Язык ванской клинописи, II, Л., 1935
 MGH — Monumenta Germaniae Historica
 MIA — Материалы и исследования по археологии СССР
 MVAG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft
 NH1 — M. Tseretheli, Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu, Heidelberg, 1928.
 NKRA — P. Koschaker, Neue Keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna Zeit, Lpz, 1928
 Никольский, П — М. В. Никольский, Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи, II, Древности восточные, т. V, М., 1915 г.
 OGIS — Orientis Graecae Inscriptiones Selectae. Or — «Orientalia»
 PSI — Papyri graeci et latini, Pubblicazioni della societa italiana per la ricerca del papyri, Firenze, 1917, 1925
 RAss — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. RB — Revue Biblique
 RC — C. B. Welles. Royal Correspondence of the Hellenistic Period, 1934
 REA — Revue des études anciennes. REG — Revue des études grecques
 Rhein. Mus. — Rheinisches Museum für Philologie
 RIA — «Reallexikon d. Assyriologie», hrg. von Erich Ebeling und Bruno Meissner, I—III, 1928—1938—1957
 RTC — F. Thureau-Dangin, Recueil des tablettes Chaldéennes, P., 1903
 Рифтин — А. И. Рифтин, Старо-вавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР, под редакцией академика В. В. Струве, Л., 1937
 Sayce — A. H. Sayce, The Cuneiform Inscriptions of Van, JRAS, 1882—1932.
 SBAWW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien
 SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum, ed. J. J. E. Hondius, M. N. Tod, L. Robert, Leiden, 1923 сл.
 SEIHW — M. I. Rostovtzeff, Social and Economic History of Hellenistic World, Oxford, 1941
 SGDI — Sammlung der griechischen Dialektinschriften, 1884 слл.
 SL — A. Deimel, Sumerisches Lexikon, Roma, 1925—1934
 Syll³ — Sylloge inscriptionum graecarum, ed. 3
 СВ — Советское Востоковедение
 TAM — Tituli Asiae Minoris
 T-D, II — F. Thureau-Dangin, Le U, le qa et la mine, leur mesure et leur rapport, JA, XIII, 1909, № 1—2
 T-D, III — F. Thureau-Dangin, La mesure de qa, RAss, XXXIV (1937), № 2
 TEO — H. de Genouillac, Textes économiques d'Ouma, Musée de Louvre, Textes cunéiformes, V, P., 1922 ТИЯ — Труды Института языка
 ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
 TUT — G. Reisner, Tempelurkunden aus Telloh, B., 1901
 UET, III — Ur Excavations Texts, III, L. Legrain, Business Documents of the Third Dynasty of Ur. (1) Plates, 1937, (2) Indexes, Vocabulary, Catalogue, Lists, 1947
 URH — Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, ВДЦ, 1953, №№ 1—4, 1954, № 1
 УПМГ — Г. В. Церетели, Урартские памятники музея Грузии, Тбилиси, 1939
 WA — Akademie van Wetnskatten
 ZA — Zeitschrift für Assyriologie
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
 ZfG — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft ЭВ — Эпиграфика Востока
 ЭР — Е. М. Придик, Каталог клейм на амфорных ручках, горлышках и черепках Эрмитажного собрания, Пггр., 1917

СПИСОК ОПЕЧАТОК. ЗАМЕЧЕННЫХ В «ВИД» № 1 — 1959 г.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
6	8-я сверху	монографии	монографий
7	2-я снизу	Civilisation	Civilization
58	28-я снизу	Sarca	Sarqa
162	26-я сверху	Σαζωχοι	Σαζωχοι

На странице 113 в строках 8, 21 и 23 читать: *ṣṣṣṣ*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Акад. В. В. Струве (Ленинград) — Термин gāna-ga и проблема зарождения частного землевладения в Шумере	3
В. О. Тюрин (Тула)—Антаки (<i>Из истории народных движений в ахеменидском Иране</i>)	21
Ю. Б. Юсифов (Баку)—Эламские долговые документы из Суз (<i>II тысячелетие до н. э.</i>)	45
Г. Шрот (ГДР) — О рентабельности сельского хозяйства в Риме в конце республики	56
С. Л. Утченко (Москва)—Кризис комициального устройства в Риме	83

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

В. А. Гвахария (Тбилиси)—О смысловом значении E и EGAL в урартском	95
И. Г. Гершман (Москва)—Неразрешенные вопросы вавилонской метрологии	100
В. И. Абаев (Москва)—Среднеазиатский политический термин <i>афшин</i>	112
Е. А. Мончадская (Ленинград)—О «царском городе» или «второй столице» Согдианы	116
В. Н. Андреев (Ленинград)—Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э.	121
И. С. Свенцицкая (Москва)—Категория ΠΑΡΟΙΚΟΙ в эллинистических полисах Малой Азии	146
А. И. Немировский (Москва)—К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия	153
Л. Варцл (Чехословакия)—К вопросу о характеристике Коммодиана	165
А. Р. Корсунский (Москва)—Были ли <i>patrocinia vicorum</i> в Западной Римской империи?	167

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Акад. А. И. Тюменев (Ленинград) — С. Я. Лурье, Язык и культура микенской Греции	174
Н. А. Чистякова (Ленинград) — Феокрит, Мосх, Боян, Идиллии и эпиграммы	179
И. Б. Брагинский (Ленинград)—V. Sanağache, Importul amforelor stampilate la Istria	183
М. Гельцер (Вильнюс)—M. Dupand, Fouilles de Byblos	188
И. Д. Амусин (Ленинград)—Из новых работ по папирологии	192
М. Л. Гаспаров (Москва)—Новая зарубежная литература о гражданских войнах в Риме	203
К юбилею академика В. П. Волгина	219

ХРОНИКА

В. Г. (Тбилиси)—Изучение языков и истории древневосточных стран в Грузии	220
И. Дьяконов (Ленинград) — VII международная встреча ассириологов	223

ПРИЛОЖЕНИЕ

Scriptores Historiae Augustae. — Перевод С. П. Кондратьева под ред. А. И. Доватура. Примечания С. П. Кондратьева (Продолжение)	233
--	-----

S O M M A I R E.

Acad. V. V. <i>Strouvé</i> (Léningrad) — Le terme <i>gána-ga</i> et le problème de l'origine de la propriété foncière privée en Soumère.	3
V. O. <i>Tiourine</i> (Toula) — Autaki (Sur l'histoire des mouvements populaires sous la dynastie des Achéménides).	21
J. B. <i>Joussifor</i> (Bakou) — Créances élamites de Suse (II ^e ème millénaire av. n. è.)	45
G. <i>Schrot</i> (B.D.A.) — De la rentabilité d'agriculture à Rome vers la fin de la république)	56
S. L. <i>Outchenko</i> (Moscou) — La crise des comices à Rome	83

R A P P O R T S E T C O M M U N I C A T I O N S

V. A. <i>Gvakharia</i> (Tbilissi) — Sur la signification et le sens de É et ÉGAL en urarte.	95
I. G. <i>Guerchman</i> (Moscou) — Des problèmes irrésolus de la métrologie babylonienne	100
V. I. <i>Abacv</i> (Moscou) — Le terme politique de l'Asie centrale <i>afchin</i> .	112
E. A. <i>Montchatskaïa</i> (Léningrad) — De la «ville royale» ou la «seconde capitale» de Sogdiane	116
V. N. <i>Audréier</i> (Léningrad) — Les dimensions des lots de terre en Attique au IV ^e s. av. n. è.	121
I. S. <i>Sventsitskaïa</i> (Moscou) — La catégorie des <i>παροῖχοι</i> dans les polis helléniques de l'Asie Mineure	146
A. I. <i>Némirovsky</i> (Moscou) — Sur la question de la date et de l'importance de la réforme centuriate par Servius Tullius	153
I. <i>Vartsil</i> (Tchécoslovaquie) — De la caractéristique de Commodianus	165
A. R. <i>Korsounsky</i> (Moscou) — Y avait-il des <i>patrocinia vicorum</i> dans l'Empire d'Occident romain?	167

C R I T I Q U E E T B I B L I O G R A P H I E

Acad. A. I. <i>Tiounnène</i> (Léningrad) — S. Ia. Lourié. La langue et la culture de la Grèce de Mycènes.	174
N. A. <i>Tchistiakova</i> (Léningrad) — Théocrite, Moschus, Bion. Idylles et épigrammes.	179
I. B. <i>Brachinsky</i> (Léningrad) — V. Canarache. Importul amforelor stampilate la Istria	183
M. <i>Gueltzer</i> (Vilnius) — M. Dunand. Fouilles de Byblos	188
I. D. <i>Amonsine</i> (Léningrad) — Des nouveaux travaux sur la papyrologie	192
M. L. <i>Gasparov</i> (Moscou) — Nouvelle littérature à l'étranger sur les guerres civiles à Rome	203
Le jubilé de l'académicien V. P. Volguine	219

C H R O N I Q U E

V. G. (Tbilissi) — Étude en Géorgie des langues et de l'histoire des pays antiques d'Orient	220
I. <i>Diakonov</i> (Léningrad) — La VII ^e ème rencontre internationale des assyriologues	223

S U P P L E M E N T

Scriptores Historiae Augustae. Traduction de S. P. Kondratiev sous la rédaction de A. I. Dovatou. Commentaires de S. P. Kondratiev (Suite)	223
--	-----

Цена 2¼ руб.

ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Открыта подписка на 2-ое полугодие 1959 года

Названия журналов	Ко-во номеров в полугодие	Полугодовая цена
ОБЩЕАКАДЕМИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ		
Вестник Академии наук СССР	6	48
Доклады Академии наук СССР (без папок)	18	259—20
Доклады Академии наук СССР (с шестью коленчатыми папками с тиснением)	18	271—20
Известия Карельского и Кольского филиалов АН СССР	2	14
Известия Сибирского отделения АН СССР	6	42
Природа	6	42
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ		
Вестник древней истории	2	60
Исторический архив (без переплета)	3	45
Исторический архив (в переплете)	3	49—50
История СССР	3	36
Новая и новейшая история	3	30
Советская археология	2	50
Советская этнография	3	54
Проблемы востоковедения	3	48
Советское государство и право	6	72
Вопросы языкознания	3	36
Русская литература	2	20
Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка	3	27

Подписка принимается в городских отделах «Союзпечати», конторах и отделениях связи, в пунктах подписки, а также общественными уполномоченными на заводах и фабриках, в научно-исследовательских институтах, учебных заведениях, учреждениях и организациях.

Подписка принимается также отделениями и магазинами «Академкнига» и конторой «Академкнига» по адресу:

Москва, К-12, ул. Куйбышева, 8.